А. С. Пругавинъ

РАСКОЛЪ ВНИЗУ

и

РАСКОЛЪ ВВЕРХУ

Очерки современнаго сектантства

Ф.30-3898

Петръ Ивановъ.
19 13/VIII 18.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1882

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ЧАСТЬ I

ВЪ НАРОДѢ

СОВРЕМЕННЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ СЕКТАНТСТВѢ.

I.

Расколъ и „наболѣвшіе“ вопросы.

Широкимъ, могучимъ потокомъ разливается сектантское движеніе по лицу земли русской. Непрестанно выдѣляя изъ себя новые, свѣжіе отпрыски, оно невольно поражаетъ каждаго своею жизненностью, своею живучестью. Съ каждымъ годомъ, едва не съ каждымъ днемъ захватываетъ оно все новые и новые районы.

Въ сознаніе общества все больше и сильнѣе начинаетъ проникать убѣжденіе, что въ жизни народа, въ его судьбѣ наступаетъ новая эпоха. Для всѣхъ становится очевиднымъ, что во взглядахъ народа, въ его завѣтныхъ вѣрованіяхъ, идеяхъ и представленіяхъ происходитъ глубокій переломъ, назрѣваетъ

серьезный кризисъ. Рамки сухого, черствaго формализма и мертвой обрядности, столь долго сковывавшія народную мысль, народное чувство, оказываются тѣсными и разлетаются подъ напоромъ пробудившагося сознанія.

Правда, долгое время мы игнорировали это движеніе, не хотѣли видѣть, не хотѣли замѣчать это страстное пробужденіе народной мысли. Не говоря уже о разныхъ оффиціальныхъ отчетахъ, которые считали своею обязанностью изъ года въ годъ увѣрять публику, что сектантство въ Россіи постоянно и быстро слабѣетъ, вырождается, что православіе отовсюду побѣдоносно вытѣсняетъ расколъ, находилось не мало публицистовъ, изъ которыхъ одни искренно, другіе лицемѣрно шѣли въ унисонъ съ этими отчетами и съ видомъ не то пророковъ, не то юродивыхъ выкрикивали о несокрушимой мощи и силѣ православія. По ихъ словамъ, только въ православіи русскій народъ и русскій мужикъ видятъ и чаютъ свое спасеніе.

Жизнь, дѣйствительность зло смѣялись надъ этими увѣреніями и причитаніями. Ни для кого уже не тайна—колоссальные, изумительные успѣхи штунды, захватившей, въ какія-нибудь двѣнадцать лѣтъ, огромный районъ. Люди, болѣе или менѣе внимательно слѣдившіе за религіозно бытовыми движеніями въ народной массѣ, ясно видѣли, какъ въ періодъ этихъ оффиціальныхъ убаюкиваній и публицистическо-юрод-

ствующихъ пророчествъ росло, мужало и крѣпло на Руси сектантство.

Это движеніе пріобрѣтаетъ все большую интенсивность, опредѣленность и устойчивость. Растетъ старый расколъ—поповщина и безпоповщина, растетъ бѣгунство, растутъ разные другіе безпрерывно возникающіе то тамъ, то сямъ новые толки, ученія и согласія. Можно указать на цѣлый рядъ пунктовъ и мѣстностей, въ которыхъ, въ послѣдніе 15—20 лѣтъ, сильно развились и упрочились многіе толки и развѣтвленія стараго раскола. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ развитіе раскольническихъ ученій совершается съ такою силою, что мѣстное духовенство становится въ тупикъ, безсильно опускаетъ руки и, по собственному сознанію, рѣшительно не знаетъ, что дѣлать. Укажемъ на одинъ примѣръ изъ цѣлой коллекціи подобныхъ фактовъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи.

Священникъ села Мятлева, Нижегородской губерніи, пишетъ редактору извѣстнаго противораскольничьяго журнала:

„Убѣдительно прошу васъ научить, наставить меня: что мнѣ дѣлать въ виду того *ужасающаго прогресса*, съ какимъ распространяется въ моемъ приходѣ расколъ?“ („Истина“ за 1880 годъ, май и іюнь).

Бѣгунство, представляющее собою одно изъ развѣтвленій стараго раскола, растетъ, главнымъ образомъ, въ сѣверныхъ губерніяхъ, въ Сибири и лишь

отчасти по Волгѣ спускается на югъ. Особенно много бѣгуновъ въ Ярославской, Костромской, Казанской, Нижегородской, Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерніяхъ. Ученіе ихъ, въ общихъ чертахъ, болѣе или менѣе извѣстно. Бѣгуны учатъ, что „антихристъ давно уже царствуетъ въ русской землѣ, въ лицѣ правительства, и потому, чтобъ спастись, необходимо противиться ему и не признавать ни царской, ни другой какой-либо власти. А такъ какъ открыто противиться правительству невозможно, то единственное средство избавиться отъ губящей власти антихриста они видятъ въ бѣгствѣ изъ общества и въ странствованіи по лѣсамъ, пустынямъ и горамъ. Въ пустыняхъ и лѣсахъ можно жить, не подчиняясь законамъ гражданскимъ, а это-то и необходимо раскольнику секты странниковъ“ („Православный Собесѣдникъ“ за 1867 годъ [1]). Одинъ изъ главныхъ догматовъ бѣгунства состоитъ въ полномъ отрицаніи всякаго рода паспортовъ, свидѣтельствъ, видовъ на жительство и т. п. Существующихъ властей они не признаютъ, говоря, что „царь—антихристъ, а власти его—аггелы, посылаемые для исполненія его повелѣній къ угнетенію народа божія“ („Сборникъ правител. свѣд. о раскольникахъ“).

Это-то странное ученіе находитъ себѣ среди народа множество фанатически преданныхъ послѣдова-

[1]) Іюль, стр. 229—230.

телей и, что особенно важно, цѣлыя массы людей, горячо сочувствующихъ ученію и готовыхъ всѣми силами оберегать и охранять его послѣдователей.

Два года назадъ, мнѣ представился случай наблюдать бѣгунство въ Олонецкой губерніи. Тамъ я лично имѣлъ возможность убѣдиться, какіе глубокіе корни пустило оно въ этихъ мѣстностяхъ. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ, напримѣръ, начиная съ каневской станціи, почти въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ можно встрѣтить бѣгуновъ. Особенно ихъ много въ селеніяхъ, расположенныхъ по протекающей вблизи Онегѣ (напримѣръ, въ Плёсахъ, Троицкомъ, Кенѣ и др.). Они живутъ у крестьянъ, которые съ необыкновенною охотой, съ радостью даютъ имъ пріютъ и укрываютъ ихъ въ особо устроенныхъ „тайникахъ“.

Какъ извѣстно, бѣгуны распадаются на двѣ группы: одни бѣгаютъ и скрываются, другіе—даютъ пріютъ и укрываютъ бѣгающихъ. Между бѣгунами или „скрытниками“, какъ ихъ называютъ въ Олонецкой губерніи, встрѣчаются старики, старухи, молодые люди, даже дѣти. Они сошлись сюда съ разныхъ концовъ и угловъ Россіи; есть между ними и военные дезертиры, и бѣглые преступники изъ Сибири; но большинство состоитъ изъ уроженцевъ сѣверныхъ губерній.

Въ глухихъ селахъ, куда рѣдко заглядываютъ становые и урядники, бѣгуны почти не скрываются; лѣтомъ они открыто ходятъ въ лѣсъ за ягодами, за

грибами и т. п. Объ этомъ обыкновенно знаетъ все окрестное населеніе, но среди его никогда не найдется никого, кто рѣшился бы выдать или сдѣлать доносъ на бѣгуна. Секта эта считается „особенно вредною“ и потому издавна подвергается строгимъ, суровымъ преслѣдованіямъ. Мѣстныя власти ведутъ съ нею постоянную, упорную борьбу, пуская въ ходъ всѣ средства; онѣ выслѣживаютъ скрытниковъ, ловятъ ихъ, устраиваютъ внезапные облавы и обыски, назначаютъ денежныя награды за открытіе бѣгуновъ. Но насколько успѣшна эта борьба, можно судить по слѣдующимъ даннымъ:

При учрежденіи пресловутаго „института урядниковъ“, между прочимъ, возлагалась сильная надежда на то, что эти новые стражи общественнаго порядка окажутъ серьезную помощь администраціи въ дѣлѣ преслѣдованія и искорененія бѣгуновъ, въ поимкѣ ихъ наставниковъ и въ обнаруженіи ихъ тайныхъ притоновъ. На первыхъ же порахъ по учрежденіи этого „института“ двумъ наиболѣе ретивымъ урядникамъ Каргопольскаго уѣзда, Аноимову и Зыкову, поручено было выслѣдить и арестовать давно скрывавшагося вожака бѣгуновъ Никанора, который уже болѣе 25-ти лѣтъ стоитъ во главѣ этой секты. Никаноръ — личность, въ своемъ родѣ, весьма замѣчательная.

Происходя изъ крестьянъ Быковской волости, Каргопольскаго уѣзда, Никаноръ былъ взятъ, въ 1854 году, въ ратники ополченія. Но онъ отказался отъ

присяги, бѣжалъ и скрылся безслѣдно. Цѣлыя десять лѣтъ полиція напрасно разыскивала Никанора; наконецъ, въ 1864 году, онъ былъ пойманъ регистраторомъ каргопольскаго полицейскаго управленія Николаевскимъ. Никанора подъ сильнымъ конвоемъ отправили въ распоряженіе петрозаводскаго губернскаго воинскаго начальника. Однако, ему снова удалось бѣжать: во время остановки на шелтозерскомъ этапѣ Никаноръ скрылся вмѣстѣ съ другимъ бѣгуномъ, Владиміромъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ скитальчества, во время которыхъ онъ не переставалъ проповѣдывать ученіе бѣгуновъ, Никаноръ вздумалъ посѣтить родной домъ, гдѣ у него оставался горячо любимый имъ братъ. Онъ поселился у брата въ Быковской волости. Все окрестное населеніе отлично знало, что Никаноръ, разыскиваемый властями, спокойно живетъ у своего брата; но не находилось ни одного человѣка, который донесъ бы или выдалъ бѣглеца, за поимку котораго, говорятъ, была назначена денежная награда. Но вотъ, волостной старшина Кузнецовъ задумалъ выслужиться передъ начальствомъ. Набравъ подручныхъ людей, онъ прокрался въ домъ, въ которомъ жилъ Никаноръ, арестовалъ его, связалъ и подъ сильнымъ конвоемъ повелъ въ становую квартиру. Вѣсть объ этомъ живо облетѣла сосѣднія села; явилась толпа крестьянъ, вооруженныхъ кольями. За три версты до становой квартиры толпа напала на конвой, сопровождавшій Никанора,

разогнала его и освободила Никанора, который снова началъ разъѣзжать и расхаживать по селамъ и деревнямъ Олонецкой губерніи съ проповѣдью бѣгунскаго ученія. Вотъ этого-то самаго Никанора начальство и поручило выслѣдить урядникамъ Аноимову и Зыкову.

„Принявшись за исполненіе сего порученія—говорится въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“—урядникъ Аноимовъ, прежде всего, вошелъ въ близкія сношенія со многими лицами и даже съ семействомъ, въ которомъ, по слухамъ, скрывался Никаноръ. Бывшій прежде случай отбитія Никанора отъ сопровождавшаго его караула навелъ на мысль произвести задержаніе этого наставника днемъ, *когда народъ отлучается на работы, и, притомъ, безъ всякаго участія мѣстныхъ крестьянъ.* Съ этою цѣлью урядникъ Аноимовъ, 25-го октября, днемъ, зашелъ въ домъ крестьянина П., гдѣ укрывался Никаноръ, съ ружьемъ, какъ бы для отдыха послѣ охоты, а черезъ часъ послѣ сего явился и приставъ. Убѣдившись въ присутствіи въ этомъ домѣ Никанора, урядникъ Аноимовъ провелъ пристава прямо въ извѣстную ему заранѣе комнату Никанора, гдѣ и нашли его одного. По настойчивому требованію пристава, Никаноръ, потерявъ надежду на защиту находившихся въ отсутствіи послѣдователей его ученія, долженъ былъ повиноваться и, затѣмъ, будучи доведенъ до стано-

вой квартиры, отправленъ оттуда въ Каргополь для заключенія въ тюрьму.

„Такимъ образомъ—торжественно заключаетъ оффиціальный органъ — благодаря разумнымъ и добросовѣстнымъ дѣйствіямъ полицейскаго урядника Аноимова, задержаніе бѣглаго Никанора произведено было вполнѣ успѣшно и быстро [1])".

Вслѣдъ за этимъ, въ „Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", въ оффиціальномъ отдѣлѣ, появляется такое сообщеніе:

„Господинъ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (Л. С. Маковъ) изволилъ назначить полицейскимъ урядникамъ Каргопольскаго уѣзда, Аноимову и Зыкову, по 25-ти рублей каждому, за открытіе мѣстопахожденія наставника раскольнической секты, бѣглаго ратника Никанора, и крестьянина Ивана Дмитріева, за задержаніе ихъ и представленіе въ уѣздный городъ для заключенія въ тюрьму [1])".

Итакъ, дѣло сдѣлано, цѣль достигнута? Нѣтъ! Вскорѣ оказалось, что и острожныя стѣны, и тюремные замки не помогли. Никаноръ, какъ сообщалось въ газетахъ, снова бѣжалъ. Такимъ образомъ, всѣ ухищренія урядниковъ и становыхъ пропали даромъ, пропали даромъ и деньги, выданныя имъ въ награду за „поимку, представленіе" и т. п. Полиція

[1]) „Правительственный Вѣстникъ", 1878 г. № 279.
[2]) „Олонецкія Губернскія Вѣдомости". 1879 г. № 4.

снова выбивается изъ силъ, чтобъ поймать неуловимаго пропагандиста, и снова всѣ ея усилія не ведутъ ни къ чему. Борьба властей въ этомъ направленіи не даетъ никакихъ результатовъ, такъ какъ она разбивается о то сочувствіе, съ которымъ все окрестное населеніе относится къ послѣдователямъ этой секты. И что сдѣлаетъ въ этомъ случаѣ власть, когда тутъ каждый крестьянинъ—пристанодержатель, каждый домъ—тайный пріютъ?

Мы потому такъ долго остановились на этомъ эпизодѣ, что онъ рельефно рисуетъ, какъ безсильна оказывается власть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она въ борьбѣ съ такими явленіями, какъ расколъ, дѣйствуетъ лишь единѣми чисто внѣшними, репрессивными мѣрами, оставляя въ сторонѣ основные элементы, возвышающіе и поддерживающіе извѣстное общественное явленіе. Власть оказывается совершенно безсильною нетолько парализовать и ослабить возникшее движеніе, но даже не въ силахъ бороться съ отдѣльными личностями, участвующими въ движеніи. Очевидно, мы до сихъ поръ еще не проникнись сознаніемъ, что *вопросъ о расколѣ тѣсно, органически связывается* не только съ вопросами, касающимися церкви, духовенства и школы, но также и *со всѣми тѣми вопросами нашего общественнаго быта, которые относятся до правоваго и экономическаго положенія народа.*

Мы не хотимъ понять, что всѣ эти вопросы на-

ходятся въ самой тѣсной и прямой связи съ условіями, способствующими развитію сектантства, и что отъ того или другого практическаго разрѣшенія ихъ будетъ зависѣть усиленіе или ослабленіе раскола. Мы какъ будто не хотимъ замѣчать, что развитіе многихъ сектъ находится въ непосредственной зависимости отъ существованія въ народной жизни такихъ учрежденій, какъ паспортная система, подушная подать и т. п. Чрезвычайная разнородность основныхъ элементовъ, вызывающихъ и поддерживающихъ расколъ, составляетъ главную причину, почему вопросъ о сектантствѣ не можетъ быть обсуждаемъ отдѣльно, самъ по себѣ, безъ отношенія его къ другимъ наиболѣе важнымъ и давно *наболѣвшимъ* вопросамъ нашей общественной жизни. Еслибъ мы сознавали это, то, конечно, не возлагали бы всѣхъ своихъ упованій на дѣйствія становыхъ и урядниковъ, какъ бы ни были эти дѣйствія „разумны“ и „добросовѣстны“ съ полицейской точки зрѣнія.

Отрицаніе паспортовъ составляетъ одно изъ главныхъ положеній ученія бѣгуновъ или странниковъ. Отрицаніе же подушной подати является главнымъ, основнымъ догматомъ другой секты—„неплательщиковъ“. Къ сожалѣнію, въ нашей печати до сихъ поръ совсѣмъ не появлялось сколько нибудь подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній объ этой сектѣ, представляющей, безспорно, общегосударственный интересъ.

Секта неплательщиковъ распространена въ Пермской губерніи, главнымъ образомъ, въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, среди горнозаводскихъ крестьянъ. Центральнымъ пунктомъ распространенія этой секты являются сергіевскіе заводы, на которыхъ болѣе половины всѣхъ жителей принадлежитъ къ ней. Возникновеніе секты относится ко времени обнародованія „Положенія“ 19-го февраля 1861 года. По временамъ, отношенія между сектантами и властями особенно обостряются. Такъ было, напримѣръ, въ 1869 году, когда противъ неплательщиковъ, вслѣдствіе категорическаго отказа ихъ отъ уплаты податей, возбуждены были строгія преслѣдованія. Масса лицъ подверглась заключенію въ тюрьмахъ, ссылкѣ и выселенію въ другіе уѣзды. Такъ, между прочимъ, изъ сергіевскаго завода были выселены въ Чердынскій уѣздъ 53 человѣка. Всѣ они были отданы подъ надзоръ полиціи и разселены по волостямъ. Но не прошло и года, какъ большая часть ихъ бѣжала изъ мѣста ссылки. Дѣло о неплательщикахъ разбиралось въ пермской соединенной палатѣ уголовнаго и гражданскаго суда.

Борьба властей съ этою сектой не прекращается и до сихъ поръ. Недавно, въ одной изъ газетъ было сообщено, что коноводъ секты, старикъ, не захотѣвшій ни на іоту поступиться своими убѣжденіями, былъ посаженъ... въ домъ сумасшедшихъ! Не мало времени просидѣлъ упрямый старикъ въ обществѣ

умалишенныхъ, и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это дѣло, еслибъ, на его счастье, не подоспѣли „новые вѣянія“, благодаря которымъ несчастный получилъ свободу („Страна“).

Такимъ образомъ, и здѣсь какъ и повсюду, мы встрѣчаемъ тѣ же пріемы и способы борьбы съ сектантскимъ движеніемъ: аресты, тюрьмы, остроги, ссылки и, лишь въ видѣ разнообразія, домъ сумасшедшихъ.

Удивляться ли, послѣ этого, что сектантство растетъ у насъ не по днямъ, а по часамъ? Удивляться ли, что въ ученіяхъ сектъ все чаще и чаще начинаютъ проглядывать тенденціи, враждебныя власти (анти-государственныя, говоря оффиціальнымъ слогомъ), начинаютъ высказываться взгляды съ замѣтною политическою окраской?

Не дальше, какъ мѣсяцъ назадъ, въ газетахъ было передано извѣстіе о любопытномъ судебномъ процессѣ, происходившемъ въ Городнѣ, Черниговской губерніи. Разбиралось дѣло радульской мѣщанки Даманової, обвинявшейся въ основаніи и распространеніи новой религіозной секты. Обвиняемыхъ по дѣлу было двое: Даманова и одинъ изъ ея послѣдователей, крестьянинъ Савенко. Подсудимая совершенно отреклась отъ солидарности съ какою бы ни было сектой и виновною себя въ распространеніи секты не признала; Савенко также ни въ чемъ не призналъ себя виновнымъ, но высказалъ на судѣ нѣкоторыя *особенности* своихъ религіозныхъ убѣжденій.

Путемъ свидѣтельскихъ показаній, установлена была виновность Даманової въ распространеніи секты, а въ особенностяхъ убѣжденій Савенко усмотрѣны „политическія признаки“, и потому судъ постановилъ: Даманову сослать на Кавказъ, а о подсудимомъ Савенко составить новый обвинительный актъ.

Можно, конечно, пожалѣть, что газеты не сообщаютъ болѣе подробно, въ чемъ именно состояли „политическіе признаки“, усмотрѣнные судомъ въ убѣжденіяхъ подсудимыхъ. Но, во всякомъ случаѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію тотъ фактъ, что признаки эти вполнѣ опредѣленны и, притомъ, настолько серьезны, что судъ „не могъ не возбудить“ изъ-за нихъ новаго процесса противъ подсудимыхъ сектантовъ.

Конечно, не обвинительными актами, не судебными процессами, не строгими приговорами и преслѣдованіями можно ослабить дальнѣйшее развитіе въ сектантствѣ тѣхъ „опасныхъ“ и нежелательныхъ для власти теченій, которыя, въ послѣднее время, сильнѣе и замѣтнѣе начинаютъ прорываться наружу въ разныхъ сектахъ. Какъ исторія, такъ и современная жизнь даютъ намъ тысячу доказательствъ, что подобныя мѣры вездѣ и всегда влекли за собою лишь большее усиленіе, озлобленіе, большій прозелитизмъ въ средѣ людей гонимыхъ и преслѣдуемыхъ за вѣру и убѣжденія, обостряли недовольство, вызывая самыя крайнія, самыя рѣзкія проявленія протеста.

Если такія секты, какъ бѣгунство и неплательщики, являются прямымъ, хотя и не сознательнымъ протестомъ противъ извѣстныхъ невыносимо тяжелыхъ условій народной жизни (въ родѣ, напримѣръ, непосильныхъ податей и паспортовъ, сковывающихъ народъ), то, понятно само собою, что только устраненіемъ поводовъ и причинъ, вызывающихъ протестъ, можно парализовать развитіе такого рода ученій и не дать имъ принять еще болѣе острыя, болѣе рѣзкія формы.

Да, пришла пора стать на этотъ путь, пришла пора отказаться отъ старой, столь излюбленной и столь долго практиковавшей нами системы борьбы. Въ противномъ случаѣ, Богъ знаетъ, какое направленіе примутъ и получатъ всѣ тѣ толки и ученія, въ которыхъ теперь бродятъ еще несознанными идеи глухого протеста и недовольства.

Съ первыхъ дней появленія раскола, болѣе двухъ вѣковъ уже, съ желѣзною, неумолимою послѣдовательностью проводилась въ жизни старая система — система устрашенія, паники и террора. Ни передъ чѣмъ не останавливалась она, и все было испробовано ею. Поголовныя ссылки цѣлыхъ селъ, систематическія разворенія сектантскаго населенія, инквизиціонные суды, безпощадныя пытки, безчисленныя, мучительныя казни — все испробовано. Въ Сибири есть цѣлыя селенія, жители которыхъ до сихъ поръ носятъ прозваніе „коловичей“ — потомки людей, ко-

торыхъ за вѣру сажали на колъ и такъ умерщвляли. Площади заливались кровью „еретиковъ“; въ тюрьмахъ, застѣнкахъ и монастырскихъ казематахъ изнывали, чахли, замучивались и гибли тысячи отступниковъ отъ вѣры; въ срубахъ, на плахахъ, кострахъ и эшафотахъ кончали жизнь массы людей, вся вина которыхъ состояла въ томъ, что они хотѣли вѣрить и молиться такъ, какъ подсказывали имъ ихъ внутреннее чувство и совѣсть...

Достигалась ли цѣль, во имя которой принесены всѣ эти кровавыя жертвы, ради которой загублено и отнято у народа столько жизней, столько лучшихъ силъ? Задушенъ ли расколъ? Уничтожено ли въ корнѣ сектантство?

На это статистика, своимъ сухимъ, безстрастнымъ языкомъ, даетъ такой отвѣтъ: *въ Россіи 14.000,000 сектантовъ.*

Этимъ все сказано. Въ этой цифрѣ—смертный приговоръ старой системѣ.

Что же мѣшаетъ намъ открыто, честно отрѣшиться теперь отъ послѣднихъ остатковъ, уцѣлѣвшихъ отъ этой системы насилій и гнета, столь явно доказавшей свое полное безсиліе и роковой вредъ?

II.

Критическая мысль въ расколѣ.

Одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ современнаго сектантскаго движенія состоитъ въ сильномъ развитіи идей раціонализма, которыя, благодаря пробуждающейся въ народной средѣ наклонности къ критикѣ и анализу, начинаютъ все глубже и глубже проникать въ ученія самыхъ разнообразныхъ, по своей окраскѣ, сектъ и толковъ. Мистическій элементъ, столь сильный нѣкогда въ старомъ расколѣ и составлявшій основу въ ученіяхъ хлыстовъ, скопцовъ, шалопутовъ и т. п., нынѣ постепенно и быстро слабѣетъ, уступая свое мѣсто болѣе трезвымъ, болѣе реальнымъ идеямъ и представленіямъ.

Секты съ опредѣленнымъ раціоналистическимъ характеромъ, въ родѣ молоканства и штунды, распространяются съ изумительною, почти стихійною силой. Молоканство растетъ въ южныхъ новороссійскихъ губерніяхъ, откуда переходитъ въ Тамбовскую, захватывая по пути южную часть Воронежской и съ особенною силою развивается въ поволжскихъ губерніяхъ: Астраханской, Самарской, Саратовской, Симбирской и, наконецъ, проникаетъ въ Нижегородскую и Владимірскую. На юго-западѣ, въ большей части малороссійскихъ и новороссійскихъ губерній растетъ и развивается штунда, широкимъ потокомъ разли-

вались по губерніямъ: Херсонской, Кіевской, Екатеринославской, Полтавской, Черниговской, Могилевской, Каменецъ-Подольской и Бессарабской.

Юго-востокъ Россіи охваченъ новымъ религіознымъ движеніемъ, вызваннымъ ученіемъ секты, получившей среди православныхъ странное названіе „шалапутовъ“. Движеніе это съ особенною интенсивностью проявляется въ Борисоглѣбскомъ и Новохоперскомъ уѣздахъ, затѣмъ въ Землѣ Донского Войска, въ Ставропольской губерніи, въ Терской и Кубанской Областяхъ и, наконецъ, на Кавказѣ, гдѣ, впрочемъ, можно встрѣтить многочисленныхъ представителей едва ли не всѣхъ существующихъ въ Россіи религіозныхъ сектъ и ученій.

Секта шалапутовъ въ самое первое время своего возникновенія имѣла крайне мистическій характеръ и, по сущности своего ученія, была весьма близка къ сектѣ хлыстовъ, вслѣдствіе чего во многихъ мѣстностяхъ (какъ, напримѣръ, въ Тамбовской и Воронежской губерніяхъ) народъ не дѣлалъ никакого различія между этими двумя сектами. Но, въ послѣднее время, въ ученіи шалапутовъ, судя по извѣстіямъ, появляющимся въ печати, замѣтно прогрессивное движеніе: туманный, отвлеченно-мистическій элементъ въ этой сектѣ постепенно блѣднѣетъ и въ ней все сильнѣе и ярче выступаютъ стремленія, говорящія больше о землѣ, чѣмъ о небѣ.

Въ то время, какъ югъ Россіи охваченъ движе-

ніемъ штунды, молоканства и шалапутства, на сѣверѣ быстро ростутъ и множатся ученія бѣгуновъ, немоляковъ, воздыхацевъ, неплательщиковъ, сютаевцевъ и проч.

Старый безпоповщинскій расколъ раздробляется на множество толковъ и ученій, изъ которыхъ многіе принимаютъ явно раціоналистическую окраску; таковы: немоляки, воздыханцы и т. п. Сущность ученія немоляковъ состоитъ въ томъ, что они, какъ показываетъ самое названіе ихъ, не молятся Богу, не произносятъ и не читаютъ никакихъ молитвъ, не признаютъ не только внѣшняго, но и внутренняго богопочитанія. Священное писаніе, говорятъ немоляки, должно быть все, безъ исключенія, понимаемо „въ духовномъ смыслѣ“.

Секта эта, какъ извѣстно, возникла первоначально въ Землѣ Войска Донского, но затѣмъ послѣдователи ея были обнаружены въ разныхъ концахъ Россіи. Упоминается о появленіи немоляковъ въ Одессѣ. Въ 1867 году, въ Вятской губерніи, въ Сарапульскомъ уѣздѣ, къ сектѣ немоляковъ стали примыкать цѣлыя селенія. Начальство, въ видахъ ея искорененія, по старой привычкѣ, стало сажать главныхъ виновниковъ въ острогъ. Тогда немоляки стали являться къ мѣстнымъ властямъ толпами, съ просьбою о заключеніи ихъ въ острогъ. Толпы эти были до того значительны, что, по недостатку помѣщенія,

пришлось отказывать многимъ изъ нихъ въ исполненіи ихъ желаній.

Недавно немоляки появились въ Нижегородской губерніи. Знатокъ края, г. Гациссkій, замѣчаетъ по этому поводу, что „во многихъ селеніяхъ почва для новой вѣры совсѣмъ расчищена“. Въ печати встрѣчались указанія о распространеніи немоляковъ въ Варнавинскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи. Г. Белюстинъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, сообщалъ о появленіи въ Тверской губерніи (въ Корчевскомъ уѣздѣ) особаго ученія, близкаго, по характеру, съ немоляцкимъ. По его словамъ, „ученіе это быстро разносилось“ и „жадно принималось“ крестьянами, не только раскольниками, но и православными.

Другая секта раціоналистическаго характера, секта воздыханцевъ, возникнувъ недавно на почвѣ стараго безпоповщинскаго раскола, весьма мало извѣстна въ нашемъ обществѣ, хотя ученіе ея заслуживаетъ серьезнаго вниманія по замѣчательно смѣлой послѣдовательности и строгой логичности выводовъ: въ главныхъ своихъ положеніяхъ она имѣетъ много общаго съ ученіемъ немоляковъ. „Понимать слово Божіе — говорятъ воздыханцы — надобно *духовно;* точно также молиться Богу-духу нужно духовно; всякія внѣшнія дѣйствія поклоненія Богу не имѣютъ ровно никакого значенія. Поэтому, церкви, священники, внѣшніе обряды совершенно ненужны“. Воздыханцы ка-

тегорически отрицаютъ таинства и зло смѣются надъ постами, мощами, крестами и т. п.

Впервые эта секта появилась въ Калугѣ. Основателемъ ея считается башмачникъ И. А — въ, бывшій прежде старообрядческимъ начетчикомъ. Этотъ И. А — въ одна изъ тѣхъ даровитыхъ и энергическихъ натуръ, которыми такъ богатъ сектантскій міръ. По словамъ „Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей", ученіе воздыханцевъ перешло въ другіе уѣзды и начало распространяться среди населенія Боровскаго и Малоярославецкаго уѣздовъ.

Въ прошломъ году, газетами были переданы извѣстія о появленіи въ Новоторжскомъ уѣздѣ новой секты, названной по имени основателя ея, сектой сютаевцевъ. Явно раціоналистическій характеръ этой секты не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Два года назадъ, сообщено было о появленіи въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, новой секты, сходной, по своимъ воззрѣніямъ, съ молоканствомъ и квакерствомъ. Послѣдователи этой секты отрицаютъ церкви, священниковъ, видимое моленіе, а иконы разрубаютъ, выносятъ изъ домовъ и бросаютъ въ рѣку. Секта начала быстро распространяться.

Подобныхъ примѣровъ можно привести много.

Бываютъ случаи, когда критическо-отрицательное направленіе, принятое народною мыслью въ области религіи, переходитъ въ крайность, и сектанты постепенно и мало-по-малу доходятъ до полнаго атеизма,

до полнаго отрицанія всякой религіи вообще. Примѣръ такого ученія представляетъ секта не нашихъ или молчальниковъ, возникшая первоначально въ Саратовской губерніи. Основателемъ ея называютъ безпоповца оедосѣевскаго толка Василія Шишкина, сосланнаго за свое ученіе въ Иркутскую губернію.

Василій Шишкинъ съ раннихъ лѣтъ съ жаромъ предался „отысканію истины“, какъ онъ самъ выражался. Въ этихъ поискахъ за истиной онъ побывалъ въ четырехъ различныхъ сектахъ и трижды крестился, каждый разъ на особый ладъ. Но ни одна изъ этихъ сектъ не дала ему нравственнаго удовлетворенія; зато во время своихъ поисковъ онъ убѣдился, что каждая секта очень сильна въ критикѣ заблужденій другихъ сектъ, но очень слаба въ доказательствахъ истинности ея собственныхъ ученій. Это навело его на мысль, что всѣ религіозные учителя поголовно заблуждаются и что всѣ ихъ ученія суть ихъ собственныя измышленія. Изучая тщательно священное писаніе, онъ нашелъ, что оно нерѣдко, будто-бы, противорѣчитъ само себѣ и что слѣдующіе изъ него практическіе выводы находятся въ прямомъ противорѣчіи съ тѣми нравственными правилами, которыя подсказывало ему его собственное сердце и здравый смыслъ. Пришедши къ такому выводу, онъ долго мучился и терзался въ цѣлой массѣ сомнѣній, вопросовъ, недоразумѣній. Наконецъ, это тяжелое нравственное состояніе разразилось кри-

зисомъ: онъ началъ отрицать священное писаніе, загробную жизнь, отрицать Бога, дьявола и всякую религію вообще.

На вопросъ: кѣмъ же создапъ міръ? не-наши отвѣчаютъ; „это все отъ природы“. Они считаютъ, что міръ существуетъ отъ вѣка въ томъ самомъ видѣ, какъ теперь. Въ загробную жизнь и возмездіе не-наши не вѣрятъ. Они считаютъ, что человѣкъ увѣковѣчивается и становится безсмертнымъ въ своемъ потомствѣ чрезъ своихъ дѣтей, на которыхъ раздѣляется и постепенно истрачивается, такъ сказать, и духъ его, и тѣло; остатки же умираютъ безвозвратно.

„Не вѣря въ загробную жизнь, не-наши не вѣрятъ и въ страшный судъ въ христіанской его формѣ. Но они вѣрятъ въ страшный судъ на землѣ, въ великую борьбу добра со зломъ, при которой добро останется побѣдителемъ. Борьба эта, по ученію не-нашихъ, идетъ и теперь, но когда-нибудь наступитъ часъ рѣшительной битвы. Истина живуча, „одно зернышко правды перетягиваетъ цѣлую уйму кривды“. Настанетъ, говорятъ они, великая борьба, въ которой истина, правда, добро одержатъ побѣду. Произойдетъ отдѣленіе „овецъ“ отъ „козлищъ“. Добрые выдѣлятся, завоюютъ себѣ право на особое существованіе и устроютъ свой рай *здѣсь, на землѣ*. Злые же выдѣлятся въ особыя общества, устроютъ адъ на землѣ, въ которомъ они, мало-по-малу, сами съѣдятъ другъ друга, въ силу постоянной взаимной

вражды. Тогда-то на землѣ настанетъ царство правды и добра“ [1]).

Послѣдователей секты не-нашихъ называютъ также молчальниками. Такое названіе они получили вслѣдствіе того, что, будучи привлекаемы къ суду за сектантство, они обыкновенно отказывались давать какія бы ни было показанія и на всѣ вопросы судей отвѣчали гробовымъ молчаніемъ. Только изрѣдка, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не выдерживали своей роли, они разражались какими-нибудь рѣзкими до грубости выходками. На первыхъ же порахъ своего появленія, не-наши подверглись строгимъ преслѣдованіямъ: одни изъ нихъ были высланы въ Иркутскую губернію, другіе на Кавказъ. Однако, судя по нѣкоторымъ указаніямъ, встрѣчающимся въ печати, можно думать, что послѣдователи этой секты до сихъ поръ уцѣлѣли въ Саратовской губерніи, гдѣ первоначально возникло это ученіе.

Въ журналѣ „Слово“ недавно былъ помѣщенъ разсказъ г. Короленко, въ которомъ описываются разные типы арестантовъ одного изъ сибирскихъ острогевъ. Въ этомъ разсказѣ, между прочимъ, передается сцена пріема партіи пересыльныхъ арестантовъ. Дѣло происходило въ прошломъ году. Дѣйствующимъ лицомъ этой сцены является пересыль-

---

[1]) „Русская Мысль“ 1881 г. № 3. „Программа для собиранія свѣдѣній о русскомъ сектантствѣ“.

ный арестантъ, какой-то камышинскій мѣщанинъ, оказавшійся сектантомъ-атеистомъ.

Тюремное начальство дѣлаетъ перекличку вновь прибывшихъ арестантовъ. Камышинскій мѣщанинъ не отзывается, безучастно молчитъ и только повременамъ и то съ неохотой отвѣчаетъ какими-нибудь рѣзкостями на вопросы.

„— Вѣры какой? кричитъ, между прочимъ, начальство.

„— Никакой! отрѣзываетъ камышинскій мѣщанинъ.

„Смотритель быстро поворачивается къ арестанту и въ упоръ смотритъ на него долгимъ, выразительнымъ взглядомъ, видимо желая смутить и запугать. Арестантъ выдерживаетъ этотъ взглядъ съ видомъ вялаго равнодушія.

„— Какъ никакой? грозно продолжаетъ начальство: — въ Бога вѣруешь?

„— Гдѣ онъ? Какой Богъ?.. Ты, что ли, его видѣлъ?..“

Изъ дальнѣйшихъ заявленій арестанта оказалось, что онъ „сужденъ“ и попалъ въ острогъ за свои религіозныя вѣрованія.

Въ разсказѣ г. Короленко эта сцена передается какъ бы мимоходомъ; онъ ничего болѣе не говоритъ о сущности ученія самой секты, представителя которой выводитъ въ ней. Тѣмъ не менѣе, по манерѣ держаться — сначала упорно отмалчиваться, а потомъ говорить рѣзкости, по крайнимъ атеистиче-

скимъ взглядомъ — можно догадываться, что предъ нами одинъ изъ послѣдователей секты не-нашихъ, или же секты, близкой и аналогичной съ ученіемъ этихъ сектантовъ.

Само собою понятно, что ученія съ такими крайними воззрѣніями не могутъ разсчитывать на быстрое распространеніе среди народа. До подобнаго рода воззрѣній додумываются обыкновенно лишь немногія отдѣльныя личности изъ народа. Секта не-нашихъ представляетъ собою единственный примѣръ того, что ученіе атеистическаго характера нашло себѣ извѣстную, хотя и весьма немногочисленную группу послѣдователей. Тѣмъ не менѣе, самый фактъ появленія въ народной средѣ людей, исповѣдывающихъ подобныя воззрѣнія, представляется весьма знаменательнымъ и вполнѣ заслуживаетъ того, чтобъ серьезно подумать надъ нимъ.

При полномъ отсутствіи сколько-нибудь обстоятельныхъ мѣстныхъ изслѣдованій современнаго состоянія сектантства, по необходимости приходится въ этомъ важномъ вопросѣ довольствоваться случайными газетными корреспонденціями. Нужно ли распространяться о томъ, насколько подобный источникъ не соотвѣтствуетъ серьезности задачи?.. Между тѣмъ, въ настоящее именно время въ народѣ происходитъ необыкновенное, быть можетъ, небывалое прежде броженіе, вызываемое, безъ сомнѣнія, общими причинами, такъ или иначе затрогивающими

народную мысль, народное чувство. Отдѣльныя появленія этого броженія чаще всего отливаются въ форму какого-нибудь особаго ученія съ религіозною подкладкой. Но о такихъ ученіяхъ мы обыкновенно узнаемъ изъ газетъ лишь чисто внѣшнія подробности.

Годъ назадъ, напримѣръ, „Смоленскій Вѣстникъ“ сообщилъ, что въ Ельнинскомъ уѣздѣ, въ приходѣ села Уварова, появился сектантъ-проповѣдникъ, унтеръ-офицеръ Ивановъ, возвратившійся недавно изъ службы. Поселившись въ своей деревнѣ, Ивановъ началъ распространять, по словамъ мѣстнаго священника, „какое-то страшное и противное духу православія ученіе, которое онъ преподаетъ съ величайшею скрытностью при запертыхъ дверяхъ дома“. Священнику удалось узнать только, что Ивановъ „не ходитъ въ храмъ къ богослуженію, не признаетъ плотскаго родства (?) и вообще отрицаетъ обряды церкви“. Онъ успѣлъ уже склонить своего зятя и брата съ семействами и многихъ другихъ, которые перестали ходить въ церковь. Дѣло передано судебному слѣдователю“. И только. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе года, но о „страшномъ“ ученіи до сихъ поръ нигдѣ ни пол-слова. И подобныхъ фактовъ можно указать цѣлые десятки.

Но еще чаще можно наблюдать теперь среди народа такого рода броженіе, которое не приняло еще никакихъ конкретныхъ, сколько-нибудь опредѣлен-

ныхъ формъ, не уложилось еще въ рамки какой-нибудь секты или ученія. Недавно, напримѣръ, въ газетахъ сообщалось изъ Новгород-сѣверскаго уѣзда, что тамъ „съ недавняго времени начали проявляться случаи религіозныхъ колебаній“, несмотря на то, что до сихъ поръ въ этомъ уѣздѣ, по увѣренію корреспондента, совсѣмъ не было раскольниковъ. Впервые эти колебанія обнаружились въ большомъ селѣ Жадовѣ; выражаются они „не въ переходѣ къ какому-нибудь новому положительному ученію, а исключительно въ отрицательной формѣ“. Говорятъ, „послѣдователей этихъ отрицаній и протестовъ въ Жадовѣ кроется много“.

Мы приводимъ это извѣстіе, какъ наиболѣе свѣжее; но каждый, кто сколько-нибудь внимательно слѣдитъ за явленіями, происходящими въ народной средѣ, безъ сомнѣнія, припомнитъ множество подобныхъ однородныхъ сообщеній, то и дѣло появляющихся въ газетахъ въ послѣднее время. Если при этомъ мы примемъ во вниманіе, что въ печать проникаютъ сравнительно лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ извѣстія о подобнаго рода движеніяхъ, а объ огромномъ большинствѣ ихъ обыкновенно никогда и не узнаетъ интеллигентное общество, то для насъ хоть отчасти будутъ понятны сила и размѣры происходящаго на нашихъ глазахъ броженія народной мысли.

Ясно, что ни оффиціальная церковь, ни оффиціаль-

ная школа не удовлетворяютъ народа. Онъ видитъ въ нихъ лишь мундиръ и казенщину, онъ встрѣчаетъ въ нихъ лишь схоластику, рутину и педантизмъ. Пытливые запросы его ума, страстные, альтруистическіе порывы сердца, „души“ не находятъ отклика, не находятъ отвѣта ни среди духовныхъ, ни среди свѣтскихъ учителей и пастырей. Въ результатѣ является полнѣйшая религіозная и умственная неудовлетворенность и совершенное равнодушіе къ казенной церкви и школѣ.

Но жизнь не даетъ успокоиться на этомъ; тяжелыми тисками безпощадно давитъ она мужика: тутъ и гнётъ капитала и кулака-кровопійцы, и произволъ мѣстныхъ властей, и подавляющая нужда съ голодовками, съ непосильными податями и оброками; тутъ и пастыри духовные, „торгующіе благодатью“, не рѣдко алчные, корыстные; тутъ и паспорты, связывающіе народъ; тутъ и произволъ низшихъ властей, ихъ насилія, поборы, взятки, притѣсненія... „Гдѣ же тутъ правда?“ съ горечью думаетъ народъ.

Читаетъ мужикъ евангеліе, которое все больше и больше проникаетъ въ деревню; въ евангеліи говорится о любви, о правдѣ и мирѣ, о братствѣ. И вотъ, въ душѣ народа зарождается и вспыхиваетъ горячее, страстное стремленіе во что бы ни стало найти такую „правую вѣру“, при которой были бы невозможны проявленія насилія, найти „правду“, которая спасла бы міръ, спасла людей отъ зла, грѣха, обидъ и при-

тѣсненій... Если хотите, это проявленіе той же *міровой скорби*, которою больны мыслящіе люди нашей эпохи, это проявленіе той же болѣзни, которую многіе называютъ *недовольствомъ дѣйствительностью* и которою страдаетъ современное намъ поколѣніе.

Всюду среди сектантовъ укореняется убѣжденіе въ отсутствіи правды на землѣ, въ отсутствіи справедливости и правосудія въ правящихъ классахъ... „Правда, какъ свѣчка, сгорѣла... правосудіе въ бѣгахъ... честность вышла въ отставку... законъ у сенаторовъ на пуговицахъ... терпѣніе хочетъ лопнуть!..“ Подобные афоризмы вы можете услышать среди сектантовъ любой мѣстности: вы услышите ихъ и въ Архангельскѣ, и въ Москвѣ, и на Кавказѣ. Такой пессимизмъ по отношенію къ правительственнымъ сферамъ является прямымъ, непосредственнымъ результатомъ той старой системы борьбы съ расколомъ, о которой мы говорили выше, въ первой главѣ.

Но что особенно ярко выступаетъ въ русскомъ сектантствѣ, что красною ниткой проходитъ чрезъ всю исторію нашего раскола, это — соціальный элементъ, постоянное стремленіе, постоянныя попытки сектантовъ устроить такую общинную жизнь, при которой не было бы мѣста экономическому гнету, кабалѣ, нищетѣ и кулачеству. И это, конечно, понятно, такъ какъ экономическія бѣдствія издавна и безжалостно давили народную спину, насиловали народную совѣсть. Не въ этой ли особенности нужно искать объ-

ясненіе той невѣроятной живучести, той жизненности, которыми невольно поражаетъ русскій расколъ каждаго наблюдателя?

Въ стремленіи создать новыя формы общинной жизни сходятся всѣ группы самыхъ разнообразныхъ сектъ и ученій. Въ этомъ случаѣ можно наблюдать глубокознаменательную солидарность самыхъ противоположныхъ по своимъ догматическимъ воззрѣніямъ сектъ. Здѣсь идеалы бѣгуновъ (возьмите ученіе Евѳимія и его позднѣйшихъ послѣдователей, въ родѣ Василія Петрова и Антина Яковлева) вполнѣ совпадаютъ съ идеалами младоиттуиды. Въ свою очередь, общественные идеалы младоиттуидистовъ близки съ ученіемъ извѣстной, выдѣлившейся изъ молоканства секты „общихъ". Наконецъ, общины, устроенныя теперь шалапутами въ нѣкоторыхъ станицахъ Сѣвернаго Кавказа, могли бы вполнѣ удовлетворить и младоиттуидиста, и послѣдователя секты общихъ или ученія бѣгуна Евѳимія.

Такимъ образомъ, и происходящее на нашихъ глазахъ почти повсемѣстное религіозное движеніе, вызываемое, главнымъ образомъ, полнымъ духовно-нравственнымъ неудовлетвореніемъ народа, въ значительной степени осложняется соціальными и экономическими мотивами: съ одной стороны, здѣсь дѣйствуетъ все болѣе и болѣе уясняющееся сознаніе народа ненормально-тяжелаго положенія своего, съ другой — стремленіе найти такія формы жизни, которыя дали бы возможность свободнѣе и легче воздохнуть народной груди.

Мы указали, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, наиболѣе выдающіяся стороны и теченія въ современномъ сектантствѣ, основываясь на тѣхъ данныхъ и свѣдѣніяхъ, которыя появлялись по этому предмету въ печати [1]). Но для каждаго ясно, конечно, что всѣ эти свѣдѣнія и данныя черезчуръ скудны, общи, сухи, отрывочны; они невольно возбуждаютъ цѣлую массу вопросовъ, которые остаются безъ отвѣтовъ.

Желая хотя отчасти пополнить этотъ важный пробѣлъ въ нашемъ народовѣдѣніи, мы рѣшились воспользоваться нынѣшнимъ лѣтомъ, чтобъ лично посѣтить мѣстности, въ которыхъ замѣтно особенное оживленіе въ сектантскомъ мірѣ, лично побывать и пожить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣтно болѣе сильное броженіе народной мысли. Мы начали поѣздку съ Тверской губерніи, а свое изслѣдованіе съ секты „сютаевцевъ“. Объ этой-то, только-что народившейся сектѣ мы и поведемъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

12 іюня
1881 года.

---

[1]) Мы хорошо понимаемъ, что высказанныя здѣсь и намѣченныя нами положенія нуждаются въ болѣе детальной разработкѣ и аргументаціи; въ тоже время мы вполнѣ сознаемъ необходимость болѣе научной постановки вопроса о значеніи сектантства въ связи съ другими вопросами русской народной жизни. Но придавая этому дѣлу серьезное значеніе, мы рѣшили посвятить ему особый трудъ, который,—если только позволятъ обстоятельства,—мы надѣемся окончить въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени.

АЛЧУЩІЕ И ЖАЖДУЩІЕ ПРАВДЫ.

Очерки современнаго сектантства.

(Посвящается графу Льву Николаевичу Толстому).

I.

Газетныя извѣстія

Въ прошломъ 1880 году газетами, со словъ *Тверскаго Вѣстника*, было передано извѣстіе о появленіи въ Новоторжскомъ уѣздѣ новой религіозной секты, названной „сютаевскою“ по имени основателя ея, крестьянина деревни Шевелина, Василья Кириллова Сютаева.

Извѣстіе это сразу обратило на себя вниманіе всѣхъ интересующихся движеніями народной мысли, такъ какъ новая секта, судя по сообщенію мѣстной газеты, захватывала не одну только религіозную сто-

рону, но въ то же время представляла весьма значительный интересъ и въ чисто-бытовомъ, соціальномъ отношеніи.

Въ области религіи новые сектанты, по сообщенію *Тверскаго Вѣстника*, являются раціоналистами: они отрицаютъ церкви, иконы, таинства, не признаютъ православныхъ обрядовъ, священниковъ и т. д. Въ бытовомъ же отношеніи наиболѣе характерными чертами ученія сютаевцевъ представляются ихъ взгляды на собственность, на войны, а также ихъ отношеніе къ другимъ народностямъ и вѣроисповѣданіямъ.

Усвоивъ себѣ евангельскую точку зрѣнія на собственность, сютаевцы говорятъ: „у человѣка нѣтъ своего ничего, а все Божіе, все создано Богомъ для всѣхъ вообще“. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, они не запираютъ даже своего имущества и всякій имѣетъ право взять, что пожелаетъ, не спрашивая позволенія у того, кому это принадлежитъ; они не отказываютъ ближнему въ помощи, требуя только того же по отношенію и къ себѣ.

Всѣхъ людей сютаевцы признаютъ братьями: турокъ, язычникъ для нихъ также братъ. Война, по ихъ мнѣнію, величайшая несправедливость, грѣхъ противъ заповѣди „не убей“.

На ряду съ этими, хотя и краткими, но все-таки вполнѣ правдоподобными, свѣдѣніями въ статьѣ мѣстной газеты приводились относительно новой секты такія данныя, которыя невольно заставляли усом-

ниться въ справедливости сообщаемыхъ ею фактовъ. Такъ, между прочимъ, сообщалось, что послѣдователи новой секты отрицаютъ будто бы Евангеліе и что единственныя книги, которыя они читаютъ и которымъ они вѣрятъ, это—книги Тихона Задонскаго и Катехизисъ митрополита Филарета. Между тѣмъ въ той же самой статьѣ говорится, что „сютаевцы стараются уложить свою жизнь въ нравственныя рамки Св. Евангелія“ и что они почти наизусть знаютъ переведенное на русскій языкъ Евангеліе, постоянно цитируютъ его и толкуютъ. Такое рѣзкое, грубое противорѣчіе не могло не поражать читателя и невольно заставляло каждаго съ недовѣріемъ отнестись и къ остальнымъ частямъ сообщенія [1]).

Спустя два-три мѣсяца послѣ появленія въ печати статьи *Тверскаго Вѣстника*, въ одной изъ Петербургскихъ газетъ (*Молва* № 245) была помѣщена корреспонденція изъ Торжка, въ которой сообщено было нѣсколько фактовъ о жизни и ученіи сютаевцевъ. Именно сообщалось тамъ, что въ 1876 году, по доносу мѣстнаго священника, возникло дѣло по обвиненію сектанта крестьянина Василья Сютаева въ томъ, что онъ отказывается крестить своего внука. На допросѣ Сютаевъ показалъ, что не креститъ внука

[1]) Въ заключеніи статьи говорится, что „новая секта имѣетъ много общихъ сторонъ съ штундизмомъ и ученіемъ пашковцевъ“, какъ будто между этими двумя ученіями существуетъ особенно близкое сходство.

потому, что въ Писаніи сказано: „Покайтесь и пусть крестится каждый изъ васъ“, а ребенокъ каяться еще не можетъ

Окружный судъ, въ который поступило дѣло, нашелъ, что Сютаевъ не подлежитъ уголовной отвѣтственности (по 1,004 ст. Уст. угол. суд.), а только назиданію и увѣщанію со стороны духовнаго начальства. Но въ 1877 году тотъ же мѣстный священникъ дѣлаетъ новый доносъ полиціи, въ которомъ пишетъ, что Сютаевъ распространяетъ свою ересь, и что секта эта—„не евангелисты, а соціалисты“, которые не признаютъ властей.

Началось новое слѣдствіе, причемъ оказалось, что семья Сютаева прежде была дурнаго поведенія и пьянствовала, а теперь направилась къ добру, что въ домѣ у него и другихъ службахъ нѣтъ никакихъ запоровъ, а имущество остается въ сохранности и сосѣди уважаютъ его за то, что онъ старается помочь каждому бѣдному. Одинъ изъ послѣдователей Сютаева, отставной солдатъ К. [1]), разсказывалъ о себѣ, что прежде былъ онъ торговцемъ-кулакомъ, причемъ не считалъ грѣхомъ обвѣсить и обмануть покупателей; но какъ только изъ чтенія Евангелія позналъ Бога и истину, бросилъ торговлю и занялся хлѣбопашествомъ, въ которомъ нѣтъ грѣха. „Въ рас-

[1]) Здѣсь, очевидно, ошибка: солдата, о которомъ идетъ рѣчь въ корреспонденціи, зовутъ Сергѣемъ Матвѣевымъ Луневымъ.

колъ его никто не совращалъ, но по случаю отказа священника крестить младенца самъ крестилъ его, а послѣ такого же отказа въ похоронахъ самъ похоронилъ свое дитя. Отъ церкви отсталъ потому, что тамъ—стяжаніе, а не любовь".

Вотъ и все, что появилось до сихъ поръ въ печати относительно новой секты. Но какъ ни отрывочны эти свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе они вполнѣ достаточны для того, чтобы заинтересовать новою сектой каждаго, кого только занимаютъ вопросы о томъ, что всего болѣе волнуетъ и мучитъ современную намъ народную мысль, о чемъ страдаетъ, о чемъ болѣетъ народное чувство въ переживаемую нами тяжелую, трудную пору...

II.

На пути къ сектантамъ.

16-го мая я пріѣхалъ въ Тверь. Здѣсь первый визитъ—къ извѣстному знатоку мѣстныхъ условій края, В. И. Покровскому. Съ самою любезною готовностью сообщилъ онъ мнѣ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи свѣдѣнія и данныя о мѣстности, гдѣ возникла новая секта, и о тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ живетъ тамошнее населеніе [1]).

[1]) Считаю при этомъ своимъ нравственнымъ долгомъ гласно выразить признательность за оказанное мнѣ содѣйствіе въ моихъ

По отношенію къ сютаевцамъ меня прежде всего интересовалъ вопросъ о томъ, насколько было самостоятельно возникновеніе новой секты и не имѣли ли при этомъ мѣсто какія нибудь посторонніе, случайные вліянія, а также не играли ли при этомъ какой нибудь роли существующіе въ краѣ разные раскольничьи ученія и толки. О послѣднихъ я думалъ найдти хотя какія нибудь свѣдѣнія и указанія въ „Трудахъ“ мѣстнаго статистическаго комитета, но, къ сожалѣнію, совершенно ошибся въ своихъ разсчетахъ, такъ какъ въ изданіяхъ комитета не нашлось рѣшительно никакихъ данныхъ по этому вопросу, за исключеніемъ обычныхъ вѣдомостей о числѣ раскольниковъ. Тверской статистическій комитетъ, руководимый г. Покровскимъ, сдѣлалъ весьма много для серьезной разработки вопросовъ, относящихся до экономическаго положенія края и отчасти его исторіи, но до сихъ поръ оставлялъ въ сторонѣ изслѣдованіе мѣстнаго раскола.

Производившій слѣдствіе о сютаевской сектѣ слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, г. Губченко, въ разговорѣ съ нами, высказалъ предположеніе о возможности вліянія штундистовъ и пашковцевъ на возникновеніе новой секты.

„Жители деревни Шевелина, — говорилъ г. Губ-

изслѣдованіяхъ г. губернатору Іоан. Ник. Сомову, В. И. Покровскому, В. П. Линду и барону фонъ-Мирбахъ.

ченко,—по ремеслу каменьщики: ежегодно они уходятъ на заработки въ разные концы Россіи, между прочимъ бываютъ и въ Кіевѣ, а бывая здѣсь, они легко могли встрѣтиться со штундистами и заимствовать отъ нихъ главныя основанія ихъ ученія... Затѣмъ они бываютъ въ Петербургѣ, знаютъ о Пашковѣ... Пашковцы не разъ присылали въ Тверь разныя книжки для передачи сютаевцамъ".

Изъ всего, что говорилъ мнѣ г. Губченко о новыхъ сектантахъ, было ясно, что у него сохранилось доброе, хорошее воспоминаніе о Сютаевѣ и его ближайшихъ послѣдователяхъ. Все, что онъ разсказывалъ мнѣ о жизни этихъ людей, — все это рисовало ихъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Мнѣ казалось даже, что онъ черезчуръ увлекался и замѣтно идеализировалъ сютаевцевъ. Передаю кое-что изъ его разсказовъ.

— Во время своихъ пріѣздовъ въ Торжокъ, я обыкновенно останавливался у одной мѣщанки, шапошницы (бѣдная пожилая баба, которая живетъ шитьемъ шапокъ). Какъ-то разъ она, въ присутствіи Сютаева, пожаловалась на свое одиночество, на бѣдность, на то, что у ней нѣтъ никого, кто бы помогъ ей .. „Вотъ теперь крыша течетъ, поправить надо, а тёсу нѣтъ и купить не на что". Въ первый же базарный день послѣ этого разговора у ея воротъ останавливается возъ съ тёсомъ: это Сютаевъ привезъ, сложилъ доски во дворѣ и, не говоря ни слова,

уѣхалъ домой. Хозяйка въ недоумѣніи... Встрѣчаетъ она какъ-то Сютаева и говоритъ ему: „Чего это ты тёсъ-то привезъ? Нешто я тебя просила? У меня денегъ нѣтъ тебѣ платить". — „А зачѣмъ мнѣ деньги?—говоритъ тотъ.—Мнѣ денегъ не нужно, для меня ихъ хоть во вѣкъ не будь".—„Да какъ же безъ денегъ-то? Чѣмъ я заплачу тебѣ? Вѣдь не даромъ же ты привезъ мнѣ свой лѣсъ" — „Зачѣмъ даромъ... Когда мнѣ шапка понадобится, ты мнѣ шапку сдѣлаешь, вѣдь ты — мастерица на это... Вотъ тебѣ и плата!"

Сютаевъ не запираетъ своихъ амбаровъ: и днемъ, и ночью у него все открыто. Этимъ воспользовались сосѣдніе мужики, пріѣхали тихонько на нѣсколькихъ подводахъ, вошли въ амбаръ и давай нагружать телѣги мѣшками съ хлѣбомъ. Живо весь амбаръ очистили и хотѣли уже ѣхать, но вдругъ откуда ни возьмись—Сютаевъ.

— Что-жъ онъ?

— Онъ входитъ въ амбаръ, а тамъ всего-на-все одинъ мѣшокъ лежитъ, беретъ этотъ мѣшокъ на спину, выноситъ изъ амбара и кладетъ на телѣгу.—„Коли вамъ нужда, берите, Богъ съ вами!"—Мужики взяли, уѣхали, а на другой день снова пріѣхали, привезли хлѣбъ обратно, говорятъ: „мы раздумали", и Христомъ-Богомъ просили Сютаева принять отъ нихъ назадъ его хлѣбъ.

— А какихъ лѣтъ Сютаевъ?

— Вѣроятно, около 55 лѣтъ, но онъ хорошо сохранился и выглядитъ моложе.

— Большая семья у него?

— Да, у него нѣсколько сыновей и дочь, красавица въ полномъ смыслѣ этого слова. Сыновья женаты, имѣютъ дѣтей. Одинъ изъ нихъ, Дмитрій, самый упорный изъ всѣхъ; это, можно сказать, фанатикъ до мозга костей.

— Есть ли послѣдователи у Сютаева?

— О, конечно, и число ихъ постоянно растетъ. Я не могу опредѣлить вполнѣ точной цифры его послѣдователей, но думаю, что теперь ихъ не менѣе тысячи человѣкъ.

Въ числѣ свѣдѣній, полученныхъ мною въ Твери, были между прочимъ и оффиціальныя данныя о числѣ сектантовъ Тверской губерніи. По этимъ свѣдѣніямъ, „раскольники разныхъ сектъ“ слѣдующимъ образомъ распредѣляются по городамъ и уѣздамъ Тверской губерніи:

Въ городѣ Корчевѣ — 2 чел. (1 муж. и 1 жен.), заштатномъ г. Красномъ-Холмѣ—32 чел. (7 муж. и 25 жен.), Твери—44 чел. (21 муж. и 23 жен.), Весьегонскѣ—44 чел. (13 муж. и 31 жен.), Вышнемъ-Волочкѣ—56 чел. (26 муж. и 30 жен.), Кашинѣ—56 чел. (7 муж. и 49 жен.), посадѣ Погорѣлое-Городище — 81 чел. (30 муж. и 51 жен.), Торжкѣ — 737 чел. (310 муж. и 427 жен.), Ржевѣ—13.159 чел. (6.259 муж. и 6.900 женщ.).

Въ остальныхъ городахъ нѣтъ ни одного „раскольника“, — такъ по крайней мѣрѣ стараются увѣрить насъ оффиціальныя данныя... А вотъ распредѣленіе сектантовъ по уѣздамъ:

Въ Осташковскомъ уѣздѣ — 1 чел. (какая, подумаешь, точность!), Старицкомъ—59 чел. (30 муж. и 29 жен.), Тверскомъ — 68 чел. (32 муж. и 36 жен.), Кашинскомъ—128 чел. (30 муж. и 98 жен.), Зубцовскомъ—161 чел. (63 муж. и 98 жен.), Бѣжецкомъ—190 чел. (42 муж. и 148 жен.), Корчевскомъ—234 чел. (74 муж. и 160 жен.), Ржевскомъ—342 чел. (158 муж. и 184 жен.), Вышневолоцкомъ — 583 чел. (245 муж. и 338 жен.), Калязинскомъ — 677 чел. (235 муж. и 442 жен.), Новоторжскомъ — 775 чел. (330 муж. и 445 жен.), Весьегонскомъ — 1.234 чел. (277 муж. и 957 женщ.).

Кромѣ раскольниковъ въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ значатся еще единовѣрцы: въ Твери—277 чел., въ Ржевѣ—905 чел. и въ Торжкѣ—2.194 человѣка. Въ уѣздахъ единовѣрцевъ нѣтъ. Свѣдѣнія эти заимствованы мною изъ данныхъ тверскаго губернскаго статистическаго комитета; но самъ комитетъ не производитъ счисленій раскольниковъ, — онъ получаетъ эти свѣдѣнія готовыми отъ мѣстной духовной консисторіи, которая, въ свою очередь, основывается на донесеніяхъ благочинныхъ, а эти послѣдніе на донесеніяхъ приходскихъ священниковъ. Добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія входятъ и во всеподданнѣйшіе от-

четы губернаторовъ и доставляются въ синодъ и во всѣ высшія правительственныя инстанціи.

Когда я потомъ въ уѣздахъ показывалъ эти свѣдѣнія исправникамъ, становымъ, земцамъ и другимъ обывателямъ, — всѣ они въ одинъ голосъ смѣялись надъ этою статистикой.

— Семьсотъ семьдесятъ пять человѣкъ раскольниковъ во всемъ уѣздѣ, — говорили они. — Помилуйте! Да у насъ въ одномъ селѣ Б. вдвое больше раскольниковъ.

Получивши необходимыя предварительныя свѣдѣнія и сдѣлавши нѣкоторые оффиціальные визиты, я выѣхалъ въ Торжокъ.

Моими сосѣдями по вагону оказались какіе-то — не то мелкіе провинціальные купцы, не то богатые торгующіе крестьяне. Они, очевидно, продолжали прерванный разговоръ.

— Недавно здѣсь по близости,—разсказывалъ одинъ изъ нихъ,—въ селѣ Ильинскомъ, какой случай былъ. Приходитъ мужикъ къ священнику и проситъ повѣнчать. „Десять рублей!“ — Начинаютъ торговаться.— „Ну, такъ и быть, говоритъ, возьму пять, а меньше—ни копѣйки“. Мужикъ даетъ три, — бѣдный мужиченко, бобыль,—но попъ не соглашается. Долго онъ водилъ мужика; тотъ не сдается, не прибавляетъ,—извѣстно, не изъ чего прибавить-то: самъ голъ какъ соколъ. Ну, хорошо, проходитъ этакъ съ недѣлю времени. Видитъ попъ, что мужикъ не въ силахъ дать ему больше

трёшницы, соглашается вѣнчать. Ладно, хорошо: начинаетъ вѣнчать. Обвелъ разъ вокругъ налоя и довольно. Женихъ и говоритъ: „Батюшка, кажись вѣдь три раза кругомъ-то обводятъ, а не одинъ“. — „Это за три-то рубля, говоритъ, три раза?.. Нѣтъ, братъ, шалишь, довольно съ тебя и одного“. Видитъ опять женихъ, что попъ вѣнцовъ не возлагаетъ, и говоритъ: „Батюшка, какъ же это вы безъ вѣнцовъ-то насъ вѣнчаете?“—„Это за три-то рубля, говоритъ, съ вѣнцами? Шалишь, братъ,—хорошо и такъ“. Такъ и повѣнчалъ и вина испить не далъ. Тотъ было супился: „Батюшка, позвольте винца-то?“ А тотъ на него: „это за три-то рубля винца? Ишь ты ловокъ! Нѣтъ, братъ, шалишь“. Такъ и не далъ ничего.

Слушатели неодобрительно качали головами, приговаривая: „Ая-я-я-я! Вотъ такъ батюшка“!..

— Тѣмъ дѣло и кончилось?

— Тѣмъ было и кончилось, да барыня про это узнала,—помѣщица Сверчкова здѣсь живетъ,—донесла по начальству. Теперь слѣдствіе идетъ, судебнымъ порядкомъ.

— Нѣтъ, у насъ въ Никольскомъ попъ—ничего,—заговорилъ другой спутникъ, напоминавшій по типу московскаго мясника, — не больно жметъ... Самолюбіемъ этимъ почитай-что не занимается, только...

— А что?

Разсказчикъ зажмурилъ глаза и отчаянно закрутилъ головой.

— Зашибаетъ, стало-быть?

— То есть въ лучшемъ видѣ!.. И ужь запой же у него! Этакого злющаго запоя я отродясь не видывалъ. И во хмѣлю—страсть! Чуть напьется, сичасъ въ драку лѣзетъ, а не то штуку какую ни-на-есть произведетъ... Намедняся ночью только легли спать, вдругъ тревога: на колокольнѣ набатъ ударили. Все село высыпало отъ мала до велика,—думали пожаръ. Глядимъ—ни дыму, ни огня нигдѣ не видать... Что за притча такая?.. А колоколъ гудитъ... Побѣжали на колокольню; смотримъ, а тамъ батюшка, въ одной рубахѣ да подштаникахъ, дуетъ что есть мочи. — „Батюшка, говоримъ, что случилось“?—„Я, говоритъ, съ женой подрался“.

Въ вагонѣ смѣялись.

— Дивлюсь я,—въ раздумьи говорилъ одинъ изъ спутниковъ,—куда это наука-то дѣвается? Вѣдь, кажись, учатъ ихъ, учатъ, а они—во!..

Отъ священниковъ разговоръ перешелъ на расколъ. Я спросилъ о сютаевцахъ, не слыхали ли молъ.

— Какъ же, было слышно... Сказывали люди, что на Повѣди новая вѣра явилась...

Но никто изъ моихъ спутниковъ не зналъ даже приблизительно, въ чемъ собственно состояло ученье новой секты. Одинъ говорилъ, что новые сектанты не имѣютъ браковъ, не вѣнчаютъ, „живутъ сплошь“, не разбирая, жена ли, сноха ли, невѣстка ли,—для нихъ, молъ, все единственно. Другой увѣрялъ, что

Сютаевъ избралъ себѣ двѣнадцать апостоловъ, которые всюду сопровождаютъ его и съ которыми онъ никогда не разстается.

Къ вечеру мы пріѣхали въ Торжокъ. Разспрашивая здѣсь о новой сектѣ, я узналъ, что въ мѣстномъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ производится какое-то дѣло, имѣющее связь съ появленіемъ новой секты. По справкамъ, наведеннымъ мною, оказалось слѣдующее.

Старшина Новѣдской (бывшей Шевковской) волости, Павелъ Елисеевъ, вошелъ въ уѣздное присутствіе 29 апрѣля 1881 года съ рапортомъ за № 664 такого содержанія:

„Сельскимъ обществомъ крестьянъ деревни Удальцова (передаю съ буквальною точностію) избранъ въ должность сельскаго старосты крестьянинъ Илья Ивановъ, не признающій христіанской вѣры, а придерживается подъ названіемъ какой-то сютаевской. Жена Иванова, Авдотья Андреева, заявила, что мужъ ея обращается съ нею жестоко, а равно и съ дочерью, изъ-за того именно, что онѣ не вѣруютъ по его обряду. Ивановъ перекололъ всѣ находящіяся въ его домѣ иконы, о чемъ мною и сообщено полиціи. Въ виду неблагонадежности со стороны избраннаго сельскаго старосты, Ильи Иванова, къ исправленію имъ служебныхъ обязанностей, имѣю честь покорнѣйше просить уѣздное присутствіе о разрѣшеніи уволить его отъ должности“.

Уѣздное присутствіе поручило исправнику провѣрить донесеніе волостнаго старшины. Вслѣдствіе этого исправникъ, отношеніемъ отъ 17 мая за № 1223, увѣдомилъ присутствіе, что,—какъ оказалось по дознанію,—въ домѣ удальцовскаго сельскаго старосты Ильи Иванова дѣйствительно перекологы образа, а потому, находя его „неблагонадежнымъ“, исправникъ просилъ присутствіе—сельскаго старосту Иванова немедленно уволить отъ должности. Присутствіе, какъ я слышалъ, сдѣлало уже распоряженіе въ этомъ смыслѣ.

Далѣе я узналъ въ Торжкѣ, что здѣсь въ прошломъ году родной сынъ Сютаева, Иванъ, призывался къ отбытію воинской повинности и что при этомъ произошелъ какой-то скандалъ. Мѣстный воинскій начальникъ до сихъ поръ отлично помнитъ Ивана Сютаева.

— Надѣлалъ мнѣ хлопоть этотъ Сютаевъ!—говорилъ намъ воинскій начальникъ.—По вынутому имъ нумеру жеребья онъ подлежалъ поступленію на дѣйствительную службу. Осмотрѣли его въ присутствіи и признали годнымъ. Повели къ присягѣ, но онъ вдругъ уперся: „Не хочу, говоритъ, присягать,—Евангеліе, дескать, запрещаетъ клясться“... Откуда это онъ взялъ, чортъ его знаетъ! Ужь какъ я его ни уговаривалъ, какъ ни убѣждалъ,—нѣтъ, ничего не слушаетъ... Хорошо, думаю, я тебя, голубчикъ, и безъ присяги заставлю служить.—Дать ему ружье!—

говорю... Что-жь бы вы думали? Не хочетъ ружья въ руки брать, наотрѣзъ отказался. „Оно, говоритъ, въ крови, кровью пахнетъ“. Слышите?.. „Нужно, говоритъ, вооружиться мечомъ духовнымъ“. Какъ это вамъ нравится: духовнымъ мечомъ?!.. Представьте себѣ роту солдатъ съ духовными мечами!..

И разсказчикъ весело расхохотался.

— Что же Сютаевъ?

— Что Сютаевъ! Онъ все свое: „не хочу, говоритъ, на войну!.. Сказано: „не убей“... Это, говоритъ, грѣхъ смертный... Не хочу людей убивать“.—Я ему говорю: дуракъ ты, вѣдь теперь и войны-то никакой нѣтъ, всю службу въ казармѣ просидишь, вѣкъ пороху не понюхаешь, войны-то и въ глаза не увидишь,—изъ-за чего ты артачишься?.. Нѣтъ, какъ къ стѣнѣ горохъ! Стоитъ на своемъ и дѣло съ концомъ... Что тутъ прикажете дѣлать?.. Засадилъ его въ карцеръ на хлѣбъ, на воду. Проходитъ день. Фельдфебель докладываетъ, что Сютаевъ ничего не ѣстъ: ни хлѣба ни воды,—словомъ, ничего въ ротъ не береть. „Ладно, думаю, посидишь, такъ эта дурь-то съ тебя сойдетъ“. Другой день проходитъ — не ѣстъ, третій день—то же самое... Отощалъ до того, понимаете, что едва на ногахъ стоитъ, съ трудомъ поднимается съ лавки, а все на своемъ стоитъ... Призвалъ я священника и говорю ему: „Батюшка, убѣдите его, внушите ему, что вѣдь такъ нельзя же наконецъ, что вѣдь это... это... это чортъ знаетъ что та-

кое!.. Вѣдь невозможно же въ самомъ дѣлѣ, чтобы безъ войска, безъ солдатъ, безъ... Ну, гдѣ это видано?“—Священникъ въ полномъ облаченіи, съ Евангеліемъ въ рукахъ, отправился его усовѣщевать.

— Ну, и что же?

— Ахъ, лучше не говорите. Священникъ одно слово скажетъ, а Сютаевъ десять... Въ концѣ концовъ онъ просто разсвирѣпѣлъ и началъ ужасно дерзко и грубо поносить священниковъ и духовенство... Я сталъ не радъ, что затѣялъ эту исторію, и говорю: „Батюшка, уходите, ради Бога, поскорѣе“!

— Что же сталось съ Сютаевымъ?

Собесѣдникъ мой пожалъ плечами.

— Приказалъ выпустить его изъ карцера, принужденъ былъ это сдѣлать, иначе онъ непремѣнно уморилъ бы себя голодомъ... Непремѣнно уморилъ бы... Фанатикъ!

Въ Торжкѣ я узналъ между прочимъ, что послѣдователи новой секты недавно устроили было въ Шевелинѣ общину, но что община эта вскорѣ распалась: участники ея перессорились между собой и все дѣло кончилось двумя исками, предъявленными мѣстному мировому судьѣ, А. А. Бакунину.

Мнѣ хотѣлось поточнѣе узнать объ этомъ дѣлѣ и потому я, прежде чѣмъ ѣхать въ Шевелино, рѣшилъ сдѣлать крюкъ и отправиться сначала къ г. Бакунину, который живетъ въ имѣніи своемъ, въ селѣ

Прямухинѣ, чтобъ отъ него получить интересовавшія меня свѣдѣнія.

Щегольская тройка крѣпкихъ „вольныхъ“ ямщицкихъ лошадей въ маленькомъ, красивомъ тарантасѣ, съ бубенчиками и колокольчиками, бойко понесла меня по проселочной, пустынной и скучной дорогѣ. Погода стояла сырая и холодная; хмурое, пасмурное небо ежеминутно угрожало дождемъ. Яркая зелень озимыхъ полосъ рѣзко выдѣлялась на сѣромъ неприглядномъ фонѣ тощихъ яровыхъ полей, широко разстилавшихся по обѣ стороны дороги. Изможденныя, жалкія лошаденки крестьянскія надрывались, таская сохи и взрыхляя крѣпкій, жесткій суглинокъ. За сохами двигались какія-то странныя, согбенныя фигуры: это—бабы, дѣвки-подростки, старухи.

Дѣло въ томъ, что съ ранней весны и до глубокой осени почти все мужское населеніе уходитъ отсюда на заработки въ Питеръ и другія мѣста. Въ селахъ и деревняхъ остается одно „женское сословіе“, малые ребята, да старики. Такимъ образомъ вся тяжесть крестьянской страды ложится здѣсь исключительно на однѣхъ женщинъ,—онѣ одинѣ выносятъ ее на своихъ плечахъ. Онѣ пашутъ поля, боронятъ, сѣютъ, косятъ, поднимаютъ новь, рубятъ лѣсъ,—словомъ, нѣтъ такой тяжелой мужицкой работы, которую не исполняли бы здѣсь бабы.

— Въ нашемъ мѣстѣ бабамъ жисть чижолая — страсть...—говорила мнѣ одна старуха, вволю пора-

ботавшая на своемъ вѣку. — Не приведи Господи! Бывало по полю-то ходишь, ходишь за сохой — измаешься... Лошадь опристанетъ, и понукаешь ее, и стегаешь—ничего нейметъ... Изъ силъ выбьешься... Земля-то твердая — глина да каменьё. А особливо ежели соха неловка, худо налажена, въ землю идетъ-задираетъ,—тутъ ужъ совсѣмъ бѣда. На одномъ мѣстѣ часъ пробьешься... До того руки-то надергаешь, что домой придешь, за столъ сядешь — не можешь ложкой-то въ ротъ угодить,—такъ руки и дрожатъ, такъ и трясутся, словно онѣ у тебя чужія, не слушаютъ... Спина ноетъ, на ногахъ жилы опухнутъ.

Вотъ она „все выносящаго русскаго племени многострадальная русская мать!“

„Доля ты, русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать!..“

Родъ Бакунинныхъ считается однимъ изъ самыхъ древнихъ, именитыхъ родовъ тверскаго дворянства. Въ настоящее время братья Бакунины, особенно Н. А. и А. А., являются видными дѣятелями тверскаго земства, извѣстнаго своимъ сочувственнымъ отношеніемъ къ нуждамъ народа. Старшій братъ ихъ Михаилъ Александровичъ Бакунинъ, былъ нѣкогда однимъ изъ самыхъ выдающихся и вліятельныхъ членовъ знаменитаго кружка, группировавшагося около В. Г. Бѣлинскаго. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, Михаилъ Александровичъ, живя въ качествѣ эмигранта за границей, всецѣло отдался революціонной дѣятель-

ности и вполнѣ заслуженно пользовался репутаціей „апостола анархіи“. Недавно онъ умеръ въ глубокой старости, причемъ до самой смерти оставался вѣренъ своимъ идеямъ.

Усадьба Бакунинихъ сразу переноситъ васъ на полстолѣтія назадъ. Неуклюжія, но очень прочныя каменныя зданія, всевозможныя пристройки и надстройки, людскія, длинные, широкіе корридоры, обширныя залы, тяжелая, массивная мебель, огромныя старомодныя зеркала—все это говоритъ о томъ времени, когда здѣсь жизнь текла бойко, на широкую ногу, когда здѣсь было и шумно, и весело, и оживленно. Не то теперь. Несмотря на радушіе, любезность и гостепріимство хозяевъ, какой-то таинственный духъ запустѣнія незримо носится въ воздухѣ этихъ обширныхъ залъ и корридоровъ, а старые фамильные портреты съ тихою грустью смотрятъ со своихъ стѣнъ на то, какъ новые запросы и волны жизни уходятъ съ каждымъ днемъ все дальше и дальше изъ этихъ усадьбъ...

Въ дѣлахъ мироваго судьи А. А. Бакунина дѣйствительно оказались два дѣла, имѣвшія тѣсную связь съ появленіемъ новой секты. Оба дѣла состоятъ изъ исковъ, предъявленныхъ отставному солдату Сергѣю Луневу. Крестьянка Василиса Петрова взыскиваетъ съ Лунева 150 руб. 50 коп., а крестьянинъ Евстратъ Семеновъ Королевъ обвинялъ Лунева въ томъ, что тотъ „подъ видомъ религіознаго ученія выманилъ

у него всякаго имущества", и ищетъ возврата денегъ по стоимости выманеннаго у него имущества. Въ первомъ дѣлѣ интересно показаніе самого Василія Кириллова Сютаева, присутствовавшаго при разборѣ дѣла въ качествѣ свидѣтеля. Показаніе это разъясняетъ причину возникновенія исковъ.

„Луневъ, Петрова и ея родители, — показывалъ Сютаевъ [1]), — по ученію Св. Писанія, согласились, чтобы была у нихъ одна душа и одно сердце, и все свое имущество сложили сообща, чтобы не было между ними никакого ни спора, ни дѣлежа, безо всякихъ договоровъ и безо всякихъ условій. Такъ у нихъ и было, но Луневъ вдругъ сталъ отсыпать отъ хлѣба головню, то-есть лучшее зерно, подъ предлогомъ будто бы на сѣмена. Я ему сказалъ, что такъ дѣлать не слѣдуетъ, потому что нечего дѣлить слабыхъ и сильныхъ, дурныхъ и хорошихъ, а надо смѣшать, чтобы всякій бралъ сколько кому надо. Луневъ мнѣ сказалъ, что у него на это сердце не лежитъ.—А коли не лежитъ,—тогда я ему сказалъ,—чтобъ онъ шелъ изъ овина, и выгналъ его изъ овина вонъ. Это увидѣли другіе и стали требовать, чтобы Лунева отдѣлить и чтобъ онъ раздѣлился съ нами".

Помимо этого показанія ничего характернаго въ дѣлахъ не оказалось. Прошенія написаны страшно безграмотно, а показанія на судѣ черезчуръ кратки

[1]) Показаніе его привожу дословно, безъ измѣненій.

и сухи. Между истцами и отвѣтчикомъ Луневымъ состоялась на судѣ сдѣлка, соглашеніе.

По совѣту Бакунинихъ, которые въ качествѣ постоянныхъ обывателей уѣзда, хорошо знакомы съ мѣстными условіями, я рѣшилъ поселиться сначала въ селѣ Новѣди, такъ какъ село это является центральнымъ пунктомъ того района, въ которомъ такъ или иначе проявилось ученіе новой секты. Ѣхать же прямо въ Шевелино, гдѣ первоначально возникла секта и гдѣ живетъ самъ Сютаевъ, я не рѣшился, боясь на первыхъ же порахъ возбудить подозрѣніе и недовѣрчивость сектантовъ. Село Новѣдь отстоитъ отъ Прямухина на разстояніи 35 верстъ и такое же точно разстояніе считается отъ него и до Торжка.

Глубокою ночью мы пріѣхали въ Новѣдь. Все спало. Подъѣзжаемъ къ первой попавшейся избѣ и начинаемъ стучать. Въ окнѣ появляется косматая, всклокоченная голова.

— Гдѣ здѣсь можно переночевать?

— Ступайте къ Ивану Зиновеичу, — онъ принимаетъ...

Розыскали Ивана Зиновеича, достучались. Послѣ обычныхъ опросовъ: „Что вы за люди будете, откуда Богъ несетъ?“ и т. д. насъ пригласили войти. Ощупью вошли мы въ темную избу. Огромная семья съ дѣтьми, стариками, снохами, невѣстками помѣщалась въ одной избѣ. На полу лежатъ дѣти и взрослыя, одни укутаны полушубками, другіе просто въ

однимъ бѣльѣ; съ печи слышится чей-то тяжелый храпъ. Спертый, тяжелый, удушливый воздухъ „шибанулъ“ въ носъ, ударилъ въ голову. Я невольно остановился. Хозяинъ вздулъ огонь.

— Что, тяжко?—спросилъ онъ, замѣтивъ мое движеніе. — А мы окно откутаемъ, воздухъ-то полегче будетъ... Вотъ вамъ кроватка. Али на печку полѣзете?

На кроваткѣ, скрытой за старымъ систцевымъ пологомъ, плакалъ ребенокъ, а женскій голосъ уговаривалъ и убаюкивалъ его. Зная по горькому опыту прелести этихъ кроватокъ, я на-отрѣзъ отказался отъ предложенія и выразилъ непремѣнное желаніе лечь на полъ. Мой ямщикъ избралъ печь.

— На полъ! Ну, такъ ложись сюда... вотъ сюда, на тулупъ... Баушка, а-баушка! — говорилъ Иванъ Зиновичъ, потрогивая спящее на полу тѣло, укрытое цѣлою грудой грязныхъ лохмотьевъ,—подвинься маненечько, пусти барина... Она у насъ древняя, за сто лѣтъ... Вѣрно слово: сто второй годъ изжила... Далъ Богъ вѣку!.. Не дослышитъ малость... Ну, ложись рядомъ со старухой... Хе-хе-хе... Ничаго, она подвинется, ложись!..

III.

О чемъ говорятъ въ деревнѣ.

Я поселился въ Повѣди у одного изъ родственниковъ Ивана Зиновеича, бѣднаго мужика, изба котораго приходилась какъ разъ съ краю села, надъ самыми полями. Мое появленіе въ селѣ не могло, разумѣется, не вызвать среди крестьянъ множества всевозможныхъ толковъ, предположеній и пересудовъ.

Очевидно, всѣ были убѣждены, что въ моемъ лицѣ они дождались новаго начальства,—въ этомъ, повидимому, никто изъ нихъ не сомнѣвался. Вопросъ состоялъ лишь въ томъ, какое именно начальство, „по какой части“. Они видѣли, что это—не мировой, не урядникъ, не становой, не слѣдователь, не исправникъ, не „членъ“ (земства), не докторъ,—кто-жь это такой, наконецъ? Мужики недоумѣвали, ломали головы и создавали самыя невозможныя предположенія относительно цѣли моего проживанія въ Повѣди.

— И все-то онъ, братецъ ты мой, испытываетъ, все разспрашиваетъ, во все вникаетъ: какъ, что?.. Дивное дѣло!

— Стало быть ужь отъ начальства предоставлено, препоручено.

— Сказываютъ—изъ Питера!

— Ревизоръ, должно полагать.

— Въ Шевелинѣ, баютъ, скотъ переписалъ: у

кого сколько коровъ, лошадей, овецъ,—все, какъ есть до-чиста, переписалъ... Что есть свиней — и тѣхъ!..

— Это ужъ, видимое дѣло, для облога... На подать прибавка будетъ.

— Сказываютъ, со всего плата положится: съ лошади плата, съ жеребца, примѣрно, одна, съ кобылы—другая; съ коровы—плата, съ овцы—плата... То-есть со всего, со всего!..

— Говорятъ, все чего-то пишетъ, все пишетъ, все пишетъ.

— Старшина сказывалъ, насчетъ будты вѣры пріѣхалъ.

— А ты слушай больше старшину-то. Онъ тебѣ наскажетъ.

— Онъ, може, и самъ-то не знаетъ.

— А ты какъ думалъ? Такъ сейчасъ ему и доложатъ?.. Какъ же, жди, держи карманъ-то шире... Нѣтъ, братъ, такіе люди есть, особенные, тайно ѣздіютъ, испытываютъ... Объ нихъ нихто можетъ и не знаетъ.

— А они порядки смотрятъ: гдѣ и какъ,—до всего касаются...

— Въ родѣ какъ тайна полиція, къ примѣру... Чуть что—сичасъ и готово!

— Н-да, очень даже просто... Возьмутъ подъ секретъ и шабашъ.

— А не то въ темну карету, да на казенныя харчи...

— Да это за што же, примѣрно?

— А за то, чтобы говорилъ, да не договаривалъ... Больше бы зналъ-помалкивалъ... И слышишь, да не слыхалъ,—и видишь, да не видалъ...

— Гм... Можетъ и *онъ* по этой части?

— Кто-жь его знаетъ!?...

— А може онъ прямо отъ царя посланъ развѣдать доподлинно, какъ то-есть мужички, примѣрно, чего имъ требуется, какъ достатокъ, нѣтъ ли обиды какой, али чего прочаго...

Это послѣднее предположеніе, казалось, многимъ пришлось по душѣ. Чуть ли не большинство согласилось, сошлось на мысли, что пріѣхавшій къ нимъ неизвѣстный, загадочный для нихъ человѣкъ—не кто другой какъ царскій посланникъ. Возникновеніе такихъ странныхъ предположеній объясняется тѣми смутными ожиданіями и надеждами, которыя живутъ и бродятъ въ нашемъ народѣ. Во многихъ мѣстахъ народъ ждетъ, что царь пошлетъ—и притомъ *непремѣнно тайно*—особыхъ довѣренныхъ отъ себя людей для того, чтобъ узнать на мѣстахъ, какъ живутъ крестьяне, не терпятъ ли они обидъ, утѣсненій, нуждъ и т. п.,—словомъ, узнать „всю правду“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подобныя ожиданія высказываются крестьянами вполнѣ опредѣленно. Нынѣшнимъ лѣтомъ, напримѣръ, мнѣ пришлось быть, между прочимъ, въ одномъ изъ глухихъ угловъ Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи. Здѣсь (въ селѣ

Патровкѣ, напримѣръ) крестьяне прямо спрашивали меня: „Не слыхать ли чего насчетъ кесаревыхъ посланниковъ?.. Не ходятъ ли, молъ, они въ народѣ“?

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Повѣдь, я шелъ домой изъ деревни Удальцова, отстоящей версты на три отъ Повѣди. Вижу, какой-то старикъ, копавшійся на сосѣднемъ полѣ, оставляетъ работу и идетъ ко мнѣ на встрѣчу. Поздоровались.

— Мнѣ бы охота тебѣ два словечка сказать,—говоритъ мужикъ, останавливаясь.

— Что такое?

— Да насчетъ, значитъ, энтихъ самыхъ дѣловъ-то...

— Какихъ дѣловъ?

Мужикъ переминается.

— Да ты говори толкомъ, въ чемъ дѣло!

Мужикъ вдругъ принимаетъ самый таинственный видъ и, понижая голосъ, чуть не шепотомъ многозначительно спрашиваетъ меня:

— Ты какъ? Отъ новаго царя посланъ, али ишшо отъ стараго?

Представьте мое изумленіе!.. И вотъ я вынужденъ увѣрять этого чудака, что я никѣмъ не посланъ, что я совсѣмъ частный человѣкъ, писатель, нигдѣ не служу, пріѣхалъ къ нимъ для того только, чтобъ узнать о новой вѣрѣ, появившейся въ ихъ волости.

Мужикъ внимательно, почти напряженно слушаетъ и поддакиваетъ.

— Такъ... такъ... такъ-съ... А ты самъ отколь—изъ—Питенбурха?

— Нѣтъ, я изъ Москвы.

— Изъ Москвы... Такъ, такъ... А царь таперь гдѣ?

— Въ Гатчинѣ.

— Гдѣ-ѣ?

— Въ Гатчинѣ. Эго городъ такой есть подъ Петербургомъ.

— Зачѣмъ же это онъ туды, батюшка? На жительство, али такъ, на прохладу?

— На лѣто, на дачѣ!

— Гмм... Такъ, такъ, на легкой воздухъ!.. Понимаемъ... А ты вотъ что скажи намъ,—круто повернулъ старикъ,—чаво ты пишешь-то? Будетъ ли намъ льгота-то отъ тебя, али не будетъ?.. Чаво намъ ждать-то велишь?

Черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось снова встрѣтиться съ этимъ мужикомъ. Поздоровавшись, онъ опять остановился и, глядя мнѣ прямо въ лицо, въ упоръ, съ разстановкой произнесъ:

— Ты что тамъ ни говори, только ты меня не обманешь!

— Да развѣ я тебя когда-нибудь обманывалъ?

— Не обманешь!.. Я вижу, вижу, братъ, насквозь вижу...

— Да что ты видишь-то?

— Вижу, другъ... Вижу, что ты отъ высо-о-каго лика посланъ, отъ высокаго!.. Вижу.

Впрочемъ, по мѣрѣ того, какъ я продолжалъ жить въ селѣ Новѣди, толки о „царскомъ посланникѣ“, о „высокомъ ликѣ“ и т. п. мало-по-малу стихали и, наконецъ, совсѣмъ прекратились. Крестьяне видимо разочаровались и успокоились. Этому главнымъ образомъ способствовало то обстоятельство, что я почти все свое время началъ проводить въ обществѣ Сютаева и его послѣдователей. До крестьянъ доходили слухи, что я обыкновенно записываю все то, что говоритъ Сютаевъ, и вотъ новое рѣшеніе созрѣло въ ихъ головѣ.

— За Сютаевымъ пріѣхалъ! — порѣшили они. — Сютаева возьмутъ, Сютаева угонятъ, — заговорили мужики.

— Прощай Сютаевъ! — говорили бабы. — Бѣдный ты, бѣдный Сютай!.. И снова вспыли сначала неясные, туманные намеки и толки о „темной каретѣ“, а затѣмъ уже болѣе опредѣленные — о „казенныхъ харчахъ“.

Интересно было бы прослѣдить, откуда и когда зародилось въ народѣ представленіе о „темной каретѣ“. Что это представленіе существуетъ въ народной массѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ первый разъ мнѣ пришлось слышать отъ крестьянъ о „темной каретѣ“ въ одной изъ подмосковныхъ деревень. „Пріѣдетъ, молъ, темная карета, посадятъ и — былъ таковъ!.. Столько, молъ, тебя, голубчика и видали“. Затѣмъ почти тѣ же самые толки я слы-

щалъ въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи и, наконецъ, вотъ теперь въ третій разъ здѣсь, въ Тверской губерніи.

Вообще едва ли когда-нибудь ходило въ народѣ столько всевозможныхъ слуховъ и толковъ, какъ нынѣ. Богъ вѣсть, откуда нахлынули они; Богъ вѣсть, какими путями проникаютъ они въ деревню... Къ сожалѣнію, по многимъ причинамъ мы не имѣемъ возможности повѣдать на этотъ разъ о многихъ весьма интересныхъ народныхъ толкахъ и чаяніяхъ. Но мы приведемъ хотя кое-что изъ того, что намъ удалось слышать во время пребыванія въ Новѣдской волости.

— Люди сказываютъ, подушнаго не будетъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, не будетъ, и все тутъ... Нешто душу-то можно облагать? — Она, чай, Божья!

— Экъ сказалъ!.. Мало ли што Божья!.. Все Божье, одначе оброкъ идетъ.

— А таперь отмѣнятъ.

— Хто отмѣнитъ-то?

— Хто?.. Извѣстно хто — начальство!

— Ладно. Ври больше.

— Право слово говорятъ!.. Чудакъ, не вѣритъ!..

— Ты бы сказалъ: царь отмѣнитъ,—дѣло-то было бы въ строку,— а то начальство!.. Ишь!..

— Мало ли чаво зря болтаютъ.

— Не зря, а до самаго дѣла. Хорошіе люди ска-

зывали... Не будетъ, баютъ, подушнаго, не будутъ больше съ души брать...

— Съ души не будутъ, а съ чего же будутъ?

— Съ капиталовъ.

— Съ капиталовъ?!

— Да, съ капиталовъ... Чего ты дивишься-то?

— Гм... Хорошо у кого капиталы-то есть, а у кого ихъ нѣтъ, съ того какъ?

— У кого капиталовъ нѣтъ, съ того ничего и не возьмутъ.

— Вотъ такъ!.. Ловко разсудилъ!

— Ужъ куда бы лутче!..

. . . . . .

— Говорятъ, новый царь сталовѣровъ похвалилъ.

— За што такъ?

— За то, будты лутче за царя Богу молились.

— Пустое!..

— А може и правда!?..

— Нѣтъ, вы послухайте, говорятъ, за пачпорты-то будутъ по двадцати рублевъ брать.

— Съ человѣка?

— Извѣстно съ человѣка. А ты думалъ съ барана, што ли?

— Полно зубы скалить, говори дѣло-то!.. Что такъ больно много—двадцать рублевъ?!

— Затѣмъ, чтобы хрестьяне больше дома сидѣли, землей занимались, на сторону бы не ходили... Царь заримѣтилъ, что народъ землю началъ покидать,

весь въ Питеръ вдарился... Ему это не полюбилось...

— Другой и радъ бы землей-то заняться, да не у чего...

— То-то и бѣда-то наша.

И разговоръ незамѣтно перешелъ на больное мѣсто деревни — на аграрный, земельный вопросъ. За время моего пребыванія въ Новѣцкой волости (я прожилъ въ ней двѣ недѣли) мнѣ пришлось два раза вести бесѣды на эту щекотливую тему.

Однажды я ѣхалъ въ Шевелино съ однимъ знакомымъ старикомъ изъ Новѣди. Толковали о томъ, о семъ. Мало-по-малу разговоръ принялъ „душевный“, интимный характеръ.

— А что, спрошу я васъ, А. С., — началъ старикъ и голосъ его какъ-то вдругъ измѣнился: какая-то новая нота—не то нерѣшительности, не то таинственности послышалась въ немъ, — спрошу я васъ: какъ то есть насчетъ земли?

— Какой земли, Иванъ Михайлычъ?

— Примѣрно, есть слушокъ... Извѣстно, люди болтаютъ... Должно зря, али до самаго дѣла?

И онъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

Я догадывался въ чемъ дѣло; но, желая, чтобы собесѣдникъ мой опредѣленнѣе высказался въ этомъ случаѣ, я дѣлалъ видъ, что не понимаю, о чемъ идетъ рѣчь.

Иванъ Михайловичъ снова началъ длинную дипломатическую канитель, которую окончилъ такъ:

— Люди баютъ, будто, значитъ, нарѣзки будутъ хрестьянамъ,—значитъ, прибавка земляцы выйдетъ... Правда, али нѣтъ?

— Гдѣ же земли-то возьмутъ для новыхъ нарѣзокъ?

— Это точно, гдѣ-жъ ее возьмешь!.. Извѣстно, съ глупости болтаютъ... Н-ну, ты, одерь! — и Иванъ Михайловичъ безъ всякой видимой нужды вытянулъ кнутомъ буланую кобылу, бойко втаскивавшую на горку нашу телѣгу.

Помолчали. По минуту спустя Иванъ Михайловичъ, перегнувшись черезъ телѣгу и наклонясь къ моему лицу, произноситъ:

— Будто, значитъ, отъ богатыхъ... Маленичко этакъ... То есть, чтобы всѣмъ значитъ хрестьянамъ...

— Какъ же это такъ: отъ однихъ отобрать, а другимъ дать? Да развѣ это справедливо?

— Гдѣ-жъ тутъ справедливо!.. Что говорить—немедленно соглашается Иванъ Михайловичъ, а кобыла получаетъ новый ударъ возжей. Но, помолчавъ немного, онъ уже снова поясняетъ мнѣ: — Говорятъ, что господамъ, али купцамъ, значитъ, деньги за это самое выдадутся, что стоитъ, примѣрно, по оцѣнкѣ...

Я долго доказывалъ всю несообразность и нелѣпость этихъ слуховъ, ссылался на извѣстный циркуляръ бывшаго министра Макова. Чѣмъ больше я го-

ворилъ, тѣмъ все чаще и чаще поддакивалъ мнѣ Иванъ Михайловичъ; но когда я кончилъ и взглянулъ въ лицо собесѣдника, я понялъ, что рѣчь моя пропала даромъ. Иванъ Михайловичъ, помолчавъ немного,—очевидно, изъ приличія,—круто перевелъ рѣчь на „корма“ и заговорилъ о сѣнѣ, соломѣ, овсѣ.

Другой разъ такой случай былъ. Мужикъ, который говорилъ мнѣ о „высокомъ ликѣ“ (безъ сомнѣнія простоватый, наивный мужикъ), какъ-то въ разговорѣ со мною спрашиваетъ меня:

— А что насчетъ пустошей... какъ это дѣло будетъ?.. Идетъ слушокъ, али нѣтъ?

— Какихъ пустошей?

— Извѣстно, какія пустоши бываютъ... — И мужикъ подмигиваетъ мнѣ съ добродушно хитрою усмѣшкой.

— Я не понимаю, о какихъ ты пустошахъ говоришь.

— А о тѣхъ, что богаты мужики завладали... объ энтихъ самыхъ...

— Что же о нихъ слышать-то?

— Отойдутъ они къ намъ, али нѣтъ?

— Съ чего это ты взялъ, что они отойдутъ къ вамъ?—рѣзко спрашиваю я.

Мужикъ, видимо, озадаченъ, — онъ недовѣрчиво смотритъ на меня.

— Нешто нарѣзокъ-то не будетъ? — удивленно спрашиваетъ онъ.

— Да откуда ты взялъ, что онѣ будутъ-то?

— А то какъ же?..—И старикъ растерянно и вопросительно смотритъ на меня... — А вѣдь мы... того... въ ожиданіи...

Много вопросовъ назрѣло, и кипится, и роится въ мужицкихъ головахъ; цѣлая куча различнаго рода недоумѣній мучитъ мужицкую душу. Едва ли когда нибудь жизнь среди народа могла представлять такой огромный захватывающій интересъ, какъ именно въ настоящее время. Каждый, кому только удавалось за послѣднее время близко становиться къ деревенской средѣ, вѣроятно, согласится съ нами, что теперь, на нашихъ глазахъ, въ массѣ народа происходитъ какое-то смутное, глухое, сдержанное броженіе. Несомнѣнно, что мысль народа сильно возбуждена; этому способствовали весьма многія условія, многія событія послѣдняго времени. Въ воздухѣ деревни носится что-то новое, мало знакомое, что-то напряженное, недоумѣвающее и вмѣстѣ тревожное... Деревня чего-то ждетъ... Но это не то пассивное, вялое, инертное ожиданье, которое съ удобствомъ можетъ тянуться долгіе годы, цѣлые вѣка,—нѣтъ, въ теперешнемъ ожиданіи деревни бьетъ напряженное, страстное чувство; въ немъ кроется давно затаенная активная сила. Старые устои жизни шатаются, а новыхъ нѣтъ: жизнь должна ихъ создать и выработать...

Мы не знаемъ, разумѣется, и не можемъ указать

даже приблизительно, чѣмъ разрѣшится это броженіе, въ какую форму отольется оно... Знаемъ только, что теперь подобнаго рода броженіе весьма часто отливается въ форму особаго рода ученій, въ основу которыхъ обыкновенно принимается тотъ или другой тезисъ Св. Писанія, говорящій о правдѣ, любви и добрѣ и который обыкновенно служитъ для народа исходнымъ пунктомъ для критики современныхъ порядковъ, современнаго строя жизни...

Одно изъ такихъ ученій и разсмотримъ мы въ этомъ очеркѣ.

IV.

У батюшки.

Изслѣдователю сектантства по необходимости приходится сталкиваться и имѣть дѣло съ мѣстными священниками. Въ самомъ дѣлѣ, кому, какъ не имъ, духовнымъ пастырямъ, должно быть ближе всего знакомо настроеніе прихожанъ, ихъ духовныхъ овецъ?

Село Яконово, служащее резиденціей приходскаго священника, по здѣшнему мѣсту большое, богатое село. Да и самый приходъ считается однимъ изъ самыхъ „хлѣбныхъ“ и доходныхъ въ благочиніи.

Я постучалъ у крыльца большаго церковнаго дома.

— Кто тамъ?—сурово окликнулъ голосъ изъ комнаты и вслѣдъ затѣмъ изъ окна выглянуло жирное,

рыхлое, лоснящееся лицо, принадлежавшее, по всѣмъ видимостямъ, матушкѣ-попадьѣ. При видѣ культурнаго человѣка, голосъ матушки вдругъ смягчился и она вѣжливо-слащавымъ тономъ проговорила: — Вамъ кого угодно?

— Батюшка дома?

— Кажись, дома... Пожалуйте...

Я вошелъ въ залу, для деревни весьма прилично убранную: крашеный полъ, тюлевые занавѣсы, хорошая мебель.

Батюшка, какъ оказалось, „отдыхалъ“, то есть попросту спалъ. Его разбудили и онъ вышелъ ко мнѣ заспанный и всклокоченный. Передо мною стоялъ длинный, костлявый, но жилистый и еще крѣпкій старикъ, лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ крохотною головой, съ красноватымъ, крайне помятымъ, дряблымъ лицомъ и шарнавою, тощею растительностью на подбородкѣ. Маленькія, жидкія, торчащія въ разныя стороны косички, мутные, испещренные мелкими кровяными жилками, глаза, большой, широкій, беззубый ротъ и какой-то шрамъ на носу — дѣлали наружность батюшки далеко не презентабельною. Движенія его были медленны и неуклюжи; говорилъ онъ глухо, неразборчиво, шамкая, постоянно останавливаясь и подыскивая слова. Въ довершеніе всего, отъ него сильно попахивало тѣмъ специфическимъ „душкомъ“, который обыкновенно является у людей, сдѣлавшихъ постоянную привычку „къ чарочкѣ“; а

его старый, на ватѣ, казинетовый подрясникъ, неуклюже сидѣвшій на его нескладной фигурѣ, казалось, весь былъ пропитанъ запахомъ тютюна.

Отрекомендовавшись, я попросилъ было его разсказать все, что ему извѣстно о состояніи сектантства въ его приходѣ, но тотчасъ же долженъ былъ убѣдиться, что батюшкѣ не подъ силу сколько нибудь связный, послѣдовательный разсказъ. Пришлось задавать отдѣльные вопросы.

— Старовѣры есть въ вашемъ приходѣ?

— Старовѣры!.. Какіе они старовѣры?.. Наша вѣра—православная—самая старая, старѣе её нѣту.

Наконецъ, съ немалымъ трудомъ мнѣ удалось добиться слѣдующихъ данныхъ. Въ Якоповскомъ приходѣ старовѣры живутъ въ четырехъ деревняхъ: въ Бавыкинѣ, Сельцѣ, Насывкинѣ и Головорѣзовѣ. О сектахъ и толкахъ, на которые распадаются старовѣры, батюшка имѣлъ самыя смутныя представленія. По нѣкоторымъ признакамъ, однако, можно было заключить, что въ двухъ первыхъ деревняхъ, Бавыкинѣ и Сельцѣ, живутъ безпоповцы, а въ остальныхъ двухъ—Насывкинѣ и Головорѣзовѣ — послѣдователи поповскаго толка. На мои разспросы о жизни и ученіи старовѣровъ батюшка категорически заявилъ, *что онъ ничего по этому предмету не знаетъ*, такъ какъ никогда не бываетъ у нихъ и „совсѣмъ не знается“ съ ними.

— Вѣдь теперь имъ свобода!—съ недовольной ми-

ной говорилъ мой собесѣдникъ. — Что хотятъ, то и творятъ: сами крестятъ, сами вѣнчаютъ, сами хоронятъ... Насъ не зовутъ... Все разрѣшено, все!.. Съ 1867 года дозволеніе вышло... Бумагу подавали, — ну, ихъ и отписали отъ церкви. Съ этой поры мы ихъ и не касаемся... А прежде и крестили, и хоронили все мы,—безъ насъ они ничего не могли: хоть и крестили они, и вѣнчали по своему, да все тайкомъ, тихонько, крадучись, а ужъ теперь — въявь стали, никого не боятся, ни-ко-го!

— А много ли старовѣровъ въ этихъ деревняхъ?

— Бавыкино какъ есть все заражено. Я туда и не ѣзжу никогда, — ну ихъ!.. Каждый разъ мимо проѣзжаю, какъ отъ зачумленныхъ все равно... Въ другихъ деревняхъ поменьше.

— А что вы скажете о новой сектѣ, появившейся у васъ?

— Это о Сютаевской-то?

— Да, о ней... Что это за секта?

— Это-то?.. — Батюшка съ минуту помолчалъ. — Да это... это ужъ прямо сказать—нигилисты!

— Какъ нигилисты?

— Н-ни-гилисты, какъ есть настоящіе нигилисты!.. Ни Бога, ни царя — никого нѣтъ, никого знать не хотятъ... Вотъ какая это секта!

И батюшка раздраженно поднялся съ мѣста и направился въ сосѣднюю комнату. Черезъ минуту онъ явился оттуда, держа въ рукахъ старый, засаленный

кисетъ, сшитый изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутковъ. Развязавши кисетъ, батюшка началъ дрожащими руками свертывать „цыгарку“ изъ обрывка какой-то ученической тетради.

— Не потребляете? — спросилъ онъ меня, кивая на кисетъ.

— Нѣтъ.

— Коренки... Отъ нихъ вреда человѣку нѣтъ... Можетъ папиросы уважаете?

Я отказался и постарался направить разговоръ на интересовавшій меня предметъ.

— Развѣ сютаевцы не признаютъ Бога?

— Какъ они признаютъ?—снова загорячился батюшка. — Все, все превратно, все по-своему... Зачѣмъ,—спрашиваю намеднись Сютаева,—зачѣмъ ты въ церковь не ходишь? — „А зачѣмъ, говоритъ, я пойду въ церковь?.. Я самъ—церковь!“—Вотъ ты и поговори съ нимъ... Кресту не вѣруетъ, святыхъ иконъ не почитаетъ... „Это, говоритъ, идолы, которымъ вы поклоняетесь... Стану, говоритъ, я вашимъ кумирамъ кланяться, — какъ же, ждите!“... Одно слово—отступникъ и еретикъ!

Батюшка усиленно затянулся, и густыя струи махорки закружились въ комнатномъ воздухѣ.

— А относительно власти?

— Не признаетъ, — перебилъ батюшка, — государственной власти совсѣмъ не признаетъ... — Земля... — говоритъ, — да нешто она царская?... Земля, гово-

рить, Божья: Богъ намъ далъ ее, мы и должны владать"... Понимаете, къ чему это онъ клонитъ-то?... Да ужь что и говорить о властяхъ, коли онъ законъ Божій отвергъ, а вѣдь царская власть у насъ на законѣ Божіемъ основана.

— А я слышалъ, что эта секта власти признаетъ,— попытался возразить я.

— Лицемѣріе!... Одно лицемѣріе, повѣрьте... Какъ же онъ власть признаетъ, когда подати не платитъ, оброковъ не платитъ?

— Теперь они платятъ все. За Сютаевымъ, какъ я слышалъ, нѣтъ никакой недоимки.

— Да, это теперь, когда онъ увидѣлъ, что ничего ему не подѣлать... А прежде что? — Ни копѣйки не давалъ. Бывало старшина придетъ за оброкомъ, такъ онъ ворота запретъ, калитку на запоръ. „Не пущу,— говоритъ, — не будетъ тебѣ ни гроша!... Какой такой оброкъ? Какія подати? Куда онѣ идутъ? На кого? На какія надобности?... — Вѣдь вотъ что онъ затѣвалъ... Прямо сказать — бунтъ!

Батюшка усиленно засосалъ „цыгарку".

— Бывало старшина честью ему говоритъ: „Чудакъ ты, Василій Кирилловъ, какъ же безъ податей-то? Нешто это возможно? Нешто начальство-то можетъ безъ жалованья-то служить, а?.. Или члены тамъ разные, при разныхъ мѣстахъ, безъ жалованья-то, а?.. Али опять войско, министры?.. Что они даромъ,

что-ли, будутъ тебѣ служить-то, суконное твое рыло, а?“

— Что-жъ опъ?

— Опъ все свое: „По-мнѣ,—говоритъ,—хоть вѣкъ ихъ не будь... Зачѣмъ, говоритъ, намъ войско, зачѣмъ членовъ?“... Слышите?!.. „Прежде, говоритъ, безо всего безъ энтого жили... Намъ, говоритъ, все это безъ надобности“...

Батюшка бросилъ окурокъ, сердито плюнулъ на него и придавилъ ногой.

— Право, я ужъ и не знаю, какъ это гражданское начальство можетъ терпѣть этакую... этакую зловредную секту!

— Но теперь они платятъ подати и оброки исправно.

— Еще бы имъ не платить!.. Сколько разъ у нихъ старшина-то ворота ломалъ, сколько разъ имущество ихъ съ аукціона продавалъ... Видятъ, небось, теперь, что невыгодно, да-а!.. Корова-то у него можетъ рублей двадцать стоила, а старшина-то ее за десять продаетъ; лошадь-то сорокъ стоитъ, а продаютъ за пятнадцать,—поневолѣ будешь платить... Только все это лицемѣрно, все лицемѣрно... Сынъ его теперь на службу не хотѣлъ идти: хоть что хошь съ нимъ дѣлай, хоть до смерти запори,—не присягаетъ и дѣло съ концомъ... Такъ и теперь безъ присяги служитъ. Одно слово—бунтовщики, смуту затѣваютъ!.. И то сказать: можетъ ли быть что доброе

отъ человѣка, который... который святыя церкви не признаетъ, святыя иконы всячески поноситъ?..

— Говорятъ, у него иконы стоятъ въ избѣ?

— Стоятъ... Что-жъ изъ того, что стоятъ?.. А если кто войдетъ да перекрестится, Сютаевъ сейчасъ же и смѣяться: „Ну, кому ты, говоритъ, кланяешься-то?.. доскамъ-то?.. Вѣдь это малеваныя доски!“—Вотъ какой грубіанъ, богохульникъ!

— Таинства признаютъ сютаевцы?—спросилъ я.

— Ни-какихъ! Никакихъ не признаютъ. Къ причастію не ходятъ, къ покаянію тоже... Къ священному сану никакого уваженія не имѣютъ,—даже, напротивъ, всячески издѣваются и поносятъ... Бракъ отрицаютъ, — живутъ все равно какъ скотъ... „Любовь, говорятъ, должна быть со всѣми... Нечего, моль, разбирать, спроха ли, жена ли, — все дескать равно“.

— Правда ли это?

— Гм... Доказать этого нельзя, только люди говорятъ... Ужъ коли Сютаевъ дочь свою прямо, можно сказать, въ развратъ отдалъ, такъ чего тутъ путнаго ждать?

— Что же онъ сдѣлалъ съ своей дочерью?

— Взялъ парня изъ Удальцова, сына Ильи Иванова,—слышали можетъ, тоже по его вѣрѣ?—взялъ, привелъ его къ себѣ и говоритъ дочери: „Вотъ тебѣ, Домна (Домной дочь-то зовутъ), мужъ, ложись съ нимъ, живи“... Почиталъ чего-то изъ Евангелія...

„любите, говоритъ, другъ дружку, почитайте“, — да и табашъ... „Ступайте, говоритъ, съ Богомъ,—будетъ съ вами любовь супружеская“...

— А давно ли Сютаевъ отпалъ отъ церкви?

— Да лѣтъ шесть уже будетъ.

— А прежде какъ онъ жилъ?

— Прежде?— Прежде былъ христіанинъ ревностный, да и къ церкви у него усердіе было большое... Можно такъ сказать, что онъ ревностнѣе всѣхъ былъ къ церкви... А потомъ сталъ отпадать, да отпадать, и совсѣмъ отшатнулся, вовсе совратился...

— Какъ же онъ совратился-то, гдѣ?

— Я и самъ добивался, гдѣ это онъ почерпнулъ эту самую ересь, и дознался-таки.

— Гдѣ же?

— Въ Питерѣ, отъ барона...

— Отъ какого барона?

— Этого я ужъ не могу сказать... Только вѣрно знаю, что отъ барона; а ужъ какой баронъ — Богъ его вѣдаетъ... Сютаевъ у этого барона шесть лѣтъ работалъ, монументъ дѣлалъ... А теперь-то оказалось, что баронъ-отъ — нигилистъ!

— Какъ же это оказалось?

— Люди говорятъ. Доказать этого, разумѣется, нельзя... Слышалъ я только, что этотъ баронъ Евангелія разсылаетъ по деревнямъ.

— А есть ли послѣдователи у Сютаева?

— Какъ не быть!... На худое-то у насъ всегда

много охотниковъ. На доброе-то нѣтъ, а на худое—всегда!... Теперь такъ можно сказать, что вся деревня Шевелино погибаетъ, — вся заразилась его лжеученіемъ. Никто почти и на исповѣдь не ходитъ... Прежде эта деревня самая лучшая была по усердію къ церкви, первая, можно сказать, изо всего прихода, а теперь стала послѣдней... Въ нынѣшнемъ году изъ всей деревни всего-на-все два человѣка на исповѣди были: двѣ старушки — больше никого... Съ крестомъ въ праздникъ придешь, почти никто и не молится... Бросятъ тебѣ пятнадцать или двадцать копѣекъ,—какъ бы отвязаться поскорѣе... А другіе и вовсе не принимаютъ съ иконами, а коли и примутъ, такъ сами норовятъ уйти изъ избы-то куда нибудь на это время, пока пропоешь, что слѣдуетъ... И не смотрятъ, и не глядятъ на священника-то...

Затѣмъ батюшка, по моей просьбѣ, перечислилъ всѣ тѣ семейства, которыя, по его мнѣнію, приняли ученіе Сютаева. Въ этомъ перечисленіи ему не мало помогала матушка-попадья, сидѣвшая въ другой комнатѣ и оттуда подсказывавшая батюшкѣ имена и фамиліи отступниковъ отъ церкви. Но при всемъ этомъ батюшка могъ назвать только восемь семействъ, члены которыхъ, по его увѣренію, всецѣло приняли ученіе Сютаева. Семейства эти распредѣляются между тремя деревнями: Шевелинымъ, Удальцовымъ и Заольемъ.

— Онъ хотѣлъ было и у насъ въ Яковѣ свою

ересь завести,—повадился сюда ходить... Есть тутъ одна вдова и у ней сынъ молодой мужикъ, и мужикъ хорошій... Къ нимъ-то онъ и зачастилъ... И что же? — вѣдь онъ этого мужика совсѣмъ было съ толку сбилъ, да и старуха-то сдѹри на старости лѣтъ, приняла его ученіе... Задумали уже бросить село и ѣхать въ Шевелино, чтобы тамъ, значитъ, жить всѣмъ вмѣстѣ, устроить этакое... все общее, въ родѣ какъ... въ родѣ—эхъ, забылъ слово-то!—вотъ въ газетахъ пишутъ... Эхъ, чтобъ ему!...

— Коммуна, что-ли?

— Вотъ, вотъ, вотъ, она самая!... Ну-съ хорошо. Пришелъ онъ какъ-то разъ сюда великимъ постомъ, и сидитъ у вдовы... Народъ и говоритъ: „Пойдемъ, ребята, Сютаева слушать,—что онъ тамъ проповѣдуетъ?“—Приходятъ въ избу. А онъ сидитъ да свинину ѣстъ,—это ему нарочно на закуску дали.

— Къ водкѣ, что ли?

— Нѣтъ, водку они за грѣхъ считаютъ. Окромя чаю ничего не пьютъ... Какъ увидѣли мужики свинину,—„бей, говорятъ, его, ребята,—что это онъ постовъ не соблюдаетъ?!...“ Вытащили его изъ избы и давай лупить, и давай тузить, кто во что!... Смѣху тутъ было. Ха-ха-ха!... “Крестись!—говорятъ ему,—крестись, такой-сякой!“ А онъ упирается, не хочетъ креста положить... Они вѣдь кресту не вѣруютъ: „въ душѣ, говорятъ, долженъ быть крестъ, въ сердцѣ...“ Хорошо. Притащили его къ ручью... Можетъ запри-

мѣтили на выгонѣ ручей у насъ?... Глубокій, большой ручей... А стояла ростопель,—ручей шумитъ, вода такъ и хлещетъ... Притащили его къ водѣ. „Крестись, — говорятъ, — такой-сякой, а не то — въ воду!...“ И начали его въ воду окунать... Онъ рвется отъ нихъ, а они его въ воду, а вода-то холодная... Онъ брыкается руками, ногами, а креститься—каналья—не хочетъ... Народъ-отъ смотритъ, помираетъ со смѣху, хохочетъ...

Батюшка совсѣмъ развеселился.

— Съ тѣхъ поръ полно сюда ходить,—ни-а-абашь,—какъ рукой сняло!... Эго, какъ-то на Пасхѣ, былъ я съ иконами въ Шевелинѣ. Иду по деревнѣ, а Сютаевъ у воротъ стоитъ.—„Что, говоритъ, сборщики, ходите?...“ Вѣдь каковъ грубіанъ!...—„Нѣтъ, молъ, мы не сборщики: мы—видишь съ чѣмъ—со святыми иконами“.—„Зайди ко мнѣ поговорить“.—„Нѣтъ, говорю, лучше ты къ намъ въ Яконово приходи... Помнишь, молъ, какъ тебя поучили тамъ? Каково выкупали-то? Здорово, небось, а? Ха-ха-ха!.. Помнишь, говорю, али забылъ?... Приходи, такъ молъ еще не такъ выкупаютъ!...“ Ему не полюбилось, отвернулся и говорить не сталъ...

И батюшка снова смѣялся тѣмъ тихимъ, довольнымъ смѣхомъ, какимъ смѣются люди при воспоминаніи о чемъ нибудь очень пріятномъ, отрадномъ.

— Правда, что Сютаевъ не запираетъ своего имущества и что у него совсѣмъ нѣтъ замковъ?

— Нѣтъ, теперь онъ эту самую глупость ужь оставилъ,—запираетъ, а прежде, дѣйствительно, никакихъ замковъ у него не было, все было открыто...

— Отчего же онъ сталъ запирать?

— Красть стали... Сначала баба въ амбаръ залѣзла... Баба-то, правду сказать, зашибаетъ, захотѣла опохмѣлиться, а гдѣ взять? Знаетъ, что у Сютаева все настежь,—ну, и идетъ туда. Забралась въ амбаръ, набрала двѣ мѣрки ржи да и въ кабакъ. А за ней и другія повадились... Заперъ, небось...

— Не знаете ли вы, изъ-за чего распалась община, которую устроили было сютаевцы?

— Съ Луневымъ поссорились... Изъ-за этого и распалась. Луневъ жилъ исправно, торговалъ хорошо, деньжонки имѣлъ и вдругъ все оставилъ: это его Сютаевъ совратилъ. И вѣдь черезъ него Луневъ чуть всего не рѣшился, право! Онъ его до сумы чуть не довелъ... Ну, только жена его поддержала. А теперь онъ и самъ за умъ взялся: „нѣтъ, говоритъ, полно тебя слушать“,—и, кажись, опять началъ поторговывать полегоньку... Теперь у Сютаева большая дружба съ Ильей Ивановымъ, и хоть они вмѣстѣ не живутъ, однако я слышалъ, что у нихъ все сообща, все общее. Жена Ильи разсказывала мнѣ, что какъ-то Сютаевъ пришелъ къ нимъ и говоритъ: „дай, братъ, мнѣ тёлку,—нужна, молъ, мнѣ“. А тотъ, Илья, и говоритъ: „что-жъ, братъ (у нихъ все *братъ* — любимое слово), обирай, коли нужна“,

и пошелъ за телкой. Только тутъ жена встушилась.— „Съ чего, говоритъ, тебѣ телку? Я поила-поила, да и отдай? Да ни за что, говоритъ, ни въ жисть не отдамъ! Ишь что выдумали...“ Такъ и не дала. Отъ этого больше у нихъ и раздоръ-отъ идетъ въ домѣ.

— Говорятъ, Илья жестоко обращается съ женой... Можетъ быть онъ бьетъ ее?

— Нѣ-ѣтъ, этого у нихъ нѣтъ... Ка-акже, вѣдь они все-таки того... по духу... Хе-хе-хе! Она часто ко мнѣ ходитъ, жалуется, только о битьѣ никогда слова не говаривала.

— На что же она жалуется?

— Тѣснитъ, говоритъ: иконы всѣ перекололъ, молиться стало не на что. Все неудовольствія... Опять же насчетъ постовъ. *Они* не разбираютъ: среда ли, пятница ли, чистый ли понедѣльникъ,—для нихъ все равно. У нихъ круглый годъ масляница, каждый день молоко... А она этого не можетъ. Вотъ у нихъ и идетъ раздоръ.

— На какомъ же основаніи они отрицаютъ посты?

— Гм... основаніе!... Захотѣли вы тоже отъ этихъ людей основаній! Одно они толкуютъ: у Бога, молъ, всѣ дни одинаковы: что суббота, то пятница—все равно; значитъ—ѣшь что хочешь! Тогда постись, когда нѣтъ ничего... Вотъ они такъ-то обо всемъ разсуждаютъ. Все то есть нелѣпо, все нелѣпо... Кто понимаетъ, тотъ и говорить-то съ ними не станетъ.

— Что они грамотны, или нѣтъ?

— Сютаевъ съ грѣхомъ пополамъ читаетъ, а Илья—тотъ ничего не смыслитъ. Однако книги тоже имѣетъ... ка-акже! Жена разсказывала: возьметъ, говоритъ, въ руки Евангеліе, развернетъ его и смотритъ, смотритъ; какъ будто понимаетъ что—перелистываетъ, а самъ вѣдь ни аза въ глаза не знаетъ!... Вздохнетъ, говоритъ, и опять на полку положитъ, какъ будто и начитался... Просто смѣхъ съ ними! Смѣхъ и горе.

Батюшка помолчалъ.

— Да и то надо сказать, что отъ этихъ самыхъ книгъ не малый вредъ идетъ въ народѣ.

— Какъ такъ?—изумился я.—Отъ какихъ книгъ?

— Отъ Евангелій, отъ этихъ самыхъ дешевыхъ изданій, отъ Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Кабы они могли понимать, что къ чему значитъ въ словѣ Божіемъ, тогда такъ, а то вѣдь они все по-своему, все превратно понимаютъ, все вкривь... Вотъ поэтому ко вреду все и идетъ... Ужъ я, грѣшный человѣкъ, когда случится, отбираю у нихъ эти самыя книжки-то. „Дай-ка, молъ, мнѣ почитать,—я что-то этакого-то не видѣлъ...“ А у меня ихъ пятнадцать штукъ!... Возьму да и оставлю у себя,—соблазну меньше... Да, большое зло отъ этой секты... И она не выведется такъ... Что-жъ!... Преслѣдованій на нее никакихъ нѣтъ, никто ихъ хорошенько не пугнетъ,—вотъ они и колобродятъ... Да-а, безъ правительства ее не искоренить...

— Какія же мѣры, по вашему мнѣнію, слѣдовало бы предпринять относительно этой секты?

— Гражданская власть можетъ скорѣе прекратить... Писалъ я объ этомъ преосвященному, а онъ отписываетъ: „словомъ, говоритъ, Господнимъ, убѣжденіемъ“... Словомъ Господнимъ!... Да вѣдь это легко говорить тому, кто не знаетъ. А попробуй-ка на дѣлѣ, такъ и увидишь, что словомъ-то Господнимъ ничего не подѣлаешь съ этими народами... Да, ничего не прекратишь съ „убѣжденіемъ“-то... Назначили благочинническій совѣтъ „для увѣщанія“... Пріѣхалъ благочинный, священники... Привезли Сютаева, семейныхъ его, еще кой-кого... Что-же? Часа три съ ними бились, а толку никакого. Каждый свое, кто во что горазд... Пришли всѣ съ книжками — съ Евангеліями... Бабенки — и тѣ какъ кричатъ — бѣда! Благочинный ихъ увѣщеваетъ, а они и слушать его не хотятъ, кричатъ: „мы теперь новая тварь, обновленная тварь... Прежде блуждали, теперь познали“...

— Обращался я какъ-то къ помощнику исправника. Зачѣмъ, говорю, вы дозволяете въ подполь хоронить? Сютаевцы хоронятъ гдѣ попадется: на огородѣ, въ избѣ подъ полами, — для нихъ все равно... Послали урядника. Тотъ пріѣхалъ, чаю у Сютаева попилъ, взялъ съ него десять рублей, да съ тѣмъ и уѣхалъ. А начальству доноситъ, что искалъ тѣла, но ничего подозрительнаго не отыскалось... Ну, слыхано-ли дѣло, чтобы тѣла не найти? Вѣдь это не иголка?

Какой же онъ послѣ этого урядникъ? Какъ же начальство-то не вникнетъ въ это дѣло?... Ну, возьми мать: она должна знать, гдѣ дитё схоронено... Взять ее, засадить, давать ей только чтобы не околѣла съ голоду!... Небось, скажетъ... Нѣтъ, это что? — Поблажки!... У меня бы она заговорила! Дали бы мнѣ жезлъ власти, какъ примѣрно становымъ, такъ я бы живо открылъ, я бы раскопалъ, я... я бы имъ показалъ!... Я... я...

И въ сильномъ раздраженіи батюшка снова берется за кисетъ, снова начинаетъ крутить „цыгарку“ на этотъ разъ еще болѣе дрожащими руками... Я начинаю прощаться.

V.

Первыя знакомства.

На другой день моего пріѣзда въ Повѣдь въ этомъ селѣ былъ какой-то мѣстный праздникъ и вмѣстѣ базаръ. Устроившись на новой квартирѣ, я зашелъ къ Ивану Зиновеичу. Вся семья сидѣла за самоваромъ и усердно занималась чаепитіемъ. Кромѣ своихъ тутъ было нѣсколько человѣкъ гостей, дальнихъ родственниковъ, пріѣхавшихъ въ Повѣдь на базаръ и праздникъ.

Иванъ Зиновеичъ разсказывалъ объ Ильѣ Ивановѣ.

— Урядникъ его спрашиваетъ. „Зачѣмъ ты, Илья

Ивановъ, образа раскололъ?“ — А онъ говоритъ: „я имъ молился-молился, они меня не милуютъ, я взялъ да и раскололъ ихъ, а сынъ въ печку бросилъ“.

При этомъ разсказѣ одни разсмѣялись, другіе же, большинство, сурово-неодобрительно покачивали головами. Но въ хозяйкѣ, женѣ Ивана Зиновеича, разсказъ этотъ видимо взволновалъ всю желчь.

— Нынь какой богохульникъ! — горячо заговорила она, — нынь!... Нѣтъ, эту вѣру надоть прекратить, а то бѣда... Избави Богъ, — и она посматривала на всѣхъ, ожидая поддержки.

Однако никто не спѣшилъ становиться на ея сторону, а Иванъ Зиновеичъ своимъ всегдашнимъ тономъ „полированнаго“ человѣка мягко замѣчаетъ:

— Не наше дѣло, матушка!... Это ужь начальству видпѣе.

Онъ, какъ и большинство нашихъ мужиковъ, не долюбливаетъ, когда жена слишкомъ рѣзко и самостоятельно выступаетъ въ какомъ нибудь важномъ, серьезномъ дѣлѣ.

— Насильно, матушка, никого не спасешь, — внушительно заявляетъ одинъ изъ гостей.

— Онъ (Сютаевъ) какъ быть худого ничего не производитъ. Все старается какъ ни на есть лучше, чтобы все, значитъ, по правдѣ было... въ мірѣ, въ согласіи.

— Это вѣрно, онъ правды желаетъ, правды добивается.

— Какая тутъ правда, коли человѣкъ креста не несетъ! — возмущалась хозяйка. — Спроси ты его: есть-ли у него крестъ-отъ за пазухой? Вѣдь у него нѣтъ креста-то!

Но Иванъ Зиновичъ и тутъ не сдался.

— Да это ничто, — снова началъ онъ своимъ примирительнымъ тономъ. — Не надо этого говорить: мало-ли людей креста не носятъ, а законъ все же исполняютъ. Это ничто! Не въ этомъ сила.

Эти доводы однако нисколько не убѣждали его жены, — она не унималась.

— Дядя Михайла разсказывалъ, — повѣствовала она, — что это, говоритъ, Василій Кирилловичъ, у тебя иконъ-то нѣтъ въ избѣ? Божница-то, говоритъ, никакъ пустая стоитъ? — „Были, говоритъ, иконы-то, много было, да всѣ, говоритъ, признаться, вылинялн!“ — Хозяйка съ негодованіемъ оглядѣла всѣхъ присутствовавшихъ. — Я дивлюсь, какъ у него языкъ-то не отсохъ. Вылинялн!... Вѣдь этакое слово сказалъ!

Она на минуту остановилась, чтобы разлить чай въ чашки, которыя ежеминутно опоражнивались гостями; но, покончивши съ чаемъ, тотчасъ же снова разразилась:

— Великимъ постомъ говядину трескаетъ!.. Дивлюсь, какъ у него брюшина-то не лопнетъ!

Въ сущности это была женщина необыкновенно добрая, внимательная, даже, если хотите, деликатная; вообще она была крайне словоохотлива и говорлива,

но ея болтливость всегда была самаго безобиднаго и добродушнаго свойства... А тутъ вдругъ — негодованіе, желчь, чуть не свирѣпость. Ясно, что вопросъ, о которомъ шла рѣчь, затрогивалъ больное мѣсто.

На этотъ разъ она даже не замѣчала или вѣрнѣе не хотѣла замѣчать косыхъ, недовольныхъ взглядовъ своего мужа, котораго вообще замѣтно побаивалась и который давно уже поглядывалъ въ ея сторону, какъ бы желая сказать: „полно тебѣ, прикуси языкъ-то,—не твоего ума тутъ дѣло“.

— Мы почитай что сусѣдями будемъ съ Шевелинымъ,—началъ одинъ изъ гостей, хранившій до тѣхъ поръ молчаніе. — Видимъ *его* жисть...

— Ну, и что же? — спросилъ я.

— Ва-а всемъ поступаетъ какъ слѣдыть быть, то есть какъ нельзя лутче дѣлаетъ. Одно худо...

— Что такое?

— Иконы нарушилъ, посты нарушилъ. Кабы не это, прямо сказать — первый бы человѣкъ былъ по жизни.

Я спросилъ, начитанъ ли Сютаевъ и каково онъ говоритъ.

— Говоритъ онъ... одно слово—четко говоритъ и отъ Святаго Писанія начитанъ въ избыткѣ, можно сказать.

— Резонисто говоритъ,—авторитетно, подтвердилъ „сусѣдъ“.

Не желая откладывать въ дальній ящикъ, я рѣ-

шилъ въ тотъ же день начать свое знакомство съ сютаевцами и на первый случай выбралъ Илью Иванова. Отъ Повѣди до Удальцова, гдѣ живетъ Илья, какъ я уже замѣтилъ, не болѣе трехъ верстъ. Дорога веселая и красивая: по высокимъ зеленымъ берегамъ рѣчки Повѣди густо разбросались деревеньки: Житниково, Головорѣзово, Удальцово и проч. Мѣстность привольная, слегка холмистая, поля смѣняются рощами и перелѣсками. Бѣлая повѣдская церковь, стоящая на высокомъ берегу Повѣди, ярко свѣтлѣется далеко во всѣ стороны. Кругомъ, куда ни посмотришь, всюду сочная, свѣжая, весенняя зелень кажется, такъ вотъ и прыскаетъ изъ земли.

Я иду по гладкой, ровной дорогѣ, что желтоватою полоской перерѣзываетъ зелень луговъ и полей и змѣйкой бѣжитъ по холмамъ. День выпалъ теплый и хотя бѣловатыя тучевыя облака по временамъ набѣгаютъ цѣлою гурьбой и закутываютъ солнце, но вскорѣ снова проносятся и снова синее небо привѣтливо сверкаетъ съ вышины и солнце снова таетъ въ огненныхъ снопахъ своихъ лучей.

Вотъ и Удальцово. На бревенчатомъ углу избы виситъ бѣлая дощечка, на которой черными буквами написано: „сельскій староста“. Я подхожу къ избѣ и осторожно, какъ это обыкновенно дѣлаютъ странники, стучу палкой въ ставень.

— Хозяйка, а хозяйка!

— Кто тамъ? Чаво ты?—послышались вопросы и нѣсколько женскихъ лицъ показалось въ окнахъ.

— Нельзя ли молока испить?

— Молока-то?.. Да, вишь, топленаго-то нѣтъ.

— Да мнѣ топленаго и не надо. Небось съ устоемъ есть?

— Какъ не быть... Ну, что же, ступай въ избу.

Я, разумѣется, не заставилъ себя ждать. Вхожу. Самая обыкновенная крестьянская изба; вся обстановка явно доказываетъ, что владѣлецъ этой хаты отнюдь не можетъ похвалиться своимъ достаткомъ. Голыя, темныя, бревенчатыя стѣны, лавки вокругъ, огромная закоптѣлая печь, низкія палати, съ которыхъ въ одномъ мѣстѣ свѣсилась пола стараго, грязнаго полушубка; маленькія окна съ зеленоватыми стеклами. Но есть въ этой хатѣ одна особенность, которая невольно бросается въ глаза и поражаетъ каждаго входящаго въ эту избу: это — полное отсутствіе иконъ. Правда, въ переднемъ углу, гдѣ всегда ставятся иконы, виднѣется большая полка, но на ней нѣтъ ни одной иконы; вмѣсто нихъ тутъ лежитъ нѣсколько книгъ.

На лавкахъ, идущихъ вдоль стѣнъ, сидятъ двѣ красивыя молодухи, хозяйка, пожилая, высокая баба, одѣтая вся въ темномъ и повязанная чернымъ платкомъ, и самъ Илья Ивановъ. Одна изъ молодухъ, какъ послѣ оказалось, была Домна, дочь Сютаева, вышедшая замужъ за сына Ильи Иванова, другая—

гостья, сосѣдка. На широкой скамейкѣ, приставленной сбоку печки, сидитъ дряхлая-предряхлая старуха, мать Ильи Иванова; она сидитъ, спустивши ноги къ полу и прислонивъ туловище и голову на груду грязнаго тряпья, замѣняющаго ей подушку. Вся высохшая, сморщенная, съ слабыми, трясущимися членами, полуглухая, полуслѣпая, она походила скорѣе на какую-то замогильную тѣнь, чѣмъ на живаго человѣка; казалось, въ этомъ, высохшемъ, какъ мумія, тѣлѣ не оставалось болѣе ни одной капли живой крови. По временамъ она приподнимала голову, дрожавшую на тонкой, морщинистой, худой шеѣ, неподвижно вперяла то на одного, то на другаго изъ насъ свои тусклые, слезящіеся, съ красными орбитами глаза и издавала какіе-то странные, стонущіе звуки. Богъ вѣсть, что означали эти звуки; сначала мнѣ казалось, что она хотѣла выразить этими стонами ужасъ, который, по всему вѣроятію, должны были вызывать въ ней вольнодумныя рѣчи ея сына; но затѣмъ я убѣдился, что это — не то; скорѣе всего эти стоны были просто жалобами на судьбу, пославшую столь долгую жизнь, что она обратилась, наконецъ, въ тяжкое бремя. Жутко было смотрѣть на этотъ заживо разлагающійся организмъ.

Самъ Илья Ивановъ—высокій, крупный, ширококостный человѣкъ. Меня поразилъ цвѣтъ его лица—блѣдный, чуть не матовый, съ легкимъ землистымъ оттѣнкомъ; такія лица бываютъ у людей, которыхъ

долгое время держать въ тюрьмѣ, безъ свѣжаго воздуха, безъ движенія. Очевидно, прежде онъ былъ брюнетъ; но теперь обильная сѣдина густо забѣлила волоса и особенно окладистую бороду и необыкновенно большія брови. Съ блѣднаго лица вдумчиво и нѣсколько грустно смотрятъ большіе, выразительные глаза; на лбу глубокія морщины. Движенія его медленны, лицо серьезно, въ общемъ вся фигура его внушительна.

Поздоровались; меня попросили сѣсть къ столу. Вскорѣ передо мной появилась корчажка съ густымъ, цѣльнымъ молокомъ и деревянная ложка, носившая несомнѣнныя слѣды долгаго употребленія. Затѣмъ предложили, не нужно ли хлѣба, соблазняли „мягкимъ караваемъ"; все это дѣлалось и предлагалось какъ-то особенно радушно, любовно.

Разговоръ шелъ о только-что оконченныхъ посѣвахъ. Но затѣмъ незамѣтно и мало-по-малу перешелъ на вѣру, церковь и священниковъ. Сколько помнится, началось съ праздниковъ. Жена Ильи укорила мужа, что онъ праздниковъ не почитаетъ, въ праздники работаетъ.

— Въ работѣ грѣха не бываетъ, — возразилъ Илья.—А такихъ праздниковъ, чтобы напиться, наѣсться—я не почитаю. Въ праздники нужно добрыя дѣла творить, бесѣдовать, совѣтовать. А мы вина накушимъ, напьемся. Споръ, ругань... Пересужаемъ другъ дружку, скверныя пѣсни...

— У васъ никакъ иконъ-то нѣтъ? — спросилъ я, взглянувъ въ передній уголъ.

Всѣ вдругъ замолчали, а Илья Ивановъ коротко проговорилъ: „Нѣту... Не держимъ“.

Домна, которая, сидя на лавкѣ, въ полголоса переговаривалась о чемъ-то съ гостьей, вдругъ смолкла.

— Ты въ избу-то вошелъ, небось креста не положилъ,—посмѣиваясь, сказала она мнѣ,—а тоже икону спрашиваешь!..

Я только что хотѣлъ ей возразить, но меня перебила жена Ильи. Она заговорила порывисто, спѣша, и въ тонѣ ея голоса слышались и прорывались то раздраженіе, то насмѣшка.

— И хотѣлъ бы перекреститься да не на што! Можетъ и хотѣлъ бы помолиться, да не кому, — уголъ-то пустой стоитъ... Ни одной-то святой иконы нѣтъ во всемъ домѣ... На што намъ иконы? Какая отъ нихъ польза есть? Мы ихъ лутче на истопку изведемъ, по крайней мѣрѣ дровамъ замѣна... А иконы намъ не нужны,—на што онѣ?!

Все время, какъ говорила жена, горькая улыбка бродила по лицу Ильи. Но онъ и не думалъ перебивать ее; когда же она замолчала, онъ началъ:

— „Поклонитесь единому Богу... *Единому* Богу“, сказано въ Писаніи, — медленно, съ чувствомъ произнесъ онъ. — А народъ-то иконы зоветъ богами... Покланяется имъ... Часть отъ нихъ защиту себѣ получить... Сколько у нихъ боговъ-то, подумаешь...

Это ужь прямо идолопоклонство выходитъ. Въ Писаніи сказано: „деревянные, каменные, серебряные— не боги, а идолы“.

— Когда этто мы Писанію-то обучились?—перебила жена.—Кажись, аза въ глаза не знали, а тоже о Писаніи разсуждаемъ... Всѣ люди, выходитъ, вишь глупѣе насъ: всѣ иконамъ покланяются, одни мы не хотимъ. Этакіе мы особенные, ужъ видно и въ правду умнѣе насъ на свѣтѣ нѣтъ... Всѣ въ церковь ходятъ, а мы не хотимъ... Зачѣмъ туда идти? Тамъ зло,— передразнивала она кого-то.

— Да што такое церковь-то?.. Ты объ этомъ-то посуди.

— А по твоему што?— вызывающимъ тономъ перебила жена.

— Человѣкъ — вотъ что! Люди. Въ насъ самихъ церковь-то... А ты какъ думала? Мы сдѣлали церковь-то вертепомъ: идоловъ тамъ наставили, торгуемъ въ ней... А не для торговли она дадена, а для праведности, чтобы любовь въ ней была... А у насъ у всѣхъ корысть, а у священниковъ-то вдвое.

Жена вступилась за священниковъ.

— Ты пить-ись хочешь, а имъ, небось, голодомъ жить? Надо и имъ какъ ли питаться... У нихъ расходу-то, можетъ, побольше твово... Пословица говоритъ: купецъ—торгомъ, мужикъ горбомъ, а попъ— горломъ... Всякому свое.

— Видно ты, Авдотья, забыла, какъ лопись ба-

тюпка-то о прибыткахъ своихъ говорилъ?.. Кажись, при тебѣ разговоръ-отъ былъ. „Вотъ, говоритъ, у меня подрядчикъ,—а самъ на крестъ указываетъ,—не надо его лучше: махну имъ, и есть двадцать копѣекъ!“

Домна и гостья смѣялись.

— Какъ шибай кнутомъ,—продолжалъ Илья,—все равно и попъ крестомъ... Стало быть они слѣпые вожди, стало быть надо оставить ихъ, не ходить слѣдомъ за ними,—тутъ добра не будетъ: слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму упадутъ.

Всѣ молчали; только хозяйка что-то бормотала про себя.

— Безъ покаянія человѣку спасенія не будетъ,—слышалось по временамъ.— Другихъ осуждаемъ, а сами закона не исполняемъ. Ты скажи лучше, давно ли ты на исповѣди-то былъ? Чай забылъ ужъ.

— Давно не былъ, што и говорить... Да дастъ Богъ и совсѣмъ не пойду. А отчего? Я тебѣ скажу,—обратился Илья ко мнѣ.— Не говѣлъ я какъ-то, за недосугомъ больше, хоть и въ ту пору въ мысляхъ-то у меня ужъ пошло это сумленіе. Годъ не говѣлъ и другой не говѣлъ. Священникъ и пристаетъ: „Чего ты, говоритъ, къ исповѣди не идешь? Безъ покаянія, братъ, не спасешься, говоритъ, не думай, а душу, говоритъ, безпремѣнно загубишь, коли на исповѣдь не сходишь. Прямо, говоритъ, въ огнь кромѣшный уготовишь“.— Да вотъ, говорю, батюшка, недосугъ

все, ужо соберусь.—„А мы за васъ, говоритъ, отвѣтъ должны держать и передъ Богомъ и передъ начальствомъ. Начальство-то, говоритъ, вѣдь тоже о васъ попеченье имѣетъ: отчего, говоритъ, такой-то Илья Ивановъ въ исповѣдной не записанъ, а? Вотъ тутъ и отвѣчай, говоритъ, за вашего брата... А было бы ище за што. Ты не придешь на исповѣдь, другой не придетъ; ты ничего не принесешь, другой не принесетъ, а вѣдь мы энтимъ только и живемъ“. Вижу я куда это онъ клонитъ-то, и говорю ему: Ну, што же, батюшка, извольте молъ получить съ меня, я, дескать, не прочь,—и даю ему двадцать копѣекъ. Онъ сичасъ мягче сталъ и говоритъ:—„Ладно, братъ, я тебя запишу, что молъ былъ у исповѣди... не безпокойся, говоритъ“. И пошелъ дальше. Только я этакъ остановилъ его маненько да и говорю:—„Стало быть, батюшка, я теперь получилъ прощеніе въ грѣхахъ своихъ? Душу-то свою теперь ужь я не погублю, стало быть?“—Онъ какъ глянетъ на меня, смотрѣлъ-смотрѣлъ, погрозилъ этакъ пальцемъ и говоритъ:—„Ты, смотри у меня, того... не заговаривайся больно! А не то, говоритъ, я найду на тебя расправу!“ И пошелъ. Съ энтихъ самыхъ поръ я ужъ больше не хожу на исповѣдь. Богъ съ ними!

— Хоть то хорошо, что не дорого берутъ за спасеніе-то: всего-то двадцать копѣекъ,—говорила, смѣясь Домна.

— Ужъ чего дешевле!—вторила ей гостья. Но она

сейчасъ же спохватилась. — Охъ, согрѣшила я съ вами!—и стала собираться домой.

Старуха, мать Ильи, вдругъ заохала, застонала. На этотъ разъ въ ея стонахъ можно было явственно разслышать слова:— „Смерти... смерти Богъ не даетъ“.

Обыкновенно положеніе такихъ старухъ и стариковъ въ крестьянской семьѣ весьма незавидное; семья всегда тяготится ими, такъ какъ они требуютъ за собой слишкомъ много ухода. Намъ случалось даже нерѣдко встрѣчать случаи замѣчательно безсердечнаго отношенія родной семьи къ своимъ одряхлѣвшимъ сочленамъ. Но,—съ удовольствіемъ отмѣчаемъ это,—ничего подобнаго не встрѣтили мы здѣсь, въ семьѣ Ильи Иванова; напротивъ, какъ онъ самъ, такъ и его жена да и остальные члены семьи относились къ этой развалинѣ-старухѣ съ полною заботливостью и вниманіемъ, вслушивались въ ея стоны и старались угадать ея желанія.

Старуха, наконецъ, успокоилась и разговоръ снова возобновился. Авдотья, жена Ильи, снова начала толковать объ иконахъ, настаивая на томъ, что „нигдѣ не показано, чтобы рубить да колоть иконы на дрова“.

— Нигдѣ не показано, чтобъ и покланяться иконамъ,—возражалъ, мужъ.—Ты вѣришь иконамъ, а слову Господню не вѣришь, Евангелію не вѣришь.

— Сютаевскому евангелію не вѣрю,—съ насмѣшкой говорила Авдотья,—да и вѣрить избави Богъ.

— Сютаевскому!.. Нешто его Сютаевъ писалъ?

Евангеліе-то, братъ, одно для всѣхъ,—апостолы писали. Тамъ объ иконахъ-то прямо обозначено, не помню только твердо—гдѣ, въ какомъ мѣстѣ...

Онъ полѣзъ на полку, досталъ оттуда Новый и Ветхій Завѣтъ на русскомъ языкѣ и положилъ предо мной.

— Не знаешь ли ты,—спросилъ онъ меня,—гдѣ это показано, что деревянные и каменные—не боги?

Для меня было ясно, что онъ говорилъ о текстѣ, столь распространенномъ среди молоканъ, штундистовъ и тому подобныхъ сектантовъ, это именно—о двадцатомъ стихѣ девятой главы „Откровенія Іоанна“.

— „Чтобы не покланяться бѣсамъ и золотымъ, серебрянымъ, мѣднымъ, каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, которые не могутъ ни видѣть, ни слышать, ни ходить“—сказалъ я наизусть.—Это что-ли?

— Вотъ-вотъ, это самое!—повторялъ Илья. Онъ, видимо, былъ очень доволенъ и замѣтно расположился въ мою пользу.—Вижу я,—сказалъ онъ,—что ты въ Писаніи свѣдущъ. Поговори со мной о законѣ, сдѣлай милость! Какъ ты насчетъ крещенія полагаешь?..

По многимъ причинамъ я вовсе не желалъ на этотъ разъ высказывать своихъ взглядовъ какъ на разные частные религіозные вопросы, такъ и на православіе вообще (что неизбѣжно пришлось бы при подобной бесѣдѣ), а потому, на просьбу Ильи, отвѣчалъ ему такъ:

— Къ чему много говорить о законѣ? Вѣдь сказано, что весь законъ въ одномъ словѣ заключается: „люби ближняго твоего какъ самого себя“ (Послан. къ Галат. гл. 5, стихъ 14).

Илья вдругъ поднялся съ мѣста. Глаза его свѣтились; взволнованное чувство слышалось въ голосѣ.

— Вотъ это самое!.. Это самое завсегда говоритъ братъ Василій,—произнесъ онъ.—Эти самыя слова!

— Кто это братъ Василій?—спросилъ я.

— Василій Кирилловъ, шевелинскій, Сютаевъ. Вотъ что она смѣялась-то: евангеліе-то, говоритъ, сютаевское,—этотъ самый. Ахъ, кабы ему съ тобой увидаться!

Само-собой понятно, что я какъ нельзя болѣе былъ радъ такому обороту. Мы условились увидѣться на другой же день. Илья обѣщалъ отправиться въ Шевелино и привести ко мнѣ Сютаева.

— Будемъ, безпремѣнно будемъ за утро. Мотри, ожидай,—говорилъ Илья, провожая меня на крыльцо.

VI.

Сютаевское евангеліе.

За все послѣднее время мнѣ пришлось такъ много наслушаться о Сютаевѣ, что, признаюсь, не безъ нѣкотораго волненія ожидалъ я на другой день встрѣчи съ этимъ человѣкомъ.

Седьмой часъ утра. Хозяйка внесла самоваръ и „доложила“, что пришли какіе-то люди, „должно изъ Удальцова“, и спрашиваютъ меня.

— Веди, веди ихъ сюда!

Дверь отворилась и вошелъ Илья Ивановъ. За нимъ переступилъ порогъ маленькій, тщедушный человѣкъ, лѣтъ пятидесяти пяти, одѣтый въ суконный, потертый съ узкими рукавами, туго застегнутый кафтанъ, изъ-подъ котораго видѣлись синія, нестриженныя порты и большіе, тяжелые, неуклюжіе сапоги; въ рукахъ онъ держалъ фуражку, какія обыкновенно носятъ въ городахъ рабочіе.

Все мое вниманіе сосредоточилось на этой маленькой, невзрачной фигурѣ и, признаюсь, что-то въ родѣ разочарованія, что-то въ родѣ обманутой надежды проскользнуло въ головѣ,—такъ та фигура была обыденна, такъ заурядна. Во всей внѣшности того человѣка не было рѣшительно ничего сколько нибудь выдающагося, ничего экспрессивнаго, если можно такъ выразиться; ни въ его осанкѣ, ни въ его походкѣ, ни въ его манерѣ держать себя, ни во взглядѣ, наконецъ, его простыхъ, добрыхъ сѣрыхъ глазъ съ бѣлобрысыми бровями—не было ничего такого, что бы хотя сколько нибудь импонировало васъ,—ничего, что бы выдѣляло его изъ тысячи другихъ, подобныхъ ему, субъектовъ, составляющихъ сѣрую массу народную, ничего, что бы говорило, что предъ вами стоитъ человѣкъ далеко не дюжинный, созцатель

особаго ученія, съ новыми, неслыханными въ этой средѣ принципами,—создатель „новой вѣры“, пропагандистъ и проповѣдникъ, увлекшій за собой сотни людей.

Не то рыжеватые, не то бѣлобрысые, рѣдкіе волосы, всегда слипшіеся, всегда чѣмъ-то смоченные, зачесаны на выпуклый лобъ. Худое лицо съ розовымъ оттѣнкомъ, съ тонкимъ, маленькимъ носомъ и двумя рѣзкими морщинами, идущими отъ угловъ рта, кончалось острымъ подбородкомъ, на которомъ торчала клиномъ, или вѣрнѣе мочалкой, небольшая, всегда скомканная, блѣдно-рыжеватая бородёнка. На тонкихъ, сухихъ губахъ то появлялась, то снова исчезала какая-то особенная улыбка съ оттѣнкомъ грусти и горечи.

Они вошли, не крестясь; даже не взглянули на образа, висѣвшіе въ правомъ углу. Мнѣ показалось, что Илья Ивановъ былъ какъ-то особенно серьезенъ, сосредоточенъ, почти важенъ; въ то же время замѣтное внутреннее возбужденіе сказывалось въ его движеніяхъ, въ его взглядѣ; не только лицо, но и губы его были совсѣмъ блѣдны.

Не безъ нѣкоторой торжественности представилъ онъ мнѣ своего учителя. Послѣ первыхъ привѣтствій мы усѣлись за столъ и принялись за чаепитіе. Дорогой я слышалъ отъ кого-то, что сютаевцы, подобно нѣкоторымъ изъ старовѣровъ, отрицаютъ чай и считаютъ за грѣхъ пить его.

— Все это пустое! — заговорилъ Сютаевъ, и его обычная усмѣшка засвѣтилась въ глазахъ, расплылась по лицу. А у него была замѣчательная усмѣшка: обыкновенно въ ней проглядывало какое-то горькое, скорбное чувство, чувство сокрушенія, соболѣзнованія или, если хотите, „міровои скорби“; но когда онъ начиналъ говорить о чемъ-нибудь веселомъ, отрадномъ, когда онъ начиналъ подтрунивать, иронизировать надъ чѣмъ-нибудь смѣшнымъ и нелѣпымъ,—тогда въ широкои усмѣшкѣ этого некрасиваго, обыденнаго мужицкаго лица появлялось столько добродушія, столько ясности, юмора и свѣта, что, глядя на него, ваше лицо совершенно невольно складывалось въ улыбку, а на душѣ у васъ становилось какъ-то особенно хорошо.

— У Бога все создано на пользу человѣка,—какой тутъ грѣхъ? Всякое произрастеніе—для человѣка: и чай растетъ, и хлѣбъ растетъ, и дубъ растетъ и... и ленъ растетъ,—все растетъ, и все для человѣка.

— А водка?

— Што-жъ водка?—По-моему и въ водкѣ никакого грѣха нѣту.—Напиваться—это другое дѣло... А штобы выпить стаканчикъ, примѣрно, тутъ грѣха нѣтъ никакого.

— Отъ водки вредъ идетъ большой,—замѣтилъ Илья Ивановъ.

— Вредъ ото всего идетъ,—не отъ одной водки,

а ото всего, ото всего... Захворалъ ты, къ примѣру,—дохтуръ тебѣ и хлѣба не дастъ, потому отъ него вредъ, отъ хлѣба-то... Ужъ на што, кажись, хлѣбъ, а нельзя, ни-ни... Хлебай одно молоко и дѣло съ концомъ... А отъ водки, случаемъ, люди исцѣленіе получаютъ. Въ питьѣ, да въ ѣдѣ душа мѣру должна знать, а грѣха въ нихъ нѣтъ никакого.

— Ну, а свинина какъ?.. Неужто тоже не грѣхъ?—спросилъ я.

Меня интересовалъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, такъ какъ извѣстно, что даже такіе раціоналисты, какъ молокане, считаютъ большимъ грѣхомъ употреблять въ пищу свиное мясо.

— Для чистаго—все чисто... И свинья на пользу идетъ. Коли въ мѣру, нѣтъ грѣха ни въ чемъ.

— Но, вѣдь, о свиньѣ,—возразилъ я,—прямо сказано въ Священномъ Писаніи, что хотя она и имѣетъ раздвоенное копыто, но жвачки не отрыгаетъ, а потому должна считаться нечистою.

Сютаевъ, улыбаясь, выслушалъ цитату.

— Это гдѣ, бишь, сказано-то?—прищурившись, съ хитрымъ видомъ, спросилъ онъ.

— Въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ книгѣ Левитъ, глава 11-я,—отвѣчалъ я.

— Такъ... А что Спаситель сказалъ? „Не то, что входитъ въ уста, оскверняетъ человѣка, но то, что изъ устъ“... Почитай-ка Матвѣя, 15-я глава, стихъ 11-й, почитай... Да и у Марка то же самое обозна-

чено, да и у Луки то же самое... Стало быть, нито тутъ толковать!.. Мы должны Спасителевымъ словамъ вѣрить... Въ одномъ мѣстѣ мнѣ свинины дали закусить, а дѣло-то великимъ постомъ было,—и я ѣлъ. Въ Евангеліи сказано: и ежели придете въ какой городъ и примутъ васъ, ѣшьте, что вамъ предложатъ", и „ежели придете въ домъ, ѣшьте и пейте, что у нихъ есть, и не переходите изъ дома въ домъ"... Евангеліе Луки, глава 10-я, стихъ 7 и 8. Вѣдь *прямо сказано,* чаво же мы нино хитрить-то будемъ?

— Стало быть, по-твоему, и посты?..

— Одна наша глупость, больше ничего,—отвѣчалъ Сютаевъ, наливая себѣ въ чай молока.—Въ молокѣ нѣтъ грѣха, поэтому можно его хлебать и сегодня, и завтра, и завсегда, когда только захотѣлъ. Убивать—грѣхъ, поэтому и сегодня грѣхъ убивать, и завтра грѣхъ, и завсегда грѣхъ... Такъ и мясо, такъ и все... А у насъ малый ребенокъ заплачетъ, молока запроситъ,—мать сичасъ его въ голову—хлопъ! „Не знаешь, молъ, сегодня какой день-то?—Среда! Завтра дамъ, завтра—четвертокъ!"... Какой-же это постъ?

— Но, вѣдь, и самъ Іисусъ Христосъ постился,— возразилъ я.

Это замѣчаніе однако нисколько не смутило Сютаева. Онъ отвѣчалъ (передаю лишь общій смыслъ его возраженій), что пощеніе І. Христа не имѣетъ ничего общаго съ постами, установленными православною церковью. Онъ, Сютаевъ, признаетъ, что со-

вершенное воздержаніе отъ пищи (какъ дѣлалъ Христосъ) въ теченіе нѣкотораго времени можетъ быть иногда очень полезно для обузданія страстей и похотей человѣка. Но къ этому средству человѣкъ долженъ прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ, какъ это дѣлалъ и Христосъ, и притомъ лишь тогда, когда дѣйствительно является у него желаніе, извѣстное настроеніе и потребность въ обузданіи плоти. Считать же постомъ извѣстное, строго-опредѣленное число дней и недѣль, разъ навсегда, для всѣхъ заранѣе назначенныхъ — нелѣпо. Точно также нелѣпо считать постомъ дни, въ которые люди вмѣсто мяса и молока „набиваютъ себѣ брюхо картошкой, рѣдькой, да грибами“.

Когда вопросъ о постахъ и объ ограниченіяхъ въ пищѣ и питьѣ былъ достаточно исчерпанъ, разговоръ, мало-по-малу, началъ направляться на болѣе существенныя, принципіальныя положенія ученія Сютаева.

Мнѣ не нужно было прибѣгать ни къ какимъ рѣшительно уловкамъ, чтобы вызвать откровенность и сообщительность Василія Кириллова. Достаточно было съ моей стороны заявить желаніе знать его ученіе, его толкованіе Евангелія, чтобы сразу же расположить его въ свою пользу и вызвать на разговоръ. Я сказалъ, что читалъ о немъ въ газетахъ, очень заинтересовался его ученіемъ и вотъ нарочно пріѣхалъ къ нему, чтобы лично познакомиться съ нимъ, пого-

ворить, потолковать и лично убѣдиться, насколько справедливы газетные толки объ его ученіи и жизни. Онъ уже прежде слышалъ, что въ газетахъ писали о немъ: сыновья его, живущіе въ Петербургѣ, присылали ему оттуда тѣ нумера газетъ, въ которыхъ были помѣщены извѣстія о немъ... Съ добродушной, довѣрчивою улыбкой слушалъ онъ меня; мнѣ показалось, что онъ былъ польщенъ тѣмъ, что, вотъ, человѣкъ, Богъ знаетъ откуда, пріѣхалъ нарочно только для того, чтобы повидаться и поговорить съ нимъ. Выслушавши меня, онъ съ разстановкой произнесъ:

— Господа пріѣзжаютъ къ намъ для оброка, али тѣло гдѣ убивши... А штобы для слова Господня — ни одинъ не пріѣдетъ, ни въ жисть!.. А вотъ ты пріѣхалъ, — дай тебѣ Господи!..

И мы разговорились и проговорили цѣлый день, такъ-таки буквально цѣлый день, съ семи часовъ утра и до вечера, вплоть до шести часовъ, до тѣхъ поръ, пока хозяйка, очевидно, потерявъ всякое терпѣніе, вошла въ избу и, спросивъ: буду ли я обѣдать, — объявила, что „шти совсѣмъ простыли, а каша выгорѣла и засохла вся дочиста“.

Съ этихъ поръ мы начали часто видаться съ Сютаевымъ: то онъ приходилъ ко мнѣ въ Повѣдь, то я ѣздилъ къ нему въ Шевелино. До встрѣчи съ Сютаевымъ я все боялся, что онъ, напуганный судами и преслѣдованіями, приметъ меня за чиновника и отнесется ко мнѣ недовѣрчиво и подозрительно. Но

съ перваго же свиданія я убѣдился, что мои опасенія были напрасны. Мой пріѣздъ не возбудилъ въ Сютаевѣ и тѣни подозрительности и онъ отнесся ко мнѣ какъ нельзя болѣе просто и вполнѣ довѣрчиво; даже деревенскіе слухи, сдѣлавшіе изъ меня на первыхъ порахъ какого-то соглядатая, чуть не шпіона, ни мало не испугали его.

— Люди говорятъ про тебя, што ты слѣдователь,— говорилъ мнѣ Сютаевъ. — А по мнѣ все равно, хто бы ни пріѣхалъ, хоть царь, — я принимаю всѣхъ... Думаю, што всякому нужно истину получить.

Съ полною готовностью вступалъ онъ въ пренія о вѣрѣ, о жизни, о церкви, откровенно и рѣзко разоблачалъ онъ всякаго рода „неправду“, гнѣздящуюся, по его мнѣнію, въ церкви и въ жизни, и съ полною охотой, съ необыкновенною любовью развивалъ планъ того „устройства“, которое непремѣнно должно явиться на мѣстѣ нынѣшнихъ „непорядковъ“, чтобы даровать всѣмъ людямъ миръ и любовь.

Итакъ, послушаемъ сначала, что говоритъ Сютаевъ о церкви и каково его собственное ученіе о вѣрѣ, его „евангеліе“, какъ, смѣясь надъ нимъ, называютъ его ученіе тѣ изъ мужиковъ и бабъ, которые остаются вѣрными приверженцами церкви.

— Никакой секты у насъ нѣтъ,—говоритъ Сютаевъ. — Мы желаемъ только быть „истинными христіанами“.

— Въ чемъ же, по вашему, состоитъ истинное христіанство?

— Въ любви... Сказано, Богъ — любовь. Стало быть, гдѣ любовь, тамъ и Богъ, а гдѣ любви нѣтъ, тамъ и Бога нѣтъ.

И затѣмъ обыкновенно слѣдуетъ указаніе на текстъ: „Весь законъ въ одномъ словѣ заключается и т. д. (Посланіе къ Галатамъ, глава V, стихъ 14-й).

— Много разныхъ вѣръ на землѣ... Говорятъ, семьдесятъ семь вѣръ... Собрать бы всѣхъ вмѣстѣ отъ разныхъ вѣръ и сказать: „покажьте всякъ свою вѣру“,—штобы столковаться всѣмъ, штобы не было у тебя вѣры, у меня вѣры, штобы не было раздору изъ-за вѣры... Вотъ, говорятъ, въ Москвѣ о вѣрахъ спорятъ. По-моему это — пустое дѣло!.. Вѣра одна: вѣра—любовь... Што тутъ спорить!

— Въ Св. Троицу вѣруете?

— Вѣруемъ.

— Что же это такое по-вашему Троица?

— По-нашему это, все равно, тоже любовь: Богъ-Отецъ—любовь, Іисусъ Христосъ училъ любви и Духъ Святой черезъ апостоловъ тоже училъ любви. Стало быть, все это—одна любовь.

— Говорятъ, вы Ветхаго Завѣта не признаете?

— Нѣтъ, мы признаемъ Ветхій Завѣтъ, потому что Спаситель пришелъ не нарушить законъ, а только пополнить... Но Евангеліе — выше всего Писанія, выше всѣхъ книгъ... Въ ёмъ Спасителевы слова...

Говоря о „Писаніи“, Сютаевъ всегда прибавляетъ: не много надо читать, но разсудить,—разсудить все надо, разобрать“. Ни Сютаевъ, ни его ближайшіе послѣдователи ничего не слыхали объ исправленіи патріархомъ Никономъ книгъ Священнаго Писанія. Въ ихъ глазахъ такъ называемыя „старыя книги“ не имѣютъ ровно никакого преимущества передъ „новыми“.

— Со старовѣромъ какъ-то я говорилъ, — разсказывалъ Сютаевъ; — слушалъ онъ меня, слушалъ, а потомъ и говоритъ: „Нѣтъ у тебя истаго Бога!“ — Какъ такъ нѣтъ? Отчего?— „Оттого, говоритъ, что у тебя креста нѣтъ“. Сложилъ этакъ крестъ и говоритъ: „вотъ этотъ самый крестъ нужепъ,—безъ него спасенія человѣку нѣтъ... Да ишо, говоритъ, нужно старыя книги почитать“. И началъ свою вѣру хвалить. Я ему и говорю: ты вѣру свою хвалишь, а огородъ, небось, дѣлишь — съ сусѣдями брань заводишь, ссору. Ты вишь, богачъ, ты имѣнія-то, небось, пограбилъ, да ишо грабишь... Што же эпто за вѣра?.. Любовь нужно сотворить, а што твои старыя книги?.. Вотъ новыя-то книги надоть пустить, штобы новую-то жисть устроить!

Уже изъ этихъ словъ можно видѣть завѣтную мысль Сютаева, главную, основную идею его ученія, его „евангелія“. Все для жизни! Все для блага, для счастья человѣка! — вотъ та формула, которая невольно напрашивается изъ всѣхъ его рѣчей. Та или

другая вѣра, то или другое ученіе, тѣ или другія книги тогда только и постольку именно и хороши, поскольку они служатъ водворенію между людьми любви, правды и мира. Умъ Сютаева одинаково чуждъ какъ сурового, черствого аскетизма, такъ и разныхъ стремленій и порывовъ въ туманную область мистицизма. Далѣе мы не разъ будемъ имѣть случай убѣдиться въ этомъ самымъ положительнымъ образомъ.

Отсюда намъ будетъ понятно отношеніе Сютаева къ разнымъ установленіямъ, таинствамъ и обрядамъ церкви; ко всему этому онъ относится строго-критически. Такъ, по его мнѣнію, при рожденіи ребенка ничего не нужно дѣлать, кромѣ простаго омовенія, потому что ребенокъ въ это время не можетъ ничего сознавать. Крещеніе водою совсѣмъ не нужно. Сказано въ Писаніи, что нужно *переродиться духомъ*. Это значитъ—умертвить грѣхи и „переродить свое сердце“, т. е. сдѣлать его доступнымъ всему хорошему. А это возможно лишь тогда, когда человѣкъ уже разовьется и будетъ въ состояніи „познать истину“... И когда я предлагалъ Сютаеву пилатовскій вопросъ: что такое истина, — онъ обыкновенно, не колеблясь, отвѣчалъ: „Истина—въ любви, въ общей жизни“.

Крещеніе, покаяніе, причащеніе, муропомазаніе, по ученію Сютаева, пустые обряды, которые не только никого изъ людей не останавливаютъ отъ

грѣха и злыхъ дѣлъ, но, напротивъ, еще болѣе способствуютъ усиленію человѣческой грѣховности. Люди теперь постоянно грѣшатъ, постоянно нарушаютъ заповѣди Божіи, надѣясь, что все это имъ будетъ немедленно прощено, какъ только они сходятъ на исповѣдь и примутъ причастія.

Въ сущности же крещеніе — не что иное какъ „умерщвленіе грѣховъ“, покаяніе — значитъ „всегда въ добрыхъ дѣлахъ находиться“, причащеніе — значитъ „святыя дѣла дѣлать“. Когда мы муромъ помазываемся, должны миръ творить. А между тѣмъ въ жизни ничего подобнаго нѣтъ.

— А священство?—спрашивалъ я.

— Священники... это — вожди духовные, наставники и учителя. Они должны быть „святые, непричастные злу, непорочные, отдѣленные отъ грѣшниковъ и превознесенные выше небесъ“ (Посланіе къ Евреямъ, глава VII, стихъ 26-й).

О бракѣ Сютаевъ говоритъ такъ:

— Бракъ значитъ — нужно жить брачно, въ любви... Мнѣ говорятъ: „Ты браку не признаешь“. — Я не признаю только лживый бракъ: когда я дерусь, бранюсь, дѣлюсь, тогда нѣтъ браку, нѣтъ любви. А любви нѣту и—таинства нѣту!.. Сказано, что ежели при вѣнчаньи священникъ видитъ съ которой либо стороны неправду и вѣнчаетъ, онъ тяжко грѣшитъ. Они (священники) заповѣдямъ не научаютъ. Я женился, не зналъ заповѣдей, жена моя не знала: бра-

пились, ссорились... Нужно научить заповѣдямъ, — тогда могутъ жениться и жить въ любви. А теперь надѣваютъ вѣнцы и не знаютъ, какъ жить надо.

Я спросилъ Сютаева, какъ онъ выдалъ свою дочь за сына Ильи Иванова?

— И дочери, и жениху я все разсказалъ о любви... „Если вы это сохраните, то значитъ, законъ Божій совершите; а не сохраните, пролюбодѣи будете... А больше всего почитайте всѣхъ людей за братьевъ и за сестеръ“.

— Благословилъ ихъ?

— Нѣтъ... Благословенія никакого не даю.

— Отчего такъ?

— Прежде я сына благословлялъ, онъ въ Питерѣ жилъ. Послѣ узналъ, что сынъ ничего того не исполнялъ. Отчего? — Оттого, что заповѣдей, закону не зналъ не былъ научень. А жениху и дочери я сказалъ: когда законъ Господень соблюдете, тогда и Господь васъ благословитъ, тогда и я благословляю. А малый-отъ (женихъ) до тѣхъ поръ жилъ въ Питерѣ на работѣ и сбился; началъ пьянствовать. Думаемъ: какъ бы его на путь наставить? Поговорили ему, женили: ему дочь моя по сердцу,—теперь живетъ хорошо. Вмѣстѣ въ Питерѣ съ моими ребятами живетъ. Родительскаго благословенія не просятъ теперь и живутъ хорошо; прежде просили и жили худо.

— Святыхъ вы признаете?

— Признаемъ. Сказано: „привѣтствуйте всѣхъ святыхъ". Нужно подражать ихъ жизни и дѣламъ.

На мой вопросъ: всѣхъ ли святыхъ они признаютъ,—Сютаевъ немного замялся и отвѣчалъ: „надо разсмотрѣть, што дѣлали святые, штобы ошибки не вышло". Но молиться святымъ отнюдь нельзя, — грѣхъ. Когда мы молимся святому, а не Богу, то этимъ самымъ мы какъ бы предпочитаемъ святаго Богу. Если мы будемъ молиться святымъ, то должны признать ихъ за боговъ, слѣдовательно у насъ будетъ множество боговъ, — между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ Богъ одинъ.

Ни ангеловъ, ни дьяволовъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Люди злые—дѣти зла, дѣти дьявола; люди добрые—дѣти добра, дѣти ангела. Значитъ, подъ словомъ дьяволъ нужно разумѣть зло, а подъ словомъ ангелъ — добро. „Такихъ ангеловъ и дьяволовъ, которые съ крыльями и хвостами, такихъ мы не признаемъ,—говорятъ сютаевцы. — Никто изъ насъ ихъ не видалъ... Хоть бы разъ довелось увидѣть съ рогами да съ хвостами!"—смѣются они.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что сютаевцы совсѣмъ не раздѣляютъ тѣхъ суевѣрій, которыя такъ распространены среди простаго православнаго люда.

— Люди боятся въ лѣсъ ходить, въ озерѣ купаться,—говорятъ: водяной утопитъ, лѣшій уведетъ... И все это — пустое. Я вездѣ хожу, — говоритъ Сютаевъ, — и по ночамъ въ лѣсу ночевывалъ, — нѣтъ,

никого не видишь, никто не покажется, никто не уводитъ...

Въ церковь сютаевцы не ходятъ, — не ходятъ по многимъ причинамъ. Одна изъ главныхъ причинъ состоитъ въ томъ, что люди, ходящіе въ церковь, нисколько, будто бы, не становятся отъ этого лучше и добрѣе, — жизнь ихъ чрезъ посѣщеніе церкви нисколько не улучшается. На вопросъ: отчего не ходишь въ церковь,—Сютаевъ обыкновенно отвѣчаетъ такъ:

— Знамо дѣло отчего: правды въ ней нѣтъ, — вотъ отчего! Мы въ церковь ходимъ, а сами деремся, ссоримся... Какая же тутъ польза? Въ церковь ходимъ, а сами страмимся, дѣлимся, грабимъ, позоримся... Вотъ отъ этого отъ самаго и не хожу.

Вторая причина, оттолкнувшая сютаевцевъ отъ церкви, заключается, по ихъ словамъ, въ томъ, что въ церкви—вездѣ и во всемъ установлена, будто бы, торговля, купля и продажа. Торговля даже внѣ церкви, сама по себѣ, составляетъ, по мнѣнію сютаевцевъ тяжкій грѣхъ, а въ церкви она является страшнымъ грѣхомъ и преступленіемъ. Между тѣмъ безъ денегъ ничего не дѣлается въ православной церкви. Зайдешь помолиться Богу, смотришь — идутъ съ тарелочками, надо положить на „украшеніе храма“ (а зачѣмъ ему украшеніе?). Затѣмъ купи свѣчку, заплати за крещеніе, заплати за вѣнчаніе, заплати за исповѣдь, заплати за причащеніе, заплати за похо-

роны, за вѣнчикъ, заплати за поминовеніе, заплати за молебенъ, за панихиду... Словомъ, за все и за вся — плата и деньги. Безъ денегъ, — говорятъ сютаевцы, — въ вашей церкви нельзя ни родиться, ни умереть. Безъ денегъ священникъ не окреститъ, безъ денегъ не повѣнчаетъ, — мало этого, даже не похоронитъ безъ денегъ... Священники не должны брать денегъ за все это, такъ какъ они пастыри, а не наемники и не торговцы.

— Теперь опять на монастыри собираютъ, на церкви,—говаривалъ Сютаевъ:—на святаго Трифона угодника, на Сергія, на Алексѣя, человѣка Божія, на Зосиму-Савватія,—на всякаго, на всякаго святаго. И все это — грѣхъ, и все это неправильно! Отощалъ што ли онъ? Оголодалъ, што ли, святой-отъ?.. А другой, вѣдь, послѣднее отдаетъ,—думаетъ себѣ черезъ это спасеніе получить... У насъ въ Таложни [1]) въ церкви Милій преподобный стоитъ, какъ бы въ часовни этакъ, изъ камня высѣченъ, большой, борода долгая, страшный такой... Народъ-отъ къ нему и несетъ, кто што можетъ: кто деньги, кто ленъ, кто яйца, кто масло, кто баранки, кто нитки, кто платки,— то-есть всѣмъ, всѣмъ несутъ... Какъ это дѣло разсудить, а?.. Почитай-ка, что о жертвахъ-то сказано? Опять же есть въ Писаніи, што деревянные и каменные—не боги.

[1]) Ближайшее къ Новѣди село.

Далѣе, сютаевцы потому еще оставили ходить въ церковь, что тамъ „наставлены идолы“, т. е. иконы, кланяться которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя („Поклонитесь единому Богу“). Что старыя, что новыя иконы—все равно: какъ тѣ, такъ и другіе одинаково безполезны.

Наконецъ, то обстоятельство, что служба въ православной церкви происходитъ на славянскомъ, мало понятномъ народу языкѣ, также является одною изъ причинъ, почему сютаевцы избѣгаютъ церкви. „Нужно, говорятъ они,—чтобы все въ церкви читалось и пѣлось на знакомомъ языкѣ“.

— Былъ я разъ у обѣдни,—церковь поправляли,—иконамъ не кланялся, такъ стоялъ. Кончилась служба, вышелъ изъ церкви, вижу — народъ идетъ. Сталъ я спрашивать: што читалъ священникъ?.. Што бы ты думалъ? Вѣдь не могли сказать, ни синя пороху не могли сказать,—не поняли...

Извѣстно, что старовѣры считаютъ большимъ грѣхомъ посѣщать православную церковь, но сютаевцы не считаютъ грѣхомъ побывать въ православной церкви, — они считаютъ только это дѣло безполезнымъ: „это совсѣмъ безъ надобности“,—говорятъ они.

— Я, пожалуй, самъ пойду въ церковь, — говаривалъ Сютаевъ,—но любовь не брошу,—нѣ-ѣтъ! Поязычески жить не стану,—нѣтъ!

Крестное знаменіе, по мнѣнію сютаевцевъ, совершенно ненужно: въ Евангеліи нигдѣ не упоминается

объ этомъ; нигдѣ не говорится о сложеніи перстовъ, о поклонахъ, поэтому ничего этого не нужно; все это—безполезныя, пустыя выдумки. „Духомъ поклонитеся“, сказано въ Евангеліи. „Богъ, вѣдь, не богатый мужикъ, который любитъ поклоны“. А спорить о томъ, какъ креститься—двухперстнымъ или трехперстнымъ крестомъ—просто глупо.

Въ домахъ у сютаевцевъ никакого богослуженія не бываетъ, ибо въ Евангеліи ничего объ этомъ не сказано. Молитвъ у нихъ также никакихъ нѣтъ. Прежде, въ православіи, они читали молитвы, но затѣмъ всѣ бросили.

— Почему бросили?—спрашивалъ я.

— Если мы не исполняемъ ничего,—какая польза читать молитвы?.. „Отче“ читаемъ, а отца съ матерью не почитаемъ... Читаемъ: „не лиши меня царствія небеснаго“, — да, вѣдь, мы сами себя лишаемъ, потому что правды не ищемъ, по правдѣ не живемъ... Ты исполняй, дѣлай такъ, поступай по правдѣ. А если я исполняю, то на што мнѣ молитва?

Мощей сютаевцы не признаютъ.

— Искалъ я въ Евангеліи,—говоритъ Сютаевъ,—пасчетъ мощей, все перечиталъ, только о мощахъ ни одного слова не нашелъ... Ходилъ я по монастырямъ по разнымъ, все мощей искалъ. Въ Коневцахъ былъ, на Валаамѣ. Мощи, говорятъ, лежатъ, только ничего не видно, все сокрыто. — Гдѣ, спрашиваю, мощи? — „Подъ спудомъ“. — Можно, говорю, посмотрѣть? —

„Нельзя“. Просилъ какъ, капался, штобы дозволили поклониться, — нѣтъ, не дали. Зато на монастыри я насмотрѣлся: нѣтъ тамъ правды ни капельки. Придешь къ нимъ, перво-на-перво поведутъ тебя по колидору... Вотъ она, дверца, тебѣ бы туда, ты первый пришелъ,—такъ нѣтъ, мимо ведутъ, дальше пихаютъ, а благородныхъ пущаютъ, — кто, значитъ, платьемъ почище, тѣхъ пускаютъ, — а ты все дальше... Весь колидоръ прошелъ, а нѣтъ тебѣ мѣста, не нашлось,— полѣзай на верёхъ; тамъ нары, темно, а внизу-то койки, тепло, свѣтло... Нѣту правды!.. Люди смѣются мнѣ: поди, говорятъ, въ пустыню спасаться али въ монастырь, коли у насъ жисть не по тебѣ... Зачѣмъ я туда пойду? Тамъ — лежебоки, а я не хочу лежебокомъ быть... И насмотрѣлся я тамъ на жисть на монашескую... Не приведи Богъ, — страмъ, просто страмъ!

Сютаевцы — горячіе враги всякаго рода обрядности, всѣхъ тѣхъ установленій церковныхъ и обычаевъ, которые, по ихъ мнѣнію, основываются на суевѣріи, рутинѣ или предразсудкѣ. Такъ, напримѣръ, они не хоронятъ своихъ покойниковъ на кладбищѣ, а зарываютъ ихъ гдѣ попадетъ, и объясняютъ подобныя дѣйствія такъ:

— Говорятъ, кладбище — мѣсто освященное, а другія мѣста не освященны... Неправда это: вся земля освященная, вездѣ одинакова земля. Поэтому я, — говоритъ Сютаевъ, — хороню, гдѣ придется, штобы

показать, что земля вездѣ свята. Въ полѣ придется — въ полѣ похороню, на огородѣ придется — на огородѣ похороню, — для меня все равно... Говорятъ, духъ пойдетъ, запахъ... Не пойдетъ!... Мы зарываемъ глубоко, глубже вашего зарываемъ.

Но когда я начиналъ выставлять имъ на видъ неудобства хоронить покойниковъ вблизи отъ жилья, они соглашались со мной и въ принципѣ признавали, что было бы удобнѣе хоронить дальше отъ жилья, но они не могутъ этого дѣлать, такъ какъ, будучи вынуждены хоронить покойниковъ тайно, по ночамъ, по необходимости должны выбирать болѣе близкія мѣста, иначе ихъ легко могутъ накрыть и застать „на мѣстѣ преступленія“.

„Почему же они хоронятъ тайно?“ — спроситъ, быть можетъ, читатель. — Да потому, что имъ запрещаютъ хоронить открыто безъ священника и безъ соблюденія извѣстныхъ обрядовъ. А сютаевцы съ своей стороны считаютъ совершенно излишнимъ участіе при похоронахъ священника („торговля, моль“) и въ то же время признаютъ совсѣмъ излишними всякаго рода обряды при похоронахъ. Простой гробъ-ящикъ, глубокая яма — и больше ничего: ни молитвъ, ни пѣній, ни свѣчъ, ни ладану не бываетъ у сютаевцевъ, — словомъ:

„Безъ всего, чѣмъ могила крѣпка!“

Зажиганіе свѣчъ и ламадъ предъ иконами, куреніе ладаномъ и тому подобные обряды сильно воз-

мущаютъ сютаевцевъ и они рѣзко нападаютъ на православныхъ за „выдумку“ и введеніе подобныхъ обрядовъ.

— Въ церковь ходишь? — спрашивалъ Сютаевъ въ моемъ присутствіи одного православнаго.

— Хожу.

— Свѣчи иконамъ ставишь?

— По силѣ-возможности...

— Зачѣмъ ты ихъ ставишь?

— Зачѣмъ?... Вотъ тоже спросилъ!... Не глупѣе тебя ставятъ.

— Ладно. Ты богатъ, у тебя конель-отъ набить туго. Ты цѣльную горсть поставилъ; а я-то бѣденъ,— у меня не на што и свѣчки поставить. Стало-быть, я — погибъ, а ты — спасенъ?... Вѣрно?

— На свѣчку-то, братъ, хватитъ, — было бы усердіе, — на ё немного нужно.

— Ну, а у меня нѣтъ ничего, копѣйки за душой нѣтъ... Какъ тутъ быть? Стало быть, я черезъ энто погибать должонъ, а?

Или иногда въ такомъ родѣ:

— Зачѣмъ у васъ въ церкви кадятъ? Зачѣмъ ладанъ курятъ? Къ чему энто?

— Вотъ ино!.. Не нами заведено. Какъ отцы вѣровали, такъ и намъ должно придерживаться...

Подобные отвѣты, столь обычные въ устахъ русскаго мужика, всегда крайне раздражали Сютаева.

— Ежели мой отецъ-то въ яму ввалился, такъ и

я должòпъ за нимъ, а? Должопъ, али нѣтъ? — приставалъ опъ.

— Слава Богу, мы ишо не въ ямы, пока Богъ терпитъ, — оппонировалъ собесѣдникъ.

— Мы-то?... Мы, братъ, давно вси въ ямы, — вси, какъ есть, вси на Каиновомъ пути стоимъ...

Излишне, конечно, говорить, что „вѣра Сютаева“ совсѣмъ не представляетъ собою сколько нибудь полнаго, закопченнаго ученія, въ которомъ всевозможные теологическіе вопросы были бы разрѣшены и разработаны сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Его ученіе полно разнаго рода пробѣловъ; и это, разумѣется, вполнѣ понятно, и едва-ли кто нибудь можетъ ожидать отъ еле-грамотныхъ людей совершенно цѣльной, стройной, вполнѣ выработанной теоріи или системы. Къ тому же, — и это прежде всего необходимо имѣть въ виду, — ученіе это до сихъ поръ еще находится въ періодѣ роста, развитія, формировки.

Весьма многіе даже изъ наиболѣе существенныхъ, основныхъ религіозныхъ вопросовъ до сихъ поръ остаются нерѣшенными сютаевцами. Къ числу этихъ нерѣшенныхъ вопросовъ можно отнести даже такой важный въ теологіи вопросъ, какъ о будущей загробной жизни и о мученіяхъ ада. — Разные нерѣшенные вопросы, волнуя пытливую мысль Сютаева, заставляютъ его глубже и прилежнѣе „вникать въ

Писаніе". Но въ его распоряженіи имѣются только двѣ книги: Библія и сочиненіе Тихона Задонскаго. Нерѣдко онъ находитъ у послѣдняго прямые отвѣты на сомнѣнія, которыя мучаютъ его; онъ радъ этому, но въ то же время его останавливаетъ мысль: почему же въ Евангеліи нѣтъ столь же прямыхъ, опредѣленныхъ указаній, столь же категоричныхъ отвѣтовъ на эти самые вопросы? И вотъ въ душу Сютаева закрадывается новое сомнѣніе и онъ говоритъ: „надо разсмотрѣть, не ошибся ли Тихонъ".

Однажды, доказывая мнѣ одну изъ своихъ любимыхъ идей о томъ, что рай будетъ здѣсь, на землѣ, Сютаевъ выразился такъ:

— Да, надо царствовать на землѣ... Што *тамъ* будетъ (онъ указалъ вверхъ, на небо), не знаю, — на томъ свѣтѣ не былъ... По-моему, тамъ — тьма!

Замѣтивъ, что я отмѣчалъ у себя карандашомъ его слова, онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ такою просьбой:

— Што я тебѣ скажу, Александръ... Запиши ты, штобы энто дѣло разобрали (относительно загробной жизни), — сдѣлай такую милость, штобы тамъ ученые, толкователи разные, разсмотрѣли все по порядку, — не ошибся ли Тихонъ до самаго дѣла?

Придя къ убѣжденію, что въ церкви, какъ и въ жизни, нѣтъ правды (какъ онъ пришелъ къ этому убѣжденію, мы постараемся подробно разсказать, въ одной изъ слѣдующихъ главъ), Сютаевъ счелъ необ-

ходимымъ отрѣшиться отъ всѣхъ тѣхъ взглядовъ и догматовъ, которые церковь преподаетъ вѣрующимъ. Но взамѣнъ отвергнутыхъ, опредѣленныхъ, давно изготовленныхъ церковью отвѣтовъ на тѣ или другіе запросы мысли ему, конечно, предстояло выработать и дать съ свой стороны новые отвѣты, которые бы успокоивали и удовлетворяли нравственное чувство и возбужденную критическую мысль. И вотъ началась работа — горячая и страстная со стороны сердца и строгая и упорная со стороны мозга. Выше мы видѣли, къ чему привела эта работа, которая впрочемъ ни мало не прекращается и до сихъ поръ.

Хотя главными толчками, будившими мысль и чувство Сютаева, всегда служили тѣ или другія печальныя, темныя явленія нашей общественной жизни, но при этомъ онъ постоянно стремился согласовать со Священнымъ Писаніемъ тѣ выводы, къ которымъ приводилъ его анализъ условій общественныхъ отношеній. Но чтобы сдѣлать это, прежде всего необходимо хорошо понять все Писаніе, особенно же Евангеліе и Новый Завѣтъ. А между тѣмъ въ этомъ Завѣтѣ встрѣчается такъ много неясныхъ, темныхъ мѣстъ, особенно же въ Апокалипсисѣ. Читаетъ, напримѣръ, Сютаевъ XIII главу Откровенія:

„И всталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря съ семью головами и десятью рогами; на рогахъ его было десять діадимъ, а на головахъ его имена богохульныя...“ А потомъ

дальше, въ 18 стихѣ, сказано: „здѣсь мудрость. Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря, ибо это число человѣческое. Число его шестьсотъ шестьдесятъ шесть...“

Что же такое обозначаетъ этотъ звѣрь, эти головы, эти рога, діадимы? Вѣдь не зря же все это написано? Вѣдь сказано: „здѣсь мудрость. Кто имѣетъ умъ, тотъ пусть сочтетъ число звѣря...“ И что это такое за число 666? Что оно означаетъ? Къ чему оно тутъ приведено?...

— По моему, — говоритъ Сютаевъ, — это должно полагать по заповѣдямъ... 6 — это міръ въ шесть дней сотворенъ, 60—значитъ міръ содержитъ по десяти заповѣдей, а каждый день содержитъ по сотни (я ужъ не понялъ *чего* именно), — стало быть 600, а всего и выходитъ 666.

Такъ онъ силится объяснить себѣ туманныя аллегоріи Апокалипсиса; но если вы докажете ему, что его толкованіе ошибочно, онъ ни одну минуту не задумается отказаться отъ него. Вообще сютаевцы допускаютъ полную свободу толкованія Священнаго Писанія.

— Надо толковать, — говорятъ они, — надо истины добиваться. Часть истины познали какъ чрезъ туманное стекло, — говорится въ Писаніи, — остальное доискивать надо. Надо весь законъ Божій понять.

А когда ихъ спросишь, что они разумѣютъ подъ „закономъ Божіимъ“, то они обыкновенно отвѣчаютъ:

— Какъ бы было другъ дружкѣ не вредно, то и законъ Божій.

Устроить „жисть по правдѣ“, такъ чтобы „другъ дружкѣ не вредно было“, по мнѣнію сютаевцевъ, главная цѣль, главная задача „закона Божія“, и въ то же время это-то именно „устройство“ и составляетъ завѣтную мечту Сютаева и его послѣдователей. Онъ страстно интересуется всѣмъ, что только можетъ такъ или иначе помочь ему въ его стремленіяхъ осуществить это „устройство“ жизни. Не разъ онъ спрашивалъ меня:

— А што, въ Москвѣ и въ разныхъ прочихъ городахъ толкователи есть у васъ насчетъ энтого, насчетъ правды-то, а?.. Толкуютъ?—И затѣмъ обыкновенно прибавлялъ:—Я крохотный человѣкъ,—кто мнѣ повѣритъ?... А ежели бы отъ васъ, изъ высшихъ, изъ ученыхъ...

Меня поражала и въ то же время глубоко трогала та искренняя, горячая жажда истины, которая жгла сердце этого „крохотнаго человѣка“. Чтобы понять впечатлѣніе, производимое въ этомъ случаѣ Василіемъ Кирилловымъ, мнѣ кажется, необходимо лично слышать то чувство, которымъ звучалъ его голосъ, когда онъ, бывало, вечеромъ, утомившись отъ безконечныхъ разговоровъ и споровъ, сидя у раскрытаго окна и глядя въ поле, задумчиво произносилъ, напримѣръ, такія слова:

— Эхъ, кабы кто мнѣ дополнилъ што, указалъ,

можетъ въ чемъ я маленечко невѣрно... кажись, до смерти служилъ бы энтому человѣку!.. И не знай, не знай, што бы только сдѣлалъ ему!..

Въ чемъ состояла сущность того „устройства“, которымъ не на шутку думалъ Сютаевъ избавить людей отъ всякаго рода зла, грѣха и неправды, это мы узнаемъ изъ слѣдующей главы.

VII.

Проповѣдники любви, мира и братства.

Однажды я спросилъ Сютаева, слыхалъ ли онъ о томъ, что на свѣтѣ существуютъ разныя науки, изученіемъ которыхъ занимаются разные ученые люди, и какого онъ мнѣнія объ этихъ наукахъ и объ этихъ ученыхъ людяхъ.

— Слыхалъ я, — отвѣчалъ Сютаевъ, — што есть наука философія, которая учитъ какъ бы капиталъ нажить. До энтой философіи не надо дотыкаться, а надобно законъ Господень изучать, Евангеліе... Тѣ науки надобны, которыя учатъ, какъ лучше жить людямъ... Надо доискиваться, какъ бы грѣшники не грѣшили, какъ бы воры не воровали.

Въ этомъ отвѣтѣ сказался весь Сютаевъ. „Доискаться“, во что бы то ни стало, такого порядка вещей, такого устройства жизни, при которомъ бы „грѣшники не грѣшили“, „воры не воровали“—вотъ

сильнѣйшее, пламенное желаніе этого сермяжнаго философа, составившаго себѣ столь странное представленіе о философіи. Всѣ свои разговоры Василій Кирилловъ всегда и неизмѣнно сводитъ на эту любимую тему.

Я постараюсь воспроизвести здѣсь по возможности съ дословною точностью разговоръ, который на первыхъ же дняхъ моего знакомства съ Сютаевымъ мнѣ пришлось вести съ нимъ и который какъ нельзя болѣе раскрываетъ сокровенныя думы, желанія, стремленія сютаевцевъ и въ то же время вполнѣ объясняетъ причины того недовольства существующими „непорядками“, которое испытывается всѣми послѣдователями Василія Кириллова. Разговоръ этотъ происходилъ въ присутствіи Ивана Зиновенча.

Иванъ Зиновенчъ — мужикъ „съ конѣйкой“, онъ поторговываетъ, у него маленькая лавка, онъ частенько бываетъ въ городѣ, имѣетъ обращеніе съ господами и можетъ быть по этому въ разговорѣ онъ всегда сдержанъ, споровъ недолюбливаетъ, говоритъ „изъ-подъ политики...“ Василій Кирилловъ, по обыкновенію своему, распространился по поводу „злобы“, „непорядковъ“, „обмана“, которые будто бы въ конецъ завладѣли жизнью.

— Да гдѣ ты обманъ-отъ видишь?... Ты скажи намъ, въ чемъ онъ?—спрашиваетъ Иванъ Зиновенчъ.

— Гдѣ?—удивляется Сютаевъ. — Да вездѣ! Вездѣ обманъ, вотъ што! Въ какой городъ ни придешь, вездѣ за мздой гоняются, какъ бы только прибытку

нажить, какъ бы мошну набить, какъ бы, какъ бы... Каждый наровитъ побольше зацапать другъ передъ дружкой... Мнѣ счастье,—много нахваталъ, а у брата нѣтъ ничего... Всякъ себѣ, всякъ себѣ рветъ... У насъ теперь тридцать дворовъ, тридцать посѣвовъ. Огурцы, конопли—все раздѣливши. Тридцать у насъ сторожовъ! А *когда устройство будетъ*, тогда одинъ сторожъ будетъ, а то ни одного не будетъ... Клѣти у насъ заперты на замкахъ, на запорахъ, скотъ у насъ запертъ... Открылъ клѣть — меня кругомъ обокрали. Клѣть теперь заперъ, отъ воровъ заперъ... Идите за мной, сейчасъ все отопру!... Пашни, сѣнокосы... какъ мы дѣлимъ? — Ссоры, брань до драки доходитъ... Неужто Богъ этто постановилъ, а?... Не повѣрю!! Хоть тысча человѣкъ говори мнѣ этто, не повѣрю!!..

Сютаевъ попалъ на свой конекъ. Силой, энергіей, страстью звучала его рѣчь. Широко, медленно ступая тяжелыми, сохнимися сапогами, онъ то подходилъ къ самому столу, за которымъ сидѣли мы съ Иваномъ Зиновенчемъ, то снова удалялся въ глубь избы.

— Нѣту правды!—говорилъ онъ.—Проѣзжай по всей имперіи, гдѣ найдешь?.. Въ городахъ всѣ почестей ищутъ. А въ Священномъ Писаніи сказано: „не ищите почестей, не ищите сана“... „Ищите царства правды“ —сказано... А мы ищемъ?—Никто не ищетъ! Не даромъ въ Писаніи говорится: „никто не

возвышаетъ голоса за правду и никто не вступается за истину"... Этакихъ людей у насъ нѣтъ,—печально закончилъ Сютаевъ.—А надо намъ Бога искать,—охъ, надо, надо!..

— Какъ же мы должны жить, по твоему?

— Не по-моему, а по-Божьему,—поправилъ старикъ.—А вотъ какъ,—быстро оживляясь, началъ Сютаевъ:—поле не должны дѣлить, лѣсъ не должны дѣлить, домы не должны дѣлить... А у насъ-то все дѣленное,—все, какъ есть все, всякій прутикъ раздѣливши... Это — лживые христіане: другъ друга гонятъ, другъ друга тѣснятъ, другъ друга ненавидятъ. Надо добрыя дѣла творить, а я раздѣлилъ: это—злыя дѣла. Вѣрующіе христіане не дѣлили ничего... Миръ надо творить,—миру нѣтъ; правду надо творить,—правды нѣтъ... У Тихона Задонскаго,—почитай-ка,—тамъ все описано, какъ первеющіе христіане жили и какъ намъ жить указали.

— Какъ же они указали жить?

— Первое дѣло—замковъ не надо, сторожей не надо, торговли не надо, судей и судовъ не надо... Другъ дружкѣ помогать, другъ дружку любить, грабежа-воровства не бояться.

— Какъ же не бояться-то?—спрашиваю я.

— Чу-удакъ человѣкъ!—говоритъ Зиновеичъ, усмѣхаясь и крутя головой.

— Ахъ, другъ любезный! У праведныхъ христіанъ нѣтъ грабежу, потому они любятъ другъ дружку...

Чего имъ бояться?.. Рази я полѣзу къ тебѣ въ клѣть? Да ты мнѣ и такъ дашь...

— А если не дамъ?—спрашиваю я.

Иванъ Зиновеичъ смѣется: „вотъ это такъ".

— Какъ же ты не дашь-то?—удивленно переспрашиваетъ Сютаевъ.

— Очень даже просто,—говоритъ Иванъ Зиновеичъ,—не дамъ—и дѣло съ концомъ. Самъ добывай—вотъ что!

Сютаевъ разъахался.

— Ахъ, не дѣло ты говоришь!—съ жаромъ началъ онъ.—Ахъ, не дѣло, не дѣло!..—Разсуди самъ: вѣдь тогда жисть-то будетъ какая, какая ты думаешь?—о-обчая! Вотъ што, другъ!.. У всѣхъ будетъ одно сердце, одна душа, не будетъ ни твоего, ни моего,—все будетъ мѣстное.

— Какъ мѣстное?

— Обчее, значитъ, не дѣленое... Да!.. И не будетъ тогда никого нуждающагося, а вси будутъ довольны и вси изобильны... Почитай ты Дѣянія св. апостолъ, глава четвертая, стихъ... стихъ тридцать второй,—почитай!

— Да чего читать-то? Ты намъ самъ скажи, что тамъ написано,—замѣтилъ Иванъ Зиновеичъ.

— Изволь, другъ милый, скажу!

Сютаевъ беретъ въ руки Новый Завѣтъ и развертываетъ его.

— Вотъ што тамъ написано, другъ ты мой лю-

безный,—говоритъ онъ, перелистывая книгу. Но цитата не находится, тогда онъ начинаетъ говорить на-память:—У вѣрующихъ христіанъ было одно сердце и одна душа; никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее... Вотъ, мой другъ! Понялъ?

— Да вѣдь это, можетъ, ишо въ ту пору было, когда всѣхъ людей-то на свѣтѣ десять человѣкъ счетомъ было,—возражаетъ Иванъ Зиновеичъ.

Безъ труда разбиваетъ Василій Кирилловъ это возраженіе. Найдя текстъ, онъ обращаетъ вниманіе на слова: „*у множества же увѣровавшихъ* было одно сердце“ и т. д.

— А вотъ ишо стихъ тридцать четвертый,—продолжаетъ Сютаевъ и читаетъ: „и не было между ними никого нуждающагося“... Слышишь, братъ?— „Никого нуждающагося!.. Ибо вси, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ: и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду“... Ну, понялъ теперь?

Вмѣсто отвѣта Иванъ Зиновеичъ тяжело вздыхаетъ, приговаривая: „о-охъ, грѣхи наши тяжкіе“!

А Василій Кирилловъ подходитъ къ окну, показываетъ пальцемъ на поле, широко растилавшееся во всѣ стороны, и говоритъ съ недовольнымъ видомъ:

— Глянька въ окошко-то: все межи, все межи... Смотри-ка, какъ поле-то располосовали... а-я-я!..

Колько тутъ земли-то дарма пропадаетъ на энтихъ самыхъ межахъ... Али опять загороды,—къ чему онѣ намъ?.. Иду я въ поле—изгороду городятъ... „Ребятушки, говорю, зачѣмъ изгороды? Городимъ, городимъ, а вѣдь пользы-то какъ быть не видать. Не надо, говорю, энтого дѣлать“... Не послухали; сами загородили, рушь съ меня взяли за участокъ... На другой годъ то же, на третій то же... Четыре раза взыскивали... Какая же тутъ любовь?.. Только я и теперь не горожу, и не буду!

Онъ прошелся по комнатѣ и затѣмъ снова подсѣлъ къ окну.

— Выйдешь въ поле: чьи это земли? — казенныя. Чей энтотъ лѣсъ?—господскій... Энто дѣло надо разсмотрѣть. Мы тоже были казенные, а другіе—господскіе... Дали же намъ надѣлъ (надѣлъ)... У другаго господина не одна тысча десятинъ. Онъ долженъ разсмотрѣть свой грѣхъ. Господина тогда не бросятъ хрестьяне... Господинъ теперь господствуетъ, а мы—рабствуемъ.

— Какъ такъ? — спросилъ я.

— Такъ... Земля-то господская ишо... Изъ половины беремъ, позоримся — во какъ!.. Я иду въ поле, а поле-то у господина снято... Господа должны землю отдать... Хрестьяне должны его (господина) не бросать... Вси должны сообща жить, сообща трудиться въ потѣ лица.

— А кто не пожелаетъ?

— Неволить нельзя, — слобóда должна быть... Въ царство Господне втащить насильно нельзя... Только желающіе... Зачѣмъ неволить! Сохрани Господи! Сказано: избранные съ избранными; кто пойметь, тотъ только и пойдеть на энто... Каждому воля, куда хошь стунай: отецъ направо, сынъ налѣво,—отецъ на правду, сынъ на кривду.

— Въ Писаніи сказано, продолжалъ Сютаевъ, развертывая Евангеліе: — „стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, и не подвергайтесь опять игу рабства“ [1]). Стало быть въ слобóдѣ надо жить, а мы связаны.

— Чѣмъ?

— Грѣхами, грѣхами связаны, неправдой связаны кругомъ.

Мало-по-малу разговоръ перешелъ на войну.

— По твоему, стало быть, выходитъ, войска-то теперь и не требуется?—спросилъ Иванъ Зиновеичъ.

— Теперь и войско требуется, и оброки злые требуются... Коли любви нѣтъ, тогда и война надобна, и замки надобны, и оброки надобны, и сторожа надобны... Только все энто — зло, все энто — неправда! Избраннымъ не слѣдуетъ энтого дѣлать... Война!.. Ты скажи: для чего она? — Вѣдь для удобства. А коли любовь есть, — какая война? Если у насъ любовь, — тогда мы и хлѣбомъ, и животами, и всѣмъ

[1]) Посланіе къ Галатамъ, глава 5-я, стихъ 1-й.

помогаемъ другъ дружкѣ. А у насъ замѣсто того вражда, война, распря... Со старичкомъ я однимъ говорилъ, о смиреніи говорилъ, о любви. Онъ все слушалъ, слушалъ, да какъ дастъ мнѣ въ щеку!.. Вотъ и вражда, вотъ и война.

— Все же, чай, въ солдаты-то надоть идти, коли начальство приказываетъ? — спросилъ Иванъ Зиновеичъ.

Василій Кирилловъ помолчалъ.

— Кабы двое, трое, много народу взяли бы да уговорились: не надо войны, не идти на войну... Сказали бы, што неладно идти, нельзя... Одному ничего нельзя подѣлать: ты хошь подѣлать, а тебя связываютъ. Сначалю надо, штобы избранные съ избранными. Вдругъ не остановиться, когда мы всѣ заблудивши. Нужно исповѣдывать Христа, тогда и войны не нужно будетъ, и солдатовъ не нужно... Въ Евангеліи показано, штобы вси люди жили въ любви. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ, гдѣ любви нѣтъ, тамъ и Бога нѣтъ... Если выйдетъ вражда, — всѣмъ тяжело. А коли мы будемъ въ любви жить, то у насъ стѣна будетъ супротивъ врага, — да, стѣна, — почитай-ка Тихона Задонскаго... А со временемъ и враговъ-то можетъ никакихъ не будетъ.

— А турка-то? Куда ты его дѣнешь? не безъ ѣдкости замѣчаетъ Иванъ Зиновеичъ.

— Мы сами турка — вотъ што!.. Турка-то тоже отъ Бога, — съ сердцемъ говоритъ Сютаевъ и начи-

настъ ходить по комнатѣ, приговаривая: — А-я-я! Какъ это мы турки-то боимся, а себя-то не боимся,— зла не боимся, грѣха не боимся... Приди ты ко мнѣ татаринъ, еврей, турка, — рази я могу его тронуть? Да для меня вси равны, вси братья, вси ближніе!.. Господь сотворилъ одного человѣка и отъ того человѣка народились вси люди, вси народы... Вси мы дѣти одного Отца Небеснаго, — вси, стало быть, братья?—Братья по духу. Только по дѣламъ своимъ раздѣлились: одни — добрые, другіе — злые.

— Ну, а ежели, къ примѣру, турка возьметъ насъ, завоюетъ, тогда что?—спрашиваетъ Иванъ Зиновеичъ.

— Онъ тогда насъ возьметъ, когда у насъ любви не будетъ.

— Да ужъ тамъ какъ хошь... Только, къ примѣру говорю, ежели возьметъ насъ турка, что тогда дѣлать, а?.. Вѣдь, поди, какъ-никакъ, а воевать все же придется?

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Сютаевъ.

— А то какъ же?.. Неужели такъ-таки поддаться басурману?

— А мечъ-то духовный на што?

— Какой такой мечъ духовный? Что ты имъ сдѣлаешь?

— Мечъ-то духовный?.. Мечъ духовный—любовь... Турки насъ возьмутъ, а мы ихъ въ любовь обратимъ. И будетъ у насъ единство, и будемъ мы вси

единомысленные... И будетъ тогда всѣмъ добро и всѣмъ хорошо... Такъ-то, другъ! Сказано въ Писаніи: „возлюби ближняго твоего“... А кто нашъ ближній?—Всякъ человѣкъ, вотъ кто!.. Духъ-отъ одинъ во всѣхъ людяхъ.

— Духъ-отъ одинъ, одначе вѣры-то, небось, разныя.

— Да какая у насъ вѣра?... Одинъ — такъ, другой — инако. Одинъ грабитъ, другой убиваетъ... Все энто расколы... Нѣтъ у насъ вѣры! Вѣра одна, вѣра—любовь; а любви нѣтъ, значитъ и вѣры нѣтъ никакой.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я началъ разспрашивать Сютаева объ его сынѣ, призывавшемся къ отбытію воинской повинности.

— Говорятъ, твой сынъ, Иванъ, отказался принять присягу? Правда это?

— Правда. Сынъ мой не принималъ присяги.

— Почему же?

— Почему?—горько усмѣхнулся Сютаевъ.—Нѣтъ, ты лутче скажи, къ чему присягать-то, а?.. „Къ пролитію крови“!.. „До послѣдней капли“!.. Да нешто энто возможно? Гдѣ же энто намъ указано, штобы другъ дружку бить, другъ дружку колоть, кровь человѣческую проливать, а?.. Опять же Евангеліе не приказываетъ клятьея... „Не клянитеся всяко, но да будетъ ваше слово: да-да и ни-ни“. Какъ же можно клятьея?.. И Тихонъ Задонскій говоритъ, што присяга вредна.

— Говорятъ, твой сынъ не хотѣлъ ружья въ руки брать?

— Не хотѣлъ, энто вѣрно... Зачѣмъ его брать? Вѣдь ружье-то для убивства. А кого убивать-то? убивать, когда они вси братья намъ?..

— Что же съ нимъ сдѣлали?

— Садили въ карцеръ... Военный начальникъ меня спрашиваетъ: „Энто твой сынъ?“? — Мой, говорю. — „Можешь, говоритъ, ты заставить его слушать“?—Коли я добрыя дѣла дѣлать заставляю, должонъ слушать, а коли злыя—нѣтъ.—„Заставь, говоритъ, его насъ слушать, заставь, штобъ онъ съ ружьемъ всталъ“.

— Нѣтъ, говорю, ваше благородіе, энтого мнѣ любовь не дозволитъ.

О дальнѣйшей судьбѣ своего сына Сютаевъ, какъ можно было заключить изъ его словъ, не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній. „Взяли сына въ Тверь,— разсказывалъ онъ, — а оттуда угнали въ Свеаборгъ. Тамъ его судили; осудили на два съ половиной года въ крѣпость“.

— Въ какую крѣпость?—спрашивалъ я.

— Въ Шлис... Шлиссельбургскую.

Это вполнѣ правдоподобно, такъ какъ въ настоящее время Шлиссельбургская крѣпость обращена, какъ извѣстно, въ военно-дисциплинарный баталіонъ и туда заключаютъ нижнихъ воинскихъ чиновъ за

разнаго рода нарушенія воинской дисциплины [1]). Но что теперь съ сыномъ, Сютаевъ не знаетъ, такъ какъ давно не получалъ отъ него никакихъ извѣстій. Я не могъ не замѣтить, что разговоръ о сынѣ поднимаетъ въ Сютаевѣ горькія, тяжелыя воспоминанія, а потому прекратилъ свои разспросы и постарался дать другое направленіе нашему разговору.

Послѣ нѣкотораго перерыва въ разговорѣ Сютаевъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „что я думаю насчетъ рая“?

— То-есть, къ примѣру, гдѣ онъ будетъ, эптотъ рай-отъ?—пояснилъ онъ.

— А по-твоему гдѣ?—уклонился я отъ отвѣта.

— По-моему-то? — въ свою очередь переспросилъ Сютаевъ. И снова добродушно-хитрая усмѣшка засвѣтилась у него въ лицѣ.—По-моему на земли, на земли, другъ!.. Прямо обозначено, какъ отрѣзано все равно. Гляди вотъ... И онъ торжественно прочелъ 10-й стихъ V главы „Откровенія“ Іоанна:

— „И мы будемъ царствовать на земли!“... Слышь. На земли, братъ, на земли, — радостно сіялъ, повторялъ онъ, и было что-то дѣтски наивное въ его радости.

— Какъ же это мы будемъ царствовать-то? — спросилъ я.

---

[1]) См. нашъ разсказъ: „Шлиссельбургская крѣпость“.

— Коли мы добрыя дѣла сотворимъ, то будетъ рай на земли, и будемъ мы въ ёмъ, въ энтомъ самомъ раю, царствовать.

— Да въ чемъ же наше царствованіе-то будетъ состоять?

— Царство-то наше?... Не будетъ грабежу, не будетъ убивства, дѣлежа не будетъ, ссоры и драки не будетъ, найму не будетъ, торговли не будетъ (шабашь, братъ! — усмѣхнулся опъ въ сторону Ивапа Зиновеича), денегъ не будетъ, — если братство будетъ, къ чему деньги? Любовь будетъ, смиреиство... Энто гдѣ читается: „всѣ братья по духу?“ Братолюбіе будетъ, единство... Вотъ какъ мы будемъ царствовать!

— Стой, погоди! — перебилъ Иванъ Зиновеичъ, — ишь сколько наговорилъ! Что ты сказалъ: найму не будетъ?

— Не будетъ, — твердо, увѣренно отвѣчалъ Сютаевъ.

— Что-жъ, по-твоему, наемъ-отъ — грѣхъ, что ли?

— А ты какъ думалъ? Не грѣхъ?... Почитай-ка въ Евангеліи, што о наемникахъ-то сказано... Кто нанимается — грѣшитъ, а кто нанимаетъ — тотъ вдвое грѣшитъ.

Всѣ вдругъ замолчали. Иванъ Зиновеичъ сидѣлъ потупясь, очевидно, что-то обдумывая, что-то соображая. Но вотъ онъ поднимаетъ голову и, обращаясь къ Василью Кириллову, произноситъ:

— Это что ты разводишь насчетъ, значитъ, войны, насчетъ найму, али опять насчетъ торговли — этому, братъ, во вѣки не бывать... Н-да!

— Не бывать? — насмѣшливо, почти задорно, переспрашиваетъ Сютаевъ. — Ой-ли?

— Н-да!... Вотъ тебѣ и ой-ли... Что ты, до самаго дѣла, думаешь своей головой: неужто же начальство-то потеритъ это, а?... Вотъ помяни ты меня на этомъ мѣстѣ, ничему-то этому не бывать, — вотъ что ты говоришь-то, — то есть ни въ жисть!... Пустыя слова и больше ничего!

— Да отчего не бывать-то?

— Отчего?... Говорятъ тебѣ — начальство этого не потеритъ... Вла-асть, власть не допуститъ!

Но о томъ, что думаетъ Сютаевъ о „начальствѣ“ и властяхъ, поговоримъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

VIII.

Шевелино.

Прихотливыми зигзагами извивается рѣчка Повѣдь. По зеленымъ холмистымъ берегамъ ея раскинулись поля, луга и рощи. На одномъ изъ такихъ холмовъ, вся въ зелени, ютится маленькая деревенька Шевелино. Въ ней всего-на-все тридцать дворовъ: въ этихъ тридцати дворахъ живетъ 88 душъ мужскаго и 107 душъ женскаго пола. Отъ уѣзднаго города и вмѣстѣ

станціи желѣзной дороги Шевелино отстоитъ на разстояніи тридцати верстъ и отъ приходской церкви въ 9 верстахъ. Крестьяне деревни Шевелина — временно-обязанные помѣщика Львова. До Львова, въ теченіе долгаго времени, ими владѣлъ Сабуровъ, поэтому и до сихъ поръ весь Шевелинскій районъ слыветъ среди крестьянъ подъ именемъ „Сабуровщины“, Сабуровской вотчины.

Считая необходимымъ дать читателю хотя нѣкоторое представленіе объ условіяхъ экономической жизни шевелинскихъ крестьянъ, я приведу здѣсь нѣсколько данныхъ относительно ихъ надѣловъ, посѣвовъ, заработковъ и т. п. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы мною изъ данныхъ, собранныхъ въ 1879 году тверскимъ статистическимъ комитетомъ для „Описанія населенныхъ мѣстъ Тверской губерніи“.

Количество земли въ десятинахъ: а) надѣльной; б) собственной всего селенія и в) отдѣльныхъ лицъ.

Усадебной.	Пахатной.	Сѣнокосной.	Выгонной.	Лѣсной.	Всего удобной земли.	Неудобной.
а) 8	168	183	—	10	369	—
б) —	—	—	—	—	217	—
в) —	—	—	—	—	48	—

Отдѣльно собственную землю (в) имѣютъ 6 домохозяевъ, изъ коихъ одинъ — 17 десятинъ, трое — по

7 десятинъ и двое — по 5 десятинъ. Почва пахатной земли — супесчаная и суглинистая. Окладныхъ душъ мужскаго пола считается 83. Размѣръ надѣла на душу не превышаетъ четырехъ съ половиною десятинъ; на дворъ приходится 12 десятинъ.

Что касается разнаго рода платежей, то шевелинскимъ крестьянамъ приходится платить:

Государственныхъ податей	186 р.	87 к.
Оброчныхъ и выкупныхъ платежей .	590 „	40 „
Земскихъ повинностей	42 „	— „
Мірскихъ повинностей	48 „	88 „
Всего . . .	868 р.	15 к.

Такимъ образомъ съ каждой окладной души приходится въ годъ около 10 р. 50 к.

Скотомъ шевелинскіе крестьяне, сравнительно, довольно богаты. Такъ, во время нашего пребыванія тамъ, у нихъ было: лошадей — 61, коровъ — 60, нетелей и телятъ — 15, овецъ — 60. Стало быть, среднимъ числомъ, на каждый дворъ приходится по двѣ лошади и по двѣ коровы.

Сѣна шевелинскіе крестьяне накашиваютъ до 5,000 пудовъ на надѣлѣ и 1,500 пудовъ на собственной землѣ.

Изъ общаго числа домохозяевъ нуждаются въ покупномъ хлѣбѣ 10 человѣкъ. Среднимъ счетомъ они

покупаютъ въ годъ 20 четвертей хлѣба, на сумму 140 р.

Посѣвъ и урожай въ четвертяхъ, за исключеніемъ сѣмянъ: а) на надѣлѣ и б) на собственной землѣ.

	Ржи.		Ячменя.		Овса.		Картофеля.		Льна.	
	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.	Посѣвъ.	Урожай.
а)	61	183	20	80	102	306	30	120	5	12
б)	16	48	—	—	32	96	—	—	—	—

Изъ числа принадлежащихъ къ селенію лицъ въ 1878 году находилось въ отлучкѣ по паспортамъ и билетамъ: на годъ — 13 мужчинъ и 1 женщина, на полгода — 21 мужчина и на срокъ менѣе полугода — 2 мужчинъ и 2 женщины. Если эти цифры были вполнѣ точны для 1878 года, то слѣдуетъ признать, что за послѣдніе годы общее число отлучающихся изъ Шевелина на заработки еще болѣе возросло. Женщины идутъ въ услуженіе; мужчины для каменотесныхъ работъ отправляются въ Петербургъ и лишь немногіе въ Москву. Въ числѣ обывателей деревни Шевелина насчитывается грамотныхъ 20 человѣкъ мужчинъ и 2 женщины. По отзыву лицъ, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями Тверской губерніи,

слѣдуетъ признать, что населеніе деревни Шевелина въ экономическомъ отношеніи стоитъ нѣсколько выше средняго уровня, существующаго для крестьянскаго хозяйства Тверской губерніи.

Чтобы ближе быть къ Сютаеву и его семейству, чтобы чаще видѣться съ нимъ и удобнѣе наблюдать отношенія, установившіяся между сютаевцами и остальнымъ населеніемъ,—я оставилъ Повѣдь и переѣхалъ въ Шевелино. Василій Кирилловъ устроилъ меня въ сосѣдствѣ съ собою, въ большой, просторной избѣ, хозяинъ которой, богатый мужикъ, жилъ постоянно въ Питерѣ вмѣстѣ съ женою, а дома оставалась его мать, старуха, да маленькая дочка, лѣтъ тринадцати, да племянница, сирота, невѣста. Все это были добрые, простые, душевные люди.

Воспользовавшись первымъ праздничнымъ днемъ, я отправился къ Василью Кириллову.

IX.

Въ семьѣ Сютаева.

Изба Василья Кириллова—самая обыкновенная, ничѣмъ не выдѣляющаяся изъ ряда другихъ крестьянскихъ избъ: старая, приземистая, темно-бревенчатая, въ три окна на улицу. Внутри избы на всемъ лежитъ печать опрятности: печь выбѣлена; полъ, стѣны, лавки, столъ—все это чисто вымыто, выскоблено. Въ

переднемъ углу вида полка, „божница“, на которой вмѣсто образовъ лежитъ нѣсколько книгъ. Тѣмъ не менѣе въ избѣ есть образъ Спасителя, но онъ виситъ не въ углу, какъ это принято у православныхъ, а среди стѣны, точно обыкновенная картина.

Семейство Сютаева состоитъ изъ жены его, Мары Андреевны, и сыновей: Михаила, Дмитрія и Ивана. Михаилъ и Дмитрій женаты и имѣютъ дѣтей: у перваго ихъ двое, у втораго—четверо. Оба они, во время моего пребыванія въ Шевелинѣ, были въ отлучкѣ, въ Питерѣ, на работѣ; дома оставались ихъ жены и дѣти. О дочери Сютаева, Домнѣ, я уже говорилъ; говорилъ и о младшемъ сынѣ его, Иванѣ.

Жена Сютаева, еще крѣпкая старуха, всегда чисто одѣтая, съ симпатичнымъ, благообразнымъ и умнымъ лицомъ. Старшая молодуха, жена Михаила, Любовь, наиболѣе словоохотливая и бойкая изъ всего женскаго персонала. Жена Дмитрія, Дарья, заурядная, толстая баба съ добродушно-простоватымъ выраженіемъ лица. Дѣти — все мелкота: старшему, если не ошибаюсь, девять лѣтъ. По случаю дождя всѣ они толпились въ избѣ, играя и рѣзвясь на полу.

Невольно бросилось въ глаза, невольно поразило меня мягкое, любовное отношеніе всѣхъ членовъ семьи между собою; съ дѣтьми же всѣ какъ-то особенно ласковы, какъ-то особенно кротки и любовны. У всѣхъ такія открытыя лица, такія смѣлыя, громкія рѣчи, такое непринужденное обращеніе. Какъ-то сразу чув-

ствовалось, что въ этой семьѣ, несмотря на многочисленность ея членовъ, царитъ миръ, царитъ прочная взаимная любовь, безъ подавляющаго авторитета „большака“, безъ ехидства свекрови, безъ забитости невѣстокъ.

Сютаева не было дома, — онъ ушелъ провѣдать скотъ. Глядя на играющихъ дѣтей, я спросилъ старшую молодуху.

— Это все внуки Василья? Твои дѣти и племянники?

— Да, по-человѣчески такъ, — отвѣтила она, — внуки, племянники, — люди всяко зовутъ, всякихъ кличекъ надавали,—а по-божьи всѣ братья и сестры.

Въ избу вошелъ какой-то мужикъ, — какъ послѣ оказалось, сосѣдъ Сютаева, — волосатый, цыганскаго типа, черный какъ жукъ. Его костюмъ свидѣтельствовалъ о достаткѣ: на немъ была суконная поддевка, рубаха изъ хорошаго ситца и смазные сапоги. Вошелъ онъ, перекрестился на образъ и, неуклюже мотнувъ головой по направленію сидѣвшихъ на лавкѣ, проговорилъ:

— Здорово!

— Здравствуй,—отвѣчала Любовь. — Садись, такъ гость будешь.—и тотчасъ же добавила:—все здоровкаемся, все — „здорово, здорово“, говоримъ, а сами все немощны.

— Какъ немощны?.. Чѣмъ?—спросилъ я.

— Духомъ, духомъ немощны... Кабы здоровы были.

не такъ бы жили, не такъ бы поступали другъ съ дружкой.

Пухлый мальчуганъ, въ одной рубашенкѣ, съ круглымъ лицомъ и пухлыми голыми ножками, съ свѣтлыми, ясными глазенками, подобрался ко мнѣ и началъ теребить мое платье, смѣясь и выкрикивая что-то дѣтскимъ, ликующимъ, звонкимъ, какъ колокольчикъ, голоскомъ.

— Не крещеный!—проговорилъ черный мужикъ, обращаясь ко мнѣ и указывая на мальчугана.

— Правда не крещеный?—обратился я къ молодухѣ (жена Сютаева хлопотала съ самоваромъ).

— Вѣрно не крещеный... Тебѣ на-диво? Не видалъ, чай, не крещеныхъ-то, а?.. А у насъ только двое крещеныхъ-то, а то всѣ не крещены.

Ребенокъ точно понималъ, что рѣчь идетъ о немъ; онъ весь сіялъ, подпрыгивалъ, хихикалъ, стучалъ ручонками о мое платье и, казалось, заливался отъ восторга.

— Отчего же вы не крестите?

— Полагаемъ, какъ быть все равно: што крестить, што нѣтъ. Будто какъ понапрасну крестить-то... Мы вотъ всѣ крестились, а грѣхъ творимъ все равно что не крещеные. Крещеніе, сказано, покаяніе. „Покайтеся и креститеся“. А нешто ребенокъ можетъ покаяться? Спаситель-то вишь тридцати лѣтъ крестился. Вырастетъ, въ умъ войдетъ, познаетъ,—ну, и окрестится.

— Что же познаетъ-то?

— Истину... А то што же?.. Истину познаетъ.

— Какъ же онъ познаетъ?

— Родители должны научать, отецъ съ матерью... Безъ ученья ничего не выйдетъ.

Черный мужикъ отстаивалъ крещеніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ у православныхъ. Отъ крещенія онъ перешелъ къ покаянію и причащенію и началъ горячо доказывать особенную, настоятельную необходимость этихъ двухъ таинствъ. Въ это время Сютаевъ вернулся домой; онъ также принялъ участіе въ общемъ разговорѣ. Съ первыхъ же словъ Василій Кирилловъ повернулъ споръ на свою любимую тему.

— Я каждую минуту каюсь, въ чемъ согрѣшу,— говорилъ черный мужикъ, отстаивая свою мысль.— Ежели обижу кого, каюсь.

— Да ты не видишь обиженія-то,—возражалъ Сютаевъ.—Полосу свою пашешь, а самъ думаешь, какъ бы другую прихватить...

— Ангелы прегрѣшаютъ... Я говорю: грѣшенъ.

— Ты говоришь: грѣшенъ, а во грѣхахъ не признаешься, отъ грѣховъ не отстаешь... И опять же ты по-старому свою линію ведешь: опять по-старому пашешь, по-старому дѣлишь, торгуешь, ну, и выходитъ, што ты, стало быть, фарисей.

— Ты за меня не будешь отвѣчать.

— Нѣтъ, буду, буду отвѣчать!.. Вси будемъ другъ за дружку отвѣчать... А ты этого не зналъ?

— Чрезъ покаяніе Богъ грѣшниковъ пріемлетъ... Мало ли мы грѣха творимъ?.. Каяться надо, исповѣдываться передъ Господомъ,—ну, тогда насъ Богъ и проститъ.

— Нѣ-ѣтъ, другъ милой, врё-ёшь!.. Тогда Богъ проститъ, когда у насъ любовь будетъ, когда у насъ едино сердце будетъ, едина душа, когда все будетъ мѣстное, обчее,—тогда Богъ проститъ.

И, помолчавъ немного, онъ обратился къ сосѣду:

— Признаешься ли въ любви жить, а?.. Замковъ не надо?.. Подъ замками-то небось у тебя украли?

— Ну, украли,—што-жъ такое?

— Ну, а тогда воровъ не будетъ,—слышишь?—когда мы обчую-то жисть устроимъ, когда въ любви-то будемъ жить... А теперь у насъ раздоръ, во всѣхъ злоба, обманъ, суды, неправда...

— Не судите, сказано, да не судими будете,—внушительно произнесъ сосѣдъ и видимо остался доволенъ собой: ему, вѣроятно, казалось, что онъ попалъ какъ разъ въ самое больное мѣсто своего соперника.

Но Сютаевъ оказался неуязвимымъ.

— Опять не то!—кричалъ онъ.—Не то, не то!.. Должно всю вселенную судить, всю!.. Спаситель пришелъ—всю вселенную осудилъ... Апостолы пришли—всю вселенную осудили.

— Не мы же... Намъ далече до Спасителя.

— А што онъ сказалъ?—„Идите за мной!“... Што этто обозначаетъ, а? Какъ ты полагаешь?.. *Его* слѣдомъ надо идти: Онъ всю вселенную осудилъ—и мы можемъ судить; Онъ проповѣдывалъ—и намъ надо то же дѣлать; Онъ страдалъ за добро, за проповѣдь—и намъ надо страдать... Да, пора Господу Богу служить,—пора, пора, пора! Пришло время. Надо намъ обманъ побѣждать...

На столѣ появился самоваръ, который по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ, а отчасти и по формѣ какъ нельзя болѣе напоминалъ собою тѣ паровые котлы, какіе можно встрѣтить на фабрикахъ или заводахъ. Марѳа принесла что-то въ родѣ яичницы корчажку съ топленымъ молокомъ и нѣсколько кусочковъ сахару. Начались угощенія—радушныя, задушевныя.

Черный мужикъ, который давно уже какъ-то особенно пристально и пытливо поглядывалъ на меня, воспользовавшись перерывомъ въ спорѣ, подсѣлъ ко мнѣ и началъ съ допроса: кто я такой, откуда и зачѣмъ именно пріѣхалъ, — бывалъ ли я въ Петербургѣ, и т. д. Покончивъ этотъ опросъ, онъ принялъ нѣсколько таинственный видъ и началъ:

— А што, хочу я тебя спросить, о енералѣ Пашковѣ слыхалъ?

— Слыхалъ.

— Можетъ и видать доводилось?

— Видалъ... А что?

— Такъ, ничего... Можетъ ты самъ и есть ецералъ Пашковъ?

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что г. Пашковъ пользуется большою извѣстностью среди нашего сектантскаго населенія. Этому главнымъ образомъ содѣйствуетъ разсылка имъ повсюду разныхъ книжекъ, въ родѣ „Любимыхъ стиховъ“ и т. п., затѣмъ публичность его бесѣдъ. Газетные толки объ этихъ бесѣдахъ и проповѣдяхъ также много способствовали его извѣстности. Сектанты, отправляясь въ Петербургъ на заработки или по торговымъ дѣламъ, обыкновенно считаютъ своею обязанностью побывать на проповѣди Пашкова. Говорятъ, онъ не только охотно помогаетъ сектантамъ [1]), которые обратятся къ нему съ просьбой о помощи, но даже раздаетъ деньги и тѣмъ изъ нихъ, которые совсѣмъ не просятъ объ этомъ. „Любимые стихи“ и другія подобныя книжки, распространяемыя Пашковымъ, мнѣ приходилось встрѣчать среди молоканъ, сютаевцевъ, хлыстовъ, монтанъ, послѣдователей „деснаго братства“ и т. д.; я встрѣчалъ ихъ въ Тверской губерніи, въ Самарской, въ Саратовской, въ Нижегородской и въ Там-

[1]) Очень вѣроятно, что г. Пашковъ, извѣстный своею филантропическою дѣятельностью, съ одинаковою готовностью помогаетъ какъ сектантамъ, такъ и православнымъ. Дѣлаемъ здѣсь эту оговорку съ цѣлью отклонить отъ себя всякій упрекъ въ желаніи выставить г. Пашкова какимъ-то столпомъ, опорой сектантства.

бовской, и притомъ въ самыхъ далекихъ и захолустныхъ углахъ этихъ мѣстностей. По слухамъ и по разсказамъ самихъ сектантовъ, эти книжки можно найти и на Кавказѣ, и въ Малороссіи среди штундистовъ, и на Уралѣ, и въ Сибири,—словомъ всюду, гдѣ только есть сектанты.

Сыновья Сютаева также бывали у Пашкова, но они не вынесли хорошаго впечатлѣнія отъ его толкованій Евангелія. Одному изъ сыновей Сютаева Пашковъ, или кто-то изъ его ближайшихъ послѣдователей, далъ 25 рублей. Молодой Сютаевъ взялъ было эти деньги, но, продержавши ихъ дня два у себя и раздумавши, возвратилъ ихъ обратно, считая себя не въ правѣ получать деньги „дарма".

Самъ Сютаевъ рѣзко нападаетъ на ученіе Пашкова. Онъ лично знакомъ съ однимъ изъ послѣдователей пашковскаго ученія, живущимъ въ Торжкѣ. Особенно же онъ не можетъ примириться съ основной идеей ученія Пашкова, съ тѣмъ, что самое главное—это вѣра, горячая, страстная вѣра въ то, что Христосъ спасетъ насъ, какъ бы ни были мы грѣховны и каковы бы ни были наши дѣла, наша жизнь...

— Стало быть по-ихнему, — говоритъ Сютаевъ,— можно все дѣлать: и дѣлиться можно, и торговать можно,—все равно, молъ, Христосъ спасетъ грѣшниковъ, только надѣйся крѣпче, вѣруй...

Эта мысль не можетъ не возмущать Сютаева, ко-

торый учитъ, что главное — „жисть“, „жисть надо наблюдать“, „жисть надо устраивать“, и по ученію котораго самая вѣра есть ни что иное какъ любовь къ людямъ... „А какая же любовь безъ добрыхъ дѣловъ?“—говоритъ онъ.

Разговоръ переходилъ съ одного предметъ на другой. „Бабы“ принимали въ немъ участіе наравнѣ съ мужиками. Между прочимъ, когда зашла рѣчь о духовенствѣ, жена Сютаева разсказала слѣдующій случай.

— Сидѣла я съ дочерью, Домной, въ гостяхъ у Андрея Филиппова (Андрей Филипповъ держалъ въ это время харчевню въ деревнѣ Заполь). Входитъ священникъ Никольскій, — входитъ, а самъ чуть на ногахъ стоитъ: такъ его и поноситъ, такъ и пошатываетъ изъ стороны въ сторону, словно вѣтеръ качаетъ. — „Гдѣ тутъ, говоритъ, у васъ боги?“... Вынулъ крестъ, хотѣлъ было пѣть что-то, только увидалъ дочь—и прямо къ ней.—„Андрей Филипповъ!—говоритъ, — откуда ты, говоритъ, такую кралю досталъ?“—„Шевелинскіе, молъ, батька, не ворожь!—„ это Андрей-отъ ему говоритъ... Только попъ не унимается: „Нельзя ли, говоритъ, ко мнѣ на вечерокъ?.. Не пожалѣю, говоритъ,—полтинничекъ дамъ“... Начала я его стыдить: „Вотъ, говорю, такъ наставники ходятъ!.. Вотъ какое отъ нихъ наученье-то!.. Ахъ, вы,—говорю,—озорники вы этакіе!.. Глядите, молъ, люди добрые!..“ А онъ и ухомъ не ведетъ: лѣзетъ

прямо къ дѣвкѣ... Согрѣшила я, не утерпѣла: ухватила его за волосы и—ну таскать!..[1]).

Отъ священниковъ разговоръ перешелъ на продажность, будто бы существующую въ православной церкви. По этому поводу Сютаевъ разсказывалъ:

— Дитё у насъ умерло. Говорятъ, надо хоронить, отпѣвать надо,—безъ энтого, говорятъ, на томъ свѣтѣ въ царство небесное не примутъ. Ладно, хорошо. Пошелъ я къ попу.—„Похорони, говорю, батюшка...“ (Какое слово-то: *батюшка!*)—„Ладно, говоритъ, давай [illegible]“.—„Нельзя ли, молъ, поменьше?“—Не соглашается. А денегъ у меня въ ту пору всего-на-все тридцать копѣекъ серебромъ было... Не согласился. Ушелъ я домой и думаю про себя: какъ такъ?.. За пятьдесятъ можно, а за тридцать нельзя? За пятьдесятъ примутъ, а за тридцать не примутъ?.. Не можетъ энтого быть!.. И увидѣлъ я тогда, што грѣшенъ я кругомъ.

— Въ чемъ же ты грѣшенъ?

— Да нешто можно о Божьемъ благословленіи торговлю заводить?.. Нельзя покупать, думаю, Божьяго благословленія. Коли самъ не заслужишь, ни за какія деньги его не купишь... Ни за какія тысячи

---

[1]) Этотъ разсказъ, какъ и все изложенное здѣсь, въ этихъ очеркахъ—голая правда. Съ удовольствіемъ можемъ заявить при этомъ, что священникъ, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ разсказѣ, въ настоящее время уже уволенъ отъ должности.

не купишь!.. А коли заслужишь, то и безо всякихъ денегъ получишь, што слѣдуетъ... Раздумалъ я все этто, взялъ дитё и самъ похоронилъ—безъ попа, безъ дьячка, безо всего... Подъ поломъ похоронилъ!

Немного погодя онъ снова заговорилъ:

— Али опять, бывало, спросишь кого: былъ на духу?—„Нѣтъ, скажетъ, не былъ“.—„А отчего не былъ?“—„Денегъ не было, съ деньгами не собрался...“ Ну, и выходитъ, что у васъ за деньги грѣхи-то отпущаютъ: есть деньги—отпустятъ, нѣтъ денегъ—не взыщи!.. Стало быть вы Божью-то благодать за рубли да за копѣйки покупаете... Видно у васъ поэтому и въ рай-отъ за деньги пущаютъ... по таксѣ!

Далѣе разговоръ коснулся, между прочимъ, иконъ. При этомъ Любовь, смѣясь, разсказала:

— Какъ-то у насъ старую избу поправляли, такъ мы въ новую переходили. Все вынесли, одинѣ иконы остались въ углу. Ребятишки и смѣются: „Ей, вы, боги,—говорятъ,—пойдемъ за нами!.. Коли вы боги, перейдите сами!..“ Нѣтъ, небось, остались, не пришли.

Такое отношеніе къ иконамъ вызвало протестъ со стороны чернаго мужика,—онъ горячо вступился за иконы. Сютаевъ поспѣшилъ успокоить его. Онъ заявилъ (передаю лишь *общій* смыслъ его возраженія), что отрицаніе или признаніе иконъ есть вещь совершенно несущественная, второстепенная, изъ-за ко-

торой отнюдь нельзя людямъ расходиться между собою. Свое возраженіе онъ закончилъ такъ:

— Мы все оставимъ: посты, иконы, все (то-есть оставимъ отрицаніе иконъ, постовъ), но единства не оставимъ, обчаго не оставимъ.

Я постарался навести разговоръ на значеніе семейныхъ отношеній, какъ они понимаются сютаевцами.

— Жена, по Писанію, меньше мужа, — говоритъ Сютаевъ, — поэтому она должна слушать его, повиноваться ему.

Но тутъ у него является сомнѣніе: въ другомъ мѣстѣ Св. Писанія сказано, что во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни мужскаго пола, ни женскаго, ни раба, ни свободнаго, а что всѣ люди составляютъ одно и всѣ равны между собою. Итакъ, съ одной стороны выходитъ, что жена — какъ бы „меньше“ мужа, а съ другой—равна ему. Это сомнѣніе такъ и остается у него до сихъ поръ не рѣшеннымъ. Онъ только заявляетъ, что „распорядиться надъ женой мужъ не можетъ“, не въ правѣ.

Сютаевцы допускаютъ семейный разводъ. Въ случаѣ ссоръ, вражды и несогласій между супругами, они должны разойтись. Но если послѣ развода онъ или она „въ Господа придетъ“, т. е. сознаетъ свою вину и раскается, то они должны „соединиться сызнова“. При разводѣ дѣти должны оставаться съ вѣрующимъ, т. е. съ правою стороною (съ отцемъ или

съ матерью). Для того, чтобы не встрѣчалась необходимость въ разводѣ, чтобы браки были „крѣпче“, прочнѣе, нужно, чтобы родители отнюдь не приневоливали своихъ дѣтей выбирать себѣ ту или другую жену, того или другаго мужа. Родители должны съ своей стороны только „совѣтовать“ сыну или дочери, но отнюдь не „приневоливать“.

Изъ всего, что мнѣ пришлось видѣть и слышать въ семьѣ Сютаева, для меня было ясно, что всѣ присутствовавшіе при разговорѣ члены этой семьи вполнѣ солидарны между собою въ своихъ воззрѣніяхъ на церковь, на религію, на обязанности человѣка и его задачи; видно было, что ученіе Василья Кириллова глубоко запало имъ въ сердце, что оно принято ими, продумано, усвоено. Здѣсь не было и намека на ту рознь, какая имѣла, напримѣръ, мѣсто въ семействѣ Ильи Иванова.

— Вы всегда такъ мирно, дружно жили, какъ теперь? — спросилъ я, обращаясь къ „бабамъ“.

— Што ты! Прежде всего бывало... Чуть што не до драки доходило... А какъ *познали*, сразу ссорамъ конецъ пришелъ. Злобы прежней ужъ и въ поминѣ нѣтъ... Куда и сердце дѣвалось!

X.

Теорія о добрыхъ и злыхъ властяхъ.

По временамъ, когда разговоръ нашъ съ Сютаевымъ направлялся на такъ-называемые щекотливые вопросы и касался разныхъ темныхъ сторонъ нашего общественнаго строя, въ рѣчи Сютаева слышались нерѣдко такія ноты, которыя какъ-то невольно наводили на мысль: не было ли тутъ какого нибудь посторонняго вліянія, какой нибудь посторонней „пропаганды“, которая дала бы толчокъ его мыслямъ въ извѣстномъ направленіи.

Мнѣ удалось близко сойтись съ Сютаевымъ и смѣю думать, что онъ былъ вполнѣ откровенъ со мною. Мы разстались съ нимъ, какъ разстаются близкіе друзья. Еслибъ у него были какія нибудь особенныя встрѣчи съ интеллигентными или иными людьми, которыя бы такъ или иначе повліяли на ходъ его мыслей, онъ непремѣнно сообщилъ бы мнѣ объ этомъ. Но этого не было. Только однажды съ нимъ былъ такой случай. Ѣхалъ онъ по чугункѣ. Въ вагонѣ зашла рѣчь о „Писаніи“. Сютаевъ, по обыкновенію, начинаетъ развивать свои идеи о любви и мирѣ. Въ разговоръ вмѣшивается кондукторъ и начинаетъ оспаривать Сютаева.

— Откуда ты это взялъ? — спрашиваетъ онъ Сютаева.

— Почитай Посланіе къ галатамъ, тогда увидишь откуда... Тамъ прямо обозначено...

— Да вѣдь это для кого обозначено-то? Вѣдь для *галатовъ*... А ты думалъ для насъ, что ли?

Это возраженіе показалось Сютаеву дикимъ и возмутительнымъ. Онъ рѣзко напалъ на кондуктора и разбилъ его на всѣхъ пунктахъ. Тутъ же, въ вагонѣ, сидѣлъ какой-то молодой человѣкъ и внимательно вслушивался въ рѣчи Сютаева. Онъ подсѣлъ къ Василью Кириллову и они потолковали съ нимъ по душѣ. Сютаевъ спрашивалъ молодого человѣка, который показался ему очень начитаннымъ: какихъ книгъ слѣдуетъ больше всего придерживаться? Какого онъ мнѣнія насчетъ старинныхъ книгъ, почитаемыхъ старовѣрами, и изъ какихъ именно книгъ можно лучше всего „истину познать?“ Молодой человѣкъ говорилъ, что на свѣтѣ развелось многое множество разныхъ книгъ, что есть между ними хорошія, но много есть и худыхъ, негодныхъ, что въ старинныхъ книгахъ также „много есть кой-чего напутано“, самая же лучшая книга — это Евангеліе. Чтобы не сбиться съ пути, необходимо держаться Евангелія. Но его нужно умѣть понимать, толковать и объяснять; поповское же толкованіе Евангелія невѣрно... Обо всемъ этомъ уже и раньше думалъ Сютаевъ; слова молодого человѣка только еще больше укрѣпили его въ его мыслях о значеніи Евангелія и „старинныхъ книгъ“. Помимо этой случайной, ми-

молетной встрѣчи, у Сютаева не было никакихъ столкновеній съ людьми, которые бы задавались цѣлью повліять на его воззрѣнія въ извѣстномъ смыслѣ. Вся его „вѣра“, все его ученіе — есть результатъ его собственныхъ думъ, продуктъ его собственной работы мысли, безъ всякой посторонней помощи, безъ всякаго вліянія со стороны кого бы то ни было. Современная жизнь со всѣми ея ненормальными явленіями — вотъ что единственно будило и направляло его мысль; „писаніе“ только подкрѣпляло, освящало своимъ авторитетомъ выводы, догадки и заключенія, къ которымъ приводилъ его анализъ общественныхъ отношеній.

Мы уже видѣли результаты этой работы, этого анализа въ области религіозной и въ области соціальной, — посмотримъ же теперь, что думаетъ Сютаевъ о нашихъ гражданскихъ, государственныхъ порядкахъ и учрежденіяхъ.

— Мы должны почитать высшнію власть, — говоритъ Сютаевъ, — а высшняя власть должна заботиться о насъ, о народѣ. Если же власть не заботится о народѣ, то я долженъ сказать ей объ этомъ.

— Да... Такъ вотъ тебя и послушаютъ! — иронически замѣчаетъ обыкновенно на это кто нибудь изъ присутствующихъ.

— За энто, братъ, какъ бы тебя противъ шерсти не погладили!..

— Очень даже просто... Шаровары скинутъ, да та-акими угостятъ горячими!..

— Любовь, братецъ, никто раззорить не можетъ,— возражаетъ Сютаевъ.—Будемъ добрыми и власть будетъ добра.

Относительно моленія за властей Сютаевъ говоритъ: „въ Евангеліи сказано, что нужно молиться перва за народъ, а потомъ за царя. Теперь въ церквахъ дѣлаютъ неправильно, молясь сначала за царя, а ужъ потомъ за народъ“.

— Властямъ нужно повиноваться... Но власти бываютъ добрыя и злыя. Власти, которыя не внутренія, въ сердцахъ не добрыя—это злыя власти. Онѣ дѣлаютъ неправду, поэтому имъ не слѣдуетъ повиноваться, такъ какъ онѣ запутываютъ насъ, людей.

— Какую же неправду дѣлаютъ злыя власти? — спрашивалъ я.

— А войну хто дѣлаетъ?.. А оброки злые хто дѣлаетъ?.. Опять же въ острогъ хто сажаетъ?.. Все отъ ней идетъ, отъ злой власти!..

О судахъ нашихъ Сютаевъ весьма невысокаго мнѣнія [1]).

— Въ судахъ правды почитай что совсѣмъ нѣтъ. Судьи должны судить по-евангельски, но никто не судитъ такъ. Правды въ жизни нѣтъ, поэтому и су-

[1]) Необходимо замѣтить однако, что при критикѣ судовъ Сютаевъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду свои, крестьянскіе, волостные суды.

дей такихъ ставятъ: ньяницъ, злыхъ, мздоимцевъ... На судѣ должны всякое дѣло разсмотрѣть, разспросить, а теперь другой разъ на судѣ-то и слова не дадутъ сказать: „молчать!!“

Я попросилъ Сютаева подробно разсказать мнѣ о томъ, что происходило у него со старшиной, когда тотъ требовалъ уплаты податей.

— Пришелъ волостной насчетъ оброка. Я и спрашиваю: „кому, молъ, оброкъ? Зачѣмъ оброкъ?“ Показываю волостному Евангеліе и говорю: „Ты—высшияя власть, ты разсуди мнѣ“. Волостной на Евангеліе и глядѣть не хочетъ. — „Я, говоритъ, не за этимъ пришелъ... Подавай деньги!“—„Я тебѣ деньги отдамъ, мнѣ, молъ, денегъ не жалко, только ты разсуди мнѣ: кому оброкъ?“—„Начальству“, говоритъ,—„Начальство должно быть доброе, говорю. Ты долженъ добрый оброкъ собирать, кроткій, а не то чтобы выколачивать... Грѣхъ насиліемъ оброкъ отдавать... Разсудимъ, говорю, энто дѣло: можетъ тогда и оброку-то не надо будетъ, а?.. Разберемъ!..“—„Пошелъ ты, говоритъ, къ лѣшему, есть время мнѣ съ тобой валандаться!“ — И почалъ меня ругать. — „А коли такъ,—говорю,—коли ты не хошь Спасителевы слова разсудить, нѣтъ тебѣ ни гроша!..“ И почалъ онъ калитку ломать.—„Пусти!“ говоритъ.—„Не пущу! Коли ты не хошь слова Божія разсудить, ты, стало быть, не высшияя власть, а воръ, хищникъ, грабитель! Вотъ ты хто!..“—„Ломай, говоритъ, ребята, ворота!..

Онъ—бунтовщикъ!“—Разбили ворота. Взяли со двора: корову, лошадь, овцу... Увели, продали съ укціона, деньги себѣ взяли на оброкъ.

— Тѣмъ дѣло и кончилось?

— Нѣтъ, не кончилось, — волостной жалобу подалъ... Слѣдователь Кротковъ разбиралъ наше дѣло.

— Ну, и что же?

— Ну, въ судъ повели... Я взялъ Евангеліе, Тихона Задонскаго взялъ и пошелъ въ судъ. Одинъ судья... какъ бишь его зовутъ?.. Товарищъ... про... прокурора говоритъ: „Въ острогъ его надыть безпремѣнно, штобы не бунтовалъ...“ А я говорю судьямъ: „Вы не меня судите, вы книги судите“,—и показываю имъ Евангеліе... Не взяли во вниманіе!.. Осудили сперва на три мѣсяца въ острогъ, потомъ перемѣнили—на семь дней... На судѣ волостной былъ, Тихонъ Ивановъ; онъ разсказывалъ, какъ то-есть я его не пущалъ въ домъ за оброкомъ. Я слушалъ, слушалъ, а потомъ и говорю судьямъ: „Дозвольте мнѣ разокъ спросить Тихона Иванова“. — „Спрашивай“, говорятъ. Я и спросилъ: „А што, Тихонъ Ивановъ, какъ ты живешь: по духу, али по плоти?..“ Онъ помолчалъ, а потомъ и говоритъ: „Я, говоритъ, по плоти живу“. — „Ну, коли по плоти, то тебѣ и вѣры нельзя дать. По книгамъ по плоти живущіе Богу угодить не могутъ, а стало быть и вѣры имъ нѣтъ никакой...“ „Што-жъ ты думалъ? Волостной-отъ былъ врагъ, а теперь другъ сдѣлался. Теперь онъ

изъ волостныхъ вышелъ и все говоритъ: „Ужо покаюсь... Невѣрно мы живемъ,—охъ, невѣрно!.. Не сегодня-завтра, ужо покаюсь...“ Денегъ мнѣ какъ-то на оброкъ далъ безъ росписки, безо всего... Я ему говорю: „Ты, Тихонъ Ивановъ, воръ... Ишь сколько нажилъ добра разнаго! Развѣ это не воровство? Все, молъ, награблено у тѣхъ же хрестьянъ...“

— Что-жъ онъ?

— Што?—Самъ признается, што воръ.

— Ну, а на другой годъ тоже вѣдь оброкъ собирали,—были у тебя?

— Какже, были... Я опять говорю: „Сдѣлай милость, разсудимъ, къ чему оброкъ?“—Старшина кричитъ: „Знать ничего не знаю, подавай деньги!“—„А коли такъ,—говорю,—не дамъ...“ Силкомъ зашли во дворъ, опять лошадь да корову угнали. А я опять ихъ обозвалъ ворами, хищниками, грабителями.

— Чего же ты добивался-то отъ нихъ?

— Чего?—Онъ долженъ былъ научить меня: куда оброкъ, зачѣмъ... Высшияя власть должна быть добрая,—да! а не то штобы послѣднюю корову со двора сводить.

— Теперь же ты платишь, хотя тебѣ и не объяснили?

— Я и теперь то же говорю. Ни одного рубля не отдамъ такъ, штобы не сказать: воры вы, хищники, грабители... Только ужъ теперь меня не гонятъ.

На мои разспросы о томъ, каково вообще живутъ

въ ихъ мѣстахъ крестьяне, Сютаевъ обыкновенно отвѣчалъ, что крестьяне у нихъ живутъ весьма „тосшо“ (тощо) и скудно, и объяснялъ это явленіе такъ:

— Спервоначалу были обременены господами. Опосля того надѣлъ получили, надѣлъ махонькой. Земли дали худыя, а теперь глядятъ, какъ бы и тѣ оттягать. Въ Запольѣ господинъ двадцать десятинъ у мужичковъ отрѣзалъ, — говоритъ: этто вамъ землемѣръ лишнихъ далъ. Они судиться, хлопотать... Пользы не получили, а въ долги влѣзли. Опять же народъ въ одиночество бросился, въ раздѣлы. А тутъ оброки злые. За подати скотъ продаютъ, этимъ въ остатки раззоряютъ.

Я спросилъ, часто ли бываютъ случаи продажи скота за недоимку.

— Ишо бы не часто! Въ Удальцовѣ намеднись *кошку* съ укціона продали. Право слово, кошку! Пятнадцать копѣекъ взяли. А все за подати, за оброки.

Какъ-то разъ, послѣ одного изъ подобныхъ разговоровъ, Сютаевъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своей жизни.

— Думалъ, думалъ я объ этомъ,—говорилъ онъ,— да и надумалъ: пойду къ царю! Пойду, пойду и — кончено... Напишу ему прошеніе (такого человѣка найду, што напишетъ), духовное прошеніе, вложу этто прошеніе въ Евангеліе да такъ и подамъ ему.

— Что же ты хотѣлъ написать въ прошеніи?

— Я-то? Хотѣлъ, братецъ... перво-на-перво, што

Евангелія никто не принимаетъ: ни власти, ни крестьяне,—никто не принимаетъ, да! По Евангелію не поступаютъ... А черезъ то въ народѣ тягота, обиды... Надумалъ, деревню бросилъ, пришелъ въ Питеръ... Што-жъ бы ты думалъ? — Не допущаютъ. Не допущаютъ и шабашъ! Хотѣлъ какъ нибудь инако, да смѣлости нѣтъ... Што хошь, нѣтъ смѣлости да и только!

Извѣстныя событія послѣднихъ лѣтъ не могли, разумѣется, пройдти незамѣченными Сютаевымъ. Стремясь разгадать невѣдомый, сокровенный для него смыслъ этихъ событій, Сютаевъ тщетно пытается уяснить себѣ причины всѣхъ этихъ страшныхъ катастрофъ, кровавымъ слѣдомъ прошедшихъ предъ нашими глазами.

— Ишо есть люди, особенные, на штундистовъ схожи по названью... Хто говоритъ—они изъ господъ, хто—изъ поповичей... По Питеру ходятъ... Какъ бишь ихъ... Да, штунденты!.. Вѣрно, вѣрно—штунденты!.. Слыхалъ?

Я сказалъ, что слыхалъ, объяснилъ ему, что это за люди, и затѣмъ спросилъ его, на зналъ ли онъ кого нибудь изъ этихъ „штундентовъ“.

— Нѣтъ, ни единаго не знавалъ... Только люди баютъ, што эти самые штунденты говорятъ: царя не надо... Не надо, говорятъ, царя... Кажись, царь ничего худого намъ не сдѣлалъ. Ну, не надо... Ладно... Што-жъ тогда будетъ?.. Вотъ про меня тоже гово-

рять: онъ царя не признаетъ, власть не признаетъ. Только это не вѣрно: я злой власти не признаю, а добрую власть я признаю.

Теперь Сютаевъ, вслѣдствіе тѣхъ возраженій, которыя ему приходится постоянно слышать отъ православныхъ о томъ, что „начальство не допуститъ“ до устройства „обчей жизни“, о которой онъ мечтаетъ,— начинаетъ все чаще и чаще задумываться на тему о начальствѣ и власти.

— Какой тутъ вредъ!—говоритъ онъ.— Было бы за што гнать-то... Начальство должно понять, разсудить все должно. Тутъ вреда нѣтъ никакого. Окромя пользы нѣтъ ничего. Нужно собраться всѣмъ вѣрнымъ, нужно жисть устроивать. Можетъ за этто и пострадать придется, только на это не глядѣть.

— Быть тебѣ судиму, Василій,— вслушиваясь въ эти рѣчи и покачивая головами, говорятъ ему знакомые мужики.

— Я суда не страшусь!.. На суду должны все разсмотрѣть. Соперники—священники, али другіе какіе народы—должны тутъ же остановиться... Желалъ бы я суда! Надо все разсмотрѣть... Тихонъ Задонскій— не спутавши ли онъ какое слово? Али въ Евангеліи—такъ ли все?.. Подтвердить надо!

— Ишь что выдумалъ! — возражаютъ ему на это разные „полированные“ люди, въ родѣ Ивана Зиновеича.—Какже, жди, будетъ тебѣ уголовный судъ

Евангеліе разбирать!.. Вѣдь ишь чего захотѣлъ!.. Да гдѣ-жъ энто слыхано?

— Должонъ все разсмотрѣть... Все должонъ по порядку разсмотрѣть!—съ жаромъ, съ увѣренностью заявляетъ Сютаевъ.

— Чу-удакъ!.. Да коли законъ воспрещаетъ?

— Ахъ, братъ, да вѣдь этто перемѣнить должно, все по порядку перемѣнить! Коли добрая власть, она должна тебя послухать, должна перемѣнить...

XI.

Исканіе „правильной вѣры".

Какъ-то разъ я спросилъ Сютаева, давно ли онъ научился грамотѣ.

— Двадцати лѣтъ я женился и сряду же началъ учиться,—отвѣчалъ Василій Кирилловъ.

— Зачѣмъ же ты надумалъ учиться?

— Хотѣлось Писаніе читать... Нужно, думаю, познать законъ Божій, — не будетъ безъ того спасенія человѣку... Ладно. Купилъ азбуку, началъ кое-што разбирать. Пошелъ въ синодальную лавку...

— Гдѣ это было?

— Въ Питерѣ. Купилъ Евангеліе, Тихона Задонскаго купилъ. Началъ читать Евангеліе,—ну, только вижу все не такъ мы живемъ.

— Кто же тебѣ посовѣтовалъ эти именно книги купить?

— Священникъ въ Питерѣ. „Куши, говоритъ, ты Библію, Евангеліе...“ А я говорю: „отъ Библіи-то, бають, люди зачитываются“. — „Не вѣрь, говоритъ, этому: мы вѣкъ свой читаемъ да не зачитываемся“.

— Ну, и что же, понравилась тебѣ Библія?

— Разныя книги доводилось читать, но только лучче Евангелія не нашелъ... Тихонъ Задонскій тоже остро пишетъ... Купилъ Евангеліе, сталъ вникать, вникать и нашелъ ложь въ церкви, ложь кругомъ, во всемъ ложь!.. Сталъ я искать правильной вѣры... Долго искалъ!.. Только вижу, христіанинъ дерется, еврей дерется, старовѣръ дерется, православный дерется... Во всѣхъ вѣрахъ раздоръ, убійство идетъ... Нѣтъ ни одной правой!.. Языкомъ вси вѣруютъ, а дѣловъ нѣтъ... А вѣра—въ дѣлахъ, вѣра—въ жизни... Въ церковь можно ходить, можно и не ходить, а жисть нужно наблюдать... Правда штобы на всякомъ мѣстѣ была, правда! Правда да любовь,—энто пушше всего...

— Въ ту пору я въ Питерѣ жилъ, маклачилъ, деньги наживалъ... Довѣріе мнѣ отъ хозяевъ было большое. По четырнадцати тысчъ довѣряли. У Корфа монумента дѣлалъ... У насъ лавка была своя на Волковомъ, монументами торговали... Цѣльные три года торговали, только и думали о томъ, какъ бы прибытокъ пріобрѣсти, какъ бы капиталу нажить по-

больше... Въ лавкѣ-то у насъ сынъ сидѣлъ, Митрій. Только онъ и говоритъ: „Согрѣшаемъ, отецъ,—охъ, согрѣшаемъ!.. Много, говоритъ, грѣха въ торговли. Надо, говоритъ, бросить...“ Я говорю: „Хоть ишо годокъ поторгуй“. — „Нѣтъ, говоритъ, не могу, — *трудиться* пойду...“ И пошелъ.

— Что-жъ онъ теперь дѣлаетъ?

— Камень долбитъ, — каменотесъ,—отвѣчалъ Сютаевъ.

Онъ вдругъ замолчалъ и задумался.

— Да, долбитъ... Только и тутъ неладно, проговорилъ онъ въ раздумьи.

— Отчего же неладно?

— Какъ тебѣ сказать?.. На совѣсть работать, безъ ряды,—вмѣсто пятидесяти хозяинъ двадцать дастъ... Наниматься... а што о наемникахъ-то сказано? — Наемникъ—хищникъ... Надо, штобы найму не было, штобы все значитъ сообча было... Когда найму не будетъ, тогда и злобы не будетъ...

— Какой же грѣхъ въ торговлѣ?—спрашивалъ я Сютаева.

— Обманъ!.. Хоть у насъ, къ примѣру: вещи были дорогія—памятники, манументы... Испортишь бывало, расколешь, а бросить жалко. Задѣлаешь, штобы не видать было, и продаешь такъ... Другой божится, што все хорошо, а у самого... Сютаевъ махнулъ рукой.

На это я возражалъ, что можно торговать „честно“,

не прибѣгая къ подобнымъ грубымъ обманамъ. Но Сютаевъ не соглашался со мной и доказывалъ, что всякаго рода торговля непремѣнно основана на стремленіи получить „прибытокъ“, то-есть возможно больший процентъ... А взиманіе процентовъ (ростъ), по мнѣнію Сютаева, страшный грѣхъ. „Энтого“ не будетъ современемъ, не можетъ это остаться. Не можетъ остаться такой порядокъ вещей, при которомъ одинъ живетъ „дарма“, не трудясь и не работая, на готовый капиталъ, на проценты, а другой бьется до кроваваго поту изъ-за каждаго куска хлѣба. „Всѣ должны сами трудиться, сообча, — единство должно быть“,—„за капиталомъ не гоняться; потому въ капиталѣ наша погибель“.

— Покончилъ торговлю,—разсказывалъ Сютаевъ,—деньги всѣ кой-куда извелъ и домой, въ деревню поѣхалъ.

Куда и какъ „извелъ“ онъ деньги, вырученныя отъ торговли „манументами“, Сютаевъ обыкновенно не говоритъ; но люди близкіе къ нему разсказываютъ, что по окончаніи торговли Сютаевъ около 1.500 рублей (все, что у него осталось отъ торговли) роздалъ нищимъ въ Петербургѣ; затѣмъ всѣ имѣвшіеся у него векселя онъ изорвалъ въ клочки.

Освободившись такимъ образомъ отъ ненавистнаго ему „прибытка“ и „капитала“, Василій Кириловъ бросилъ Питеръ и отправился домой, на родину.

— Пріѣхалъ въ деревню,—говорилъ онъ,—вижу

любви у насъ нѣтъ, — всѣ за мздой гоняемся... И сталъ я разбирать: энто къ чему, то къ чему... Сталъ съ людьми совѣтоваться, у священника сталъ спрашивать: Батюшка, говорю, разсуди мнѣ: какъ энто понять? Какъ намъ добрыми быть, какъ намъ луччими быть"?.. Вижу, много мы исполняемъ, только все пользы нѣтъ... Перво-на-перво крестъ носить бросилъ.

— Отчего такъ?

— Лицемѣрно это: на вороту крестъ носимъ, а въ жизни не несемъ, — за правду не стоимъ, за правду не терпимъ... Къ чему же носить?.. Ребенокъ о ту пору родился. Люди говорятъ: „крестить надо"... Думаю умомъ: зачѣмъ крестить? Мы всѣ крещены, а живемъ хуже некрещеныхъ. Крестились, а грѣхъ дѣлаемъ, — какая польза отъ энтого?.. И бросилъ крестить.

Такъ мало-по-малу отрѣшался Сютаевъ отъ установленій православной церкви, такъ шагъ за шагомъ шло его отпаденіе отъ господствующаго вѣроисповѣданія. Хотя оффиціально онъ по-прежнему продолжалъ числиться въ средѣ вѣрныхъ сыновъ господствующей церкви, но сердцемъ онъ уже далече отстоялъ отъ нея; въ этомъ сердцѣ все сильнѣе и сильнѣе назрѣвало чувство полнаго неудовлетворенія, — назрѣвало по мѣрѣ того, какъ опредѣлялись его альтруистическіе порывы, какъ постепенно крѣпла его мысль. Связь порывалась... Достаточно было са-

маго незначительнаго повода, чтобы вызвать его на окончательный разрывъ съ церковью, отъ которой, ему казалось, вѣяло холодомъ, мертвою формой. И дѣйствительно, за поводомъ дѣло не стало.

— На праздникѣ это было,—разсказывалъ Сютаевъ.—Священникъ по дворамъ съ крестомъ ходилъ. Пришелъ къ намъ въ избу. Посадили его въ большой уголъ и стали спрашивать... Можетъ онъ, по праздничному дѣлу, хмѣленъ былъ, только онъ ни синя пороху не могъ мнѣ разсказать — какъ, што... Сталъ я его о крещеніи спрашивать: „Какого ишо, говоритъ, тебѣ крещенія нужно? Палкой окрестить тебя, што ли“?—Я ему резопты выговаривать сталъ...— „Зналъ бы, говоритъ, въ купели тебя утопилъ“. И почалъ браниться,—всячески называлъ: и дьяволомъ, и чортомъ... Я все молчу... Какъ пересталъ браниться, я ему и говорю: „Батюшка! объясни ты мнѣ ишо одно мѣсто, и читаю ему изъ Посланія къ Евреямъ“...

И Сютаевъ прочелъ 11-й стихъ 10-й главы Посланія къ Евреямъ: „И всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи и многократно приноситъ одинѣ и тѣ же *жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ*“.

— О чемъ, говорю, тутъ сказано? О какихъ жертвахъ? Не о причастіи ли моль?—и даю ему въ руки Евангеліе.

Онъ взялъ, прочиталъ, да ка-акъ шваркнетъ его

на полъ, прямо подъ порогъ. — „Яйца курицу не учатъ“!—говоритъ...

— Страхъ меня взялъ... „Што ты, батька, надѣлалъ?—говорю... А-я-я-я, грѣхъ какой!.. Вѣдь этто ты слово Божіе!.. Бѣдь оно у тебя въ алтарѣ стоитъ, на престолѣ... энто самое, только што корешокъ въ бархатѣ... Такъ-то ты почитаешь Христовы слова!.. Ну, говорю, съ энтихъ поръ я тебя не приму, пѣтъ!.. Не учитель ты, а прямо сказать — волкъ! Слѣпецъ!.. А слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму упадутъ... Не надо мнѣ тебя“!..

До сихъ поръ Сютаевъ не можетъ говорить объ этомъ покойно; до сихъ поръ въ голосѣ его слышится сильное волненіе каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь объ этомъ случаѣ изъ его жизни.

— Съ энтой самой поры и въ церковь пересталъ ходить, вовсе бросилъ...

Такъ постепенно совершилось отпаденіе Сютаева отъ церкви. Ни пашковцы, ни штундисты не играли тутъ ровно никакой роли. Сютаевъ оставилъ ѣздить въ Питеръ еще задолго до того времени, какъ Пашковъ впервые выступилъ на сцену въ качествѣ проповѣдника; онъ ни разу не былъ на его проповѣдяхъ и собраніяхъ. Затѣмъ ни въ Кіевѣ, ни въ другихъ мѣстахъ распространенія штунды Сютаевъ также никогда не бывалъ и ни съ однимъ изъ штундистовъ никогда не встрѣчался. Только годъ тому назадъ узналъ онъ о существованіи на свѣтѣ штундистовъ:

сыновья его прислали ему изъ Питера нѣсколько нумеровъ газетъ, въ которыхъ сообщались нѣкоторыя свѣдѣнія о штундистахъ. Онъ читалъ эти газеты и ему очень понравилось ученіе штундистовъ.

— Съ нами сходственны, — говоритъ онъ объ ученьи младоштунды. — Все праведно, все истинно!

Итакъ, потерявъ надежду добиться съ помощію церкви и ея служителей отвѣтовъ на тѣ сомнѣнія, которыя терзали и мучили его душу и которыя въ сущности сводились къ вопросу о томъ, „какъ намъ добрыми быть, какъ намъ лучшими быть“, — Сютаевъ окончательно порываетъ съ церковью и съ ея пастырями, полная нравственная несостоятельность которыхъ во-очію раскрылась передъ нимъ. Съ этихъ поръ онъ уже болѣе не обращается къ нимъ ни за совѣтами, ни за разъясненіями. Онъ еще болѣе, чѣмъ прежде, углубляется въ „Писаніе“, вникаетъ въ него, и одинъ, самъ съ собою, обдумываетъ вопросъ, который всецѣло овладѣваетъ его сердцемъ, его головой: „какъ сдѣлать, чтобы грѣшники не грѣшили, воры не воровали?“

Результатомъ этого „вниканія“ и чтенія, этихъ думъ и размышленій была теорія „обчей жизни“. Увѣрившись, что это именно то, о чемъ онъ такъ долго и такъ страстно мечталъ, Сютаевъ рѣшилъ немедленно же оповѣстить о своемъ открытіи всѣхъ своихъ „ближнихъ“. Это дѣлалось не изъ тщеславія, а единственно потому, что онъ считалъ себя не въ

правѣ скрывать отъ людей открытіе, съ помощію котораго, какъ онъ глубоко вѣрилъ, неминуемо должны были водвориться на землѣ и правда, и любовь, и братство. Онъ просилъ своихъ односельцевъ собраться всѣмъ вмѣстѣ. Пріемъ, употребленный имъ для убѣжденія своихъ слушателей, чрезвычайно оригиналенъ Дѣло происходило такъ.

Когда всѣ собрались, Сютаевъ, обратившись къ одному изъ стоявшихъ подлѣ него мужиковъ, спросилъ:

— Ты, Никита Ивановъ, воръ?

Всѣ не мало удивились такому вопросу, такъ какъ всѣ знали Никиту за хорошаго, честнаго мужика.

— Пока Богъ миловалъ, — отвѣчалъ Никита.

— А ты — воръ? — обратился Сютаевъ къ другому сосѣду.

— Избави Господи! — отвѣчалъ тотъ.

— А ты какъ, воръ? — спрашивалъ Сютаевъ слѣдующаго. Но и тотъ оказался тоже совсѣмъ не воромъ. Такимъ образомъ всѣхъ переспросилъ Сютаевъ и ни одного вора не оказалось.

— И я тоже не воръ, — въ свою очередь заявилъ Сютаевъ, окончивши опросъ. — Всѣ мы, выходитъ, не воры, — продолжалъ онъ, — зачѣмъ же мы живемъ хуже воровъ? Зачѣмъ у насъ замки, зачѣмъ запоры? Отъ кого энто мы запираемъ, коли всѣ мы не воры?... Зачѣмъ у насъ сторожа, зачѣмъ загороды?... Зачѣмъ

у насъ межи, али опять участки?... Зачѣмъ мы всякій прутикъ раздѣливши?... И пошелъ, и пошелъ.

Нарисовавъ картину всѣхъ тѣхъ непорядковъ, какими, по его мнѣнію, изобилуетъ современная жизнь людей, онъ вслѣдъ затѣмъ торжественно указалъ на средство исцѣленія отъ всѣхъ тѣхъ недуговъ, что удручаютъ людскую жизнь. Мы уже знаемъ, въ чемъ именно состояло это средство, а потому я не буду приводить здѣсь его рѣчей, обращенныхъ къ его односельцамъ. Скажу только, что эти рѣчи заставили многихъ изъ нихъ крѣпко задуматься.

Мы уже не разъ имѣли случай убѣдиться, что у Сютаева слово не расходится съ дѣломъ. Разъ онъ убѣдился, что отъ крещенія „пользы нѣтъ“, онъ немедленно же перестаетъ крестить своихъ дѣтей, нисколько не заботясь о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя неминуемо должно было повлечь за собою такое рѣшеніе. Убѣдился онъ, что всякаго рода погребальные обряды — людская „пустая“ выдумка, и онъ тотчасъ же отрѣшается отъ этихъ обрядовъ, тотчасъ же перестаетъ слѣдовать имъ, совершенно пренебрегая тѣми преслѣдованіями, которыя обильнымъ дождемъ сыплятся на него за столь дерзкое нарушеніе обычая, всѣми принятаго, всѣми исполняемаго. Рѣшилъ онъ, что война — грѣхъ, „неправда“, и вотъ онъ радъ, когда его родной, любимый сынъ открыто, смѣло заявляетъ, что его языкъ не повернется для словъ клятвы, въ которой говорится о „пролитіи крови че-

ловѣческой", что рука его не прикоснется къ оружію; его не смущаетъ даже мысль о томъ, что это геройство дорого обошлось его любимцу. Онъ отъ всего сердца „жалѣетъ" его, какъ сына, а въ душѣ гордится имъ, какъ гордится учитель своимъ достойнымъ, славнымъ ученикомъ. Рѣшилъ Сютаевъ, что торговля — грѣхъ, что всякаго рода „прибытокъ", „капиталъ" — тоже грѣхъ, и вотъ онъ бросаетъ торговлю, раздаетъ нищимъ деньги, вырученныя не столько отъ этой торговли, сколько добытыя тяжелымъ, упорнымъ, по-истинѣ кровавымъ трудомъ каменотеса, рветъ въ клочки векселя, оставшіеся отъ торговли.

Съ тою же самой послѣдовательностью относится Сютаевъ и къ вопросу о реализаціи идеи „обчей жизни". Проникшись этой идеей, онъ прежде всего спѣшитъ по возможности провести и примѣнить ее къ своей жизни. Началъ онъ съ того, что снялъ всякіе запоры съ воротъ и калитки, снялъ отовсюду замки и забросилъ ихъ, открылъ клѣть, открылъ амбары и сараи, пересталъ городить „загороды". Затѣмъ онъ принялся всюду проповѣдывать эту идею. Ему удалось даже устроить цѣлую братскую общину, основанную на общеніи имущества и труда во имя христіанской любви,—общину, о судьбѣ которой мы уже упоминали въ началѣ настоящаго очерка и о которой когда-нибудь впослѣдствіи мы поговоримъ подробнѣе. Въ это же время Сютаевъ оставилъ вся-

кія занятія по хозяйству и сдѣлался пастухомъ „обчаго скота“. У Сютаева начались покражи. Долгое время онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Какъ относился онъ къ этимъ покражамъ, можно видѣть, напримѣръ, изъ слѣдующаго случая.

Однажды черезъ Шевелино проходила какая-то женщина. Остановилась она у Сютаева. По обыкновенію, ее накормили, напоили и уложили спать. Поутру она встаетъ и видитъ, что клѣть стоитъ не запертою, амбары не заперты, сундуки безъ замковъ. Открыла она сундукъ и видитъ платья женскія, платки, юбки, — соблазнилась. Вынула юбку, еще кое-что, завязала все это въ „жгулёкъ“ (узелъ), а затѣмъ тихонько вышла изъ дому и направилась черезъ поля. Но на поляхъ, какъ на грѣхъ, былъ народъ; видятъ — идетъ незнакомая баба, несетъ жгулёкъ съ пестрымъ платьемъ и все оглядывается. Ее заподозрили, спросили, „гдѣ ночевала“,—и когда узнали, что она ночевала у Сютаева, то подозрѣнія еще болѣе усилились, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что у Сютаева все открыто, все „настежь“, не заперто. Потребовали, чтобы баба съ жгулёчкомъ вернулась и дошла съ ними до Сютаева, съ цѣлью удостовѣриться въ справедливости ея словъ, но баба не хотѣла это сдѣлать и попыталась бѣжать; тогда ей связали руки и повели въ деревню, къ Сютаеву. Привели. Кража обнаружилась. Приходитъ Сютаевъ и говоритъ:

— Зачѣмъ это вы ей руки-то связали?

— Не воруй!—говорятъ.—Для того воровъ и вяжутъ, чтобы не воровали.

Сютаевъ посмотрѣлъ на всѣхъ, покачалъ головой и говоритъ:

— А мы-то сами кто такіе?.. Посмотрите на себя-то,—развѣ мы не воры?

— На судъ ее представить... Тамъ разберутъ.

— Зачѣмъ на судъ?—возражаетъ Сютаевъ.—Судъ въ острогъ посадитъ... А окромя энтого судъ ничего не подѣлаетъ. Будетъ она сидѣть,—какая польза отъ энтого?.. Кабы у насъ все обчее-то было,—не было бы у насъ тогда воровъ и судъ былъ бы тогда обчій, а не такой... те то, штобы въ заключенье, и — шабашъ!

— Да ты ей хоть по шеѣ-то наклади, штобъ она на предбудущее время опаску имѣла, — совѣтуютъ Сютаеву.

Жена Сютаева, Мароа, разбираетъ жгулёкъ и ворчитъ:

— Ишь какія воровки ходятъ!.. Ихъ кормятъ, поятъ, а онѣ только и глядятъ, какъ бы сташшить што...

— Полно, Мароа, браниться,—говоритъ Сютаевъ,—дай ей лучче обѣдать... Накорми и пусть себѣ идетъ съ Богомъ.

Время шло, а кражи изъ двора и дома Сютаева не только не прекращались, а наоборотъ—все уси-

ливались. Чаще всего ворами являлись прохожіе, странные люди; затѣмъ свои шевелинскіе ребята, молодые парни изъ числа не принадлежащихъ къ братской общинѣ, тащили хлѣбъ изъ сютаевскихъ амбаровъ каждый разъ, когда у нихъ являлось желаніе выпить или опохмѣлиться. Въ концѣ концовъ эти кражи заставили Сютаева вернуться къ замкамъ и запорамъ. Но онъ и теперь признаетъ эти порядки непормальными, сильно тяготится ими и скорбитъ сердцемъ объ уступкѣ, которую вынужденъ былъ сдѣлать.

— Открылъ клѣть, — говоритъ онъ, — меня кругомъ обокрали. Должонъ былъ замки повѣсить... Идите за мной, сичасъ все отопру, всѣ замки заброшу...

Эта неудача однако не прошла для Сютаева даромъ, — онъ извлекъ изъ нея полезный урокъ. Благодаря этой неудачѣ, онъ убѣдился, что отдѣльныя, единичныя попытки переустройства жизни на новыхъ началахъ правды и любви не могутъ привести къ желанной цѣли, если вся окружающая жизнь будетъ по-прежнему оставаться на тѣхъ же самыхъ устояхъ неправды, злобы, „найма“, „капитала“ и т. п. Теперь онъ мечтаетъ о томъ, чтобы устроить новую „обчую“ жизнь въ цѣлой деревнѣ, въ цѣломъ селѣ или въ поселкѣ—въ Шевелинѣ, въ Удальцовѣ, или въ какомъ нибудь другомъ—это все равно, но, глав-

ное, непремѣнно такъ, чтобы *все* селеніе цѣликомъ вошло въ общину.

Несмотря на фіаско его братской общины, Сютаевъ и до сихъ поръ остается пастухомъ и ничѣмъ больше, хотя теперь ему приходится пасти уже только свой собственный скотъ. У него много скота, онъ необыкновенно любитъ его, заботливо ходитъ за нимъ, холитъ его.

— Мнѣ ихъ жалко, сусѣдей своихъ, — говоритъ онъ, — вотъ какъ жалко!.. Ругаются промежъ собой, ругаются на животину, на коней... Пашутъ, а сами на лошадь: „стерва“, „проклятая!..“ Ахъ, вы мои желанные! Да какая же она стерва? Какая же она проклятая?.. Господь далъ, отъ нихъ питаемся... Наемниковъ нанимаютъ пастуховъ, на поруганіе имъ скотину отдаютъ... Пастуховъ надо выбирать добрыхъ, благочестивыхъ.

Односельцы просятъ его взять пасти и ихъ скотъ, предлагаютъ ему за это жалованье.

— Не надо мнѣ вашего жалованья,—говоритъ Сютаевъ, — не хочу я по жалованью... *Жалованье-то наемники берутъ... Устроимъ жисть по Писанію,* чтобы все было обчее, тогда съ радостью буду гонять весь вашъ скотъ безъ всякаго безъ жалованья.

Стремленіе „устроить жисть“ на новыхъ, справедливѣйшихъ началахъ, „по Писанію“, „по Евангелію“— до сихъ поръ составляетъ пламенную мечту

Сютаева и въ то же время ученіе объ этомъ устройствѣ является главнымъ догматомъ его „вѣры“.

Меня не могъ, конечно, не интересовать вопросъ о томъ, какъ относится окрестное населеніе къ Сютаеву и его ученію. Бродя по сосѣднимъ деревнямъ, встрѣчаясь съ мужиками и бабами въ полѣ, посѣщая ихъ избы и принимая ихъ у себя въ качествѣ гостей, за безконечнымъ чаепитіемъ я, такъ или иначе, почти всегда наводилъ разговоръ на Сютаева.

Извѣстная часть населенія относится къ Василью Кириллову отрицательно; изъ нихъ одни глядятъ на него, такъ сказать, свысока, другіе—съ насмѣшкой. Это большею частію наиболѣе богатые, наиболѣе зажиточные или же „полированные“ люди. Припоминая ихъ отзывы о Сютаевѣ, я убѣждаюсь, что этихъ людей всего болѣе возмущаетъ то обстоятельство, что вотъ, дескать, простой, сѣрый мужичонко, безъ капитала, безъ достатка, даже безъ „полировки“, какую гордыню забралъ въ свою голову, что считаетъ себя умнѣе всѣхъ — и архіереевъ, и начальниковъ разныхъ, и митрополитовъ и т. д., никому не вѣритъ, никому не покоряется...

Другіе говорятъ Сютаеву:

— Ты все толкуешь, все толкуешь, а дѣловъ у тебя настоящихъ нѣтъ. Ты возьми да сотвори чудо, тогда мы тебѣ повѣримъ. Коли ты святой, вотъ тебѣ рѣка, перейди ее, тогда мы тебѣ повѣримъ.

— Онъ Библію начитался, а вѣдь это такая книга, что подольше почитать ее, такъ, пожалуй, все бросишь, — даже, говорятъ, нѣкоторые разсудкомъ мѣшаются... Мы ему смѣемся, говоримъ: ужь ты лучче брось трудиться, *живи духомъ!*.. Ступай въ пустыню...

Но рядомъ съ этимъ можно встрѣтить и такихъ людей, въ которыхъ явно замѣчается наклонность представить Сютаева святымъ человѣкомъ, угоднымъ Богу и находящимся подъ Его особымъ покровительствомъ.

— Много ли скота у Сютаева? — спросилъ я однажды молодую дѣвушку, сосѣдку Василья Кириллова.

— Много,—отвѣчала она.—Сколько уводили, уводили со двора, а все много. *Они* уводятъ, а Богъ ему невидимо даетъ, все больше да больше посылаетъ... Ворота ломали, съ укціона продавали, чуть-што не даромъ отдавали... Только хто и купитъ его скотъ — и тотъ не возрадуется... Корову купили повѣдскіе—пала, лошадь купили—охромѣла, ногу сломала... Извѣстно, ужъ энто Богъ посылаетъ.

Приходилось мнѣ толковать о Сютаевѣ со старовѣрами. Тѣ чуть ли не больше всего удивляются урожаямъ Сютаева.

— Дивное дѣло, — говорятъ они: — Богу не молится, — навѣрное знаемъ, доподлинно знаемъ, што

не молится, и креста не несетъ,—а хлѣбъ родится... Чудно̀е дѣло!

И они разводятъ руками съ видомъ полнаго недоумѣнія.

Обращался я за справками о Сютаевѣ и къ мѣстному начальству, къ сельскому старостѣ; здѣсь мнѣ пришлось выслушать самую лестную характеристику Сютаева.

— Василій Кирилловъ съ-роду не ругался,—сквернаго слова отъ него никто на вѣку не слыхивалъ... Водкой въ жисть свою не напивался... Ото всего (худого) отбѣгаетъ... Всѣмъ, чѣмъ можетъ, помогаетъ... Странныхъ, прохожихъ завсегда принимаетъ,— никому отказа нѣтъ... Первый, можно сказать, хрестьянинъ по всей деревнѣ! — такъ аттестовало Сютаева его ближайшее, непосредственное начальство.

Далѣе, на мои разспросы о Васильѣ Кирилловѣ, слышались такіе отзывы:

— Какъ быть, ничего худого мы отъ него не видимъ... Добру учитъ.

— Все хорошо дѣлаетъ. Одно худо: посты нарушилъ, иконы нарушилъ.

— Кабы онъ ишо сотворилъ постъ да молитву, его дѣло было бы правое.

— Кромѣ добра ничего отъ него не видимъ.

— Ежели бы такъ-то жить, какъ Сютаевъ-то, тогда бы и судовъ не надо.

XII.

„Пропаганта".

— И хто этто печатаетъ, хто этто составляетъ!— дивился бывало Сютаевъ, перебирая лежавшіе у меня въ чемоданѣ газеты, журналы и книги. — Обо мнѣ хто-то напечаталъ... Газету сынъ изъ Питера прислалъ... Самъ читалъ: „Василій Сютаевъ" — такъ прямо и написано. Только одно понимаешь, а въ другомъ мѣстѣ совсѣмъ не поймешь. Все прочитаешь, и разъ, и другой прочитаешь,— написано много, а не поймешь... Отчего бы этто такъ?.. Вотъ въ которомъ мѣстѣ обо мнѣ было писано, одного слова не могу крѣпко понять,—што хошь дѣлай, не могу и—кончено!

— Какого слова?

— Стой ужо!—Онъ видимо припоминалъ.—Да-да. вспомнилъ: „про...про-па-ганта",—энтого самаго слова! Што оно такое? Обозначаетъ што, али такъ? Къ чему оно приведёно?.. „Про-па-ганта!.." Чудно! „Сютаевъ,—сказано,—пропагантой не занимается".

Я объяснилъ ему значеніе и смыслъ этого слова. Сютаевъ внимательно выслушалъ меня, подумалъ, а потомъ и говоритъ:

— А вѣдь этто слово неправильно.

— Какъ такъ? Почему неправильно?

— Потому я пропа-гантой занимаюсь. Нельзя безъ

этого, нельзя безъ проповѣди,—никакъ невозможно! Надо проповѣдывать людямъ... Надо другъ дружку научать. Безъ ученья ничего не будетъ.

По мнѣнію Сютаева, какъ мы уже видѣли, нужно не только проповѣдывать, но и проводить свое ученіе въ жизни; послѣднее какъ нельзя болѣе способствуетъ пропагандѣ ученія. Съ цѣлью доказать справедливость этой мысли, онъ разсказалъ мнѣ однажды слѣдующій дѣйствительно поучительный случай.

Незадолго до моего пріѣзда въ Шевелино, къ нему явился одинъ отпускной солдатъ изъ деревни М. В. (Новоторжскаго уѣзда). Солдатъ этотъ сообщилъ ему, что онъ служилъ рядовымъ въ г. Торжкѣ въ то время, какъ сынъ Сютаева, Иванъ, призывался къ отбытію воинской повинности. Сколько мнѣ помнится, этотъ солдатъ въ числѣ другихъ конвоировалъ Ивана Сютаева, когда этого послѣдняго препровождали въ Свеаборгъ. Какъ бы то ни было, но онъ вволю наслушался рѣчей молодаго Сютаева о необходимости новаго „устройства“ жизни съ общимъ имуществомъ и общимъ трудомъ. Эти рѣчи какъ нельзя болѣе пришлись ему по душѣ, запали въ сердце. Вернувшись въ отпускъ, домой, въ деревню М. В., солдатъ началъ разсказывать своимъ роднымъ и односельцамъ все то, что онъ слышалъ отъ Ивана Сютаева. Родной братъ его, крестьянинъ деревни М. В., „еще крѣпче ухватился“ за слова и ученіе Сютаева; ему еще болѣе, чѣмъ его брату-солдату, пришлась по

душѣ мысль объ устройствѣ „обчей жизни“. И вотъ онъ начинаетъ просить своего брата, чтобы тотъ сходилъ въ Шевелино, розыскалъ тамъ отца Ивана Сютаева и предложилъ бы ему такую дилемму: не хочетъ ли онъ, Сютаевъ, переѣхать со своей родней и всѣми единомышленными къ нимъ, въ М. В., чтобъ устроить „жисть сообча“, „безъ дѣлежа и найма“, или же, въ противномъ случаѣ, они, братья, бросятъ М. В. и переѣдутъ со своими семействами къ нему, Сютаеву, въ Шевелино, чтобы тамъ зажить братской общиной. Вотъ съ этимъ самымъ порученіемъ и приходилъ къ Сютаеву, незадолго до моего пріѣзда, солдатъ изъ М. В.

— Что-жъ ты сказалъ солдату?—спросилъ я.

— Сказалъ, штобы на Петровъ день намъ безпремѣнно съѣхаться всѣмъ вмѣстѣ, штобы потолковать да разсудить все хорошенько... А тамъ — што Богъ пошлетъ!..

— Ну, а покорись сынъ,—продолжалъ подумавши Сютаевъ,—ничего бы энтого не было. Сходи онъ къ присягѣ, возьми ружье въ руки,—ничего бы энтого не было. А теперь, вишь, слухъ пошелъ, разговоръ пошелъ, пересуды, въ газетахъ пишутъ... Вотъ оно такъ и будетъ переходить другъ отъ дружки, а тамъ, глядь, и соберутся вси вѣрующіе вмѣстѣ и устроятъ жисть по Писанію, заведутъ все обчее и не будетъ никого нуждающагося!

Сютаевъ замолчалъ. Молчалъ и я, обдумывая его рѣчь. Только вдругъ въ избѣ раздается:

— А сыну-то, чай, за рѣшетками невесело!

Это замѣчаетъ сосѣдъ Сютаева, присутствовавшій при разговорѣ. Въ тонѣ, какимъ брошено это замѣчаніе, слышится явное желаніе уколоть разскащика. И дѣйствительно, цѣль достигнута: Сютаевъ, точно уколотый, вскидываетъ голову, пытливо, грустно смотритъ въ глаза сосѣда и скорбная, горькая усмѣшка свѣтится въ чертахъ его маленькаго, точно скомканнаго въ комочекъ, лица.

— Спасителя-то, другъ, — проговорилъ онъ послѣ длинной паузы,—живаго на крестѣ распяли, гвозьемъ приколачивали, по живому тѣлу, копьемъ ребро прободали.

Весьма интереснымъ вопросомъ представляется вопросъ о численности послѣдователей Сютаева. Я уже говорилъ, что слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ, производившій слѣдствіе по дѣлу о возникновеніи этой секты, опредѣляетъ число послѣдователей Сютаева въ 1,000 человѣкъ. Могу съ увѣренностью утверждать, что цифра эта черезчуръ преувеличена,— въ дѣйствительности сютаевцевъ можно считать только десятками. Другое дѣло, если говорить о всѣхъ сочувствующихъ новому ученію, о всѣхъ, кто признаетъ это ученіе „правымъ“, — такихъ можно встрѣтить цѣлую кучу среди населенія окрестныхъ деревень. Но дѣло въ томъ, что сютаевцы только тѣхъ счи-

таютъ своими, кто на самомъ дѣлѣ стремится устроить свою жизнь сообразно тому идеалу, который они выработали и который считаютъ своимъ долгомъ проповѣдывать вездѣ и всюду. Наконецъ, многихъ изъ тѣхъ, которые желали бы открыто присоединиться къ „Сютаевской вѣрѣ", удерживаетъ страхъ предъ гоненіями и преслѣдованіями со стороны властей.

— Многіе есть такіе, что на дорогѣ стоятъ познать Христа,—говоритъ Сютаевъ,—и познаютъ другіе; но штобы вполнѣ — не могутъ.

— Отчего же?

— Гониму быть не могутъ... Страшатся!

Во время моего пребыванія въ Повѣдской волости, многіе изъ послѣдователей Сютаева находились въ отлучкѣ, въ Питерѣ, на работахъ, поэтому я не имѣлъ, разумѣется, возможности видѣться съ ними. Затѣмъ, — по мотивамъ, понятнымъ, надѣюсь, для каждаго, — я не называю здѣсь и тѣхъ изъ его послѣдователей, съ которыми мнѣ пришлось познакомиться лично. Единственное исключеніе я сдѣлалъ для Ильи Иванова, и то только потому, что о немъ, какъ я упоминалъ въ началѣ этого очерка, уже возбуждено дѣло мѣстной администраціей. Что же касается до самого Сютаева, то о немъ уже давно прокричали всѣ газеты, да, наконецъ, и самыя власти давно и хорошо знаютъ его, такъ какъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ постоянно судится, постоянно привлекается къ слѣдствіямъ и дознаніямъ

и даже въ настоящее время состоитъ подъ судомъ за уклоненіе въ ересь. Мнѣ могутъ возразить на это, что мой откровенный разсказъ объ ученіи и стремленіяхъ Сютаева если и не отразится на его судьбѣ въ видѣ какой нибудь экстраординарной крутой мѣры, то во всякомъ случаѣ можетъ заставить судъ и власти строже, суровѣе отнестись къ этому человѣку. Въ отвѣтъ на такое возраженіе я попрошу пробѣжать нижеслѣдующія строки.

Узнавши о томъ, что я пишу въ журналахъ и газетахъ, Сютаевъ не только не сдѣлался скрытнѣе и сдержаннѣе по отношенію меня, но, совершенно напротивъ, видимо еще болѣе расположился въ мою пользу, сдѣлался еще болѣе откровеннымъ и словоохотливымъ со мною. Онъ не только съ полной охотой далъ мнѣ разрѣшеніе описать его ученіе, но даже нѣсколько разъ самъ настойчиво просилъ меня объ этомъ. Я считалъ своимъ долгомъ предупредить его, что опубликованіе его ученія можетъ навлечь на него серьезныя непріятности и даже, быть можетъ, строгія преслѣдованія со стороны или мѣстныхъ властей, или духовенства. Но обыкновенно онъ не давалъ мнѣ договорить объ этомъ и каждый разъ съ жаромъ перебивалъ меня:

— Пустое, все этто пустое!.. Сказано въ Писаніи: „и погонятъ тебя изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и поведутъ тебя къ царямъ и правителямъ...“ Ну, и пусть гонятъ, пусть гонятъ!.. Я не

страшусь, ни капельки не страшусь!.. Я радъ буду. Меня куда хотите возьмите!.. А ты, Александръ, ужъ сдѣлай такую милость, опиши...

Иногда, послѣ своихъ длинныхъ рѣчей о „добрыхъ и злыхъ властяхъ“, или безконечныхъ толковъ объ „общей“ жизни всѣхъ людей въ мирѣ и любви,— онъ вдругъ смолкалъ и замѣчалъ мнѣ:

— Я все думаю: помоги тебѣ, Господи, все это написать, штобы вычитывать потомъ...

Разъ какъ-то онъ, увидавъ у меня въ чемоданѣ оттиски моихъ статей о сектантствѣ, началъ просить ихъ прочесть. Я далъ ему статью о значеніи сектантства, предупредивши, что, вѣроятно, многое въ этой статьѣ останется непонятнымъ для него. Дня два онъ разбиралъ эту статью, многаго, разумѣется, совсѣмъ не понялъ, но онъ все-таки съумѣлъ вычитать въ ней двѣ вещи, которыя необыкновенно понравились ему: это именно ученіе штундистовъ и особенно жизнь общихъ.

— Ну,—сказалъ онъ, придя послѣ этого ко мнѣ,— вижу, ты можешь произвести... Ахъ, какъ оно пишется, какъ оно пишется!.. Кабы вы пріѣхали, да этакъ передъ народомъ почитали... Ахъ, вѣдь оно видно, видно... ахъ! Обчіе-то, а-я-я!.. Жисть-то какая у нихъ!.. Ужъ тутъ некуда украсть!.. Нѣтъ, братъ, некуда! Да и къ чему ужъ будетъ,—*у всѣхъ* изобиліе будетъ.

Съ этихъ поръ онъ все чаще и чаще началъ обращаться ко мнѣ съ просьбой описать его ученіе.

— Соверши-ка хорошую газету, Александръ,—говорилъ онъ,—штобы вси познали истину!..

На слова Сютаева о необходимости проповѣдывать ученіе „обчей жизни“, любви и мира, православные его собесѣдники нерѣдко указываютъ ему на то, что подобнаго ученія „власть не потернитъ“.

— Затѣснятъ,—говорятъ они ему.

— Затѣснятъ?—переспрашиваетъ Сютаевъ и задумывается.—Этто точно, бываетъ,—говоритъ онъ подумавши.—И у насъ здѣсь были допрежь люди, въ Сосникѣ жили, по чугункѣ... Народъ стали учить... Што-жъ бы ты думалъ?—заслали вѣдь, да-алече угнали!..

Онъ не могъ мнѣ хорошенько разсказать, чему именно учили эти заслапные люди; но изъ его словъ было ясно, что это были какіе-то сектанты.

— Да, заслали,—говоритъ Сютаевъ.—Только надо проповѣдывать, надо научать... „Собирайтесь и толкуйте Евангеліе“, сказано въ Писаніи... Ежели берутъ кого и угонятъ,—продолжаетъ онъ,—не разсмотрѣвши, кого бы, кого бы, и все это—неправда!.. Теперь опять въ острогъ берутъ: сидить тамъ,—воромъ выходитъ оттуда пуще того... Ни одинъ не выйдетъ, штобы лучче, а все хуже... Пользы нѣтъ никакой... А сажаютъ, все сажаютъ... Высипяя

власть, коли она добрая-то, должна энто дѣло разсмотрѣть...

— Люди говорятъ про тебя, што ты по сютаевской вѣрѣ пріѣхалъ... Говорятъ мнѣ: угонятъ тебя, Василій, возьмутъ...

— Что-жъ ты думаешь объ этомъ? — спрашивалъ я.

— Я не боюсь осужденья (суда). Говорятъ, въ ссылку угонятъ, въ острогъ запрутъ,—не боюсь. Я боюсь только одного—душу загубить. „Въ арестантскія роты тебя“, говорятъ мнѣ люди. Чего-жъ вы боитесь, ребята? Вѣдь и тамъ такіе же... люди Мало ли загнавши людей!.. Иду я вечёръ въ кузню, мужичокъ встрѣлся знакомый. Остановились.— „Васъ, говоритъ, этакихъ-то, слышно, угонятъ... Въ одно мѣсто будутъ собирать, на Кавказъ, на поселеніе“.—Ну, што-жъ, говорю, угонятъ, такъ и ладно. Богъ и тамъ все одинъ. И тамъ люди... Я и тамъ буду то же говорить... И тамъ газеты есть,—будемъ вычитывать... Ребята! —говорю,—што этто вы обо мнѣ то все толкуете, вы о себѣ то поговорите... А я не страшусь!.. Вотъ скажите мнѣ: закопаемъ тебя въ яму живаго,—не устрашусь!.. Пусть гонятъ! Этто и должно... Я жду!.. Берите меня,—я страдать хочу!..

Наступило время моего отъѣзда изъ Шевелина. Сютаевъ предложилъ довезти меня до Торжка на

своихъ лошадяхъ. Я принялъ это предложеніе, но спросилъ его, что это будетъ стоить. Мой вопросъ далъ Сютаеву поводъ еще разъ распространиться о томъ, какой грѣхъ, какое зло наниматься, продаваться, брать деньги и т. д. Онъ увѣрялъ меня, что ему предстоитъ какая-то надобность побывать въ Торжкѣ, а потому я не долженъ ничего платить ему; въ заключеніе же онъ наотрѣзъ отказался брать съ меня деньги. Но когда я съ своей стороны категорически объявилъ ему, что не поѣду съ нимъ, если онъ не возьметъ съ меня платы,—Сютаевъ съ видимой неохотой предоставилъ мнѣ право опредѣлить эту плату, замѣтивши, что для него „чѣмъ меньше получить, тѣмъ лучше“.

Рано утромъ пара крѣпкихъ сютаевскихъ лошадокъ вывезла насъ изъ Шевелина. Еще съ вечера испортилась погода, цѣлую ночь шелъ дождь; дорога рязмякла, колеи наполнились водою; неподкованныя лошади скользили по глинистой почвѣ и наша телѣга чуть-чуть подвигалась впередъ. А дождь не утихалъ ни на минуту: онъ то сѣялся и моросилъ мелкой водяною пылью, то разражался страшнымъ ливнемъ. Укрытые съ головы до ногъ армяками и полостью, неподвижно сидѣли мы въ телѣгѣ. Черезъ туманъ и дождевую сѣтку скудная природа Тверской губерніи казалась еще болѣе сѣрой, блѣдной, невзрачной... Вдали, чрезъ туманъ, показалась какая-то деревнюшка.

— Что это за деревня?

— Ямъ прозывается,—отвѣчалъ Сютаевъ. — Чудная деревня! Тутъ почитай што всѣ перебойкой занимаются...

— Какой перебойкой?

— Муку перебиваютъ. Скупаютъ въ Питерѣ гнилую да подмоченую муку, сушатъ ее, а потомъ за хорошую продаютъ... Много грѣха тутъ! Только они эпимъ издавна живутъ. Сами эпимъ питаются да и дѣтей своихъ тому же научаютъ... Такъ зло и идетъ изъ рода въ родъ.

И помолчавши нѣкоторое время, онъ добавилъ:

— Потомъ, современъ, ничего эпого не будетъ... Коли любовь будетъ, то ужъ обману не бывать... Тогда и гнилой-то муки не будетъ.

Въ другомъ мѣстѣ, мы проѣзжали чрезъ какое-то большое село. Длинными рядами тянулись маленькія, жалкія крестьянскія избы; среди ихъ рѣзко выдѣлялись два-три дома, выстроенные на городской ладъ, обитые тесомъ, ярко раскрашенные, съ разрисованными ставнями.

— Чьи это дома?—спросилъ я.

— Эпти? — Богачей, міроѣдовъ, кулаковъ, по-нашему.

Онъ поправилъ возжами веревочную шлею на пристяжной и, обратившись ко мнѣ, проговорилъ старательно подчеркивая слова:

— *Тогда* у всѣхъ такіе дома будутъ.

Я притворился, что не понимаю его намека и переспросилъ, когда это *тогда*.

— А когда устройство будетъ... Когда все обчее будетъ... Вотъ когда!.. А теперь богачъ-то на бѣднаго и глядѣть не хочетъ. Я имъ говорю богачамъто: забыли, что Христосъ вьюношѣ сказалъ?.. Смотрите, говорю! Капиталы васъ не спасутъ, а только пушше загубятъ...

Сютаевъ глубоко, всѣмъ сердцемъ, вѣритъ въ то, что „устройство“ рано или поздно непремѣнно водворится на землѣ... Нѣкоторое время мы ѣхали молча. По лицу Сютаева, сидѣвшаго рядомъ со мною, было видно, что онъ обдумывалъ что-то.

— Энто такъ не пройдетъ!—съ увѣренностью сказалъ онъ.—Когда ли, да будетъ.

На этотъ разъ я уже не переспрашивалъ его, что слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ „энто“...

Въ Торжокъ мы пріѣхали вечеромъ, часовъ въ пять. Остановились въ домѣ какой-то мѣщанки, которая „пускаетъ проѣзжающихъ“. Цѣлый вечеръ мы провели вмѣстѣ съ Сютаевымъ, вмѣстѣ ходили по городу, дѣлали закупки; вернувшись домой, пили чай.

— Послѣдній разокъ съ тобой чайку напиться,— говорилъ Сютаевъ, разливая чай на блюдечко.—Можетъ и вѣкъ не видаться... — И въ голосѣ его слышалось глубокое, искреннее чувство.

Мы начали говорить о томъ, какъ бы намъ нови-

даться зимой. Я приглашалъ его пріѣхать въ Москву, куда я разсчитывалъ вернуться къ зимѣ.

— Не пожалѣлъ бы ничего, пріѣхалъ къ тебѣ... Если денегъ не будетъ,—въ долгъ залѣзу, а пріѣду,— говорилъ Сютаевъ. Его мягкая, привязчивая натура такъ и сквозила въ этихъ словахъ.

Приближался часъ отхода поѣзда. Нужно было спѣшить.

— Не опоздай, смотри,—замѣтилъ Сютаевъ.—Давай я чебоданъ-отъ завяжу...

— Ну, прощай, Василій Кирилловичъ! — сказалъ я и сжалъ его руку.—Прощай! Не поминай лихомъ. Помоги тебѣ Богъ найти правду.

Старикъ разчувствовался.

— Прошшай, — заговорилъ онъ надтреснутымъ, фибрирующимъ голосомъ,—прошшай!.. Да, надо выискивать правду... Выискивай истину, Александръ!.. Выискивай правду, — правду, штобы всѣмъ было жить хорошо на землѣ... И дай тебѣ, Господи!.. Дай тебѣ Боже!..

Въ голосѣ его слышались слезы. Я видѣлъ, какъ губы его складывались въ трубочку, а шея вытягивалась впередъ. Мы обнялись и поцѣловались. Онъ еще разъ поклонился, еще разъ сказалъ „прошшай“— и, неуклюже повернувшись, направился къ двери. Какъ-то особенно неловко, медленно переступилъ онъ высокій порогъ большими, грязными сапогами, но

въ дверяхъ снова остановился и, оберпувшись ко мнѣ, проговорилъ несвязнымъ, растроганнымъ голосомъ:

— Надо дознаваться, придетъ ли Спаситель!

Это были его послѣднія слова...

Москва.
10 ноября 1881 г.

АПОСТОЛЪ ЗОСИМА.

(Изъ того, что я видѣлъ и слышалъ).

I.

Разсказъ слѣдователя.

Въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года, — въ самую, стало быть, тревожную, тяжелую пору, — одинъ изъ урядниковъ Самарскаго уѣзда донесъ мѣстному становому приставу, что крестьянинъ деревни Щигровки, Петропавловской волости, Самарскаго уѣзда, Зосима Семеновъ Шировъ, непочтительно и дерзко отзывается о правительствѣ и называетъ Государя идолопоклонникомъ. Этого было, разумѣется, совершенно достаточно для становаго пристава, чтобы немедленно же дать дальнѣйшій ходъ доносу, и вотъ загорѣлось „политическое дѣло".

Въ мирную, захолустную Щигровку наѣхали не-

бывалые, никогда не виданные тамъ гости: пріѣхалъ товарищъ прокурора, пріѣхалъ жандармскій офицеръ и началось дознаніе. Говорили, что дознаніе подтвердило, будто бы, доносъ урядника. Какъ бы то ни было, но Зосиму арестовали и увезли изъ Щигровки. Вскорѣ сдѣлалось извѣстно, что Зосима сидитъ въ самарскомъ тюремномъ замкѣ. Къ счастію, прокуроръ самарскаго окружнаго суда, къ которому поступило это дѣло, съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ нему и, благодаря этому, дальнѣйшее направленіе дѣла получило уже болѣе правильное и такъ сказать легальное теченіе. Дѣло объ оскорбленіи „величества“ было прекращено за недостаткомъ уликъ и Зосима былъ освобожденъ изъ тюрьмы; но въ то же время возбуждено было дѣло по обвиненію Зосимы уже не въ политическомъ, а въ общемъ преступленіи, а именно—въ порицаніи иконъ св. угодниковъ, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 177 ст. Уложенія о наказаніяхъ. Это новое дѣло было передано судебному слѣдователю для производства слѣдствія.

Освобожденный изъ тюрьмы. Зосима поселился въ селѣ Владиміровкѣ, Петропавловской волости. Въ концѣ апрѣля туда пріѣхалъ судебный слѣдователь, г. Т. По обыкновенію всѣхъ чиновниковъ, онъ остановился на „въѣзжей“, т. е. въ домѣ, спеціально назначенномъ для пріѣздовъ должностныхъ лицъ. По пріѣздѣ, слѣдователь потребовалъ къ себѣ Зосиму,

который немедленно же явился къ нему, ведя за руку своего сына, трехлѣтняго ребенка.

— Не успѣлъ явиться ко мнѣ Зосима,—разсказывалъ намъ г. Т.,—какъ во въѣзжую одинъ за другимъ стали набираться крестьяне, мужики и бабы, и вскорѣ едва ли не все село столпилось вокругъ въѣзжей. Вся эта толпа имѣла крайне возбужденный видъ: шумѣла, кричала, негодовала.

— Уберите его отъ насъ!—слышались голоса.

— Онъ—еретикъ!

— Онъ совращаетъ нашихъ дѣтей!

— Ишь какой пророкъ явился!

— До того дожили, что нельзя стало мальчонка выпустить на улицу: онъ всѣмъ толкуетъ, что святыхъ нѣтъ, что церквей не надо!..

— Онъ въ Бога не вѣритъ!.. и т. д.

Зосима стоялъ тутъ же; онъ казался совершенно спокойнымъ,—враждебное настроеніе толпы, повидимому, ни мало не смущало его. Трудно, конечно, сказать, что въ самомъ дѣлѣ происходило у него на душѣ; но мнѣ казалось, что это спокойствіе было чисто внѣшнимъ, наружнымъ. Губы его были блѣдны, а лихорадочный блескъ искривившихся глазъ выдавалъ сильное внутреннее возбужденіе. Когда какая-нибудь отдѣльная фраза наиболѣе отчетливо вырывалась изъ общаго гула, стоявшаго надъ толпой, Зосима подхватывалъ ее, повторялъ и пронизировалъ.

— Въ Бога не вѣритъ... Вѣдь ишь что скажутъ!..

Сказали бы лучше: въ идоловъ не вѣритъ, въ доски да въ камни не вѣритъ, а то—въ Бога... а?

— Правда ли то, что они говорятъ о тебѣ? — спросилъ я его.

Глаза его заискрились еще болѣе; онъ пытливо, гнѣвно посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо, какъ бы желая заглянуть ко мнѣ въ душу. Упрекъ, предубѣжденіе, почти ненависть выражалъ этотъ взглядъ.

— Правда! — отрывисто, неохотно кинулъ онъ и отвернулся.

Я подумалъ, что онъ не желаетъ давать никакихъ объясненій. Но чрезъ минуту, обращаясь ко мнѣ и глядя на меня прямо, въ упоръ, онъ громко, съ необыкновенной энергіей, силой и ожесточеніемъ, заговорилъ страстнымъ, вызывающимъ тономъ:

— Ничего я не боюсь!.. Сажай меня куда хошь!.. Хоть голову руби!.. Не боюсь я васъ!..

Ребенокъ его вдругъ зарыдалъ въ испугѣ. Зосима схватилъ его и посадилъ къ себѣ на руки, точно боясь, что его отнимутъ отъ него. Онъ началъ нѣжно успокоивать ребенка и уже болѣе спокойнымъ тономъ, хотя по-прежнему убѣжденно, проговорилъ:

— Што говорилъ, отпираться не стану... Дѣлай со мной што хошь!..

Я понялъ, что передо мной стоялъ прямой потомокъ, кость отъ кости и плоть отъ плоти тѣхъ желѣзныхъ людей, что нѣкогда, не колеблясь, твердою

погой, всходили на костры и, погибая въ пламени, заклинали своихъ приверженцевъ твердо стоять за вѣру, всѣмъ жертвовать во имя идеи. Я пытался, какъ могъ, успокоить его. Прежде всего, мягко и осторожно, я старался объяснить ему, что теперь уже не преслѣдуютъ людей за религіозныя вѣрованія и потому онъ можетъ быть вполнѣ покоенъ за то, что никто не рѣшится насиловать его совѣсти, никто не будетъ заставлять его вѣрить такъ, а не иначе. Но правительство,—говорилъ я,—предоставляя каждому полную свободу вѣровать согласно своему внутреннему убѣжденію, въ то же время считаетъ своею обязанностію оградить послѣдователей господствующей церкви отъ соблазновъ, которые легко могутъ возникнуть въ случаѣ, если бы разные иновѣрцы и религіозные отщепенцы начали открыто проповѣдывать и навязывать свои вѣрованія другимъ лицамъ, порицая при этомъ основные догматы господствующей церкви.

Зосима перебилъ меня. Онъ высказываетъ свои вѣрованія потому, что считаетъ большимъ грѣхомъ скрывать ихъ. Всѣ должны „познать истину“. Истина то же, что солнце,—ее нельзя скрывать, она должна свѣтить всѣмъ людямъ“. Онъ глубоко убѣжденъ, что долженъ говорить то, что онъ говоритъ.

На это я возражалъ, что религіозныя вѣрованія—дѣло совѣсти: каждый вѣруетъ такъ, какъ подсказываетъ ему его совѣсть; но что никто не въ правѣ

оскорблять религіозное чувство другаго человѣка. Вѣдь живутъ же у нихъ люди другихъ вѣръ: евреи, меноиниты, татары—и ничего, живутъ мирно, никакой вражды къ нимъ не замѣтно, — почему же къ нему, Зосимѣ, относятся всѣ съ такимъ негодованіемъ?

— Они сами вызываютъ меня, — какъ бы оправдывался Зосима. — Я сижу въ избѣ и читаю Евангеліе. Они приходятъ ко мнѣ и дразнятъ меня: у тебя, говорятъ, вѣры нѣтъ, ты въ церковь не ходишь, — стало быть, говорятъ, ты въ язычество пошелъ, коли святыхъ не почитаешь... Тогда я начинаю доказывать имъ, что не я сбился съ пути, а они сами заблудились, идоловъ надѣлали, многобожіе установили, капища соорудили, а Христа-то и позабыли!...

Далѣе Зосима настаивалъ на томъ, что его преслѣдуетъ не народъ, а лишь отдѣльныя лица, „негодные люди“, въ родѣ бывшаго сидѣльца въ кабакѣ и отставнаго солдата Х. Дѣйствительно, обѣ эти личности рѣзко выдѣлялись изъ толпы и, очевидно, заправляли ею: толпа только вторила имъ; крики: „уберите его отъ насъ!“ и т. п. — исходили главнымъ образомъ отъ этихъ лицъ.

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ съ Зосимой, онъ постепенно становился все мягче и терпимѣе. Явное предубѣжденіе, съ которымъ онъ встрѣтилъ меня мало-по-малу исчезло; вмѣсто ожесточеннаго, озлобленнаго человѣка, какимъ вначалѣ явился Зосима, передо

мной стоялъ кроткій, даже, если хотите, добродушный мужикъ, хотя и съ очень твердыми, устойчивыми взглядами, отъ которыхъ онъ ни на волосъ не отставалъ. Изъ разговора съ нимъ я понялъ, что предварительное дознаніе съ его допросами и тюремнымъ заключеніемъ оставило въ Зосимѣ тяжелое воспоминаніе и сильно вооружило его противъ чиновнаго люда.

Слѣдствіемъ было обращено вниманіе главнымъ образомъ на выясненіе нравственной личности подсудимаго. Оказалось, что прежде онъ былъ православнаго вѣроисповѣданія, посѣщалъ церковь, принималъ священниковъ, исполнялъ всѣ обряды и установленія церкви; грамотѣ онъ въ то время не зналъ, любилъ выпить и зачастую его видѣли на-веселѣ. Жилъ онъ очень скудно и бѣдно, и вотъ это-то обстоятельство заставило его бросить домъ, хозяйство и родину и отправиться на Кавказъ искать „новую землю“. Около десяти лѣтъ провелъ Зосима въ отлучкѣ; когда же онъ вернулся на родину, всѣ сразу замѣтили въ немъ большую перемѣну: онъ пересталъ ходить въ церковь, пересталъ молиться, о священникахъ началъ отзываться очень рѣзко и неодобрительно. Въ то же время онъ совсѣмъ пересталъ пить, пересталъ ругаться и на брань никогда не отвѣчаетъ бранью. Все свободное отъ работы время онъ началъ проводить за книгою; во время отлучки онъ выучился грамотѣ и привезъ съ собою Евангеліе и Ветхій Завѣтъ, которые

онъ постоянно носитъ съ собою и цитируетъ въ спорахъ о вѣрѣ. Во время своихъ скитаній, Зосима овдовѣлъ и вернулся на родину безъ жены, съ однимъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, котораго страстно любитъ и съ которымъ ни на минуту не разстается.

Свидѣтели по дѣлу Зосимы показали, что Шировъ иконы называетъ идолами, про Св. Николая Угодника говоритъ, что онъ укралъ кочанъ капусты и пропилъ его за шкаликъ водки; священниковъ называетъ „халдеями“; говоритъ, что креста не слѣдуетъ носить на шеѣ, такъ какъ крестъ противенъ Богу; въ Бога онъ вѣруетъ, но всѣ таинства, въ томъ числѣ и крещеніе, отвергаетъ. Ребенокъ его до сихъ поръ не крещенъ. Но при этомъ всѣ, до одного, свидѣтели подтвердили, что Зосима — человѣкъ хорошій, честный и добрый, что онъ прекрасный работникъ, много трудится, каждому, чѣмъ можетъ, готовъ помочь, водки не пьетъ, ни съ кѣмъ не ссорится, — словомъ, человѣкъ высокой нравственности; своихъ религіозныхъ воззрѣній онъ никому не навязываетъ, если же завести бесѣду о религіи, то охотно вступаетъ въ разговоръ объ этомъ.

Во время производства слѣдствія Зосима, въ теченіе нѣсколькихъ дней, жилъ у меня на кухнѣ, пользуясь моимъ столомъ. По окончаніи слѣдствія, передъ тѣмъ, какъ отправиться домой, онъ пришелъ ко мнѣ попрощаться; у него былъ очень серьезный, торжественный видъ. Поставивъ рядомъ съ собой сынишку,

онъ прочелъ что-то изъ Евангелія, а затѣмъ произнесъ не то рѣчь, не то молитву, въ которой благодарилъ меня за доброе отношеніе къ нему и гостепріимство и молилъ, чтобы жизнь моя „преисполнилась радостью“. Говорилъ онъ не особенно складно, но каждое слово его, каждое пожеланіе дышало такою задушевностью, такой сердечностью, что, признаюсь, вся эта сцена глубоко тронула меня.

Закончивъ слѣдствіе, я принужденъ былъ, на основаніи закона, отдать Зосиму подъ надзоръ полиціи, съ обязательствомъ жить въ извѣстномъ пунктѣ и ни съ кѣмъ не вступать въ религіозные споры. Съ тѣхъ поръ Зосима поселился въ деревнѣ Троицкой, Петропавловской волости, у одного изъ своихъ дальнихъ родственниковъ.

II.

„Законъ Христовъ“.

Разсказъ г. Т. о Зосимѣ и о нѣкоторыхъ особенностяхъ его религіознаго міровоззрѣнія заинтересовалъ меня. Я выразилъ желаніе повидать „апостола“. Г. Т. любезно предложилъ свои услуги познакомить меня съ нимъ.

Въ жаркій іюльскій день тройка изможденныхъ, ободранныхъ земскихъ клячъ привезла насъ въ деревню Троицкую. Остановившись около въѣзжей, мы

вышли изъ тараптаса и направились вдоль улицы, залитой лучами яркаго, знойнаго полуденнаго солнца.

— Гдѣ здѣсь живетъ Зосима Шировъ?— спросилъ мой спутникъ первую встрѣчную старуху, которая, держа на дрожавшихъ рукахъ груднаго, совершенно голаго, какъ амуръ, ребенка, осторожно перебиралась черезъ дорогу.

Старуха съ недоумѣніемъ уставилась на насъ. Раза три заставила она насъ повторить свой вопросъ, причемъ каждый разъ, съ видомъ необыкновеннаго изумленія, переспрашивала: „кого такого?“, — наконецъ, отрицательно покачала головой и тономъ, полнымъ соболѣзнованія, объявила: „нѣтъ, касатики, нѣтъ, — такого у насъ не слыхать... Не слыхать, родимые!“

— Да это они никакъ Зосиму-апостола спрашиваютъ?—догадалась какая-то баба, проходившая мимо съ граблями на плечѣ и остановившаяся, чтобы поглазѣть на пріѣзжихъ.

— Желанные!—воскликнула старуха, — да штобы вамъ прямо-то сказать: гдѣ, молъ, тутотка апостолъ живетъ, а то вишь...

Почти у самаго края деревни пріютилась маленькая, убогая, вросшая въ землю хата съ крохотными, чуть замѣтными окнами, съ растрепанной соломенною крышей, съ покосившимися плетнями. При нашемъ приближеніи на порогѣ хаты показался человѣкъ средняго роста, лѣтъ сорока пяти, держа за руку ребенка, маленькаго мальчугана, съ босыми ногами, съ широ-

кимъ, грязнымъ лицомъ и испуганными глазенками. Это былъ Зосима съ своимъ сынишкой. Смуглое, худое, нервно-подвижное лицо „апостола“ носило отпечатокъ нужды и лишеній и въ то же время не то усталость, не то изнуреніе можно было прочесть въ отдѣльныхъ чертахъ этого лица; но каріе, глубоко сидящіе въ орбитахъ, воспаленные, жгучіе глаза свѣтились бодро, увѣренно. Весь костюмъ „апостола“ состоялъ изъ очень ветхой, грязной рубахи, рванаго, дыряваго жилета, чуть-чуть державшагося на двухъ мѣдныхъ пуговицахъ, и казинетовыхъ, тоже весьма ветхихъ и достаточно рваныхъ, штановъ.

Онъ встрѣтился со слѣдователемъ, сколько я могъ замѣтить, безъ всякаго предубѣжденія и поздоровался съ нимъ какъ съ давнишнимъ хорошимъ знакомымъ. Мой спутникъ представилъ меня Зосимѣ какъ своего знакомаго, совершенно частнаго, отнюдь не чиновнаго, человѣка.

— Онъ ѣздитъ по разнымъ мѣстамъ, разныя вѣры узнаетъ,—хочетъ дознать: чья вѣра самая лучшая и самая справедливая,—сказалъ г. Т.—Услышалъ онъ о тебѣ и вотъ захотѣлъ потолковать съ тобой насчетъ твоей вѣры.

Зосима, слушая рекомендацію, добродушно улыбался, кивалъ головой и повторялъ: „Ну, што-жъ, ладно, ладно... Пойдемъ въ избу,—што-жъ мы здѣсь на солнцепёкѣ-то!..“

Г-ну Т. нужно было сдѣлать какія-то распоряже-

нія по службѣ; онъ ушелъ и я остался tête-à-tête съ „апостоломъ“.

Изба, въ которой жилъ Зосима, оказалась курною, черною мазанкою, съ землянымъ поломъ, низкимъ потолкомъ, съ тяжелымъ, сырымъ, удушливымъ воздухомъ. Вся обстановка громко говорила о крайней бѣдности, о нищетѣ обитателей этой мазанки... Мы усѣлись на какое-то подобіе лавки и мало-по-малу разговорились. Я не буду передавать здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ разговоръ, который продолжался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; но я приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ своей бесѣды съ этимъ доморощеннымъ богословомъ-философомъ.

Зосима вѣруетъ въ Бога, вѣруетъ, что Онъ вездѣсущъ, но въ то же время у него существуетъ особое, отличное отъ православнаго, представленіе о Богѣ. По его мнѣнію, Богъ не составляетъ собою чего-нибудь особаго, существующаго отдѣльно отъ природы и видимаго міра. На мой вопросъ: что такое Богъ?— Зосима отвѣчалъ:

— Богъ?.. Вездѣ Богъ, во всемъ: и въ деревѣ Богъ, и въ землѣ Богъ, и въ водѣ Богъ, и во всякой, во всякой вещи все Богъ... Что ты ни возьми, вездѣ Онъ... Богъ—міръ... И въ каждомъ человѣкѣ Богъ... Стало быть каждый можетъ быть сыномъ Божіимъ. И ты можешь, и я могу... Въ комъ есть добро, въ томъ и Богъ...

Мнѣ невольно вспомнилось ученіе „богочеловѣ-

ковъ", возникшее въ интеллигентной средѣ лѣтъ десять тому назадъ и увлекшее за собою не мало честныхъ, даровитыхъ и искреннихъ головъ изъ среды молодежи.

Другой разъ Зосима говорилъ:

—Богъ—правосудіе... Богъ не есть неустройство. Богъ есть добро и любовь... Богъ прославляется въ словѣ, въ поученіи одного другимъ... Каждый можетъ имѣть въ себѣ Бога, но никто не можетъ видѣть Бога и никто Его никогда не видалъ...

— А Моисей?

— И Моисей не видалъ, только гласъ Его слышалъ...

Св. Троицы Зосима не признаетъ. Іисусъ Христосъ, по его мнѣнію, не былъ Богомъ. Онъ родился „по плоти", т. е. какъ обыкновенный человѣкъ, но „явилъ себя въ духѣ"; то же самое можетъ сдѣлать всякій,—для этого нужно только „правильно поступать", т. е. жить по Евангелію.

— И ты можешь быть Спасителемъ, — замѣтилъ онъ,—только живи по-евангельски!"

Всѣ таинства Зосима категорически отрицаетъ,—онъ не видитъ въ нихъ ни пользы, ни смысла. Крещеніе, по его понятію, равносильно простому омовенію: „отъ воды не окрестишься", говоритъ онъ. Исповѣдь передъ священникомъ безцѣльна, такъ какъ священникъ ничѣмъ не можетъ помочь мнѣ, не можетъ даровать мнѣ прощенія, если я самъ не за-

служу этого прощенія добрыми дѣлами. Причащаться виномъ и хлѣбомъ также не слѣдуетъ, а нужно стараться, чтобы между нами были „миръ и любовь“, тогда мы будемъ „причастниками божественнаго естества“.

Зосима энергически отрицаетъ принадлежность къ какой бы то ни было сектѣ.

— Но вѣдь ты же не православный?

— Избави Богъ!—чуть не съ ужасомъ произноситъ онъ.—Ваша православная вѣра порченая,—поясняетъ онъ.

— Въ чемъ и кѣмъ она испорчена?

— Законъ перемѣненъ въ вашей вѣрѣ.

— Кто же перемѣнилъ законъ по-твоему?

— Хто?... Извѣстно хто? Вселенскіе соборы—вотъ хто!... Они перемѣнили законъ Божій, то-есть вотъ какъ... до тла перемѣнили! Спорили, спорили о законѣ, а потомъ давай драться... Да, затѣяли промежъ себя драку. Николай отколотилъ Арію... Ну, стало быть, какой же онъ святой?... По-моему такъ онъ драчунъ!... По нонѣшнему времени за этакую грубость его бы не то што во святые, а, прямо сказать, на съѣзжую бы, али въ участокъ... А вы ему молитесь!... Ну, и выходитъ, что вы законъ потеряли...

Я все-таки требовалъ, чтобъ онъ опредѣленнѣе указалъ, въ чемъ именно состоитъ та „перемѣна“ или „потеря“ закона, о которой онъ толкуетъ.

— Почали церкви строить, поповъ наставили, по-

чали иконамъ молиться, почали креститься, руками мотаться... Бьютъ себя по лбу, да по пузѣ, руками мотаютъ, точно воронъ пугаютъ. Да вѣдь ишо какъ!... Одинъ говоритъ: надо тремя перстами, а другой говоритъ: нѣтъ, врешь, двумя, тремя никакъ невозможно, грѣхъ, говоритъ, смертный; третій говоритъ — пятью... И все это зря!... Въ Евангеліи сказано, *какъ* надо молиться.

И Зосима читаетъ 5-й и 6-й стихи 6-й главы Евангелія отъ Матѳея: „И когда молишься, не будь, какъ лицемѣры, которыя любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми... Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“.

Вотъ какъ Христосъ велѣлъ молиться! А не то, чтобы съ попами да архіереями, со звономъ да съ колоколами...

Зосима сильно не долюбливаетъ духовенство, и чѣмъ выше стоитъ въ духовной іерархіи извѣстное лицо, тѣмъ съ большей антипатіей и рѣзкостью относится къ нему Зосима. Особенно часто нападаетъ онъ на архіереевъ, которыхъ обвиняетъ въ томъ, что они „не поучаютъ народъ“ и „не живутъ по-евангельски“. По его мнѣнію, священниковъ вовсе не должно существовать, — каждый долженъ молиться самъ за себя. Точно также не должно быть ни церк-

вей, ни храмовъ, такъ какъ молиться можно вездѣ, а Христосъ заповѣдалъ молиться втайнѣ, въ душѣ.

На мой вопросъ: признаетъ ли онъ святыхъ, Зосима отвѣчалъ, что считаетъ святыми только пророковъ и апостоловъ.

— Почему же ты не признаешь другихъ святыхъ?

— Не почему признать ихъ... Какіе они святые! Они сами себя описывали, а коли не сами, то сыновья ихъ, братья, дружки... Пока законъ не былъ перемѣненъ, были святые, пророки, апостолы; а какъ законъ нарушили,—какіе ужъ тутъ святые! Вотъ и при Навуходоносорѣ царѣ тоже, говорятъ, были святые, а потомъ какъ разсмотрѣли, — ну, и увидали, что никакой святости въ нихъ нѣтъ. Такъ и ваши святые. Какъ же они могутъ быть святы, коли они идоламъ (икопамъ) поклапялись, крестомъ молились?.. Христосъ этому не училъ. Надо духомъ молиться, надо поучать другъ друга, штобы одинъ отъ другаго закону обучались. Што намъ Христосъ заповѣдалъ? — Христосъ велѣлъ о сиротахъ заботиться, о бѣдныхъ... Штобы нищета не ходила по дворамъ, не морозила лица, не дразнила собакъ. Самый первый завѣтъ—штобы всякихъ сирыхъ, вдовыхъ, бѣдныхъ, нищихъ пріютить, обогрѣть, накормить...

— Но какъ же это сдѣлать, вѣдь бѣдныхъ-то и неимущихъ очень много?

— Такіе дома сдѣлать — сиротскіе... и штобъ въ этихъ домахъ вся нищета, да бѣднота покой себѣ

находила... Самое это благоугодное дѣло. Главнѣе его нѣтъ!.. А вы замѣсто того храмы строите, каменица дорогія воздвигаете, ризы позлащенныя... Стало быть, вы Христовъ законъ забыли.

Рая съ его блаженствомъ и ада съ его мученіями, по мнѣнію Зосимы, въ дѣйствительности нѣтъ и никогда не будетъ, но рай и адъ находятся въ самомъ человѣкѣ. Ни въ страшный судъ, ни въ воскресеніе мертвыхъ Зосима не вѣритъ; но у него существуетъ весьма оригинальная теорія относительно загробной жизни.

— Послѣ смерти, — говоритъ онъ, — тѣло истлѣваетъ и обращается въ прахъ, душа нѣкоторое время носится въ воздухѣ, а затѣмъ переходитъ въ другое существо.

— Въ какое,—спрашивалъ я,—въ человѣческое?

— Можетъ быть въ человѣческое, а можетъ и въ животное,—отвѣчалъ Зосима [1]).

Вознагражденіе за добрыя дѣла и наказаніе за злыя человѣкъ получаетъ здѣсь же, на землѣ. Вознагражденіе это, насколько я могъ понять изъ словъ Зосимы, заключается въ томъ нравственномъ удовлетвореніи, которое испытываетъ человѣкъ, сознающій, что онъ исполнилъ свой долгъ по отношенію

[1]) Подобное мнѣніе напоминаетъ вѣрованіе духоборцевъ, которые учили, что душа человѣка благочестиваго послѣ смерти его переходитъ въ другаго человѣка, а душа беззаконнаго человѣка переходитъ въ животное.

къ людямъ. Прежде всего „надо познать истину“; разъ человѣкъ познаетъ истину, онъ будетъ жить „по-евангельски“, а живя такимъ образомъ, онъ будетъ испытывать рай въ своей душѣ, ибо совѣсть его будетъ покойна. Главныя же условія жизни „по-евангельски“ заключаются въ „любви къ ближнимъ и смиреніи“. За дурныя же дѣла человѣкъ несетъ наказаніе отъ земнаго суда.

На мое возраженіе, что весьма часто ловкіе люди, несмотря на всю свою порочность и преступность въ теченіе всей своей жизни, искусно избѣгаютъ суда и всякаго рода наказанія, Зосима выдвигалъ свою теорію о переселеніи душъ. Положимъ, — говорилъ онъ, — извѣстный человѣкъ, грѣшившій и поступавшій противъ совѣсти и Евангелія, въ теченіе своей жизни на землѣ избѣжитъ наказанія и умретъ; но вѣдь душа его останется жива, она перейдетъ въ другое существо, которое точно также будетъ жить на землѣ, и вотъ это-то существо уже непремѣнно понесетъ наказаніе за все зло, причиненное человѣкомъ, въ которомъ ранѣе жила эта душа.

Не признавая рая въ томъ смыслѣ, въ какомъ признаетъ его православная церковь, Зосима въ то же время вѣритъ, что рано или поздно на землѣ должно настать „царство небесное“.

— Какъ же это на землѣ *небесное* царство? — спрашиваю я въ недоумѣніи.

— Да што такое небеса-то? — въ свою очередь

спрашиваетъ Зосима.—Ты думаешь, во-о... эти, што наверху-то,—продолжалъ онъ, указывая на небо.—Нѣтъ, братъ, небеса значитъ—праведность. Праведное царство будетъ на землѣ, справедливое...

— Что же это за царство такое и когда оно наступитъ?

— А когда всѣ познаютъ истину, когда законъ Христовъ познаютъ, тогда и царство небесное наступитъ... Будетъ у всѣхъ единомыслiе, миръ, добро. Будетъ тогда промежъ людей дружелюбiе, благо, любовь...

III.

Что его ждетъ?

При дознаніи, на вопросъ слѣдователя о царѣ и властяхъ, Зосима отвѣчалъ, что царь — это земной Богъ; чиновники — это ангелы. Но ангелы бываютъ добрые и злые. Царь самъ по себѣ не можетъ сдѣлать ничего несправедливаго, такъ какъ онъ не видитъ и не слышитъ того, что происходитъ въ разныхъ мѣстахъ, а дѣйствуетъ сообразно тому, что ему говорятъ ангелы: добрые — добро, злые — зло. Такъ онъ и поступаетъ. Но царь — идолопоклонникъ, его прельстили архіереи и священники; они его ввели въ идолопоклонство...

Почти то же самое говорилъ онъ и мнѣ:

— Священники да архіереи могутъ прельстить хоть кого. Они и царя прельстили. Вѣдь царь не все же сидитъ надъ книгой. Ему некогда въ законъ вникать. Онъ о черни думаетъ...

Далѣе онъ продолжалъ:

— Богъ — правосудіе и власть — правосудіе. Начальники — Божьи служители. Начальство дадено затѣмъ, чтобы правосудіе на землѣ было. Но теперь многіе начальники измѣну дѣлаютъ, за это они будутъ наказаны.

— Какъ же они будутъ наказаны?

— Коли начальникъ начнетъ неправильно судить, неправильно поступать, то Богъ отступится онъ него и дьяволъ станетъ одесную его (у Давида сказано). Такой начальникъ будетъ хуже дьявола. Тогда ужъ ты его не слушай... Противъ такого начальника встать можно. Прими смерть, а не покорись! Меня теперь хоть повѣсь, да я въ жисть не поклонюсь ни передъ какими изображеніями.

Всѣ свидѣтели, допрошенные слѣдователемъ, показали, что Зосима — прилежный, рачительный работникъ. Трудолюбіе Зосимы не является случайною чертой его характера или личныхъ субъективныхъ свойствъ его, но оно вытекаетъ изъ основныхъ принциповъ всего его міровоззрѣнія. Трудъ — главная основа жизни, по мнѣнію Зосимы. Онъ очень любитъ повторять извѣстный текстъ Св. Писанія: „Въ потѣ лица снеси хлѣбъ свой“. Трудъ долженъ служить

единственнымъ мѣриломъ права на пользованіе благами жизни. Зосима не отрицаетъ частной собственности, но онъ говоритъ, что человѣкъ только то можетъ считать *своимъ*, что онъ самъ заработалъ своимъ собственнымъ, личнымъ трудомъ. „Что выработалъ, то мое“, говоритъ онъ.

Свой взглядъ на землю Зосима высказалъ передо мною въ слѣдующихъ словахъ:

— Земля—Божіе созданіе, поэтому продавать ее никакъ нельзя: владѣть можно, а продавать—грѣхъ. Земля должна быть обчая...

— Почему же общая?

— Потому что она на всѣхъ людей дадена, а не то штобы тебѣ есть, а мнѣ и нѣтъ ничего. У Бога всѣ равны. Земли у Бога много, про всѣхъ хватитъ.

На разспросы о его личной жизни, Зосима разсказалъ мнѣ, что въ 1868 году онъ передалъ свой участокъ роднымъ и пошелъ въ заработокъ, искать „вольныхъ земель“.

— Ужъ такъ видно Богу угодно было,—замѣтилъ онъ.—Какъ Авраамъ оставилъ отчій домъ, такъ и я все равно.

Около двѣнадцати лѣтъ онъ прожилъ на Кавказѣ: сначала восемь лѣтъ онъ прожилъ въ П — ской станицѣ Кубанской области, затѣмъ около четырехъ лѣтъ въ М — ской станицѣ, Ставропольской губерніи.

— Народъ тамъ все больше грамотный,—разсказывалъ онъ,—по праздникамъ книги читаютъ, о законѣ

толкуютъ... Промежъ нихъ мнѣ какъ будто совѣстно стало. Думаю: всякому надо дознать слово Божіе. Сталъ учиться, читать самъ—одинъ, азбуку купилъ. Уйду бывало въ камыши, сяду тамъ и ну твердить буквы. Дни деньскіе бывало твержу. Началъ разбирать кое-што... Прочиталъ священную исторію. Очень понравилось мнѣ, какъ это евреи обѣтованную землю искали. Началъ читать Евангеліе—сразу увидѣлъ, што пѣтъ у насъ закона Христова, потеряли мы его, нарушили... Сталъ я думать: какъ бы мнѣ не остаться потеряннымъ, должонъ я поучать другихъ; коли самъ спасся, пусть и другой черезъ меня спасеніе получитъ. И началъ я поучать, сталъ ходить по людямъ и всѣмъ предъявлять... Извѣстно, хто слушалъ, а хто на смѣхъ поднималъ. „Апостоломъ“ стали звать. Станичный узналъ, началъ налегать на меня... Жестоко налегалъ!... Однако, я на это не взиралъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Поиски „новыхъ“ земель не привели ни къ чему; никакихъ „вольныхъ земель“ въ наличности не оказалось. Между тѣмъ мѣстныя власти все сильнѣе и сильнѣе „налегали“ на „апостола“ за его пропаганду „Христова закона“. Въ довершеніе всего, у него умираетъ жена. Опечаленный горемъ, разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ относительно „вольной“ земли, онъ рѣшаетъ вернуться на родину. Но и здѣсь его встрѣчаютъ нерадостныя вѣсти. Оказалось, что въ его отсутствіе перемерли лица, которымъ онъ сдалъ свой участокъ,

и такъ какъ за все это время о Зосимѣ не было никакого слуха, то земля его была подѣлена между односельцами. Такимъ образомъ Зосима очутился нищимъ, пролетаріемъ, безъ клочка земли, безъ хаты, безъ лошади, безъ гроша денегъ,—словомъ, онъ очутился въ томъ положеніи, которое характеризуется народною поговоркою: „платья—что на себѣ, а хлѣба—что въ животѣ.

— Какъ же ты думаешь жить?—спросилъ я.

— Какъ Богъ велитъ.

Теперь онъ, какъ состоящій подъ надзоромъ полиціи, прикрѣпленъ къ деревнѣ Троицкой; здѣсь онъ живетъ въ семьѣ одного своего дальняго родственника, на котораго онъ работаетъ и который его за это кормитъ. Сегодня онъ не могъ пойти на работу въ поле, такъ какъ изъ волости была получена повѣстка о томъ, чтобъ онъ никуда не отлучался изъ дому. Оказалось, что такимъ образомъ распорядился волостной писарь, который зналъ, что въ этотъ день г. Т. будетъ въ д. Троицкой и что онъ желаетъ видѣть Зосиму.

— Итакъ, Зосима, — сказалъ я, — ты сегодня потерялъ изъ-за насъ цѣлый день; ты не могъ идти на работу, потому что ждалъ насъ; я отнялъ у тебя цѣлый день и потому я долженъ вознаградить тебя за это...—И я протянулъ къ нему бумажку.

Зосима вспыхнулъ и рѣзко, категорически отказался отъ денегъ. Во-первыхъ, онъ не считаетъ про-

пащимъ или потерянпымъ тотъ день, который онъ проводитъ въ бесѣдахъ о законѣ Христовѣ, а во-вторыхъ...

— Пусть я голъ и нагъ останусь, но все же денегъ за законъ Христовъ братъ не буду! Лучче помереть... Пока живъ, все буду о дружелюбіи говорить.

— Ты бы хоть для сына взялъ, на пряники, — попытался еще я.

— Безъ пряниковъ выростетъ! — сурово бросилъ Зосима и сухо добавилъ:—Нѣтъ, нѣтъ, ненадобно.

Чтобъ изгладить непріятное впечатлѣніе, павѣянное этою сценой, я заговорилъ о сынѣ Зосимы.

— Когда меня въ тюрьму взяли, — началъ Зосима, лаская сынишку, который, грызя большую корку хлѣба, подпрыгивалъ у него на колѣняхъ,—я думалъ, што по немъ умомъ рѣшусь: такъ мнѣ было жалко его! Спать не могу, сна лишился, все думаю: остался онъ сиротой, безъ отца, безъ матери, безъ призору,—долго ли до бѣды. Все можетъ случиться: малый — глупый, и въ колодецъ можетъ упасть, и собаки могутъ разорвать... Прошу начальство: дайте мнѣ его сюды въ острогъ, дозвольте ему сидѣть вмѣстѣ со мной!.. Такъ вѣдь нѣтъ, не дозволяютъ.— „Нельзя“, говорятъ, и шабашъ... И слушать-то тебя не хотятъ... Заперли въ острогъ, точно я укралъ што, али убилъ кого.

Спустивши съ колѣнъ ребенка, Зосима продолжалъ:

— Потомъ выпустили... А теперь опять здѣсь держать, никуда ходу не даютъ... Што хошь дѣлай!.. Хоть бы дозволили въ заработокъ на сторону идтить,—такъ вѣдь нѣтъ, не пущаютъ!..

Зосима вдругъ пріостановился. Съ улицы доносился какой-то шумъ и говоръ; мы заглянули въ окно. Недалеко отъ нашей избы, среди улицы, толпилась небольшая группа, состоявшая главнымъ образомъ изъ старухъ и дѣтей. Онѣ обступили тарантасъ, который, въ ожиданіи насъ, стоялъ совсѣмъ готовый двинуться въ путь.

Изъ этой группы рѣзко выдѣлялась высокая, здоровая фигура мужика съ рыжей подстриженной бородой, въ суконной поддевкѣ, сильно жестикулируя. Онъ что-то съ жаромъ разсказывалъ слѣдователю, который, стоя около тарантаса, разбиралъ свой портфель.

— Это онъ безпремѣнно на меня жалится,—замѣтилъ Зосима.

— Кто это?

— Сидѣлецъ... Пойдемъ, послушаемъ, што онъ опять предъявляетъ...

Мы вышли на улицу и присоединились къ толпѣ. Зосима, держа за руку ребенка, старался подойти поближе къ Т.

— Собрались мы это какъ-то насчетъ церкви,—громко разсказывалъ рыжій,—толкуемъ промежъ себя: какъ бы то есть поправку произвесть,—церковь наша

ветхая, безпремѣнно поправки требуетъ... Ладно, хорошо, толкуемъ... Вдругъ—Зосима.—„О чемъ, говоритъ, братцы, толкуете?“—А мы ему, какъ доброму человѣку, и отвѣчаемъ: такъ-молъ и такъ, церковь—самъ видишь—въ ветхость большую пришла, надыть поправить... Онъ все это слушаетъ, слушаетъ, а самъ молчитъ.—„Чаво-жъ ты молчишь-то?“—„Да што, говоритъ, братцы, одно я скажу: кабы у васъ, говоритъ, умъ былъ, вы бы, говоритъ, церквей не строили“,—а!?..

Разскащикъ на минуту пріостановился.

— Да, такъ вотъ и отрѣзалъ: кабы умъ, говоритъ, былъ, не строили бы вы церквей!.. Грѣшенъ я, зло меня взяло, ругнулъ я его, извините, ваше вскородіе,—по-матушкѣ по Волгѣ...

— Что-жъ онъ?—спросилъ слѣдователь.

— Што же ему дѣется!... Съ позволенія сказать, ему хоть плюй въ глаза, а онъ все говоритъ: „Божья роса“,—все на своемъ стоитъ... „Лучче бы вы,—говоритъ,—церковь-то на училишшо повернули, дѣло-то было бы складнѣе...“ Вотъ онъ каковъ антихристъ есть!—съ негодованіемъ закончилъ сидѣлецъ и съ вызывающимъ видомъ посмотрѣлъ на Зосиму.

— Што-жъ, я и теперь скажу,—отозвался „апостолъ“,—къ чему она церковь? Изъ кампей да брёвенъ развѣ можно што сдѣлать? Тамъ всего только и есть, што книги: вынеси книги,—тамъ ничего не останется... Одно каменьё!...

Зосима говорилъ горячо, убѣжденно, страстно, и это особенно усиливало впечатлѣніе его рѣчи.

— Ахъ, отчаянный!—съ ужасомъ воскликнула какая-то старуха.

— Какъ есть отпѣтый!—вторилъ сидѣлецъ.—То-есть никого, никого не боится. Все для него—трынъ трава!...

— Коли правду-истину говоришь, такъ кого же бояться?... Развѣ...—началъ было Зосима, но его прервалъ слѣдователь.

— Шировъ!—сказалъ онъ,—ты далъ подписку, что ни съ кѣмъ не будешь вступать въ религіозные споры, и все-таки вступаешь! Значитъ, ты не держишь своего слова. Это не хорошо, это не честно... Слышишь?... Смотри же, помни!

— А што Христосъ сказалъ: „идите и научите всѣ на...“—раздался было громкій голосъ Зосимы, но ему не дали говорить.

Какая-то баба толкала его въ спину и кричала: „Полно тебѣ, окаянный! Замолчи ты, глотка!“

— Нѣтъ, видно, онъ опять въ тюрьму захотѣлъ!—кричалъ сидѣлецъ.

Бабы галдѣли, ребенокъ Зосимы громко рыдалъ, а ямщикъ, сидѣвшій на козлахъ тарантаса, хихикалъ и говорилъ:

— Вотъ такъ апостолъ!... Ну, нечего сказать!...

Слѣдователь снова читалъ нотацію Зосимѣ и въ то же время усаживался въ экипажъ.

— Смотри же, Шировъ, помни, что я тебѣ говорилъ... Трогай!—добавилъ онъ ямщику.

Тотъ гикнулъ, взмахнулъ кнутомъ, застоявшіяся лошади рванули и мы понеслись... Я видѣлъ, какъ Зосима устремился къ тарантасу, что-то объясняя и жестикулируя, но колокольчикъ и крики толпы заглушили его слова.

Долгое время мы ѣхали молча. Дорога шла полями, широко раскинувшимися во всѣ стороны. Зной терялъ свою силу, въ воздухѣ слышалась прохлада; изъ сосѣдней барской рощи несся лѣсной ароматъ.

— Что его ожидаетъ?—спросилъ я.

Слѣдователь пожалъ плечами.

— Скверно,—сказалъ онъ, хмуря брови, и затѣмъ, помолчавъ немного, добавилъ:

— Сибирь.

Снова наступило молчаніе... Лошади бѣжали бодрою рысью; ходко катились колеса по ровнымъ, укатаннымъ колеямъ; колокольчикъ весело выбивалъ свои трели. Теплый, душистый вечеръ тихо спускался надъ полями. Хорошо было тутъ и покойно, но мысль неудержимо забѣгала впередъ и воображеніе отчетливо рисовало большой, душный городъ; въ каменной массивной стѣнѣ крохотное окно съ желѣзными рѣшетками; изъ-за нихъ выглядываетъ худое, смуглое лицо съ впалыми щеками, съ добрыми, горящими глазами... Ѣдемъ дальше и вотъ встаетъ новая картина: по городскимъ улицамъ движется пар-

тія сѣрыхъ, странныхъ фигуръ, чѣмъ-то механически соединенныхъ между собою; за ними громыхаетъ тяжелая „подвода“, неуклюжая телѣга, нагруженная котомками, „пайками“ и узлами. Среди этихъ узловъ и котомокъ одиноко, неуютно сидитъ ребенокъ, съ заплаканнымъ лицомъ, съ недоумѣвающимъ, испуганнымъ видомъ; онъ силится заглянуть впередъ, туда, гдѣ, среди другихъ сѣрыхъ фигуръ, шагаетъ знакомая ему дорогая фигура съ блѣднымъ, худымъ лицомъ и умными, воспаленными глазами. Глубокая, тяжелая дума лежитъ въ этихъ добрыхъ, карихъ глазахъ... О чемъ онъ думаетъ? — Онъ думаетъ о ребенкѣ, который цѣлые дни остается одинъ среди чужихъ людей, безъ ласки, безъ призора, — онъ думаетъ о людяхъ, что забыли завѣты Христа о „дружелюбіи“, о любви, о братствѣ...

С.-Петербургъ.
8 февраля 1882 г.

ЕРЕТИКИ.

(Изъ лѣтнихъ экскурсій).

I.

Въ монастырѣ.

Это было въ Соловкахъ. Стоялъ теплый, но мглистый, пасмурный и туманный вечеръ. Въ сопровожденіи знакомыхъ монаховъ, я обходилъ галлерею, устроенную внутри массивной каменной стѣны, что со всѣхъ сторонъ окружаетъ монастырь. Я только что пріѣхалъ въ Соловки, почти ничего еще не видѣлъ въ нихъ и потому мои новые знакомые считали своимъ долгомъ знакомить меня со всѣми примѣчательностями монастыря.

— Вотъ это оружейная палата, говорилъ отецъ Кириллъ [1]), указывая на стеклянную дверь въ стѣнѣ,

[1]) Имена братіи измѣнены.

ведшую въ маленькую комнатку, уставленную разнаго рода коньями, пищалями, палашами и т. п. — А вотъ туда будетъ ризница наша. У насъ богатѣйшая ризница. Завтра утречкомъ пожалуйте, такъ вамъ все, какъ слѣдуетъ, покажутъ... А вонъ тамо, налѣво, продолжалъ мой спутникъ, указывая внизъ, внутрь монастырскаго двора: — домà для братіи... вотъ эти комнаты съ запавѣсками-то отца архимандрита. У него въ комнатахъ убранство ха-арошее. Ну, а у братіи-то, надо правду говорить, грязненько. Вы завтра отъ обѣдни-то зайдите къ отцу архимандриту передъ трапезой...

— Зачѣмъ же?

— Какъ зачѣмъ? Къ нему всѣ господа ходятъ; извѣстно — изъ уваженія. Закуситъ, ну, — выпитъ... Чаю чашку выкушатъ, стаканчикъ винца. Онъ завсегда можетъ принять хоть кого. Закуска у него самолучшая: икра эта богатѣйшая, семга, стерляди, опять же маринованки различныя, копченья, словомъ, чего только душа пожелаетъ. Ну, и насчетъ питія тоже изобиліе. И русскія, и заграничныя — всякія имѣются; и крѣпкія, и слабыя, какія, значитъ, употребляете, найдутся. Ромы и ликеры самые лучшіе, норвежскіе, у насъ, вѣдь, это по сосѣдству... опять же хереса, теперифы...

Отецъ Кириллъ видимо увлекался. Какъ бы спохватившись, онъ перемѣнялъ тонъ и началъ резонировать.

— Вы, сдѣлайте милость, не подумайте чего нибудь нехорошаго о братіи. Нужно вамъ сказать, что по нашему мѣсту безъ *этого* никакъ нельзя. Ни-ни, невозможно, ни Боже мой!... Посудите сами: вотъ теперь іюль мѣсяцъ, а какова погодка-то стоитъ? Сами видите — туманы, сырость. А зимой-то?! Вѣ-ѣда!... Снѣга занесутъ кругомъ вилотную; ни къ намъ въ монастырь, ни отъ насъ изъ монастыря никому ходу нѣтъ... Почитай, что свѣту не видимъ: дни коротенькіе, ночи безъ конца, морозы лютые, а пуще того сырость морская, злая-презлая... туманы. Ну, какъ тутъ не выпить? Кто и не хочетъ, и тотъ выпьетъ... Не будь *этого*, мы бы въ одну зиму всѣ перемерли; ей-ей, правду говорю. *Этимъ* только и живемъ... Ничего не подѣлаешь; климатъ такой! У насъ и по положенію полагается, на каждаго изъ братіи... по препорціи. Только весьма недостаточна эта препорція... весьма, весьма недостаточна... сущіе, можно сказать, пустяки-съ... Да-а, скудость большая въ этомъ у братіи, потому купить ужъ здѣсь негдѣ, нѣ-ѣть-съ, негдѣ, развѣ что благодѣтели изъ города пришлютъ бочепочекъ... Ну, а у отца-то архимандрита дѣло другое, у него вдосталь всего.

Монахъ, наконецъ, смолкъ и тяжело вздохнулъ, проговоривши скороговоркою: „а, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“.

— А это что такое? спросилъ я, указывая на не-

большую деревянную дверь въ каменной башнѣ, чрезъ которую мы проходили въ это время.

— А ничего, такъ; въ прежнія времена, говорятъ, тутъ-та еретиковъ сажали.

— Какихъ еретиковъ?

— За ереси, значитъ. Отступниковъ отъ вѣры православной. Въ прежнее время ихъ здѣсь многоемножество было. По разнымъ башнямъ въ каменныхъ клѣткахъ сидѣли; другому, говорятъ, такая клѣтка выпадала, что ни встать, ни лечь невозможно: сиди цѣлую жизнь, да и кончено. А выпускали отсюда рѣдко; тутъ сидѣли, тутъ и умирали.

Я началъ было разспрашивать объ этомъ времени, стараясь узнать, не сохранилось ли въ монастырѣ какихъ нибудь преданій и разсказовъ объ этой мрачной эпохѣ, какихъ нибудь свѣдѣній и подробностей о болѣе выдающихся историческихъ личностяхъ, побывавшихъ здѣсь въ качествѣ колодниковъ, арестантовъ и ссыльныхъ, но, увы! мнѣ немедленно же пришлось убѣдиться, что мои спутники отнюдь не принадлежали къ числу любителей отечественной исторіи.

Долго еще ходили мы по монастырю, разсматривали картины, нарисованныя на стѣнахъ церквей, заходили въ темныя, таинственныя усыпальницы, гдѣ тускло и печально мерцали одинокія лампады, читали надписи на гробницахъ и могилахъ, которыя во множествѣ разсѣяны около церквей и т. д. Кар-

тины изображали смерть, скелеты, гробы, страшный судъ; надписи говорили о смертномъ часѣ, о суетѣ міра, объ отреченіи отъ жизни, о мукахъ ада, о страшной участи, которая ждетъ грѣшниковъ въ загробной жизни

Вотъ, напримѣръ, картина изображаетъ дряхлаго, изможденнаго аскета-монаха; онъ сидитъ опустивъ голову. У ногъ его стоитъ гробъ, а сзади его помѣстилась смерть въ видѣ отвратительнаго скелета съ огромною косой въ рукахъ. Надпись гласитъ: „се зрю: гробъ предо мною, смерть стоитъ за мною, судъ божій надо мною, страшный адъ подо мною. Что сотворю? Господи, помилуй!..“ И все въ такомъ же родѣ.

Старухи-богомолки ходятъ около церквей, читаютъ по складамъ надписи, громко вздыхаютъ, охаютъ, крестятся и стонутъ.

— Пойдемте, сказалъ мнѣ отецъ Кириллъ:—я васъ въ храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы сведу; вотъ тамъ такъ ужъ есть чего посмотрѣть! одинъ иконостасъ чего стоитъ!..

Мы отправились.

— Старинный храмъ, древній, говорилъ отецъ Кирилъ на ходу.

— А это что за зданіе? спросилъ я, указывая на высокій каменный корпусъ, стоявшій въ сторонѣ, въ самомъ углу монастыря и мрачно выглядывавшій ря-

дами маленькихъ, темныхъ окопъ изъ-за особой каменной стѣны, отдѣлявшей его отъ остальныхъ зданій.

Отецъ Кириллъ продолжалъ шагать, разсказывая на ходу что-то „о древнемъ храмѣ“ и „чудномъ иконостасѣ“ и дѣлая видъ, что совсѣмъ не слыхалъ меня. Я повторилъ вопросъ.

Словоохотливость моего спутника сразу куда-то исчезла и онъ, точно нехотя, отвѣчалъ:

— Это?.. это... тюрьма.

Тюрьма! Какъ странно и дико звучитъ здѣсь это слово. Какое необычное, странное сопоставленіе: храмъ и тюрьма! монастырь и казематъ! монахъ и арестантъ! Монастырь въ качествѣ острога и монахъ въ роли тюремщика. Такъ вотъ почему вдругъ замолчалъ добрый отецъ Кириллъ.

— И есть арестанты?

— Есть.

— Сколько же?

— Четверо, кажись.

— Кто же они такіе?

— А Богъ ихъ знаетъ: это дѣло насъ не касающее.

— Кто же ими завѣдываетъ?

— Отецъ архимандритъ; онъ глава, онъ всѣмъ завѣдываетъ. Вонъ, никакъ, ужъ и къ трапезѣ звонятъ... Къ Успенію сегодня ужъ, видно, опоздали. Неугодно ли посмотрѣть и откушать монастырской трапезы?

— Съ удовольствіемъ.

Трапеза протянулась довольно долго; разныя молитвы и благословенія заняли много времени. По окончаніи трапезы, богомольцы толпами направились по гостинницамъ, которыя расположены за монастырскою стѣною. Разомъ оживился монастырскій дворъ. На дорожкахъ и тротуарахъ показались веселыя группы молодымъ людей и дѣвушекъ въ лѣтнихъ, свѣтлыхъ костюмахъ. Говоръ, шутки, смѣхъ, остроты. Монахи въ черныхъ мантіяхъ, въ высокихъ клобукахъ, длинными вереницами двинулись по кельямъ. Красивыя поморки въ пестрыхъ яркихъ платьяхъ, шушукая и подталкивая другъ друга, тѣснились около монастырскихъ воротъ. Прошло нѣсколько минутъ и монастырь снова принялъ свою обычную, сумрачно-аскетическую ввѣшность.

Все опустѣло, стихло. Ушли богомольцы и, казалось, унесли съ собою все, что было здѣсь живого, что напоминало о жизни, о людяхъ, о дѣятельности міра. Даже чайки соловецкія, необыкновенно крикливыя, надоѣдливыя, всегда жирныя отъ остатковъ монастырской трапезы, и тѣ успокоились; пріютившись около полисадниковъ, мостиковъ и гдѣ попало, онѣ мирно дремлютъ, спрятавши подъ крылья свои глупыя головы.

Туманъ сгустился такъ, что даже главы церквей невозможно разглядѣть во мглѣ; въ десяти шагахъ трудно различить человѣка. А между тѣмъ, судя по времени года, теперь должны бы стоять здѣсь яс-

ныя и свѣтлыя, какъ день, ночи... Густая мгла плотно окутала монастырь со всѣхъ сторонъ. Ночная тишь, казалось, сковала самый воздухъ. Лишь изрѣдка, какъ тѣнь, появлялась черная фигура монаха, неслышно скользила по двору и быстро, какъ привидѣніе, исчезала во мглѣ. Жутко отзывалось на нервахъ это полное отсутствіе жизни. Эта тишина говорила о могилѣ и гробѣ.

Отецъ Кириллъ началъ прощаться.

— Поспѣшите въ гостиницу говорилъ онъ мнѣ:— сейчасъ будутъ ворота запирать. Послѣ трапезы ни изъ монастыря, ни въ монастырь никого уже не впускаютъ.

Попрощавшись, мы направились въ разныя стороны. Но едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ невольно остановился: среди ночного затишья и безлюдья вдругъ послышалось пѣніе. Оно неслось откуда-то изъ дальняго угла монастыря. Это не было пѣніе духовнаго гимна или канта. Житейскою скорбью звучалъ и дрожалъ напѣвъ, и въ самыхъ жалобахъ слышалась энергія жизни и силы. Такъ не поютъ монахи. Разобрать словъ, къ сожалѣнію, было невозможно, но переливы богатаго сильнаго мужскаго голоса довольно отчетливо доносились въ ночной тишинѣ; гулко передавались на зарѣ тоскливые звуки пѣсни. Заунывный, грустный мотивъ, полный горечи и скорби, невольно щемилъ сердце... Необычайность обстановки донельзя усиливала впечатлѣніе. Вообра-

женію рисовались потрясающія картины человѣческаго горя, изливавшагося въ этой странной пѣснѣ.

Я пустился догонять своего спутника.

— Отецъ Кириллъ, кто это поетъ?

Монахъ на минуту пріостановился и укоризненно покачалъ головой.

— Ахъ, зачѣмъ вы вернулись. Вы опоздаете: ворота запрутъ и вы не попадете въ номеръ... Идите съ Богомъ, завтра скажу...

Я не отставалъ. „Скажите, кто"?

— Невольникъ тутъ одинъ есть... вотъ онъ и поетъ.

— Кто же такой?

— Да тоже... еретикъ.

Отецъ Кириллъ снова зашагалъ по направленію къ какому-то длинному—казарменнаго вида зданію.

На всѣ мои вопросы о пѣвшемъ „невольникѣ" онъ отвѣчалъ на ходу:

— Пушкинъ, по фамиліи... А больше я ничего не знаю... Смотрите, вонъ ворота запираютъ... Идите съ Богомъ, простите меня, грѣшнаго... и онъ юркнулъ въ какую-то дверь длиннаго темнаго корридора.

— Долгонько погуляли, встрѣтилъ меня отецъ Мелетій, монахъ, завѣдывающій номерами, назначенными для „чистой публики". Здѣсь, въ этой „братской обители", подраздѣленіе публики на „чистую" и „черную" соблюдается съ необыкновенною

строгостью. Въ то время, какъ „чистая“ публика размѣщается въ свѣтлыхъ и чистыхъ номерахъ новой каменной гостиницы, весь остальной людъ, „народъ“, принужденъ довольствоваться необыкновенно грязными вонючими казармами.

Я разсказалъ отцу Мелетію о пѣніи, слышанномъ мною въ монастырѣ, и о томъ что я узналъ о Пушкинѣ отъ отца Кирилла.

— Да, это точно, согласился отецъ Мелетій — поетъ онъ преотмѣнно. Слыхалъ я на своемъ вѣку много пѣвчихъ, самъ въ архіерейскомъ хорѣ былъ, пѣвцовъ слыхалъ и въ Петербургѣ, и въ прочихъ городахъ, только пріятнѣе этого голоса не слыхалъ... Чувствительно поетъ... Прежде онъ часто, бывало, пѣвалъ, чуть не каждый день, а потомъ все рѣже да рѣже. Другой годъ такъ и пройдетъ — ни разу его пѣнія не услышимъ... Нынѣшнюю весну тоже его было не слыхать; это, должно быть, въ первый разъ...

— Что же онъ поетъ?

— Стихи разные. И, должно быть, онъ стихи эти самъ изъ своего ума сочиняетъ, потому все разное поетъ... Сидитъ-то онъ больно высоко, поэтому самому разобрать слова очень трудно. Однако, разъ какъ-то, былъ я во дворѣ, выслушалъ-таки немного... „Разрушатся троны, разлетятся короны“, пѣлъ онъ. Только и выслушалъ; къ чему это у него было сложено — не умѣю вамъ сказать.

— Вамъ неизвѣстно, за что онъ присланъ сюда?

— Въ ересь впалъ, за это самое и присланъ, на увѣщаніе.

— Кто же его увѣщеваетъ?

— Да теперь, признаться сказать, никто, прежде, дѣйствительно, что нѣкоторые отцы ходили къ нему въ тюрьму, говорили съ нимъ, увѣщевали. Только ужъ больно закостенѣлъ онъ съ своей этой самой вѣрѣ. Да и на рѣчахъ онъ слишкомъ гораздъ — убѣдительно говоритъ. Противъ его спорить нашему брату очень затруднительно. Поэтому, собственно, и перестали ходить къ нему; опасно: пожалуй, чего добраго, какого нибудь слабовѣрнаго еще во искушеніе введетъ. Долго ли до грѣха! Всѣ — люди, всѣ — человѣки. Теперь и со крестомъ не ходятъ къ нему, потому онъ разъ какъ-то на пасхѣ одного отца съ крестомъ не принялъ къ себѣ; трое невольниковъ приняли крестъ, а онъ не захотѣлъ. Да, очень ужъ твердъ онъ въ своей вѣрѣ... Бывало, еще прежній архимандритъ сколько разъ говорилъ ему: „Смирись, Пушкинъ, отрекись ты отъ своей ереси поганой, сходи въ церковь, помолись святымъ угодникамъ божіимъ, и тебя, говоритъ, ту же минуту выпустятъ, будешь на волѣ, поѣдешь, говоритъ, ты домой, на свою родину... опять заживешь тамъ человѣкомъ... какъ слѣдыть быть. Пожалѣй ты, говоритъ, свою жену, дѣтей своихъ пожалѣй (жена его — хорошая

женщина, не одинъ разъ сюда пріѣзжала)... Брось ты эту самую... глупость свою...“

— Что же онъ?

— Да что? Ему бы покориться. а онъ все свое. Какъ заладитъ — вѣкъ не переслушать. „И радъ бы, говоритъ, послушать васъ, да не могу, не могу“. Твердитъ „не могу“ да и кончено. Извѣстно, это ужъ онъ не отъ себя: врагъ рода человѣческаго искушаетъ его, смущаетъ... Я такъ думаю, что все это безпремѣнно *его* дѣло. Нечистый духъ силенъ!

Отецъ Мелетій перекрестился, прошепталъ какую-то молитву и замолчалъ.

— Зачѣмъ у васъ солдаты въ монастырѣ?

— А это собственно для острога; особая команда полагается и офицеръ при ней. На караулахъ стоятъ, за арестантами смотрятъ. Это точно, что пользы отъ этой команды, почитай, что пѣтъ никакой, потому невольники подъ замками сидятъ... день и ночь взаперти. Уйти имъ отсюда никакъ невозможно... Ну, а все же.... Случай тутъ недавно былъ, удивительный, можно сказать, случай.

— Что такое?

— Этому года три назадъ, а можетъ, и больше... Что бы вы думали? Вдругъ эти самые солдаты—извѣстно съ глупости—начали въ пушкинскую вѣру переходить. Спачала одинъ совратился, а потомъ и пошли другъ за дружкой... Какъ это случилось—никто и теперь не знаетъ. Однако, начальство рас-

порядилось, чтобъ впредь, на предбудущее время значитъ, этихъ самыхъ солдатъ мѣнять каждый годъ: годъ проживутъ въ монастырѣ и назадъ, а къ намъ новыхъ присылаютъ. Съ этихъ же поръ и офицеръ началъ каждый годъ смѣняться... Это для того, чтобъ не усѣли, значитъ, совратиться.

— Въ чемъ же состоитъ эта вѣра Пушкина?

— Этого я ужъ не могу вамъ сказать, извѣстно— ересь, суемудріе... Говорятъ, будто Христомъ Спасителемъ себя называетъ.

Подобные разсказы о Пушкинѣ вы можете услышать здѣсь отъ каждаго монаха, если тотъ не вздумаетъ дѣлать изъ этого какого-то особеннаго секрета, подобно отцу Кириллу.

Все это крайне заинтересовало меня и я рѣшилъ повидаться съ этимъ „невольникомъ-еретикомъ“, хотя и заранѣе зналъ, что устроить это свиданіе не такъ легко. Я зналъ, что до сихъ поръ, изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Соловки, лишь одинъ Диксонъ имѣлъ случай видѣться и говорить съ Пушкинымъ. Въ своей книгѣ „Свободная Россія“, Диксонъ, какъ извѣстно, посвятилъ этому свиданію особую главу, подъ заглавіемъ „Адріанъ Пушкинъ“. Диксону очень хотѣлось облегчить участь Пушкина и онъ старался сдѣлать это, но ходатайства его въ то время остались безуспѣшны. Изъ русскихъ же путешественниковъ, сколько мнѣ извѣстно, никто до

сихъ поръ не имѣлъ возможности видѣться съ этимъ интереснымъ „еретикомъ“.

Но для того, чтобъ видѣться съ Пушкинымъ, необходимо посѣтить соловецкую тюрьму, такъ какъ онъ не имѣетъ права переступать черезъ порогъ своей тюремной кельи. Только въ послѣднее время ему разрѣшено выходить днемъ на тюремный дворъ въ извѣстные часы, для прогулки.

II.

Соловецкая тюрьма.

Соловецкому монастырю суждено было играть видную роль въ исторіи религіозно-бытовыхъ движеній русскаго народа. Знаменитый соловецкій бунтъ, продолжавшійся почти цѣлыя десять лѣтъ, имѣлъ огромное, роковое значеніе въ исторіи развитія русскаго народнаго протестантизма, называемаго обыкновенно расколомъ. Бѣжавшіе во время этого бунта во множествѣ монахи и особенно „бѣльцы“, скрывавшіеся въ монастырѣ и бывшіе главными виновниками возстанія, разсѣялись по лицу земли русской, вездѣ и всюду занося съ собою проповѣдь раскола.

Эти бѣглецы, эти „бѣгу яшася ревнители древнихъ преданій“ разошлись по всѣмъ концамъ, по всѣмъ угламъ Россіи и основали множество скитовъ въ Олонецкомъ Поморьѣ, въ нижегородскихъ предѣлахъ, въ

Сибири, на дальнемъ востокѣ, проникли въ южную окраину Россіи, внизъ по Волгѣ, по Дону, по Кубани, и вотъ эти скитскія общины долгое время играютъ главную роль въ дѣлѣ распространенія раскола въ Россіи.

Послѣ девятилѣтней упорной осады, монастырь былъ взятъ правительственными войсками. Виновные подвергнуты жестокому наказанію. Соловки смирились. Съ тѣхъ поръ башни и тюрьмы Соловецкаго монастыря дѣлаются мѣстомъ ссылки и заточенія преступниковъ противъ вѣры, „еретиковъ“, какъ обыкновенно называли ихъ въ то время. Въ это мрачное время, когда лучшимъ, радикальнѣйшимъ средствомъ въ борьбѣ съ религіозными вѣрованіями считались тюрьмы, пытки, костры и застѣнки, монастырскія башни и тюрьмы были переполнены „еретиками“. Тутъ были учителя и вожаки всѣхъ сектъ раскола: хлысты, бѣгуны, духоборцы, скопцы, молокане. Тутъ были основатели всевозможныхъ новыхъ ученій, которыя, съ заточеніемъ ихъ творцовъ, такъ и канули въ вѣчность. Тутъ были разные „люди божьи“, богомилы, богоносцы, богочеловѣки.

Здѣсь были „сбившіеся съ пути“ искатели „правой вѣры“, мечтавшіе обновить міръ, существо и природу человѣка при помощи своихъ туманныхъ мистическихъ теорій и ученій, построенныхъ на всевозможныхъ толкованіяхъ ветхаго и новаго завѣта. Тутъ были митрополиты, архіереи, монахи, князья, бояре

и вельможи, священники, купцы, солдаты, офицеры и многочисленные представители темной сѣрой массы. Здѣсь они томились въ могильномъ одиночествѣ тюремныхъ келій, за двойными желѣзными рѣшетками, томились годы, десятки лѣтъ и нерѣдко цѣлую жизнь.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что ссылка въ Соловецкій монастырь началась гораздо раньше бунта; но тогда ссылались въ монастырь преступники государственные, политическіе. Однимъ изъ первыхъ ссыльныхъ, заточенныхъ въ соловецкомъ монастырѣ, былъ современникъ Іоанна Грознаго, знаменитый священникъ Сильвестръ; онъ былъ сосланъ сюда въ 1560 году. Московскіе цари, въ борьбѣ съ оппозиціонными элементами, весьма часто и охотно прибѣгали къ помощи башенъ и тюремъ Соловецкаго монастыря, посылая туда лицъ, осужденныхъ или заподозрѣнныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ, „крамольниковъ“, какъ величали ихъ въ старину. Иногда такія ссылки и заточенія производились en masse. Укажу на одинъ наиболѣе крупный примѣръ въ этомъ родѣ.

Въ 1648—1649 годахъ, какъ извѣстно, происходилъ земскій соборъ, на которомъ обсуждалось уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Изъ числа 315 человѣкъ выборныхъ депутатовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ, многіе выразили свое неудовольствіе противъ Уложенія. Именно *сто шестьдесятъ* выборныхъ, съ княземъ Львовымъ во главѣ, объ-

явили протестъ противъ Уложенія. Въ чемъ именно состоялъ этотъ протестъ, къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ, и наши историки до сихъ поръ не постарались разъяснить этого крупнаго факта. Извѣстно только, что всѣ эти протестанты, въ числѣ 160 человѣкъ, вмѣстѣ съ княземъ Львовымъ, были сосланы въ Соловецкій монастырь. Ссылка въ Соловки политическихъ преступниковъ продолжалась и послѣ бунта, но въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, а потомъ, мало-по-малу, и совсѣмъ прекратилась.

Зато ссылка въ Соловки „еретиковъ“ практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ до самаго послѣдняго времени, точнѣе говоря, до начала нынѣшняго царствованія.[1]).

Во время нашего посѣщенія Соловковъ, въ тамошней тюрьмѣ находилось лишь четверо узниковъ: пермскій купецъ Адріанъ Пушкинъ, крестьянинъ Новгородской губерніи Леонтьевъ и какой-то іеромонахъ съ послушникомъ. Нельзя не желать, конечно, чтобъ и эти послѣдніе остатки прежняго времени навсегда исчезли со страницъ нашей исторіи и чтобы область совѣсти, вѣры и религіи была навсегда свободна отъ монастырскихъ заточеній.

— Теперь что! говорилъ намъ начальникъ соловецкой команды: — теперь арестантамъ, можно сказать, полгоря. Пища у нихъ хорошая; что братія

[1]) Писано въ 1880 году.

ѣсть, то и имъ идетъ; притѣсненій имъ никто никакихъ не дѣлаетъ... вотъ только помѣщеніе плоховато: сыро, темно... Ну, а въ прежнія-то времена, я думаю, вы знаете, что тутъ было. Не приведи Богъ; врагу нельзя пожелать; сказать страшно. Живыхъ людей въ каменныхъ стѣнахъ закладывали, да такъ и держали, голодомъ, холодомъ морили...

Да, въ наше время трудно даже представить себѣ весь ужасъ положенія колодниковъ прежняго времени, томившихся въ какой нибудь корожекой башнѣ. Ни одинъ изъ нихъ не оставилъ намъ исторіи своихъ страданій, своего мученичества. Почему не оставили—понять не трудно. Въ инструкціяхъ и указахъ, при которыхъ они высылались, всегда и неизмѣнно значилось, чтобъ „бумаги, и чернилъ, и карандаша имъ, колодникамъ, отнюдь не давать“ и чтобъ „никакихъ писемъ они, колодники, ни подъ какимъ видомъ ни къ кому не писали“.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что сюда попадали, большею частью, послѣ розыска, послѣ пытки, нерѣдко прямо изъ застѣнка. И вотъ, измученные разнообразными пытками, дыбами, избитые „нещадно“ кнутами и батогами, съ вырванными ноздрями, съ отрѣзанными языками, они отвозились въ Соловки и запирались здѣсь въ сырые, темные, холодные погреба, называемые тюремными кельями. Здѣсь они обрекались на вѣчное одиночество, на вѣчное молчаніе, нужду и горе. Казалось, что послѣ ссылки о нихъ

совершенно забывали, ихъ вычеркивали изъ списка живыхъ людей. И дѣйствительно, только смерть избавляла несчастныхъ узниковъ отъ дальнѣйшихъ страданій, только могила успокоивала ихъ измученныя тѣла.

Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе объ условіяхъ монастырскаго заточенія прежняго времени, необходимо перечитать и пересмотрѣть такъ называемыя секретныя дѣла преображенскаго приказа, канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и прочихъ аналогичныхъ учрежденій того времени, допросы, указы о ссылкѣ, инструкціи о содержаніи колодниковъ въ монастырѣ и т. п.

Указы о ссылкѣ того или другого лица обыкновенно посылались мѣстному губернатору и въ то же время архимандриту монастыря „съ братіею“. Въ указахъ никогда почти не обозначались причины ссылки, а говорилось просто: „за вину его“ или „за многія его, колодника, вины“, вмѣсто смертной казни, учинить казнь „бить нещадно кнутомъ“ или „вырѣзать языкъ“ и „сослать въ ссылку въ Соловецкій монастырь въ заключеніе, въ короженскую тюрьму вѣчно, и та казнь ему, колодинку, учинена и послань до Соловецкаго монастыря съ унтеръ-офицеромъ *такимъ-то* и съ солдаты“.

Только въ рѣдкихъ случаяхъ объяснялось въ указахъ, въ чемъ состояла вина или преступленіе, вызвавшее ссылку; но и это объясненіе дѣлалось въ са-

мыхъ общихъ выраженіяхъ. Такъ, напримѣръ, при ссылкѣ князя Ефима Мещерскаго въ указѣ, подписанномъ предсѣдателемъ канцеляріи тайныхъ разъискныхъ дѣлъ, Петромъ Андреевичемъ Толстымъ, отъ 15-го января 1722 года, велѣно его, Мещерскаго, „за показанныя отъ него противности благочестію, послать въ Соловецкій монастырь для содержанія до кончины жизни его“. Но въ чемъ именно состояли эти „противности благочестію“ со стороны, какъ видно, либеральнаго князя, ни слова не сказано.

Зато во всѣхъ этихъ указахъ и инструкціяхъ подробно излагаются правила о томъ, какъ содержать колодниковъ. Въ указахъ на имя архимандрита обыкновенно писалось: „а когда оный колодникъ въ Соловецкой монастырь привезенъ будетъ, и ты бъ, богомолецъ нашъ, архимандритъ (такой-то) съ братіею его, колодника, въ Соловецкой монастырь приняли и посадили бы въ кожеозерскую тюрьму *вѣчно* и велѣли держать его тамъ *безвыходно*, чтобъ онъ, колодникъ, изъ оной тюрьмы не ушелъ, и бумаги и чернилъ ему не давать; и ежели онъ, колодникъ, сидя въ тюрьмѣ, станетъ кричать и сказывать за собою наше государево слово и дѣло, и такихъ, приносимыхъ отъ него словъ, не слушать“.

Или же, напримѣръ, въ такомъ родѣ:

„И состоять ему, колодинку, въ крѣпкой тюрьмѣ, подъ смотрѣніемъ того монастыря архимандрита, а карауленымъ унтеръ-офицеру и солдатамъ имѣть крѣп-

кое и неусыпное надъ нимъ, колодникомъ, смотрѣніе и осторожность, чтобъ при немъ пера, чернилъ и бумаги отнюдь не было, и чтобъ онъ ни съ кѣмъ и ни о чемъ ни въ какіе разговоры не вступалъ и ничего бъ непристойнаго не разглашалъ и не говорилъ, чего ради къ нему не токмо изъ посторонних никого, но и изъ монастырской братіи и служителей ни въ келью, ниже во время слушанія литургіи и прочаго церковнаго пѣнія, ни для чего не допускать и разговаривать запрещать". При этомъ особенное вниманіе обращалось на то, чтобъ колодники „ни съ кѣмъ и никогда о *вѣрѣ* никакихъ разговоровъ къ большему вымышленной своей прелести и противныхъ благочестія дерзостей размноженію имѣть не могли, но пребывали бы въ покаяніи и питаемы были хлѣбомъ слезнымъ".

Что касается продовольствія узниковъ пищею, то и въ этомъ отношеніи ихъ далеко не баловали. Только въ рѣдкихъ случаяхъ разрѣшалось отпускать тому или другому колоднику пищу изъ братской трапезы; чаще же всего писалось: „пищу давать только хлѣбъ да воду и подавать (ихъ) въ окно капралу". Затѣмъ строго воспрещалось имѣть колодникамъ при себѣ деньги и какія бы ни было вещи.

Нѣкоторыхъ колодниковъ не только запирали подъ замокъ, но еще запечатывали двери ихъ тюремныхъ келій особыми печатями, а для наблюденія за этимъ откомандировывались особые офицеры и солдаты.

Вотъ отрывокъ изъ инструкціи, данной одному изъ такихъ офицеровъ: „Когда онъ, колодникъ, посаженъ будетъ въ тюрьму, тогда къ нему приставить караулъ, и всегда-бъ съ ружьями было по два человѣка на часахъ, одинъ отъ гвардіи, а другой изъ гарнизонныхъ. Двери-бъ были за замкомъ и *за твоею* печатью, а у тюрьмы окошко было-бъ малое, гдѣ пищу подавать; да и самому тебѣ въ тюрьму къ нему не ходить, нежели другихъ кого допускать, и его, колодника, въ церковь не допускать. А когда онъ (колодникъ) заболитъ и будетъ весьма близокъ къ смерти, то по исповѣди пріобщить его св. таинъ въ тюрьмѣ, гдѣ онъ содержится, и для того двери отпереть и распечатать, а по причащеніи оныя двери запереть и запечатать тебѣ своею печатью и приказать хранить накрѣпко, какъ въ прежнихъ указахъ объявлено“... Вотъ ужъ, поистинѣ, заживо погребенные!

Всѣ подобныя наставленія всегда и неизмѣнно сопровождались угрозами, что за малѣйшее неисполненіе инструкціи и слабость надзора виновные въ томъ будутъ немедленно подвергнуты „осужденію и истязанію“ по всей строгости военныхъ артикуловъ.

Насколько строго выполнялись всѣ эти указы и инструкціи, можно видѣть, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая. Одинъ изъ заточенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ (князь Василій Лукичъ Долгоруковъ) тяжко заболѣлъ; ему понадобился духовникъ.

Но такъ какъ въ указѣ, при которомъ онъ былъ присланъ, было сказано, чтобъ „никого изъ посторонних къ нему въ келью не допускать“, то, поэтому, ни архимандритъ, ни караульный офицеръ не рѣшились исполнить требованія умирающаго и кончили тѣмъ, что вошли по этому поводу съ представленіемъ въ архангельскую губернскую канцелярію. Въ свою очередь, и губернская канцелярія также не осмѣлилась удовлетворить просьбу больнаго узника и обратилась за разрѣшеніемъ этого вопроса въ сенатъ, который указомъ, отъ 29-го марта 1731 года, предписалъ губернатору, въ случаѣ крайней необходимости, допустить отца духовнаго въ келью князя Долгорукова“.

Нѣкоторые изъ узниковъ всю жизнь сидѣли скованными въ цѣпяхъ. Эти цѣпи снимались съ нихъ только послѣ смерти... Страшное, кровавое время!.. Мрачнымъ, но, къ счастью, далекимъ, далекимъ призракомъ глядитъ оно въ нашей исторіи...

Да, теперь не то... Все смягчилось, все измѣнилось къ лучшему... Все. Только соловецкая тюрьма остается, попрежнему, все тою же мрачною гробницей, какова была она два вѣка назадъ... Невыразимо тяжелое, подавляющее впечатлѣніе производитъ этотъ остатокъ давнымъ-давно пережитой, давнымъ-давно похороненной эпохи. И это впечатлѣніе испытывается каждымъ свѣжимъ человѣкомъ, попадающимъ въ Соловки.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ эту тюрьму г. Немировичъ-Данченко, посѣтившій Соловки нѣсколько лѣтъ назадъ.

„Соловецкая тюрьма, когда къ ней приближаешься, кажется какою-то громадною, многоэтажною гробницей, откуда вотъ-вотъ покажутся, открывъ свои незрячія очи и потрясая цѣпями, блѣдные призраки прошлаго. Невольный трепетъ охватывалъ меня, когда я вступалъ въ ограду этой исторической темницы. Тутъ всегда страдали за мысль, за убѣжденіе, за пропаганду. Суевѣрный страхъ охватываетъ васъ, когда вы входите въ узкую дверь темницы, за которою тянется вдаль черный корридоръ, словно щель въ какой-то каменной массѣ... Сколько крови пролилось на эти сырыя, холодныя плиты, сколько стоновъ слышали эти влажныя, мрачныя стѣны! Какимъ холодомъ вѣетъ отсюда, точно въ этомъ душномъ воздухѣ еще стелется и расплывается отчаяніе и скорбь узниковъ, тѣла которыхъ давно истлѣли на монастырскомъ кладбищѣ... Снаружи передъ вами ряды узкихъ оконъ. Порою въ нѣкоторыя выглянетъ блѣдное-блѣдное лицо... Нѣтъ, это галюцинація!.. Тройные ряды рамъ и рѣшетокъ едва ли пропускаютъ свѣтъ въ одинокую келью заключеннаго“.

А вотъ одинъ изъ тюремныхъ корридоровъ и самыя кельи:

„Узкая щель безъ свѣта тянулась довольно да-

леко (это корридоръ). Одна стѣна ея глухая, въ другой нѣсколько дверей съ окошечками. За этими дверями мрачныя, потрясающе мрачныя темничныя кельи. Въ каждой окно. Въ окнѣ по три рамы и между ними двѣ рѣшетки. Все это прозеленѣло, прокопчено, прогнило, почернѣло. День не броситъ сюда ни одного луча свѣта. Вѣчныя сумерки, вѣчное молчаніе... Я вошелъ въ одну изъ пустыхъ келій. На меня пахнуло мракомъ и задушающею смрадною сыростью подвала. Точно я былъ на днѣ холоднаго и глубокаго колодезя".

Тюрьма, какъ мы уже замѣтили, отдѣляется отъ другихъ построекъ каменною стѣной. Въ срединѣ стѣны маленькія ворота съ калиткою; у воротъ зеленая кружка съ надписью: „въ пользу содержащихся здѣсь арестантовъ". Съ лѣвой стороны выглядываетъ изъ-за стѣны узкій, высокій домъ; въ немъ помѣщается военная команда и квартира ея начальника. Справа—тюрьма...

Полдень. Отворяю калитку и вхожу на тюремный дворъ...

III.

Человѣкъ не отъ міра сего.

Все мое вниманіе сразу приковала къ себѣ высокая фигура человѣка, очевидно, прогуливавшагося изъ угла въ уголъ по маленькому тюремному двору.

Вотъ онъ идетъ ко мнѣ на встрѣчу. Я вижу передъ собою высокаго, почти плотнаго, хорошо сложеннаго мужчину, съ длинною бородою, съ гордымъ, спокойнымъ, увѣреннымъ видомъ, которому какъ-то странно противорѣчатъ рѣзкія, порывисто-первыя движенія. Одѣтъ онъ въ темно-сѣромъ длинномъ пальто; большая шапка съ мѣховою опушкою низко надвинута на широкій лобъ; изъ подъ длинныхъ, необыкновенно длинныхъ и густыхъ бровей нездоровымъ лихорадочнымъ блескомъ горятъ безпокойные, быстрые глаза. Черты блѣднаго, немного дряблаго лица носятъ печать глубокой, сосредоточенной думы, постоянной мозговой работы. Не то рыжеватый, не то темно-русый цвѣтъ бороды и волосъ скрывается подъ сильною просѣдью; мѣстами въ бородѣ выдѣляются совершенно сѣдыя пряди и идутъ во всю длину бороды. На видъ ему лѣтъ 55. Все въ наружности этого человѣка—взглядъ, походка, движенія—все говорило, что предъ вами особенный, недюжинный, необыкновенный экземпляръ человѣческой породы, что это человѣкъ не отъ міра сего.

— Вы Пушкинъ? невольно сорвалось у меня.

Незнакомецъ молча кивнулъ головой, какъ бы говоря: „да, я Пушкинъ“, но не сказалъ ни слова и, не останавливаясь, прошелъ мимо.

Когда онъ снова поровнялся со мной, я, извинившись за навязчивость, просилъ позволенія предложить ему нѣсколько вопросовъ.

— Мнѣ запрещается говорить съ кѣмъ бы ни было, отрывисто возразилъ онъ:—я не имѣю права отвѣчать вамъ.

И только послѣ того, какъ мы успокоили его съ этой стороны, онъ нарушилъ свой невольный обѣтъ молчанія.

— Давно ли вы здѣсь, въ монастырѣ?

— Я былъ заключенъ сюда въ концѣ 1866 года.

— Вы уроженецъ города Перми?

— Да, я былъ крѣпостнымъ человѣкомъ графа Строгонова и повѣреннымъ по его дѣламъ въ одномъ изъ имѣній графа въ Пермской губерніи. Въ 1853 году я выкупился изъ крѣпостного состоянія, оставилъ службу у Строгонова и записался въ пермскіе купцы второй гильдіи. Графъ не хотѣлъ отпускать меня, просилъ остаться у него, но я уже не могъ этого сдѣлать.

— Если я не ошибаюсь, васъ обвиняли въ составленіи секты?

До сихъ поръ Пушкинъ говорилъ довольно спокойно, хотя нервная порывистость и слышалась въ его голосѣ, проглядывала въ его движеніяхъ. Это было такъ понятно, естественно: быть можетъ, уже много лѣтъ онъ не имѣлъ возможности говорить по-человѣчески, говорить о томъ, что давно наболѣло и выстрадалось годами одиночнаго заключенія. Но послѣдній вопросъ, очевидно, задѣлъ слабую струну моего собесѣдника. Онъ вдругъ заволновался, засѣ-

шилъ, началъ говорить съ жаромъ, быстро, ежеминутно перебивая себя, какъ бы боясь, что ему не удастся высказаться, не удастся излить давно накипѣвшія, рвущіяся изъ груди чувства и думы.

— Никогда, никогда! никакой секты! воскликнулъ онъ.—Я говорилъ только, что мы не понимаемъ Священнаго Писанія, что у насъ ни ученые, ни священники, ни монахи, ни высшее духовенство, словомъ, никто, никто до сихъ поръ не понимаетъ Священнаго Писанія... Развѣ это не ужасное несчастіе?.. почти съ азартомъ воскликнулъ онъ.

— Но почему же не понимаютъ? не безъ труда удалось вставить мнѣ.

— Потому что не знаютъ существа человѣка, не знаютъ существа природы... Не знаютъ отношенія земли къ мірозданію... Міръ обширенъ, необъятенъ, безграниченъ, и мы—люди—совсѣмъ не знаемъ его. Часто мимо земли проходятъ кометы, тогда люди страшатся за свою жизнь, за свою судьбу... Потомъ снова успокоиваются... Но откуда приходятъ эти планеты, куда исчезаютъ онѣ, что онѣ такое—люди не знаютъ... Мы живемъ во тьмѣ; вокругъ насъ только узкая полоска свѣта, а тамъ, далѣе, начинается черная тьма, и мы не замѣчаемъ ее потому только, что родились въ этой тьмѣ и сжились съ нею... Міръ еще не спасенъ... Да, до сихъ поръ еще не спасенъ. Посмотрите: сколько грѣха, сколько несчастій, страданій всюду вокругъ насъ... Гдѣ же спасеніе? Мессія еще не явился...

Христосъ не былъ Богочеловѣкомъ, потому что онъ не спасъ людей, не спасъ человѣка отъ грѣха, неправды и горя... Многое сдѣлалъ Христосъ, очень многое, но еще больше остается сдѣлать... Да, искупитель міра и людей долженъ явиться, и мы должны ожидать его и приготовиться встрѣтить его. А развѣ мы знаемъ: *какъ* явится между нами искупитель? Какъ мы узнаемъ его, и кто поручится, что мы достойно встрѣтимъ его; кто поручится, что Богочеловѣкъ не будетъ ввержень въ тюрьму, битъ плетьми?.. А горе все растетъ на землѣ и съ каждымъ днемъ растетъ людская скорбь все больше, больше... Народы, какъ звѣри, дерутся другъ съ другомъ и люди живутъ, какъ враги... Скоро, скоро настанетъ крайній предѣлъ, настанетъ время суда... время возрожденія человѣка... И тогда-то явится новое небо и новая земля... духъ истины воцарится на землѣ, настанетъ миръ и правда, настанетъ на землѣ царство божіе, еже есть правда и миръ и радость о духѣ святомъ... Успокоятся умъ и сердце человѣка — они будутъ удовлетворены; потому что чего жаждетъ теперь нашъ умъ, наше сердце?.. *Найти истину*... А тогда духъ истины воплотится въ жизни и въ людяхъ...

И долго еще говорилъ въ такомъ родѣ этотъ человѣкъ не отъ міра сего. И по мѣрѣ того, какъ говорилъ, онъ возбуждался все болѣе и болѣе; глаза горѣли, искрились и неудержимо, почти дико прыгали съ одного предмета на другой; въ этихъ гла-

захъ всего болѣе поражало почти полное отсутствіе зрачковъ: на мѣстѣ зрачковъ съ трудомъ можно было разсмотрѣть чуть замѣтныя двѣ темныя точки, словно уколы иголки. Вѣроятно, это было вліяніе дневного свѣта, отъ котораго отвыкъ несчастный въ долгіе годы заключенія въ полутемной, тюремной кельи. Узкія, сухія, безкровныя губы дрожали, но временамъ въ углахъ рта появлялось что-то въ родѣ бѣлой пѣны.

Слушая его, я думалъ: „Что это? Фанатикъ идеи съ желѣзнымъ, непреклоннымъ характеромъ? Сильный волею человѣкъ или же душевнобольной, которому нужна разумная помощь психіатра, вмѣсто одиночнаго заключенія, развивающаго еще болѣе его психическое разстройство?“

Но я все еще не терялъ надежды уяснить себѣ, въ чемъ именно состояла эта „новая вѣра“ Пушкина. Я просилъ его выяснить мнѣ: какимъ образомъ должно совершиться, по его мнѣнію, то „возрожденіе человѣка и воцареніе истины на землѣ“, о которомъ онъ такъ много говорилъ?

Я высказалъ эти вопросы и почти тотчасъ же пожалѣлъ объ этомъ. Мои замѣчанія подлили только масла въ огонь. Пушкинъ заволновался еще болѣе и рѣчь его полилась и запрыгала неудержимымъ потокомъ... Передать эту рѣчь я рѣшительно не въ состояніи. Это была какая-то болѣзненная скачка мысли отъ одного предмета къ другому, безъ малѣйшихъ признаковъ логической связи и послѣдователь-

ности. По временамъ проскакивали здравыя, оригинальныя, если хотите, даже крупныя мысли, но онѣ тонули въ общемъ потокѣ туманныхъ алегорій, безчисленныхъ текстовъ изъ библіи, странныхъ сопоставленій, различныхъ формулъ, цифръ, всевозможныхъ цитатъ. Тутъ были, напримѣръ, разсужденія объ огромномъ значеніи нуля въ математикѣ, причемъ это значеніе какимъ-то совершенно непостижимымъ образомъ приравнивалось къ понятію о существованіи въ природѣ высшей духовной силы, Бога; тонкія теологическія толкованія о значеніи трехъ лицъ Св. Троицы; доказывалась мысль, что вскорѣ долженъ явиться новый искупитель міра, которому предстоитъ докончить начатое Христомъ дѣло избавленія людей отъ страданій, что въ библіи, будто бы, находится безчисленное множество указаній на то, что міръ будетъ спасенъ не однимъ человѣкомъ (Христомъ), какъ думали до сихъ поръ, а двумя, и что теперь-то именно настаетъ время пришествія этого второго искупителя. Въ подкрѣпленіе этой мысли, предо мною произносились цѣлыя страницы, цѣлыя главы Ветхаго Завѣта, изъ посланій апостоловъ, даже изъ Апокалипсиса, причемъ старательно подчеркивались всѣ тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію собесѣдника, совершенно ясно и категорично подтверждаютъ его идею.

Въ самомъ разгарѣ своей рѣчи, Пушкинъ вдругъ остановился и, перебивая себя, предложилъ мнѣ вопросъ, который немало изумилъ меня.

— Знаете ли вы журналъ „Свѣтъ“, который издастъ профессоръ Вагнеръ?

На мой утвердительный отвѣтъ, онъ съ торжествующимъ видомъ воскликнулъ: „Это *мое* дѣло выяснятъ!.. Познаютъ существо человѣка и природы... О, дѣло мое не умретъ!“

И онъ снова началъ толковать о томъ, какъ мало мы понимаемъ природу и въ частности систему міроздапія, причемъ было совершенно ясно, что его собственныя свѣдѣнія по этимъ предметамъ—болѣе чѣмъ скудны.

Но нужно было видѣть и слышать, какъ излагалось все это. Какимъ эптузіазмомъ, какою страстью звучали эти рѣчи... Крайнее возбужденіе отразилось на внѣшности. Лицо побѣдиѣло еще больше, щеки осунулись, съ глазами творилось что-то недоброе. Предо мной стоялъ человѣкъ, одержимый mania religiosa.

Мнѣ отъ души стало жаль его, и я поспѣшилъ, цѣлымъ рядомъ посторонпихъ вопросовъ, отвлечь вниманіе моего собесѣдника отъ его idée fixe.

Мало-по-малу, онъ успокоился, и къ нему снова вернулось самообладаніе. Постепенно и осторожно началъ я разспрашивать его о ближайшихъ причинахъ, вызвавшихъ его переселеніе въ Соловки. Вотъ что, между прочимъ, сообщилъ онъ мнѣ по этому поводу.

— Я долго работалъ надъ рукописями, въ которыхъ изложилъ свои взгляды на пришествіе Мессіи.

Когда онѣ были окончены, я передавалъ ихъ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, просилъ ихъ разсмотрѣть мои труды. Но я вездѣ и всюду встрѣтилъ отказъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ вникнуть, хотя сколько нибудь, въ мое дѣло; никто не хотѣлъ выслушать меня. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Мнѣ хотѣлось, чтобъ сама власть занялась этимъ. Тогда я подалъ прошеніе въ пермское губернское правленіе, приложилъ всѣ свои записки и рукописи и просилъ, чтобъ правленіе отправило ихъ въ сенатъ, на его разсмотрѣніе. Губернаторъ призвалъ меня и говоритъ: „бросьте это дѣло...“ То же говорилъ и Строгоновъ... Когда же я не согласился на это, онъ поссорился со мною... Но могъ ли я послушать ихъ?.. Другіе смѣялись надо мной. Я же просилъ только объ одномъ: назначьте ученыхъ, на мои средства, пусть они разсмотрятъ мои бумаги и рѣшатъ мое дѣло: кто правъ? Стали говорить, что я съумасшедшій... Свидѣтельствуютъ. Приводятъ въ губернское правленіе. Торжественное засѣданіе: губернаторъ, всѣ члены, городской голова, протоіерей и пять врачей. Задаютъ мнѣ 200 вопросовъ и заставляютъ отвѣчать письменно... Два раза собирались. Потомъ отправили меня въ больницу. Здѣсь держали нѣсколько мѣсяцевъ... Четверо изъ врачей признали меня больнымъ, помѣшаннымъ. Только одинъ изъ нихъ сказалъ: „Нѣтъ, онъ здоровъ; если считаете его вреднымъ, пошлите

его въ тюрьму, но не въ съумасшедшій домъ...“ Этотъ врачъ былъ Коробовъ. Онъ служилъ тогда въ Перми.

Въ прошломъ году, въ одной изъ петербургскихъ газетъ была помѣщена замѣтка о Пушкинѣ, замѣтка, писанная человѣкомъ, весьма близко и хорошо знавшимъ соловецкаго узника. Въ ней такъ разсказывается врачебная экспертиза, произведенная надъ Пушкинымъ.

„Врачъ, наблюдавшій за Пушкинымъ въ больницѣ, далъ о немъ такой отзывъ, что Пушкинъ человѣкъ скромный, невзыскательный, вѣжливый, но что у него есть религіозная idée fixe, такъ какъ онъ постоянно читаетъ Библію. Такъ какъ прямого указанія на душевную болѣзнь Пушкина не было, то онъ былъ назначенъ къ высылкѣ въ Соловецкій монастырь, безъ опредѣленія срока содержанія. На оффиціальной почвѣ дѣло высылки Пушкина было мотивировано тѣмъ, что онъ сектантъ и что съ удаленіемъ его будетъ пресѣчено въ корнѣ развитіе пропаганды“.

Въ 1858 году, Пушкинъ сдѣлалъ первый шагъ по тому пути, который впослѣдствіи привелъ его въ Соловки. Около этого времени онъ страдалъ усиленными сердцебіеніями, ради которыхъ и обращался за совѣтомъ къ доктору Елачичу въ Казани; докторъ нашелъ у него аневризмъ и предсказалъ скорую смерть отъ разрыва сердца или же душевное разстройство.

Вскорѣ случилось, что особая галлюцинація (единственная въ его жизни) такъ потрясла его организмъ, особенно сердце, что онъ послѣ этого почувствовалъ облегченіе и потомъ совсѣмъ не жаловался на сердцебіеніе. Около того же времени онъ видѣлъ сонъ, который сильно запечатлѣлся въ его памяти и имѣлъ большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ его мысли. Ему явился во снѣ Спаситель, въ томъ видѣ, какъ изображаютъ его на иконахъ, и сказалъ: „Меня не узнали!“.

Все это вмѣстѣ родило въ его головѣ впослѣдствіи особую идею, которую онъ пытался выразить аллегорически въ большой картинѣ, подъ названіемъ: „знаменіе царствующей вѣры“, первый экземпляръ которой онъ послалъ, въ 1858 году, на храненіе въ Успенскій соборъ отъ имени неизвѣстнаго. Картина очень сложная. На первомъ планѣ ея было изображено извѣстное сказаніе о св. Георгіѣ и царицѣ Александрѣ. Въ заголовкѣ картины была такая надпись: „сердце царево въ рукѣ Божьей, и законъ Бога его въ сердцѣ его“. Въ верхнихъ углахъ картины были поставлены, какъ эпиграфы, слѣдующія двѣ надписи: 1) „И сіе есть первое и живѣйшее желаніе наше — свѣтъ спасительной вѣры“ (изъ высочайшаго манифеста) и 2) „Дая законы моя въ мысли ихъ и на сердцахъ ихъ напишу и буду имъ въ Бога, и тіи будутъ ми въ люди“ (Іерем. 31, 33). Картина эта была написана впослѣдствіи во многихъ экземпля-

рахъ и поднесена многимъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Въ 1861 году, когда Пушкинъ ѣздилъ изъ Перми въ Петербургъ, картина его была, вмѣстѣ съ объяснительною рукописью подъ заглавіемъ „Великая радость“, передана на разсмотрѣніе святѣйшаго синода, который далъ отзывъ, что картина, „по странному и непонятному сочетанію предметовъ, не заслуживаетъ одобренія и подлежитъ къ возвращенію автору“. Рукопись же синодъ задержалъ, находя, что она содержитъ въ себѣ воззрѣнія, не согласныя съ ученіемъ православной церкви.

Въ 1863 году Пушкинъ снова пріѣзжаетъ въ Петербургъ и ходатайствуетъ въ разныхъ вѣдомствахъ и у разныхъ лицъ высшей администраціи о разсмотрѣніи тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ написана имъ рукопись „Великая радость“. Онъ обращается къ министру двора, къ оберъ-прокурору синода графу Толстому, въ комиссію прошеній, къ князю Суворову и ко многимъ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Въ это же время Пушкинъ передалъ чрезъ оберъ-прокурора въ синодъ новую рукопись подъ заглавіемъ: „Судъ Божій“. Всѣ его ходатайства остались, однако, безъ успѣха.

Возвратившись въ Пермь, онъ продолжалъ разрабатывать свою идею. Во время пріѣзда въ Пермь генерала-адъютанта Тимашева, бывшаго тогда временнымъ генералъ-губернаторомъ Казанской, Вятской

и Пермской губерній, Пушкинъ поднесъ ему свою картину. Потомъ, около 1865 года, когда черезъ Пермь проѣзжало одно весьма высокопоставленное лицо, Пушкинъ подалъ докладную записку. Впослѣдствіи всѣ свои многоразличныя статьи и записки Пушкинъ собралъ воедино и назвалъ ихъ такъ: „Матеріалы къ доказательству пришествія Мессіи (Христа) только нынѣ, или основанія къ соединенію всѣхъ церквей“. Эти матерьялы тѣ же, на которыхъ построена и „Великая радость“.

Всѣ свои воззрѣнія Пушкинъ проводилъ *исключительно* въ правительственныхъ сферахъ, держа ихъ въ строгомъ секретѣ отъ общества. Но, занимаясь разработкою своей идеи, онъ совсѣмъ оставилъ свои занятія, какъ повѣренный частныхъ лицъ, а это отозвалось на его средствахъ существованія съ семьей, состоящей изъ семи человѣкъ. Надо сказать, что Пушкинъ никогда не былъ человѣкомъ съ капиталомъ; оставляя должность повѣреннаго у графа Строгонова, онъ располагалъ только нѣсколькими сотнями рублей; но зато, пользуясь довѣріемъ къ себѣ многихъ богатыхъ лицъ, онъ имѣлъ возможность всегда выйти изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ. Очутившись теперь въ подобномъ положеніи, онъ вздумалъ обратиться къ пермскому обществу, въ лицѣ его состоятельныхъ гражданъ, съ просьбою ссудить его нѣкоторою суммой для веденія одного важнаго дѣла,

извѣстнаго только правительству и составляющаго секретъ, который онъ не можетъ сообщить никому.

Необходимо замѣтить, что Пушкинъ былъ видным общественнымъ дѣятелемъ въ своемъ городѣ. Будучи купцомъ, онъ, главнымъ образомъ, занимался дѣлами, какъ повѣренный, ходатайствуя отъ имени разныхъ частныхъ лицъ въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ. Безукоризненно-честнымъ веденіемъ этихъ дѣлъ онъ заслужилъ всеобщую любовь, довѣріе и популярность. Между прочимъ, пермское общество возложило на него веденіе спорнаго дѣла о принадлежности городу земель внѣ городской черты, о чемъ вопросъ оставался открытымъ въ теченіи 50-ти лѣтъ. Потомъ Пушкинъ былъ избранъ обществомъ въ члены комиссіи для изслѣдованія причинъ огромныхъ пожаровъ, бывшихъ въ то время въ Перми.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что обращеніе его къ обществу имѣло успѣхъ. Многіе изъ гражданъ оказали ему посильную помощь, ссудивъ деньгами, но вступившій въ то время городскимъ головою нѣкто К., человѣкъ нетолько малообразованный, но и малограмотный, захотѣлъ непремѣнно знать, въ чемъ состоитъ это секретное дѣло. Пушкинъ вручилъ ему какую-то краткую записку, относящуюся до разработываемаго имъ вопроса, прося голову никому не сообщать о содержащемся въ запискѣ. Но записка эта вскорѣ очутилась въ рукахъ архіерея, который при-

зналъ ее вредною... Исторія съ подачею прошенія въ губериское правленіе довершила дѣло...

Въ холодный ноябрьскій день (1866 года) у квартиры Пушкина появилась дорожная повозка. Вскорѣ на крыльцѣ показались двѣ сѣрыя фигуры жандармовъ и между ними Пушкинъ съ блѣднымъ, какъ смерть, лицемъ. Сзади толпились испуганныя, плачущія дѣти и, какъ безумная, рыдала жена...

Высланный находился въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ Архангельскѣ, такъ какъ по времени года нельзя было попасть на Соловецкіе острова. Пушкинъ воспользовался этимъ временемъ и, выписавъ изъ Перми экземпляръ картины „Знаменіе царствующей вѣры“, поднесъ его архангельскому губернатору, князю С. П. Гагарину. Князь Гагаринъ сочувственно отнесся къ Пушкину и обѣщалъ ему содѣйствовать его освобожденію и возвращенію въ Пермь, если только онъ оставитъ свою идею.

— Я не могу оставить... Я буду тогда совсѣмъ боленъ, отвѣчалъ Пушкинъ.

Такимъ образомъ онъ очутился въ соловецкой тюрьмѣ, въ холодной и сырой комнатѣ, въ которой онъ содержался до слѣдующаго лѣта, когда пріѣхавшая въ монастырь его жена испросила у архимандрита, чтобъ ея мужа перевели въ болѣе сносное помѣщеніе. И вотъ, съ той поры Пушкинъ находится въ крѣпкихъ стѣнахъ монастырской тюрьмы, подъ

замкомъ и карауломъ часового. Но у этого узника нѣтъ и тѣни мысли о побѣгѣ.

Пермское общество, въ лицѣ своихъ гражданъ, не сдѣлало даже малѣйшей попытки къ тому, чтобъ облегчить сколько нибудь участь своего согражданина, о которомъ и до сихъ поръ вспоминаютъ въ имѣніяхъ графа Строгонова съ особеннымъ уваженіемъ. Въ былое время лица важныя и сановитыя пожимали руку нынѣшнему узнику соловецкаго монастыря, находя его стремленія честными и хорошими. Теперь же онъ всѣми забытъ и оставленъ...

— Надѣетесь-ли вы когда нибудь освободиться отсюда? спросилъ я Пушкина.

Въ отвѣтъ на это, онъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Я не знаю, въ чемъ мои вины, въ чемъ меня обвиняютъ, и потому не могу оправдываться,—заговорилъ онъ.—Мнѣ говорятъ: „ходите въ церковь, оставьте свою ересь и васъ сейчасъ же освободятъ“. Но развѣ я могу сдѣлать это? У меня поставлено на карту все: и состояніе, и счастіе семьи, и собственная жизнь—развѣ могу я теперь воротиться назадъ въ своихъ воззрѣніяхъ? Время должно оправдать меня... И оно оправдаетъ—я вѣрю въ это... Если я заблуждаюсь, если все это только кажется мнѣ истиною, то пусть соловецкая тюрьма будетъ моею могилой...

— Вамъ позволяютъ здѣсь читать, получать газеты?

— Да, я получаю „Свѣтъ“, „Вечернюю Газету“... Родные присылаютъ.

— У васъ осталась семья на родинѣ?

— Да... осталась...

Мнѣ показалось, что мой собесѣдникъ почему-то неохотно говоритъ о семьѣ. Мы молчали нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ Пушкинъ находился въ явномъ возбужденіи, которое онъ, очевидно, старался скрыть, побороть. Наконецъ, онъ заговорилъ и тѣмъ выдалъ свою тайну. Въ фанатикѣ проснулся отецъ.

— Да, у меня осталась большая семья... дѣти, началъ онъ довольно покойно, но голосъ ему измѣнилъ; онъ вдругъ треснулъ, какъ не въ мѣру натянутая струна:—дѣти... маленькія... ребенокъ...

Голосъ его какъ-то странно фибрировалъ. Онъ замолчалъ, оправился, быстро овладѣлъ собой и уже почти совсѣмъ покойно продолжалъ.

— Старшему сыну было четырнадцать лѣтъ, дочери десять... Они учились въ гимназіи... Всѣхъ дѣтей у меня семь человѣкъ... Когда меня увезли, у нихъ не осталось никакихъ средствъ... Имъ нечѣмъ было жить, нетолько учиться... Ихъ взяли изъ гимназіи и отдали... въ услуженіе... Бѣдныя дѣти! Потомъ старшаго взяли въ солдаты; это было сдѣлано неправильно. Добрые люди (между прочимъ, Коробовъ) вступились и его освободили. Жена заболѣла

съ горя... Потомъ ей разрѣшили посѣтить меня. Она была здѣсь, въ тюрьмѣ...

И все это говорилось безъ малѣйшихъ признаковъ озлобленія или негодованія. Ни одной жалобы, ни одного обвиненія или упрека кому бы ни было... Какъ будто иначе и быть не могло.

Въ эту минуту къ намъ подошли два солдата, изъ которыхъ одинъ, остановившись передъ Пушкинымъ, почтительно проговорилъ:

— Пора!.. время ужъ...

— Что такое? спросилъ я.

— Въ тюрьму пора... сказалъ Пушкинъ.

Я посмотрѣлъ на него и удивился. Предо мной снова стоялъ тотъ же загадочный человѣкъ съ гордымъ, увѣреннымъ видомъ, для котораго, казалось, не существуетъ ни житейскихъ привязанностей, ни симпатій... Твердою походкой, ни разу не оглянувшись, прошелъ онъ черезъ дворъ и вступилъ на крыльцо. Тутъ стояли солдаты. Открывъ тяжелую тюремную дверь, они ждали, пока войдетъ арестантъ, чтобы тотчасъ же снова затворить ее... Вотъ онъ вступилъ въ корридоръ и тотчасъ же исчезъ въ его темнотѣ...

Крѣпкія петли тихо опустили тюремную дверь; звякнули желѣзные засовы, загремѣли замки...

Еще недавно нельзя было писать, нельзя было говорить о людяхъ, стоящихъ въ подобномъ положеніи,

и тѣ органы печати, которые считали своимъ нравственнымъ долгомъ напоминать о нихъ, заявлять о снисхожденіи къ этимъ людямъ, подвергались карамъ и преслѣдованіямъ. Теперь не то; пробуждается, повидимому, искреннее желаніе устранить изъ жизни по возможности все, что напрасно отравляетъ покой и счастіе человѣка, все, что вноситъ ядъ недовольства, горечи, ожесточенія...

Теперь настала пора, настало время громко заявить о печальной и невозможной аномаліи, уцѣлѣвшей въ нашей общественной жизни отъ далекихъ вѣковъ религіозныхъ гоненій и нетерпимости. Да послужитъ же наше слово къ скорѣйшему облегченію тяжелой участи людей, до сихъ поръ стоящихъ внѣ закона, до сихъ поръ слывущихъ подъ страшною кличкою „еретиковъ“ — кличкою, которая невольно переноситъ воображеніе на нѣсколько вѣковъ назадъ...

25 Августа
1880 года.

ЕЩЕ О СОЛОВЕЦКИХЪ УЗНИКАХЪ.

(Къ вопросу о монастырскихъ заточеніяхъ).

I.

Вѣсть объ освобожденіи трехъ старообрядческихъ епископовъ, такъ долго томившихся въ суровомъ заточеніи монастырскихъ казематовъ, съ быстротою молніи пронеслась по Россіи, проникла въ самые глухіе, далекіе, захолустные концы и углы, вездѣ и всюду вызвавъ одно и то же отрадное чувство нравственнаго удовлетворенія...

У насъ въ послѣднее время въ извѣстной части печати не мало говорилось о розни, существующей будто бы между интересами, желаніями и симпатіями съ одной стороны лучшей части русскаго общества, „интеллигенціи“, съ другой—народа, плебса, при чемъ стремленія и желанія этой части образованнаго

слоя низводились на степень какихъ-то безпочвенныхъ „иллюзій“, пагубныхъ и вредныхъ для всей остальной массы народа. Но вотъ передъ нами широкая, обширная область духовно-нравственной, умственной жизни, съ ея настойчивыми запросами на свободу совѣсти, свободу вѣры, свободу мысли, слова, убѣжденія. Гдѣ же тутъ розни, гдѣ тутъ противоположность интересовъ, симпатій и стремленій? Развѣ завѣтныя желанія многомилліонной массы сѣраго люда,—массы, окрещенной кличкой сектантовъ и раскольниковъ,—не тѣ же самыя, которыя составляютъ давнишнюю горячую мечту болѣе развитой части культурнаго слоя? Развѣ эти желанія не выстраданы народомъ путемъ долгой, кровавой борьбы, рядомъ безчисленныхъ гоненій и безчеловѣчныхъ, жестокихъ преслѣдованій, вынесенныхъ имъ на его могучихъ плечахъ? Съ другой стороны, развѣ интеллигенція, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, не жертвовала всѣмъ за эти же самыя стремленія, идеи и желанія?

Мы видѣли, какъ горячо отнеслась печать, органы которой въ большинствѣ случаевъ являются отголосками той же самой интеллигенціи, къ факту освобожденія старообрядческихъ епископовъ, столь много пострадавшихъ за свои религіозныя взгляды и убѣжденія. Что касается народа и, въ частности, многочисленной среды сектантовъ, то нетрудно себѣ представить, какія свѣтлыя чувства вызвалъ среди нихъ

этотъ „актъ гуманности“. Я считаю себя въ правѣ говорить объ этомъ, такъ какъ вотъ уже шестой мѣсяцъ постоянно вращаюсь въ этой средѣ, хожу и ѣзжу изъ села въ село, изъ деревни въ деревню, живу среди этихъ людей.

Но этотъ „актъ милосердія“, „актъ гуманности“ долженъ въ то же время напомнить обществу, что освобожденіемъ старообрядческихъ епископовъ еще далеко не исправленъ, не заглаженъ (если только объ этомъ можетъ быть рѣчь) нашъ тяжкій историческій грѣхъ, наша великая вѣковая вина; онъ долженъ напомнить намъ о горькой участи тѣхъ страдальцевъ за вѣру и убѣжденія, которые до сихъ поръ томятся за тяжелыми замками монастырскихъ казематовъ. А лицъ, стоящихъ въ подобномъ положеніи, къ сожалѣнію, не мало. Объ одномъ изъ такихъ лицъ недавно снова вспомнила и заговорила наша печать.

Недавно газеты сообщали, что въ Петербургѣ въ настоящее время находится депутація изъ жителей Пермской губерніи, пріѣхавшая ходатайствовать объ освобожденіи „нѣкоего Пушкина [1]), который уже четырнадцать лѣтъ, по распоряженію духовнаго начальства, находится въ заключеніи въ Соловецкомъ монастырѣ“. Извѣстіе это сопровождалось сообщеніемъ нѣкоторыхъ данныхъ изъ прошлой жизни и дѣятельности Пушкина. Но такъ какъ свѣдѣнія эти во мно-

[1]) Какъ извѣстно, слухъ объ этой депутаціи не подтвердился.

гомъ очень неточны и невѣрны, поэтому они и требуютъ существенныхъ поправокъ.

Прежде всего совершенно невѣренъ фактъ, сообщаемый газетами о томъ, что Адріанъ Пушкинъ (ошибочно названный въ газетахъ Аѳанасіемъ) „*въ 1868 году выступилъ публично съ проповѣдью*, въ которой удостовѣрялъ, что онъ—Христосъ, явившійся для спасенія міра". Ничего подобнаго не могло быть уже по одному тому, что въ 1868 году Пушкинъ сидѣлъ за семью замками въ соловецкомъ казематѣ.

Въ ноябрѣ (19 числа) 1866 года Пушкинъ былъ внезапно арестованъ, посаженъ въ дорожную повозку и въ сопровожденіи двухъ жандармовъ немедленно отправленъ въ Соловки. Многіе пермскіе обыватели до сихъ поръ еще помнятъ эту сцену ареста, когда Пушкинъ, съ блѣднымъ, какъ смерть, лицомъ, выведенъ былъ на крыльцо жандармами. За нимъ толпились его испуганныя, плачущія дѣти и, какъ безумная, рыдала жена. У Пушкина осталось семь человѣкъ дѣтей, при чемъ старшему сыну было всего тринадцать лѣтъ, а дочери десять. Они учились въ мѣстныхъ гимназіяхъ. Послѣ ссылки Пушкина семья его осталась рѣшительно безъ всякихъ средствъ къ жизни; дѣтямъ нечѣмъ было жить, не только учиться,—и вотъ ихъ взяли изъ гимназіи и отдали... въ услуженіе.

Старшій сынъ Пушкина (младшему, во время аре-

ста отца, было не болѣе года), крайне впечатлительный мальчикъ, больше всѣхъ прочихъ былъ привязанъ къ отцу. Можно себѣ представить горе бѣднаго ребенка, столь неожиданно лишившагося горячо любимаго отца. Жена Пушкина въ письмѣ своемъ къ редактору одной изъ петербургскихъ газетъ пишетъ по этому поводу:

„Я не могу теперь сказать, потому что не помню, что было съ нимъ (ребенкомъ) въ день высылки его отца, а моего мужа: я сама была тогда въ какомъ-то безчувственномъ состояніи, ходила точно въ чаду. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ высылки отца у мальчика обнаружились первые признаки болѣзни, выразившіеся въ подергиваніяхъ лица и рукъ. Впослѣдствіи, когда, не будучи въ силахъ пронитывать своихъ дѣтей, я отдала подроставшихъ сыновей въ услуженіе, болѣзнь у этого несчастнаго мальчика еще больше развилась среди чужихъ людей, такъ что, когда онъ сталъ взрослымъ юношей 18—19 лѣтъ, ему уже всюду отказывали отъ службы вслѣдствіе припадковъ, и онъ долженъ былъ влачить цвѣтущіе годы жизни по больницамъ“ [1]). Въ прошломъ году онъ умеръ въ Петербургской больницѣ „Всѣхъ скорбящихъ радость“.

„Вообще,—замѣчаетъ г-жа Пушкина,—высылка мужа крайне тяжело отозвалась на всей семьѣ. Я даже

[1]) „Новости“ 1881 года, № 249.

считаю, что въ смерти остальныхъ трехъ моихъ дочерей виновата болѣе или менѣе та же высылка мужа: безъ него вся семья терпѣла и горе, и голодъ, и холодъ"... Такъ было попрано, разбито счастіе цѣлой семьи... За что же?...

Необходимо замѣтить, что Пушкинъ вообще „никогда не выступалъ публично со своею проповѣдью", какъ увѣряютъ теперь нѣкоторыя газетныя сообщенія. Всѣ свои возврѣнія Пушкинъ проводилъ *исключительно* въ правительственныхъ сферахъ, держа ихъ въ строгомъ секретѣ отъ общества и народа. Въ виду этого является весьма сомнительнымъ сообщеніе газетъ о томъ, что „секта Пушкина" (которой въ сущности никогда не было), благодаря пропагандѣ его послѣдователей, разросталась будто бы „все больше и больше". Еще вопросъ: были ли у Пушкина послѣдователи, кромѣ доктора Коробова, который, служа въ Перми, былъ домашнимъ врачемъ въ семействѣ Пушкиныхъ?

Г-жа Пушкина говоритъ, что она по крайней мѣрѣ никого не знаетъ изъ послѣдователей своего мужа, кромѣ опять-таки того же доктора Коробова, который еще въ 1867 году, вслѣдъ за ссылкой Пушкина, оставилъ Пермь и уѣхалъ въ Петербургъ хлопотать за своего друга. Однако его горячее заступничество за опальнаго не только не помогло этому послѣднему, а навлекло лишь преслѣдованія на самого ходатая: Коробовъ былъ высланъ администра-

тивнымъ порядкомъ въ г. Вологду, подъ надзоръ полиціи. Здѣсь онъ прожилъ около восьми лѣтъ, занимаясь врачебною практикой.

Своею доступностью, внимательнымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ бѣдному люду и полнымъ отсутствіемъ всякаго корыстолюбія г. Коробовъ заслужилъ всеобщую любовь вологжанъ. Особенный успѣхъ имѣла учрежденная имъ безплатная лечебница для приходящихъ больныхъ. По ходатайству вологодскаго общества, съ него былъ снятъ надзоръ полиціи и г. Коробовъ получилъ свободу. Вскорѣ послѣ этого однако онъ оставилъ Россію, поселился въ Женевѣ и началъ издавать тамъ журналъ „*Вѣстникъ Правды*“, въ которомъ принялся развивать и пропагандировать религіозныя воззрѣнія своего друга Пушкина, безъ вѣдома и согласія послѣдняго.

Сущность этихъ воззрѣній, кромѣ Коробова, могли, по словамъ г-жи Пушкиной, знать еще два человѣка, помогавшіе ея мужу въ качествѣ переписчиковъ и рисовальщиковъ на-бѣло его докладныхъ записокъ, чертежей и рисунковъ, въ которыхъ онъ изъяснялъ правительству свою идею. На сколько вообще секретно велъ онъ свое дѣло, можно судить уже по тому, что даже жена его, какъ она сознается, знала „только малую часть его записокъ“...

„Теперь онъ всѣми забытъ!—говоритъ о немъ его жена.—Я одна ходатайствую за него. До сихъ поръ, т. е. въ теченіе 14 лѣтъ, я не смѣла утруждать вла-

стей просьбой объ освобожденіи моего мужа. Теперь, когда преслѣдованія за религіозныя убѣжденія перестали, кажется, имѣть мѣсто и когда пятнадцатилѣтнее одиночное заключеніе, казалось, можно бы было зачесть въ наказаніе моему мужу за вину написанія докладныхъ записокъ, — я рѣшилась просить объ освобожденіи мужа, чтобы возвратили мнѣ его хотя пятидесяти-шести-лѣтнимъ старикомъ...“

Что же это за „записки“, которыми безпокоилъ Пушкинъ русскихъ саповниковъ и которыя наконецъ довели его до каземата? Въ чемъ, наконецъ, состояло то ученіе, тѣ главныя идеи и положенія, которыя потребовали столь тяжелой кары противъ лица, исповѣдывающаго это ученіе?

Объ основной, главной идеѣ этихъ записокъ можно судить между прочимъ по тому общему заглавію, какое далъ самъ авторъ сборнику, составленному изъ всѣхъ его статей и записокъ; сборникъ этотъ названъ такъ: „Матеріалы къ доказательству пришествія Мессіи (Христа) только нынѣ, или основанія къ соединенію всѣхъ церквей“.

При разговорѣ со мною въ Соловкахъ въ 1879 году, Пушкинъ слѣдующимъ образомъ развивалъ главную идею своего ученія:

„Міръ еще не спасенъ... Да, до сихъ поръ еще не спасенъ. Посмотрите, сколько грѣха, сколько несчастій, страданій — вездѣ, кругомъ... Гдѣ же спасеніе? Мессія еще не явился... Христосъ не былъ Бо-

гочеловѣкомъ, потому что онъ не спасъ людей, не спасъ человѣка отъ грѣха, неправды и горя... Многое сдѣлалъ Христосъ, очень многое, но еще больше остается сдѣлать... Да, искупитель міра и людей долженъ явиться, и мы должны ожидать его и приготовиться встрѣтить его. А развѣ мы знаемъ, какъ явится между нами искупитель? Какъ мы узнаемъ его, и кто поручится, что мы достойно встрѣтимъ его? Кто поручится, что Богочеловѣкъ не будетъ ввержень въ тюрьму, битъ плетьми?.. А горе все растетъ на землѣ и съ каждымъ днемъ растетъ людская скорбь все больше и больше...

Въ теченіе нашего разговора Пушкинъ нѣсколько разъ возвращался къ мысли о томъ, что вскорѣ долженъ явиться новый искупитель міра, которому предстоитъ докончить начатое Христомъ дѣло избавленія людей отъ страданій, что въ Библіи, будто бы, находится безчисленное множество указаній на то, что міръ будетъ спасенъ не однимъ человѣкомъ (Христомъ), какъ думали до сихъ поръ, а двумя, и что теперь-то именно настаетъ время пришествія этого втораго искупителя. Въ подкрѣпленіе этой мысли предо мной произносились цѣлыя страницы, цѣлыя главы изъ Ветхаго Завѣта, изъ Посланій апостоловъ, изъ Апокалипсиса, причемъ старательно подчеркивались всѣ тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію собесѣдника, совершенно ясно подтверждали его идею. Но при этомъ онъ ни разу даже не намекнулъ на то, что

въ лицѣ его я вижу этого искушителя. Соловецкіе монахи однако говорятъ, что въ разговорѣ съ ними Пушкинъ прямо называетъ себя Христомъ, Мессіею... Насколько это справедливо, это, разумѣется, ихъ дѣло...

Но если бы даже это было дѣйствительно вѣрно, то неужели все это такъ ужасно, такъ вредно, такъ опасно? Неужели нельзя было обойтись въ этомъ случаѣ безъ того, чтобы не похоронить человѣка заживо въ тюремной монастырской кельѣ? Вѣдь послѣ этого, чтобъ оставаться послѣдовательнымъ, нужно засадить въ монастыри и всю массу всевозможныхъ богочеловѣковъ, богоносцевъ, хлыстовскихъ богородицъ, христовъ, саваофовъ, богомиловъ и проч., и проч.

Условія, среди которыхъ содержится Пушкинъ въ Соловкахъ, были подробно описаны нами въ статьѣ: „Еретики“. Поэтому теперь мы не будемъ повторять высказаннаго нами въ предыдущей статьѣ. Напомнимъ только, что Пушкинъ болѣе десяти лѣтъ безвыходно провелъ въ самомъ суровомъ одиночномъ заточеніи и только въ недавнее время ему разрѣшены въ извѣстное время дня прогулки по крошечному тюремному двору, обнесенному со всѣхъ сторонъ высокой, каменной, массивной стѣной. Тѣмъ не менѣе эти прогулки всегда происходятъ на глазахъ часовыхъ, караульныхъ солдатъ и т. п. Такимъ образомъ Пушкинъ лишенъ возможности,

за исключеніемъ своихъ тюремщиковъ, видѣть живое человѣческое лицо, слышать живую человѣческую рѣчь.

Изъ всѣхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Соловки, лишь одинъ Диксонъ имѣлъ случай видѣться и говорить съ Пушкинымъ. Въ своей книгѣ—„Свободная Россія"—Диксонъ, какъ извѣстно, посвятилъ этому свиданію особую главу подъ заглавіемъ: „Адріанъ Пушкинъ". Диксону очень хотѣлось облегчить участь Пушкина и онъ старался сдѣлать это, но ходатайства его въ то время остались безуспѣшны. Изъ русскихъ же путешественниковъ, сколько мнѣ извѣстно, никто,—кромѣ пишущаго эти строки,—до сихъ поръ не имѣлъ возможности видѣться съ этимъ интереснымъ „еретикомъ". Чтобы получить свиданіе съ нимъ, мало имѣть разрѣшеніе начальника караула, а необходимо добиться еще „особаго благословенія" архимандрита монастыря. Но въ томъ-то и дѣло, что этого „благословенія" вы уже никогда не добьетесь въ Соловкахъ.

Долгое заключеніе отняло, кажется, наконецъ у Пушкина даже надежду когда нибудь избавиться отъ этой страшной неволи, когда нибудь снова увидѣть свѣтъ, жизнь, людей, снова вернуться къ бѣдной семьѣ родныхъ и близкихъ... На мой вопросъ: надѣется ли онъ когда нибудь освободиться изъ тюрьмы?—Пушкинъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ видомъ пожалъ плечами.

— Я не знаю,—сказалъ онъ,—въ чемъ мои вины, въ чемъ меня обвиняютъ, и потому не могу оправдываться. Мнѣ говорятъ: „*ходите въ церковь*, оставьте свою ересь *и васъ сейчасъ же освободятъ*“. Но развѣ я могу сдѣлать это? У меня поставлено на карту все: и состояніе, и счастье семьи, и собственная жизнь,—развѣ могу я теперь воротиться назадъ въ своихъ воззрѣніяхъ? Время должно оправдать меня... И оно оправдаетъ,—я вѣрю въ это... Если же я заблуждаюсь, если все это только мнѣ кажется истиною, то пусть соловецкая тюрьма будетъ моею могилой...

Мнѣ невольно припоминается при этомъ разсказъ одного соловецкаго монаха о томъ, какъ „увѣщеваютъ“ Пушкина соловецкіе миссіонеры.

— Бывало,—разсказывалъ монахъ, — еще прежній архимандритъ сколько разъ говаривалъ ему: „Смирись, Пушкинъ, отрекись ты отъ своей ереси поганой, *сходи въ церковь*, помолись святымъ угодникамъ Божіимъ, *и тебя*, говоритъ, *ту же минуту выпустятъ*, будешь на волѣ, поѣдешь, говоритъ, ты домой на свою родину... Опять заживешь тамъ человѣкомъ, какъ слѣдуетъ быть... Брось ты эту самую... глупость свою... А не послушаешь, — говоритъ, — плохо тебѣ будетъ: такъ и умрешь здѣсь въ тюрьмѣ, живой сгніешь, свѣту Божьяго не увидишь!...“

Итакъ, человѣка насильно тащутъ, насильно толкаютъ въ церковь, острогомъ думаютъ разрѣшить

сомнѣнія его совѣсти, тюрьмой хотятъ загнать его въ храмъ православный, и когда онъ не идетъ въ эту церковь, когда онъ отвертывается отъ этого храма (не будемъ говорить, почему),—его запираютъ въ сырой, холодный казематъ... Одно изъ двухъ, говорятъ ему: церковь, или тюрьма!... Пойдешь въ церковь—и ты свободенъ: живи и пользуйся жизнью; не пойдешь—садись подъ замокъ въ темный, мрачный казематъ, забудь все, что есть у тебя въ жизни дорогаго, завѣтнаго, милаго сердцу, простись со всѣмъ и терпѣливо жди, пока смерть придетъ, чтобъ избавить тебя отъ одиночества, отчаянія, сумасшествія и всѣхъ мукъ и ужасовъ заточенія... „Живой сгніешь!...“

Что же это такое?...

„Когда нынѣшнимъ лѣтомъ,—разсказываетъ г-жа Пушкина,—я была въ Соловкахъ, то мужъ мой не совѣтовалъ мнѣ ѣхать сюда въ Петербургъ и просить за него.—„Напрасно только будешь мучить себя,—говорилъ онъ мнѣ,—вѣдь не отпустятъ меня отсюда иначе, какъ взявъ съ меня подписку объ отказѣ отъ своихъ убѣжденій, а такой подписки я дать не могу“.

Не будемъ говорить о томъ, какъ много достоинства, благородства и искренняго убѣжденія звучитъ въ этомъ отвѣтѣ несчастнаго, изстрадавшагося узника. Замѣтимъ только, что пессимизмъ, съ которымъ относится онъ къ мысли о своемъ освобожденіи, вполнѣ понятенъ, конечно, въ человѣкѣ, столь

много пострадавшемъ на своемъ вѣку. Къ тому же, будучи совершенно оторванъ отъ жизни въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ, онъ не можетъ знать, насколько подвинулись мы за это время въ области религіозной терпимости.

„Но я не послушала мужа,—говоритъ г-жа Пушкина,—и пріѣхала въ Петербургъ ходатайствовать за него... Теперь, со смертію моихъ взрослыхъ дочерей, я стала чувствовать еще болѣе свое одиночество, которое я едва ли могла бы болѣе переносить, еслибы не поддерживала меня еще забота о воспитаніи моего послѣдняго сына, уже достигшаго 16-лѣтняго возраста. Поэтому возвратъ мужа моего хотя и къ разбитой невзгодой семьѣ былъ бы для меня поистинѣ утѣшеніемъ до забвенія всего пережитаго горя... Я не знаю, чѣмъ окончатся мои здѣсь ходатайства за мужа, но пусть будетъ, что будетъ!..“

II.

Мы замѣтили уже выше, что лицъ, стоящихъ въ положеніи Пушкина, до сихъ поръ не мало. Тюрьмы Соловецкаго, Спасо-Ефиміевскаго [1]), Свіяжскаго и нѣкоторыхъ другихъ монастырей и по сіе время служатъ мѣстами заключенія для отступниковъ отъ вѣры

[1]) Въ гор. Суздалѣ, Владимірской губерніи.

православной. Условія заточенія во всѣхъ этихъ монастыряхъ почти одинаковы... Бывали случаи и въ недавнее сравнительно время, когда о заключенномъ въ монастырѣ подлежащія начальства забывали. Такой случай былъ, напримѣръ, въ Соловецкомъ монастырѣ съ однимъ старикомъ скопцомъ. Этотъ несчастный болѣе тридцати лѣтъ просидѣлъ въ монастырской тюрьмѣ, въ одиночномъ заключеніи; столѣтнимъ старикомъ онъ былъ выпущенъ оттуда. Оказалось, что, сидя въ тюрьмѣ, онъ помѣшался и когда, по освобожденіи, его вывели изъ тюремной кельи на свѣтъ Божій, то онъ уже былъ не въ состояніи разсказать: кто онъ, откуда, есть ли у него родственники и т. п. Монастырское начальство, не зная, что съ нимъ дѣлать, оставило его въ монастырѣ, гдѣ онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Попадавшіе въ монастырскую тюрьму получали современемъ свободу лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, обыкновенно же тюрьма становилась ихъ могилой. Подобную участь одинаково испытывали какъ люди простаго званія, представители народной массы, такъ и члены общества. Лѣтъ десять назадъ въ Свіяжскомъ монастырѣ умеръ подпоручикъ Лалетинъ, находившійся въ этомъ монастырѣ въ заточеніи съ начала шестидесятыхъ годовъ. Лалетинъ служилъ до ссылки при уральскомъ горномъ правленіи и попалъ въ опалу какъ членъ религіознаго общества, возник-

шаго на Уралѣ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и носившаго названіе „Лѣсное братства“.

Основателемъ этого „братства“ былъ капитанъ артиллеріи Николай Созонтовичъ Ильинъ, а членами—чиновники и офицеры уральскаго горнаго правленія, а также нѣсколько горнозаводскихъ крестьянъ. Въ 1858 году противъ Ильина и его друзей возбуждено было дѣло по обвиненію ихъ въ составленіи тайнаго религіознаго общества, отпаденіи отъ церкви и въ распространеніи ученія, явно несогласнаго съ догматами православной вѣры. Дѣлу этому было придано важное значеніе, чему главнымъ образомъ способствовали происки и личное раздраженіе противъ Ильина и его друзей главнаго начальника горнаго правленія, крупныя злоупотребленія и хищенія котораго безпощадно разоблачались Ильинымъ.

И вотъ, не только самъ Ильинъ, но и всѣ близкія ему лица, подвергаются суровому преслѣдованію. Первыми пострадали: чиновники горнаго правленія—коллежскій ассесоръ Будринъ, титулярный совѣтникъ Протопоповъ и подпоручикъ Лалетинъ, а также жена Будрина—Александра Николаевна, урожденная Ильина, и жена Лалетина. Всѣ эти лица были арестованы и содержались сначала въ мѣстной тюрьмѣ (въ Екатеринбургѣ), а затѣмъ при петербургскомъ ордонансъгаузѣ (въ Петропавловской крѣпости). Не мѣшаетъ замѣтить, что все это происходило въ 1859 г., слѣдовательно, какъ разъ въ ту эпоху, когда всякаго

рода новыя вѣянія были въ полномъ разгарѣ и русское общество болѣе чѣмъ когда нибудь,

„Въ надеждѣ славы и добра,
Впередъ глядѣло безъ боязни!..

Будринъ не вынесъ долгаго заключенія и умеръ въ тюрьмѣ. Лалетинъ, какъ мы уже замѣтили, былъ сосланъ въ Свіяжскій монастырь, гдѣ умеръ въ заточеніи лѣтъ десять назадъ... Наконецъ, при этомъ пострадали даже отдаленные знакомые Ильина, ровно ничѣмъ неповинные, какъ, напримѣръ, священникъ Іоаннъ Снегиревъ.

Что касается самого г. Ильина, то ему около двадцати лѣтъ пришлось пробыть въ монастырскомъ заточеніи. Сначала, если не ошибаемся, въ 1860 году, онъ былъ отправленъ въ Соловки. Полнымъ силъ и здоровья вступилъ онъ на Соловецкій островъ; многолѣтнее одиночное заключеніе въ монастырскомъ казематѣ подкосило силы и преждевременно состарило несчастнаго узника. Въ немъ начали замѣчаться признаки душевнаго разстройства. Тогда разрѣшено было выпускать его изъ тюрьмы и позволять ему прогуливаться по монастырю. Вѣроятно, многіе изъ посѣщавшихъ въ это время Соловки помнятъ бросавшуюся въ глаза фигуру „невольника“, въ сѣромъ плащѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ и длинной сѣдой бородой. Одиноко, какъ привидѣніе, съ гордою осанкой, которой какъ-то странно противо-

рѣчило мечтательное, идеалистическое выраженіе глазъ, расхаживала эта фигура вдоль монастырской стѣны. Диксонъ разсказываетъ, что мѣстные береговые жители такъ и называли его привидѣніемъ.

Монастырскія власти строго слѣдили за тѣмъ, чтобъ этотъ „еретикъ“ не посѣялъ плевелъ своего ученія, и зорко наблюдали за тѣмъ, чтобы ни монахи, ни пріѣзжавшіе въ монастырь богомольцы и путешественники отнюдь не сносились съ отщепенцемъ. Онъ не имѣлъ права не только заговаривать съ кѣмъ бы то ни было, кромѣ архимандрита, но ему строго запрещалось даже отвѣчать на вопросы, въ случаѣ еслибы кто нибудь изъ постороннихъ лицъ вздумалъ предложить ему ихъ. Однако, всѣ эти мѣры не достигли цѣли: нѣсколько монаховъ и солдатъ приняли ученіе Ильина. Одинъ изъ послушниковъ бросилъ даже монастырь и ушелъ на Уралъ искать послѣдователей Ильина. Здѣсь, встрѣтившись съ семействомъ Лалетина, онъ женился на одной изъ дочерей его.

Изъ Соловецкаго монастыря Ильинъ переведенъ въ Суздаль, въ Спасо-Ефиміевскій монастырь, снова въ одиночное заключеніе. Здѣсь душевное разстройство арестанта проявилось рѣзче и опредѣленнѣе. По усиленному ходатайству родственниковъ, онъ былъ, наконецъ, освобожденъ и въ настоящее время доживаетъ свой вѣкъ въ одномъ изъ остзейскихъ городовъ. Многіе находятъ его совсѣмъ помѣшаннымъ;

это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ, однако, мѣстной полиціи усиленно слѣдить за нимъ...

Современемъ, если позволятъ обстоятельства, мы намѣрены подробно разсказать исторію „Деснаго братства“ [1]), представляющую несомнѣнный общественный интересъ и значеніе; на этотъ же разъ, по необходимости, приходится ограничиться лишь чисто внѣшними подробностями этого дѣла.

Во время нашего посѣщенія Соловковъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1879 года, въ тамошней тюрьмѣ находилось четверо узниковъ:

1) пермскій купецъ Адріанъ Пушкинъ,

2) крестьянинъ Новгородской губерніи Леонтьевъ,

3) какой-то іеромонахъ, имени и фамиліи котораго намъ не удалось узнать, и

4) монастырскій послушникъ, присланный сюда вмѣстѣ съ іеромонахомъ.

По разсказамъ соловецкихъ монаховъ, всегда крайне неохотно бесѣдующихъ объ этомъ предметѣ, іеромонахъ и послушникъ присланы сюда за то, что отпали отъ православія и уклонились въ какую-то вредную секту, отъ которой и до сихъ поръ не хотятъ

---

[1]) Во время своихъ послѣднихъ разъѣздовъ, намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько важныхъ документовъ, относящихся къ этому дѣлу и проливающихъ яркій свѣтъ на всю эту поучительную исторію.

отказаться, несмотря на всѣ доводы, убѣжденія и даже застращиванія соловецкихъ миссіонеровъ. О причинахъ ссылки и заточенія крестьянина Леонтьева ровно ничего неизвѣстно даже мѣстному начальству. Только случайно удалось узнать намъ изъ источниковъ вполнѣ достовѣрныхъ, что ссылка его состоялась по Высочайшему повелѣнію и что на содержаніе его въ монастырѣ ежемѣсячно отпускается изъ государственнаго казначейства шесть рублей серебромъ. Пушкинъ въ разговорѣ съ нами, между прочимъ, высказалъ, что ссылка Леонтьева находится въ связи съ открытіемъ имъ, Леонтьевымъ, какой-то школы.

Послѣ нашего посѣщенія монастыря, осенью 1879 года, въ Архангельскѣ прошелъ слухъ, что въ Соловецкій монастырь привезены для заключенія какіе-то молодые люди подъ строгимъ конвоемъ. Говорили, что это — лица крестьянскаго званія, судившіяся и замѣшанныя въ нѣкоторыхъ изъ политическихъ процессовъ. Подобный слухъ, конечно, очень мало правдоподобенъ, тѣмъ не менѣе ему всѣ вѣрили и вѣрятъ до сихъ поръ. Этому быть можетъ отчасти способствуетъ то обстоятельство, что въ одномъ изъ мѣстныхъ монастырей, — какъ увѣряютъ, — уже нѣсколько лѣтъ находится въ ссылкѣ одинъ изъ крестьянъ, обвинявшихся по дѣлу объ извѣстной демонстраціи на Казанской площади.

На дняхъ въ газетахъ проскользнуло извѣстіе, что

въ архангельской уголовной палатѣ вскорѣ будетъ слушаться дѣло о крестьянинѣ Потаповѣ, обвиняющемся въ нанесеніи удара по головѣ архимандриту монастыря Мелетію. Что это за Потаповъ и чѣмъ могло быть вызвано столь необычайное преступленіе? При этомъ можетъ быть не лишне будетъ припомнить, что фамилію Потапова носитъ тотъ крестьянскій мальчикъ, который держалъ въ рукахъ красное знамя и котораго подбрасывали вверхъ участники извѣстной казанской демонстраціи. Можетъ быть здѣсь одно простое совпаденіе фамилій, а можетъ быть и нѣтъ. Судъ,—хотя и дореформенный,—безъ сомнѣнія, разъяснитъ дѣло.

Разные, болѣе или менѣе фантастическіе слухи и толки относительно монастырскихъ тюремъ намъ пришлось слышать также и во Владимірской губерніи. Несомнѣнно, что многіе изъ подобныхъ слуховъ и разсказовъ черезчуръ преувеличены народною молвой; это всегда и неизбѣжно бываетъ тамъ, гдѣ стараются облечь все дѣло въ непроницаемую тайну и строгій секретъ. Для того, чтобы положить конецъ подобнымъ толкамъ и успокоить общество, нельзя не пожелать появленія оффиціальнаго сообщенія, которое бы точно указало цифру и имена всѣхъ лицъ, подвергшихся этой суровой мѣрѣ.

Въ заключеніе же пожелаемъ отъ всей души, чтобы монастыри—эти „обители мира, любви и прощенія“—перестали наконецъ играть роль остроговъ и тюрем-

ныхъ казематовъ, чтобы съ монаховъ сняты были наконецъ несвойственныя ихъ сану мрачныя обязанности тюремщиковъ. Будемъ надѣяться, что освобожденіе старообрядческихъ архіереевъ является лишь починомъ, первымъ шагомъ на этомъ пути гуманности и человѣколюбія; будемъ вѣрить, что этой невозможной аномаліи, уцѣлѣвшей отъ далекой эпохи инквизиціонныхъ гоненій, нытокъ и нетерпимости, въ самомъ скоромъ времени будетъ положенъ конецъ... Пора, давно, давно пора!.. Будемъ вѣрить, что всѣ томящіеся теперь въ разныхъ монастырскихъ тюрьмахъ своеобразные искатели истины и „правой вѣры“ не будутъ обречены на медленную, мучительную смерть въ своихъ казематахъ, не зачахнутъ, не умрутъ одиноко среди могильной тишины тюремныхъ келій и не будутъ доведены до сумасшествія, подобно тысячамъ своихъ предшественниковъ. Будемъ вѣрить, что отнынѣ двери монастырскихъ казематовъ никогда уже не откроются болѣе для того, чтобы поглотить и схоронить въ своихъ стѣнахъ новыя жертвы, вся вина которыхъ обыкновенно состоитъ лишь въ томъ, что они болѣе горячо, болѣе страстно принимаютъ къ сердцу вопросы религіи, нравственности и правды, чѣмъ мы, холодные, разсудительные люди...

Село Евлашево,
Саратовской губ.
5 октября 1881 г.

Вмѣсто эпилога къ „пушкинской исторіи“ я позволю себѣ привести здѣсь цѣликомъ письмо, помѣщенное мною по этому поводу въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго, 1882 года, въ газетѣ „Голосъ“ (№ 24).

„Спѣшу сообщить вамъ новость, которая, безъ сомнѣнія, всюду и во всѣхъ вызоветъ отрадное чувство нравственнаго удовлетворенія, во всѣхъ, кому только дорога идея свободы совѣсти, свободы вѣры и убѣжденія: извѣстный Адріанъ Пушкинъ, томившійся въ теченіи 15-ти лѣтъ въ Соловкахъ, въ суровомъ заточеніи монастырскаго каземата, нынѣ, волею Государя Императора, освобожденъ изъ-подъ стражи и получилъ возможность оставить Соловецкій островъ.

„Во время заключенія Пушкина, его жена и ближайшіе родственники много разъ возбуждали ходатайство о его освобожденіи, подавали безчисленныя прошенія во всевозможныя вѣдомства, учрежденія и инстанціи; но всѣ эти ходатайства и прошенія не имѣли никакого успѣха и каждый разъ оставлялись „безъ послѣдствій“. Нынѣ ближайшимъ поводомъ къ освобожденію Пушкина отъ тюремнаго заключенія послужило ходатайство его роднаго сына, Константина Пушкина, подавшаго, прошлою осенью, прошеніе на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Благопріятному исходу этого дѣла, какъ увѣряютъ, немало способствовалъ нынѣшній архангельскій губернаторъ

г. Барановъ, который съ живѣйшимъ участіемъ отнесся къ судьбѣ несчастнаго узника и его семьи.

„Правда, Пушкинъ до сихъ поръ не возвращенъ своей семьѣ, до сихъ поръ не получилъ еще полной свободы, такъ какъ высочайшее соизволеніе на освобожденіе его изъ заточенія состоялось подъ условіемъ, чтобъ Пушкинъ былъ „водворенъ на жительство въ городъ Архангельскъ подъ особый надзоръ полиціи и съ воспрещеніемъ ему всякихъ оттуда отлучекъ“. Нелегко, конечно, положеніе ссыльнаго, заброшеннаго вдали отъ родины и близкихъ; но какъ сравнить это положеніе съ положеніемъ человѣка, заживо похороненнаго въ мрачномъ казематѣ монастырской тюрьмы, лишеннаго свѣта, движенія, воздуха!

„Если фактъ освобожденія Пушкина поставимъ въ связь съ недавнимъ освобожденіемъ трехъ старообрядческихъ архіереевъ, то не въ правѣ ли мы заключить, что во взглядахъ высшаго правительства на примѣненіе административной кары къ дѣламъ совѣсти и религіознаго убѣжденія происходитъ замѣтный поворотъ въ смыслѣ терпимости и гуманности? Вотъ почему является надежда, что, вслѣдъ за Пушкинымъ, будутъ возвращены къ жизни и всѣ тѣ несчастные узники-„еретики“, которые томятся еще за желѣзными рѣшетками мрачныхъ монастырскихъ казематовъ“.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРѢПОСТЬ

Изъ лѣтнихъ экскурсій.

(Посвящ. памяти брата Алексѣя).

Іюль мѣсяцъ 1880 года мнѣ пришлось прожить въ деревнѣ Дубровкѣ, на Невѣ, около Ладожскаго озера, — „въ родѣ какъ на дачѣ“, по словамъ моего хозяина.

Какъ-то разъ вечеркомъ заходитъ ко мнѣ этотъ хозяинъ и спрашиваетъ: „не поѣду ли я въ Шлюсинъ?“

Шлюсиномъ народъ величаетъ здѣсь уѣздный городъ Шлиссельбургъ.

— Тамъ завтра (разговоръ происходилъ 7-го іюля) престольный праздникъ Казанской Божіей Матери... Явленная икона... Народу что на этотъ праздникъ собирается—страсть! со всѣхъ мѣстъ. Пароходы только лишь успѣваютъ перевозить... Икона чудотворная,

многимъ, говорятъ, помогаетъ... И явилась-то она, братецъ ты мой, сперьвоначалу въ крѣпости, а ужъ опосля ее, знаитъ, въ городъ перенесли. Одначе этотъ день и понынѣ въ крѣпости соблюдаютъ. Невольниковъ выпущаютъ во дворъ и ходятъ они по двору на волѣ цѣльный день... Крѣпость—и ту на этотъ день отворяютъ и всѣхъ, кто, знаитъ, только пожелаетъ—всѣхъ туда пущаютъ. Такое уже разрѣшеніе стало быть—что хошь смотри...

— Да полно, такъ ли это?

Начались энергическія увѣренія, которыя, въ концѣ концовъ, вполнѣ убѣдили меня въ справедливости разсказа. И такъ—ѣду. Это интересно.

Въ разное время мнѣ не разъ приходилось проѣзжать на пароходѣ мимо Шлиссельбурга. И каждый разъ невольно приковывали къ себѣ вниманіе эти сѣрыя, мрачныя, торчащія прямо изъ воды стѣны крѣпости. Впечатлѣніе это еще болѣе усиливалось зловѣщимъ видомъ широкихъ крѣпостныхъ башенъ съ едва замѣтными амбразурами крохотныхъ оконъ.

Въ обществѣ распространено безчисленное множество разсказовъ и легендъ изъ временъ давно минувшихъ объ ужасахъ пожизненнаго заточенія, о погребеніи за-живо въ каменныхъ „мѣшкахъ“ Шлиссельбургской крѣпости и проч. и проч. Всѣ эти легенды въ значительной степени, конечно, имѣютъ историческую почву. Но вотъ что странно. Многіе и до сихъ поръ наивно убѣждены, что Шлиссельбург-

ская крѣпость и по настоящее время служитъ мѣстомъ заключенія для разныхъ „интересныхъ“ и „секретныхъ“ арестантовъ.

Каюсь: и я, пишущій эти строки, до посѣщенія крѣпости, никогда не сомнѣвался въ томъ, что въ ней до сихъ поръ томятся преступники противъ вѣры и государства. Теперь же, послѣ того, какъ я побывалъ въ этой крѣпости, обошелъ ея казармы, казематы, корридоры, башни, „мѣшки“ и т. п., теперь я ясно вижу, какъ грубо заблуждался я и какъ до сихъ поръ заблуждается чуть ли не большинство нашего общества относительно той роли, какую играетъ эта крѣпость въ настоящее время.

Но не буду забѣгать впередъ.

8-го іюля, въ десять часовъ утра, пароходъ привезъ меня въ Шлиссельбургъ. Со мной были вещи и потому понятно, что первая мысль, по пріѣздѣ, была о извощикѣ.

— Извощики здѣсь есть?

— Какже-съ, есть...

— Гдѣ-жъ они?

— Да, признаться, у насъ одинъ извощикъ-то, такъ должно уѣхавши куда нибудь.

— А гостиницы есть?

— Ка-акже-съ, сколько угодно... Лондонъ, Европа, Вѣна, Рязань... Невская волна, Золотой Бережокъ... сколько угодно.

— И можно остановиться, переночевать?

— Едва ли-съ... По правдѣ сказать – невозможно-съ. Потому, первое дѣло продажа питій: распивочно значитъ и на выносъ—все тутъ вмѣстѣ... А затѣмъ-съ черный народъ... И навалило этого самаго чернаго народу видимо—невидимо... Опять-же клопы, блохи... и даже, съ позволенія сказать...

— Ну, а пообѣдать въ гостинницѣ можно?

— Отчего-же?.. можно!.. сколько угодно.

Наконецъ, кое-какъ я устроился на частной квартирѣ.

Выхожу на улицу. Повсюду большое оживленіе. Народъ толпами спѣшитъ къ обѣдни. Толпы стоятъ вокругъ церкви въ ожиданіи крестнаго хода.

— Образковъ-то, образковъ-то, баринъ, купите, окрикиваетъ толстая торговка съ багрово-краснымъ, лупившимся отъ солнца лицомъ.

Она ужасно хлопочетъ; ее со всѣхъ сторонъ окружили покупатели и она едва успѣваетъ на-скоро завертывать въ бумагу продаваемые образки.

— Вамъ кого?.. Какого угодника?.. Отъ какой болѣсти?.. Митрофана Воронежскаго? Засима Савватія? Германа? Тихона Задонскаго?

— Отъ зубовъ, матушка, стонетъ какая-то старуха, замучили до чиста, моченьки нѣтъ...

— Отъ зубовъ?.. Извольте, извольте, матушка, Бонифатій св. угодникъ, 20 копѣекъ.

— Нельзя ли, матушка, пятнадцать?

— Полно, не грѣши, не торгуйся, бери съ Богомъ. Помолись—какъ рукой сниметъ...

Какая-то старуха богомолка, несмотря на теплый, солнечный день, вся укутанная во всевозможное тряпье, вмѣшивается въ разговоръ.

— Не вѣрь, голубушка, наставительно обращается она къ покупщицѣ, Бонифатій не зубной угодникъ. Отъ зубовъ помощь даетъ Аптиній праведный, а Бонифатій... Бонифатій тотъ совсѣмъ по другой части.

Торговка вскипѣла.

— Какъ по другой части?! По какой-же это части онъ по-твоему?.. Слушай ты ее больше, чего еще она тутъ не наврет... Ишь какая явилась,—хуже тебя понимаютъ... У-у, бродяга... А коли хошь знать, кто по зубной части, такъ я тебѣ скажу, что лучше Пантелеймона святителя нѣтъ никого!.. Хочешь? Получай—тридцать пять копѣекъ штука, за пару пяточекъ уступлю...

— Мнѣ бы отъ чихотки, нерѣшительно и мрачно произноситъ какой-то сухопарый мужикъ съ худымъ, землистаго цвѣта лицомъ, съ заострившимся носомъ и впалой, тщедушной грудью. Безпокойнымъ взглядомъ маленькихъ, глубоко-ввалившихся глазъ осматриваетъ онъ длинные ряды образковъ, симметрично расположенныхъ на прилавкѣ.

— Отъ чего?

— Отъ чихотки, глухо слышится изъ большой, надорванной груди.

— Отъ чахотки нѣтъ... Отъ грыжи есть... Отъ поноса тоже есть, а отъ чахотки нѣтъ.

— Нѣту-ти?.. Неужто-жъ такъ-таки ни единаго?..

— Да нѣту же, говорятъ тебѣ толкомъ... Ишь пристала, прости Господи. Подавай ему отъ чахотки да и шабашъ!

Стоящіе тутъ же какіе-то не то прикащики, не то молодые провинціальные купчики, въ долгополыхъ суконныхъ, съ иголочки, сюртукахъ, съ пухлыми, лоснящимися лицами, весело хохочутъ.

— Захотѣлъ тоже... ха-ха-ха... Отъ чахотки!.. Нѣтъ, братъ, шалишь.... Она братъ, чахотка-то, шалить не любитъ... и-да, сдѣлай милость, она, братъ, скрутитъ.

Купившіе образки идутъ въ часовню, что стоитъ направо отъ площади. Здѣсь происходитъ освященіе образковъ. Священникъ, съ подозрительно припухлымъ лицомъ, въ полномъ облаченіи стоитъ предъ аналоемъ, на который всѣ приходящіе кладутъ свои образки. Онъ кропитъ ихъ святой водой и поетъ молитвы; дьячекъ зычнымъ басомъ вторитъ ему съ клироса. Вотъ какой-то мѣщанинъ съ золотушнымъ лицомъ и кривыми ногами свертываетъ въ клѣтчатый платокъ цѣлую кучу только-что освященныхъ образковъ. Къ нему подходитъ какая-то баба и плаксивымъ голосомъ спрашиваетъ, что стоитъ освященіе образка.

— Такіи нѣтъ, сурово возражаетъ золотушный буржуа, по силѣ возможности... Извѣстно, меньше

пяточка не полагается... Одначе гуртомъ не въ примѣръ дешевле...

Первый часъ. Пора въ крѣпость.

Шлиссельбургская крѣпость расположена на маленькомъ островкѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нева вытекаетъ изъ Ладожскаго озера. Островокъ этотъ такъ малъ, что крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ идутъ прямо изъ воды. Въ одномъ только мѣстѣ зеленѣетъ крохотный клочекъ земли, а затѣмъ повсюду—вода и камень. Изъ-за стѣнъ видиѣется лишь шпиль колокольни да кургузый куполъ церкви. Узкій проливъ, сажень во сто, отдѣляетъ крѣпость отъ того мѣста материка, гдѣ стоитъ г. Шлиссельбургъ. Съ противоположной же стороны къ ней подходитъ далекая ширь Ладожскаго озера. При истокѣ Невы изъ озера, какъ разъ напротивъ крѣпости, ютится бѣдная деревнюшка Шереметьевка. Между этой деревнею и крѣпостью издавна установилась тѣсная связь. Деревня поставляетъ въ крѣпость, какъ для служащихъ въ ней, такъ и для арестантовъ, молоко, яйца, куръ, дрова и т. п. Въ числѣ старожиловъ этой деревни есть одинъ древній старикъ, который можетъ порассказать много интереснаго о содержавшихся здѣсь нѣкогда узникахъ. Мнѣ передавали, что недавно одному весьма высокопоставленному лицу, нарочно пріѣзжавшему сюда изъ Петербурга, удалось при помощи этого старика отыскать

могилу своего родственника, умершаго въ Шлиссельбургской крѣпости во время заточенія.

Сообщеніе крѣпости съ городомъ производится при посредствѣ особыхъ казенныхъ катеровъ, на которыхъ гребцами являются настоящіе, заправскіе матросы.

Несмотря на сильную качку, катеръ быстро подвигался впередъ. Публики набралось довольно много: преобладалъ „черный народъ“; интеллигенція совершенно отсутствовала. Разговоръ во все время переѣзда вертѣлся около иконы, крѣпости и „невольниковъ“. Больше всѣхъ говорилъ „ундеръ“ изъ крѣпостной команды.

— А много ли всѣхъ невольниковъ будетъ? спрашиваетъ кто-то изъ публики.

— Порядочно, говоритъ ундеръ, безъ мала человѣкъ четыреста будетъ.

— Я думаю, другіе есть-ти такъ что совсѣмъ безвинно-напрасно, нерѣшительно заявляетъ какая то поддёвка.

— За напрасно не посадятъ, это пустое нечего говорить, возражаетъ ундеръ, только что дѣйствительно другой за самые то-исть за пустяки. Грубое слово сказалъ начальнику особливо выпивши, — пабашъ!.. Али опять „промотаніе казенныхъ вещей“. Всѣхъ-то вещей, ежели ихъ продать, право, пятиалтынный красная цѣна. Однако же на это не смотрятъ, а сичасъ судъ да и въ крѣпость....

— А политическихъ много? спрашиваю я.

— Политическихъ? Политическихъ здѣсь нѣтъ ни одного, категорически заявляетъ унтеръ. Сюда сажаютъ только нижнихъ чиновъ за буйство, за ослушаніе, за растрату казенныхъ вещей, за дерзости начальству... за неповиновеніе... (за воровство сюда тоже ни одного не посадятъ)... А политическихъ здѣсь нѣтъ ни одного.

„Ладно“, недовѣрчиво думаю я, „разсказывай больше“.

Катеръ подъѣзжаетъ къ пристани. Мы выходимъ на крохотный клочекъ берега, примыкающій къ крѣпостной стѣнѣ. Почти въ самой срединѣ стѣны высится широкая, массивная башня, называемая „государевой“. Чрезъ эту башню идетъ ходъ въ крѣпость; день и ночь ходъ этотъ оберегается крѣпкимъ карауломъ. Насъ пропускаютъ, однако, безъ всякихъ процедуръ и затрудненій.

Направо и налѣво отъ входа, вдоль крѣпостныхъ стѣнъ, расположены помѣщенія для арестантовъ и конвоя; тутъ же помѣщаются различныя мастерскія. Крѣпостной дворъ представляетъ собою маленькую площадку, стиснутую со всѣхъ сторонъ угрюмыми тюремными стѣнами. На этой площадкѣ расположены: церковь, домъ коменданта крѣпости, разныя службы и другія постройки, въ которыхъ помѣщаются офицеры, докторъ, священникъ и т. д. Зелень газоновъ и небольшія группы деревьевъ, расположенныя между постройками, не въ состояніи смяг-

чить тяжелаго впечатлѣнія, навѣваемаго общимъ видомъ тюремныхъ стѣнъ и башенъ.

Всѣ, пріѣхавшіе на катерѣ, направились въ церковь. Но оказалось, что мы опоздали: обѣдня уже окончилась и священникъ, вмѣстѣ съ явленной иконой, уѣхалъ въ городъ для участія въ крестномъ ходѣ. Насъ встрѣтилъ лишь одинъ церковный сторожъ. На мой вопросъ: нѣтъ ли въ церкви какихъ-нибудь замѣчательныхъ древностей? онъ повелъ меня въ алтарь и показалъ тамъ крестъ и евангеліе, пожертвованные Петромъ Великимъ. Это единственныя вещи, имѣющія историческое значеніе. По стѣнамъ церкви, въ разныхъ мѣстахъ, виднѣются позолоченныя доски съ вырѣзанными на нихъ надписями, гласящими о погребеніи тутъ комендантовъ крѣпости.

— А что, можно осмотрѣть архивъ и библіотеку крѣпости?

— Не могу знать. Это зависитъ отъ полковника. Можетъ, они и разрѣшатъ. Нужно обратиться къ дежурному офицеру. Прежде на этотъ счетъ было очень строго, то-исъ и-и-и, вотъ какъ строго, бяда! Ну, а теперь полегче.

Дежурнымъ офицеромъ оказался г. X, любезный, образованный молодой человѣкъ. Онъ съ готовностію предложилъ свои услуги и вызвался быть моимъ чичерони.

— Въ нашемъ архивѣ теперь нѣтъ ничего интереснаго, предупредилъ онъ. Прежде, дѣйствительно,

крѣпостной архивъ представлялъ большой интересъ, но въ настоящее время въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ дѣлъ и переписки чисто хозяйственнаго характера.

— Куда же дѣвался прежній архивъ?

— Въ 1869 году онъ былъ перевезенъ отсюда въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, такъ какъ съ этого года прекратилась ссылка сюда политическихъ преступниковъ.

— Совершенно прекратилась? недовѣрчиво спрашиваю я.

— Совершенно. Вотъ уже десять лѣтъ какъ здѣсь нѣтъ политическихъ.

— Ни одного человѣка?

— Ни одного.

— А религіозныхъ преступниковъ, т. е. преступниковъ противъ вѣры?

— Теперь точно также нѣтъ ни одного... Въ настоящее время Шлиссельбургская крѣпость ни что иное какъ дисциплинарный баталіонъ: сюда заключаются нижніе воинскіе чины за нарушеніе дисциплины, за ослушаніе и т. п. Заключаются не иначе, какъ по суду. Для наблюденія за ними здѣсь имѣется военная команда изъ 60 человѣкъ солдатъ и нѣсколькихъ офицеровъ

— Когда же именно произошла та перемѣна, о которой вы говорите?

— До 1869 года Шлиссельбургская крѣпость, дѣйствительно, была чуть ли не главнымъ мѣстомъ

ссылки и заточенія преступниковъ противъ вѣры и государства. Сюда высылались наиболѣе важные изъ секретныхъ арестантовъ. Но въ 1869 году всѣ подобнаго рода преступники были выведены отсюда, и крѣпость обращена въ военно-исправительныя арестантскія роты. Наконецъ, спустя десять лѣтъ, въ прошломъ 1879 году исправительныя роты были уничтожены и крѣпость обращена въ дисциплинарный баталіонъ.

— А много было выведено арестантовъ при обращеніи крѣпости въ исправительныя роты?

— Говорятъ, до семидесяти человѣкъ. Всѣ они были, какъ слышно, размѣщены по разнымъ центральнымъ тюрьмамъ... Но если вамъ угодно посмотрѣть архивъ, то намъ нужно подняться въ башню.

Мы отправились. Пройдя нѣсколько узкихъ полутемныхъ коридоровъ, поднявшись по кривымъ лѣстницамъ, грубо высѣченнымъ въ каменной массѣ, мы вошли въ довольно большую комнату круглой формы. Темно, сыро, грязно. Прежде эта комната служила арестантской кельей. Теперь она обращена въ архивъ; вдоль стѣнъ идутъ длинныя полки, заваленныя грудами пыльныхъ грязныхъ бумагъ. Пересмотрѣвши заголовки дѣлъ и описей, я убѣдился, что мой новый знакомый былъ совершенно правъ, говоря, что архивъ не представляетъ въ себѣ ничего интереснаго въ историческомъ отношеніи. Онъ состоялъ исключительно изъ дѣлъ о хозяйственной части воен-

но-исправительныхъ ротъ, помѣщавшихся въ крѣпости съ 1869 по 1875 г.

— Вѣроятно при крѣпости имѣется библіотека?

— До 69 года здѣсь была громадная, можно сказать, замѣчательная библіотека. Она состояла не только изъ русскихъ книгъ, но и французскихъ, и нѣмецкихъ, и англійскихъ. Библіотека эта составлялась въ теченіи долгихъ лѣтъ. Здѣсь въ прежнее время нерѣдко содержались богатые, образованные и ученые люди, обладавшіе значительными, иногда огромными средствами. Многіе изъ нихъ, сидя здѣсь, выписывали сюда свои библіотеки и, послѣ освобожденія, жертвовали ихъ въ пользу крѣпости. Затѣмъ правительство ежегодно ассигновывало довольно крупную сумму на пополненіе этой библіотеки, такимъ образомъ она росла все больше и больше. Но въ 69 году вся эта библіотека, вмѣстѣ съ архивомъ, передана была въ III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. У насъ остались теперь лишь жалкіе остатки отъ этой библіотеки.

— Можно ли посмотрѣть тѣ казематы, въ которыхъ томились въ прежнее время арестанты?

— О, конечно, можно. Только нужно вамъ замѣтить, что въ настоящее время всѣ эти камеры или, какъ вы говорите, казематы совершенно передѣланы Одиночныя камеры обращены большею частію въ карцеры, куда теперь сажаютъ на двѣ недѣли каждаго новаго арестанта, присылаемаго сюда.

— Это зачѣмъ же?

— Да ужъ такой уставъ—для смиренія и предупрежденія. По выходѣ же изъ карцера арестанты размѣщаются въ общихъ палатахъ. Эти палаты большею частію сдѣланы также изъ прежнихъ одиночныхъ камеръ.

— Сколько же всѣхъ арестантовъ въ настоящее время въ крѣпости?

— Триста пятьдесятъ или триста шестьдесятъ человѣкъ. Хотя полный штатъ считается въ 600 человѣкъ, но размѣстить такое количество въ нашей крѣпости рѣшительно невозможно. И при настоящемъ числѣ арестантовъ чувствуется тѣснота.

„Казематы“, или попросту карцеры, оказались микроскопическими каморками, расположенными вдоль длиннаго корридора. Въ каждую изъ этихъ каморокъ ведетъ особая дверь; въ дверяхъ маленькія отверстія для передачи арестанту пищи. Отворяемъ одну изъ этихъ каморокъ и входимъ... Разъ, два, три. Три шага въ ширину и четыре съ половиною въ длину каждая... По теперешнему виду этихъ казематовъ невозможно составить себѣ даже приблизительнаго понятія о томъ, что представляли они собою въ прежнія времена. Это были кануры въ полномъ смыслѣ слова. Темныя, грязныя, сырыя, тѣсныя, онѣ гораздо болѣе походили на глухія, подземныя норы, чѣмъ на помѣщенія, назначенныя для живыхъ людей. Не то теперь. Изъ прежнихъ щелей сдѣланы большія, свѣт-

лыя окна: эти окна вмѣстѣ съ чисто выбѣленными стѣнами придаютъ уютный, почти веселый видъ этимъ крохотнымъ кануркамъ.

Я спросилъ своего спутника, не сохранилось-ли казематовъ отъ прежняго времени въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они существовали въ былыя времена?

— Какъ же, есть, отвѣчалъ Х, они называются мѣшками. Если угодно, я покажу вамъ мѣшокъ, въ которомъ томился несчастный Іоаннъ Антоновичъ. Еще недавно для осмотра этого мѣшка сюда нарочно пріѣзжалъ Данилевскій, авторъ извѣстныхъ историческихъ романовъ... Принцъ Іоаннъ былъ перевезенъ сюда изъ Холмогоръ въ началѣ 1756 года. Сержантъ лейбъ-компаніи Савинъ вывезъ его изъ Холмогоръ тайно, въ глухую ночь. Въ бумагахъ онъ назывался не иначе, какъ „безъименнымъ колодникомъ“. Впослѣдствіи это сдѣлалось обыкновеннымъ правиломъ: попадавшіе сюда узники большею частію теряли свое имя; взамѣнъ его ихъ называли по номеру, стоявшему на дверяхъ ихъ каземата... Содержали ихъ здѣсь съ необыкновенною строгостью. Они не могли переступать порога своей кельи; къ нимъ никого не допускали. Въ то время, когда здѣсь содержался Іоаннъ Антоновичъ, Шуваловъ писалъ начальнику караула, что если бы самъ фельдмаршалъ явился и началъ требовать впустить его въ крѣпость, то и его отнюдь не впускать. Предписывалось, чтобы принца

никто не могъ видѣть; когда же впускали въ казарму кого нибудь для убранія нечистотъ, то арестантъ долженъ былъ находиться въ это время за ширмами, чтобы его не могли видѣть... Обыкновенно „колодники“ не знали, гдѣ они находятся, такъ какъ строго запрещалось сообщать имъ, гдѣ именно они содержатся и далеко ли отъ Петербурга или Москвы. Караулу запрещалось что бы то ни было разсказывать объ арестантахъ. Видѣвшимъ принца, напримѣръ, подъ страхомъ смертной казни запрещалось говорить, каковъ арестантъ, старъ или молодъ, русскій или иностранецъ и т. п. Какъ извѣстно, принцъ былъ убитъ здѣсь. Похоронили его гдѣ-то тайно, ночью. Здѣсь и до сихъ поръ не перестаютъ искать его могилы, но едва-ли этимъ поискамъ суждено увѣнчаться успѣхомъ.

Мы вышли на дворъ и направились къ одной изъ башенъ.

— Да, продолжалъ мой спутникъ, много народу побывало въ этой крѣпости, много умерло въ этихъ стѣнахъ. Нерѣдко сюда заключались люди молодые, полные силъ, надеждъ и замысловъ, широкихъ грандіозныхъ плановъ, которыми такъ богата молодость. Здѣсь они сидѣли десятки лѣтъ, старѣлись, тупѣли, дряхлѣли и выпускались отсюда сѣдыми, хилыми, полуразрушенными стариками, неспособными уже ни къ жизни, ни къ счастію... Многіе не переносили ужасовъ заточенія и сходили съ ума или же, посте-

ненно тунѣя, становились идіотами... Сылались сюда и знатные вельможи-временщики и простые смертные. Бирон, во время суда надъ нимъ, содержался здѣсь вмѣстѣ со своимъ семействомъ до тѣхъ поръ, пока не былъ сосланъ въ Пелымъ. Вѣдь и для Петра III, послѣ свержения его съ престола, было приготовлено здѣсь особое помѣщение. Только внезапная смерть избавила его отъ этой страшной участи. Но едва ли не больше всего здѣсь томилось въ прежнее время преступниковъ противъ вѣры, противъ господствующей церкви. Большинство изъ нихъ такъ и умерло здѣсь; но вы напрасно будете искать ихъ могилъ: всѣ они хоронились всегда по ночамъ, тайно; могильщики не знали, кого они зарывали въ землю. Однако всѣ эти мѣры далеко не всегда достигали своей цѣли; послѣдователямъ наиболѣе энергичныхъ и славныхъ пропагандистовъ сектантства нерѣдко удавалось открывать могилы своихъ учителей, тайно схороненныхъ въ окрестностяхъ крѣпости. Тогда эти могилы становились предметами поклонения. Это случилось, напримѣръ, съ могилою скопца Александра Ивановича Шилова, главнаго пособника знаменитаго Кондратія Селиванова. Шиловъ былъ уроженецъ Тульской губерніи, села Маслова; за энергическую проповѣдь скопческаго ученья онъ былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость; долгое время сидѣлъ онъ здѣсь и наконецъ „предаде духъ свой въ руцѣ Божіи“,— какъ значится въ надписи, сдѣланной на

его памятникѣ. Это случилось въ 1799 году, въ ночь на 6-е января, а 18-го марта 1801 года, какъ извѣстно, изданъ былъ указъ объ освобожденіи всѣхъ скопцовъ, томившихся въ Шлиссельбургской крѣпости. Послѣдователи скопчества, воспользовавшись разрѣшеніемъ государя Александра Павловича, соорудили надъ могилою Шилова прекрасный гранитный памятникъ, сохранившійся до сихъ поръ. Толпы сектантовъ и по сіе время сходятся съ разныхъ сторонъ поклониться праху „мученика за вѣру“.

— Если я не ошибаюсь, однимъ изъ первыхъ узниковъ этой крѣпости былъ извѣстный общественный дѣятель прошлаго столѣтія Николай Ивановичъ Новиковъ?

— Да, этотъ симпатичный, благороднѣйшій дѣятель, горячій поборникъ просвѣщенія, основавшій множество школъ, первый, заговорившій о народѣ, о необходимости облегчить его тяжкую участь, пробудившій молодое поколѣніе къ умственной, нравственной жизни, основатель дружескаго общества,— въ награду за свои труды, понесенные на пользу родной страны, роднаго народа, былъ посаженъ въ казематъ Шлиссельбургской крѣпости. Передъ этимъ на слѣдствіи ему предложена была подписка въ томъ, что онъ отказывается отъ своихъ убѣжденій и признаетъ ихъ ложными. Этимъ хотѣли спасти его отъ суда и заточенія. Но могъ ли пойти на подобную сдѣлку человѣкъ въ родѣ Новикова? Когда ему пред-

ставилась необходимость выбирать одно изъ двухъ: или казематъ, или измѣну убѣжденіямъ, онъ не колебался въ выборѣ ни одной минуты. И вотъ человѣкъ, который цѣлую жизнь проповѣдывалъ любовь къ родной странѣ, будилъ въ успувшемъ, лѣниворавнодушномъ обществѣ благородныя стремленія къ общественной дѣятельности, который подвинулъ на полвѣка образованность нашего народа и впервые создалъ у насъ любовь къ наукамъ, литературѣ и охоту къ чтенію, этотъ человѣкъ запирается въ грязный и мрачный подвалъ-мѣшокъ... Извѣстно, какъ повліяло на него это заточеніе... За нимъ слѣдуетъ цѣлый безконечный рядъ другихъ лицъ, судьба которыхъ нерѣдко была еще болѣе печальна и горька... Сколько разсказовъ сохраняется здѣсь объ ужасахъ крѣпостнаго заточенія. Говорятъ, напримѣръ, что кромѣ *мышковъ* здѣсь существовали еще особыя подземныя тюрьмы, подъ водою. Эти тюрьмы соединялись будто бы особыми тайными подземными ходами... Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что легенды о подземныхъ ходахъ не лишены извѣстной доли справедливости... Посмотрите, напримѣръ, на этотъ сходъ.

Въ эту минуту мы приблизились къ крѣпостной стѣнѣ. Въ срединѣ ея, начиная отъ поверхности земли, выдѣлялось довольно большое отверстіе полукруглой формы. Отъ него шелъ спускъ внизъ: узкая лѣстница со ступеньками изъ бѣлыхъ плитъ вела

въ глубь земли. Вокругъ, на землѣ, лежали груды стараго кирпича и камня. Спустившись по лѣстницѣ внизъ, мы очутились на днѣ подземелья, представлявшаго собою довольно просторную комнату со стѣнами, выложенными кирпичемъ.

— Это подземелье, ходъ и лѣстница—все это было замуравлено. Только недавно ихъ очистили отъ кирпича и камня... Обратите вниманіе на кладку кирпича въ этихъ стѣнахъ. Замѣчаете ли вы, что въ срединѣ стѣнъ кладка имѣетъ совершенно другой характеръ, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ, даже кирпичъ другой. Ясно, что здѣсь существовалъ когда-то ходъ, который былъ замуравленъ впослѣдствіи. Постучите сюда палкой, слышите? звукъ совершенно другой, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ: точно тамъ дальше пустое пространство. Можетъ быть, тамъ-то и существовали тѣ подземныя камеры, о которыхъ разсказываютъ легенды. Недаромъ же почти всѣ убѣждены, что здѣсь существовали пытки. Многіе, осматривая казематы, ищутъ слѣдовъ крови на стѣнахъ! Разсказываютъ, что многихъ изъ узниковъ держали въ теченіи всей жизни въ наклонномъ положеніи... Однако, здѣсь такъ холодно и сыро, что меня пробираетъ дрожь... Идемте наверхъ... О, какъ хорошо здѣсь на солнцѣ! Какая благодатная вещь этотъ свѣтъ, небо, воздухъ . . . . . .

Мы вступили въ коридоръ, чуть-чуть освѣщенный узкой полоской свѣта, падавшаго откуда-то

сверху. На насъ пахнуло гнилою сыростью подвала.

— Вотъ она, наша историческая темница, подумалъ я, не безъ труда взбираясь по ступенькамъ, грубо высѣченнымъ въ каменной массѣ. Вотъ она, наша Бастилія, наша Шпандау. Почти два вѣка служила она пугаломъ ума, эпафотомъ мысли. Печальную память оставила она по себѣ въ памяти народа. Страшную, кровавую роль суждено было играть этой крѣпости въ тѣ мрачныя времена, когда считалось за правило гнать всякое движеніе мысли, давить свободу, насиловать совѣсть, вѣру и убѣжденіе. Ея роль была ролью палача.

Тяжелая дверь, скрипя заржавленными петлями, тихо отворилась.

— Вотъ и мѣшокъ! промолвилъ мой спутникъ и, нагнувшись, переступилъ порогъ. Я вошелъ слѣдомъ за нимъ.

Представьте себѣ пещеру, мрачную, потрясающе-мрачную пещеру, высѣченную въ каменной массѣ съ двумя дырами, просверленными въ этой массѣ: эти дыры замѣняютъ окна. Онѣ сдѣланы такъ высоко, что, даже стоя на полу или, вѣрнѣе, на днѣ этой пещеры, вы не въ состояніи что нибудь видѣть въ эти окна. Но если бы даже вамъ удалось заглянуть въ необыкновенно глубокія оконныя ниши, то вы не увидѣли бы ничего кромѣ позеленѣлыхъ стеколъ въ толстыхъ переплетахъ рамъ, да еще болѣе

толстыхъ и частыхъ желѣзныхъ рѣшетокъ. Лучъ солнца вовѣки не проникнетъ сюда, не освѣтитъ, не разгонитъ вѣчнаго мрака, вѣчныхъ сумерекъ, что сгустились въ темныхъ углахъ этой „кельи“. Смертью и гробомъ вѣетъ отъ стѣнъ и сводовъ этого подвала. Вы испытываете ощущеніе, какое овладѣваетъ человѣкомъ, попавшимъ въ могильный склепъ. Какъ далеко кажутся отсюда та жизнь, тѣ люди, тотъ міръ, среди которыхъ вы только что жили и дѣйствовали.

Сыростью, затхлою гнилью насквозь пропитанъ спертый воздухъ. Духъ спираетъ отъ этого воздуха: легкія отказываются работать. Передъ глазами встаютъ зеленые круги и пятна... Тяжелыя, горькія думы лѣзутъ въ голову.

Невольно думается: сколько высокихъ, прекрасныхъ идей погибло подъ сводами этихъ мрачныхъ стѣнъ! Сколько порывовъ чистыхъ, возвышенныхъ и благородныхъ заглохло во мракѣ одиночнаго пожизненнаго заточенія! Сколько свѣтлыхъ стремленій разбилось объ эти толстыя, проржавленныя желѣзныя рѣшетки и тяжелыя окованныя двери... О, Боже! страшно подумать, сколько жизней, сколько здоровья, молодыхъ силъ, энергіи, счастія и свѣжести отняли у людей эти холодные камни, эти влажныя плиты, эти замки и рѣшетки!... Во имя чего?...

Да развѣ идею можно задушить? Развѣ мысль можно убить, уничтожить, похоронить? Развѣ правда, добро, любовь, свобода не вѣчны, не безсмертны?... Какое

роковое заблужденіе, какое страшное недоразумѣніе... Погибли люди, исчахли въ цѣпяхъ и казематахъ: тѣла ихъ сгнили, могилы затеряны, имена ихъ забыты потомствомъ. Но идеи по-прежнему живы, стремленія по-прежнему жгучи... Омытыя кровью человѣческихъ страданій, эти идеи сдѣлались безсмертны, эти стремленія стали завѣтной, горячей мечтой всѣхъ, въ комъ шевелится мысль, въ комъ бьется сердце...

Все это такъ, все это несомнѣнно, все это мы давнымъ давно знаемъ, но зачѣмъ же опытъ не научаетъ насъ?!... Обидно и больно, больно нестерпимо...

Я вижу, что мой спутникъ что-то говоритъ мнѣ.

— Не хотите-ли теперь посмотрѣть нашъ клубъ? Кстати сегодня у насъ танцовальный вечеръ. Будетъ много народу... Очень порядочная музыка... Не вздумаете-ли побывать?... А теперь пора на воздухъ, право здѣсь можно задохнуться, — дышать нечѣмъ...

Вечеръ. Шумно и весело въ крѣпостномъ клубѣ. Кромѣ обычныхъ гостей и посѣтителей наѣхало много знакомыхъ изъ Петербурга. Отсутствіе кавалеровъ—отсутствіе, которымъ хронически страдаютъ провинціальные клубы—на этотъ разъ совсѣмъ не было замѣтно. Мамаши, покойно разсѣвшись вдоль стѣнъ главнаго зала, съ довольнымъ видомъ слѣдили, какъ ихъ дочки полонили и вербовали себѣ кавалеровъ изъ наѣхавшей молодежи. Солидные люди усѣлись за карты. Составилось цѣлыхъ пять столовъ. цифра,

небывалая въ лѣтописяхъ крѣпостнаго клуба. Впрочемъ не мѣшаетъ замѣтить, что лѣтопись эта черезчуръ молода, такъ какъ клубъ существуетъ не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ.

Музыка грянула вальсъ, и разодѣтыя барышни съ веселыми, разгорѣвшимися лицами понеслись и закружились на паркетѣ.

Все громче играетъ музыка, постепенно ускоряя темпъ; все быстрѣе, все бѣшенѣе кружатся пары танцующихъ. Въ воздухѣ душно и жарко. Жидкимъ свѣтомъ горятъ лампы и канделябры. Бѣлобрысая петербургская ночь глядитъ въ окна.

На крѣпостномъ дворѣ барабанъ бьетъ зорю. Солдаты съ ружьями скорымъ маршемъ идутъ смѣнять караулы... Необычайность всей обстановки возбуждающимъ образомъ дѣйствуетъ на нервы; усиленно работаетъ воображеніе. Въ головѣ возникаютъ картины изъ далекаго и недавняго прошлаго. Какъ въ панорамѣ развертываются печальныя картины печальнаго прошлаго...

„Прошлаго тѣни встаютъ предо мною!“

Тѣни людей истомленныхъ, измученныхъ въ погребахъ и казематахъ, что видѣются изъ этихъ оконъ.

Глухая, молчаливая ночь. Глубокій снѣгъ бѣлымъ саваномъ окуталъ землю. Холодный вѣтеръ съ воемъ несется надъ печальной пустынной равниной. Хмурое небо. Тяжелыя, темныя клочья разорванныхъ облаковъ низко повисли надъ землей. Ни луны, ни звѣздъ...

Чуть-чуть звякаетъ колокольчикъ. Среди сугробовъ едва замѣтной лентой вьется узкая дорога. Тройка измученныхъ лошадей тащитъ „темную карету“. Эта карета-возокъ, наглухо укрытый рогожей, окрашенный въ черный цвѣтъ. Карета подъѣзжаетъ къ воротамъ крѣпости. Изъ нея выходятъ двѣ сѣрыя, высокія фигуры. Начинаются переговоры.

Ворота раскрываются, и повозка медленно вползаетъ во дворъ, нестерпимо царапая желѣзными полозьями о голыя камни подъѣзда. Точно изъ земли выростаютъ цѣлые ряды сѣрыхъ фигуръ съ фонарями въ рукахъ. Карета останавливается у одной изъ башенъ. Изъ нея, звякая цѣпями, выходитъ кто-то въ черномъ. Все это молча направляется къ башнѣ. Гремятъ замки и засовы желѣзные, визжатъ ржавыя петли. Тяжелыя двери со стономъ отворяются. За ними зіяетъ, словно пещера, темный, смрадный, сырой и мрачный мѣшокъ. Еще минута, — и снова стонутъ двери, снова гремятъ замки. Какъ привидѣнія исчезаютъ сѣрыя фигуры, и все смолкаетъ. Ни звука, ни шороха. Могильная, гробовая тишина... Черная фигура безпомощно озирается вокругъ. Огарокъ свѣчи тускло и печально мерцаетъ въ углу. Кругомъ густая тьма все ширится, все расплывается... Въ головѣ стоитъ тяжелый, какъ свинецъ, туманъ. Какая-то тупая, почти машинальная покорность судьбѣ сковываетъ мысль. Что-то фатальное, неизбѣжное, непоборимое чувствуется во всемъ, что-то такое, противъ

чего невозможно ни бороться, ни протестовать. Страшная подавленность гнететъ сознаніе, не даетъ ему очнуться хоть для того только, чтобы представить себѣ весь ужасъ новаго положенія... Медленно, мучительно-медленно тянется время...

Но жизнь не ждетъ, и дни, недѣли, годы уходятъ въ вѣчность, унося съ собою бодрость и силы и оставляя взамѣнъ сѣдины и упадокъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Все больше блѣднѣетъ, стирается, и замираетъ въ душѣ колодника надежда на лучшее будущее. Только временами, изрѣдка вспыхиваетъ она яркимъ, бѣглымъ пламенемъ, какъ вспыхиваютъ иногда потухающіе угли костра.

— Да, пройдетъ еще годъ, два, три, ну пять, наконецъ, и обо мнѣ вспомнятъ,—развѣ можетъ быть иначе?—и тогда-то я снова стану свободной, вольной птицей... Дверь отворяется, и входятъ тюремщики. По лицамъ ихъ я вижу, что они принесли на этотъ разъ хорошую, добрую вѣсть... Сердце сжимается отъ радости, я долго не вѣрю своимъ глазамъ, своимъ ушамъ... Не сонъ ли это? Такихъ сновъ было такъ много. Какъ часто они безчеловѣчно, безжалостно обманывали меня!.. Давно ли я держалъ въ своихъ объятіяхъ свою бѣдную, старую мать? Я рыдалъ, она заливалась слезами. Жгучія слезы упали на мое лицо, я поднялъ голову, грязное изголовье тюремной койки было смочено слезами... Это былъ сонъ. Но теперь нѣтъ! Эти раскрытыя двери, этотъ весенній

гамъ, врывающіяся въ тюрьму вмѣстѣ со свѣжей струей свѣтлаго, уличнаго воздуха, это не сонъ, это сама жизнь... Я вижу—

Ликуетъ день, щебечутъ птицы,
Красою блещутъ небеса,
Доходятъ до дверей темницы
Любви и доли голоса...

Я свободенъ, свободенъ какъ вѣтеръ, какъ птица. Я могу идти, могу летѣть туда, куда хочу. Могу жить тамъ, гдѣ вздумаю, могу быть съ тѣми, кого люблю... Итакъ, дальше отъ этихъ проклятыхъ стѣнъ, отъ этихъ проклятыхъ башенъ!.. Вотъ выступаетъ городъ огромный, широко раздвинулся онъ во всѣ стороны. Цѣлый безконечный лабиринтъ длинныхъ и короткихъ, широкихъ и узкихъ улицъ, громады церквей и дворцовъ, острововъ и казармъ. Заводы, магазины, фабрики, монастыри. Грохотъ экипажей, звонъ колоколовъ, крики разносчиковъ, пестрая, суетливо бѣгущая толпа, шумъ и гамъ милліоннаго населенія. Это Москва. Да, это она, милая сердцу Москва. Встаютъ и тѣснятся дорогія, завѣтныя воспоминанія молодыхъ, прожитыхъ лѣтъ. Какъ живыя, встаютъ фигуры друзей. Вспоминаются долгіе, зимніе вечера, безконечные споры, тѣ живые, горячіе, какъ сама юность, искренніе споры, какіе возможны только въ молодости, „для которой все блескъ впереди“. Ярко воскресаетъ въ памяти эта свѣтлая пора энтузіазма, пора увлеченій, пора беззавѣтной вѣры въ людей, въ

несокрушимую силу добра и свѣтлое будущее, вѣры въ свои силы, въ свое призваніе, въ свою звѣзду, пора свѣжести и здоровья, пора крѣпкихъ, не разстроенныхъ нервовъ и покойнаго сна. Время, когда мы жаждали подвиговъ и славы, дружбы, любви, участія, когда мы были готовы страдать, терпѣть, сносить гоненія, лишенія, невзгоды, когда мы повторяли: „жизнь—борьба“ и смѣло готовились къ схваткѣ со всѣмъ, что стояло на дорогѣ къ общему счастію,— я шлю тебѣ, дорогое время, сердечный привѣтъ! Знай: ни для укора, ни для сожалѣнія нѣтъ мѣста въ моей душѣ... Вспомнились друзья,

Вспомнились тѣ, что когда-то такъ смѣло
Вышли на битву съ неправдой и зломъ...

„О, гдѣ-то теперь вы?!. А вотъ въ кружкѣ друзей выдѣляется свѣтлый образъ *ея*. Она все та же, тотъ же прямой, открытый взглядъ, тѣ же смѣлыя, красивыя движенія, та же искра мягкой, вдумчивой грусти свѣтится въ голубыхъ глубокихъ глазахъ. Только блѣдныя щеки стали еще блѣднѣй, только тѣнь горечи и скорби легла на знакомыя, милыя черты. Я вижу, ты не забыла былаго, минувшаго счастія, ты не простила судьбѣ за то, что она отняла у тебя... Ты была любимица моей матери... Но гдѣ же она? Гдѣ моя бѣдная, моя дорогая, изстрадавшаяся мать?.. Къ ней, къ ней скорѣе! Увидѣть ее, обнять, прижать къ сердцу крѣпко, горячо. вотъ что нужно теперь мнѣ больше всего на свѣтѣ... Но она далеко. Вдали

отъ обѣихъ столицъ. среди широкихъ полей и луговъ, на высокомъ берегу большой рѣки ютится маленькій уѣздный городокъ. Съ одной стороны лѣсъ, съ другой поля почти вплотную подходятъ къ нему... Знакомыя, родныя мѣста! Какое приволье! Какой просторъ!.. Вотъ роща; пахнетъ сосной и распускающимися почками березы. По вечерамъ, въ густыхъ кустахъ орѣшника здѣсь долго поютъ соловьи... Все ближе, ближе... Какъ сильно бьется сердце... Вотъ и домъ; въ немъ я родился и выросъ. Я спѣшу къ крыльцу, хочу вбѣжать по знакомымъ ступенькамъ, но ноги вдругъ подкашиваются, силы оставляютъ меня. Я задыхаюсь. Какъ трудно дышать степнымъ свѣжимъ воздухомъ больной, надорванной груди... А тутъ еще этотъ тяжелый сѣрый халатъ: онъ давитъ, гнететъ меня. Зачѣмъ онъ здѣсь? Развѣ я не свободенъ?.. Только теперь я вижу, какъ я худъ, какъ слабъ... Точно щепки, высохли руки. Кашель душитъ меня... Ахъ, но стоитъ-ли думать объ этомъ: здѣсь меня ждетъ покой, любовь и ласка. А съ ними придетъ и здоровье, вернутся силы, я снова поправлюсь; я еще молодъ, я могу жить еще долго, долго... О, какъ я буду ходить за тобой, лелѣять тебя, моя родная! Ты такъ много, такъ одиноко страдала, такъ долго хоронила въ себѣ свои муки, молча, ни съ кѣмъ не дѣля своего горя. Теперь я заставлю тебя позабыть твои муки, я верну къ тебѣ тѣ былые свѣт-

лые дни, что улыбались намъ когда-то,—помнишь? давно-давно... Но отчего ты не встрѣчаешь меня?..

Длинный столъ стоитъ среди комнаты. Тускло мерцаютъ свѣчи, пахнетъ ладономъ. Монотонно журчитъ голосъ читальщика. Бѣлый саванъ скрываетъ холодные, окоченѣвшіе члены. Какъ осенній листъ, пожелтѣло лицо. Смерть застыла въ дорогихъ, милыхъ чертахъ. . . . . .

— Цѣльную ночь бредилъ, какъ есть напролетъ, цѣльную ночь... И плакалъ, и кричалъ невѣсть что-такое, сумрачно говоритъ тюремщикъ усатому крѣпостному фельдшеру, явившемуся провѣдать больнаго, а теперь стихъ: молчитъ. Развѣ только вздохнетъ, да глазами поводитъ...

Фельдшеръ молча подошелъ къ койкѣ и заглянулъ въ широко раскрытые, неподвижно устремленные въ даль глаза больнаго. По привычкѣ, онъ хотѣлъ было пощупать пульсъ, но, прикоснувшись къ исхудалой, холодѣвшей рукѣ арестанта, онъ вдругъ остановился и махнулъ рукой.

— Что ты?

— Готовъ... Копайте могилу. И онъ отвернулся, почувствовавъ на себѣ тяжелый неподвижный взглядъ умиравшаго.

— Pardon, monsieur! раздалось около меня. Я оглянулся. Дирижеръ танцевъ, высокій, заѣзжій офицеръ въ шикарномъ мундирѣ несся подъ руку съ

дамой—красивой и стройной блондинкой. За нимъ слѣдовалъ рядъ танцующихъ паръ. Заѣзжій дирижеръ задумалъ какой-то необычайный, фантастическій chaine. Кругомъ все шумно и весело смѣялось и двигалось... Старцы кончали винтъ и съ серьезными минами подводили итоги... Я пошелъ отыскивать свою шляпу...

На другой день я посѣтилъ могилу Шилова, но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ.

20 сентября
1880 г.

ЧАСТЬ II

ВЪ ПРИВИЛЛЕГИРОВАННОЙ СРЕДѢ

ПРИВИЛЛЕГИРОВАННОЕ СЕКТАНТСТВО.

Религіозные кружки въ Петербургѣ.

Ни для кого, конечно, не секретъ, что въ Петербургѣ, наряду съ различными сектами, гнѣздящимися среди простаго, сѣраго, рабочаго люда, издавна существуютъ многочисленные религіозные кружки и общины, которые вербуютъ своихъ членовъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ и слоевъ нашего общества. Нѣкоторые изъ такихъ кружковъ, напримѣръ, находятъ себѣ поддержку и послѣдователей, главнымъ образомъ, среди торговаго сословія, среди купцовъ, капиталистовъ и иныхъ представителей буржуазіи; другіе же возникаютъ и развиваются преимущественно среди представителей такъ-называемаго большого свѣта, среди кровной, родовитой знати и т. д.

Въ статьяхъ, озаглавленныхъ „Современныя дви-

женія въ сектантствѣ", мы замѣтили наиболѣе яркія и характерныя теченія, которыя выдаются въ русскомъ современномъ *народномъ* сектантствѣ. Теперь мы намѣрены дать нѣсколько очерковъ сектантскаго движенія, происходящаго на нашихъ глазахъ, въ обществѣ, въ *привиллегированной* средѣ. Мы думаемъ, что это будетъ далеко полнѣе и для правильной оцѣнки значенія и жизненности сектантскаго движенія, совершающагося въ народной средѣ, такъ какъ подобное значеніе можетъ быть всего лучше выяснено путемъ сопоставленій, аналогій и параллелей.

Прежде всего вспомнимъ то прошлое, которое имѣетъ за собою наше привиллегированное сектантство. Безъ этого мы не будемъ имѣть возможности правильно судить о томъ, растетъ или вырождается въ этой средѣ сектантство, какіе элементы чаще всего захватываетъ оно, какія именно ученія легче и охотнѣе принимаются этою средою, замѣтно ли какое нибудь прогрессированіе въ этихъ ученіяхъ, и т. д.

I.

Сѣрые и бѣлые голуби.

Разнаго рода мистическія вѣрованія съ большимъ или меньшимъ оттѣнкомъ хлыстовщины были сильно распространены въ XVIII вѣкѣ у насъ, въ Россіи,

не только среди одного „простонародія“, но и въ наиболѣе высокихъ общественныхъ слояхъ.

Изъ указа императрицы Анны Іоанновны, отъ 7-го іюня 1734 года, между прочимъ, узнаемъ, что хлыстовская ересь была чрезвычайно распространена по всей Россіи, особенно же въ Москвѣ, что послѣдователи этой секты *разныхъ чиновъ люди*, старцы и старицы собираются въ праздники по ночамъ... и прежде сего были уже извѣстны въ этой богомерзкой ереси разнаго званія духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ люди обоего пола“.

Изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, можно видѣть, что въ ереси этой были „*многіе князья, бояре, боярыни и другіе разныхъ чиновъ помѣщики и помѣщицы;* изъ духовныхъ лицъ архимандриты, настоятели монастырей“. Были, наконецъ, цѣлые монастыри, мужскіе и женскіе, поголовно уклонявшіеся въ хлыстовщину.

Въ Петербургѣ первый хлыстовскій корабль былъ основанъ, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, московскимъ купцомъ П. О. Чуркинымъ. Этотъ человѣкъ много содѣйствовалъ распространенію хлыстовской секты среди разныхъ слоевъ тогдашняго петербургскаго общества. Дѣло пропаганды было облечено имъ въ строгую тайну; съ каждаго вступавшаго въ эту секту отбиралась торжественная клятва или присяга, точно дѣло шло о поступленіи въ какое

нибудь тайное, конспиративное общество карбонаровъ-заговорщиковъ.

„Клянусь душою своею—долженъ былъ говорить новообращаемый—претерпѣть плети, кнутъ, огонь, топоръ, плаху и всякую муку, а отъ вѣры нашей святой не отставать, и о томъ, что увижу и услышу, никому не открывать, ни даже отцу родному, ни отцу духовному".

Петербургскіе хлысты (сѣрые голуби) дѣятельно поддерживали постоянныя сношенія съ хлыстовскими кораблями, существовавшими въ Москвѣ, гдѣ хлыстовщина нашла многочисленныхъ послѣдователей среди тамошней аристократіи. Знатнѣйшіе дома тогдашнихъ московскихъ бояръ, графа Петра Борисовича Шереметева, княгини Маріи Юрьевны Черкасской, княжны Дарьи Ѳедоровны Хованской, графини Головкиной, вдовы Маріи Михайловны Чаадаевой, Настасьи Лопухиной и др., были гостепріимно открыты для проповѣдниковъ и вожаковъ этой секты. Въ числѣ этихъ проповѣдниковъ особенною популярностью пользовался въ то время юродивый Андреянъ Петровъ, котораго московскія барыни не на шутку считали за пророка.

Вообще, московская знать оказала огромныя услуги въ дѣлѣ распространенія хлыстовщины. Она нянчилась съ пророками этой секты, покровительствовала хлыстовскимъ учителямъ и наставникамъ и щедрою рукой надѣляла ихъ средствами. Между про-

чимъ, московскіе бояре выстроили для Андреяна особый домъ со всѣми принадлежностями, на землѣ княгини Черкасской, за Сухаревою башней. У пророка-юродиваго явились лошади, экипажи и человѣкъ десять прислуги изъ числа сѣрыхъ голубей. Достойно замѣчанія, что прислуга эта состояла изъ кровныхъ людей покровителей Андреяна—фактъ весьма знаменательный, могущій указать, какимъ путемъ проникала иногда хлыстовщина въ народную среду.

Благодаря, такимъ образомъ, содѣйствію наиболѣе родовитыхъ московскихъ бояръ того времени, создался въ Москвѣ одинъ изъ главнѣйшихъ хлыстовскихъ кораблей, который долгое время былъ извѣстенъ среди хлыстовъ подъ именемъ „Божьяго дома“ и „Новаго Іерусалима“. Главою или кормщикомъ этого корабля сдѣлался „самъ“ пророкъ-юродивый Андреянъ Петровъ.

Изъ среды московской аристократіи, Андреянъ перенесъ свою пропаганду въ монастырскую среду, и тамъ встрѣтилъ самую дѣятельную поддержку со стороны своихъ высокихъ покровителей, которые не жалѣли денегъ для распространенія сочувственнаго имъ ученія. Ихъ помощь дала возможность Андреяну поставить дѣло пропаганды на широкую ногу и не стѣсняться расходами. И онъ, дѣйствительно, съумѣлъ воспользоваться средствами, которыя ему предлагались съ такою готовностью. Андреянъ началъ строить кельи въ разныхъ монастыряхъ, на-

чалъ помѣщать туда старцевъ и старицъ изъ числа своихъ послѣдователей, которые дружно дѣйствовали въ интересахъ секты; всѣ эти агенты получали отъ Андреяна готовыя средства къ существованію. Въ одномъ Варсонофьевскомъ женскомъ монастырѣ Андреянъ содержалъ на свой счетъ пятнадцать старицъ и бѣлицъ хлыстовокъ.

Усилія хлыстовскаго пророка и его сподвижниковъ увѣнчались полнымъ, можно сказать, необыкновеннымъ успѣхомъ. Варсонофьевскій монастырь всецѣло, даже съ игуменьей, принялъ его ученіе. Иваповскій монастырь тоже почти въ полномъ составѣ перешелъ въ хлыстовскую вѣру. Множество послѣдователей и послѣдовательницъ хлыстовщины оказалось и въ другихъ монастыряхъ московскихъ и подмосковныхъ; особенно же много ихъ было въ женскихъ монастыряхъ: Никитскомъ, Егорьевскомъ, Страстномъ, Рождественскомъ, и въ мужскихъ: Чудовскомъ, Николаевскомъ, въ Богословской пустыни и т. д. Наконецъ, немало хлыстовъ было и среди бѣлаго духовенства. Изъ столицъ хлыстовскія ученія разносились по провинціи и проникали въ самые отдаленные, глухіе углы Россіи.

Въ 1745 году надъ хлыстами разразился особенно грозный погромъ. Въ одной Москвѣ были арестованы 333 человѣка, заподозрѣнные въ этой ереси; въ числѣ арестованныхъ находились: княжна Хованская, Чаадаева, священникъ Васильевъ, іеромонахъ Варлаамъ Федотовъ, строитель Дмитрій и множество монаховъ,

монахинь, старицъ, бѣлицъ и т. д. Въ Петербургѣ, между многими другими, были арестованы: капитанъ Смурыгинъ, энергическій пропагандистъ хлыстовскихъ идей и прибывшій изъ Москвы любимецъ тамошней знати, юродивый Андреянъ Петровъ. Капитанъ Смурыгинъ на всѣхъ допросахъ держалъ себя стоически: на дыбѣ и подъ кнутомъ онъ утверждалъ, что въ хлыстовскихъ сборищахъ не видитъ ничего противнаго ученію православной церкви; но Петровъ не вынесъ пытокъ: кнутъ и дыба вынудили у него раскаяніе и отреченіе отъ ереси.

Дѣятельность хлыстовской секты шла рука объ руку съ пропагандой другой, еще болѣе странной, еще болѣе антипатичной секты скопцовъ. Такъ, въ домѣ хлыста, отставного капитана П. Лугинина, пріютились первые въ Москвѣ скопческіе корабли. Нерѣдко цѣлые дома хлыстовъ переходили въ скопческую секту; таковъ, напримѣръ, былъ въ Петербургѣ богатый домъ купцовъ Ненастьевыхъ. Петербургскіе скопцы, главнымъ образомъ, ютились близъ Надеждинской (въ то время Шестилавочной) и Знаменской улицъ и въ переулкахъ Озерномъ, Ковенскомъ и друг.

Ученіе скопцовъ, или „бѣлыхъ голубей“, какъ они величали себя, особенное сочувствіе и поддержку встрѣтило въ средѣ купечества, какъ московскаго, такъ петербургскаго и провинціальнаго. Торговые дома Солодовниковыхъ, Колесниковыхъ, Жигаревыхъ,

Непастьевыхъ, Плотицыныхъ—были главными столпами скопчества.

Среди чиновнаго люда также находилось немало лицъ, которыя примыкали къ этому безобразному ученію и принимали активное, иногда горячее участіе въ его распространеніи. Въ Ригѣ, напримѣръ, первый скопческій корабль былъ учрежденъ въ домѣ чиновника Пицулина, который находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ петербургскими скопцами и съ замѣчательною энергіей занимался пропагандою въ духѣ скопческой секты.

Но если кто изъ бюрократіи особенно много сдѣлалъ для скопцовъ, такъ это статскій совѣтникъ Алексѣй Михайловичъ Елянскій, бывшій камергеръ короля Станислава-Августа Понятовскаго. Послѣ третьяго раздѣла Польши, Елянскій вступилъ въ русскую службу и потомъ, въ 1794 году, принялъ православіе и былъ переименованъ въ статскіе совѣтники. Проживая въ Петербургѣ, Елянскій близко сошелся съ хлыстами, а потомъ черезъ нихъ и со скопцами. Это былъ человѣкъ, настроенный крайне мистически и, въ то же время, проникнутый стремленіемъ къ суровой, аскетической жизни. Неизвѣстно, когда именно Елянскій принялъ оскопленіе, но въ восьмисотыхъ годахъ онъ уже всею душой былъ преданъ скопцамъ и игралъ не послѣднюю роль среди руководителей петербургскаго скопческаго корабля.

Елянскій имѣлъ большія связи въ оффиціальныхъ

сферахъ и, къ тому же, обладалъ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ; все это особенно цѣнилось „бѣлыми голубями“. Въ 1802 году, Еляпскій, по высочайшему повелѣнію, присланъ былъ къ митрополиту Амвросію для помѣщенія въ Александроневскую лавру; при этомъ ему назначена была изъ кабинета пенсія въ 500 руб. въ годъ: въ лаврѣ ему была отведена приличная келья и оказывались всевозможныя услуги и содѣйствіе.

Въ тиши этой кельи, Еляпскій, по порученію и просьбѣ скопцовъ, выработалъ цѣлый проектъ скопческо-теократическаго правленія въ Россіи, или учрежденія „божественной канцеляріи“. По этому проекту, во всякій городъ, въ каждый полкъ и на всякій корабль слѣдовало назначить скопца-іеромонаха и скопца-пророка, но такъ, чтобъ ни свѣтское, ни духовное начальства не знали, что они скопцы. Потомъ начальники городовъ, полковъ и кораблей не должны были предпринимать ничего, не посовѣтовавшись предварительно съ такимъ іеромонахомъ. Іеромонахъ же, узнавая волю Божію черезъ пророка, долженъ былъ направлять дѣятельность начальниковъ согласно этому высшему указанію. Самъ Еляпскій, съ двѣнадцатью пророками, хотѣлъ состоять, для той же цѣли, при главной арміи, а знаменитый Кондратій Селивановъ—„Христосъ“ и „Живой Богъ“ скопцовъ и, въ то же время, „государь-батюшка“ Петръ Ѳеодоровичъ—долженъ былъ находиться при особѣ самого государя,

секретно руководя высшими правительственными распоряженіями. Весь этотъ феократическій строй долженъ былъ составлять „божественную канцелярію“.

Еляпскій не ограничился этимъ проектомъ; одновременно съ нимъ онъ составилъ особую записку подъ заглавіемъ: „Извѣстіе, на чемъ скопчество утверждается“. Въ этой запискѣ онъ высказываетъ, что скопцы суть единые истинные христіане, сохранившіе во всей чистотѣ ученіе, преподанное Спасителемъ міра; они одни руководятся постояннымъ, непрерывнымъ откровеніемъ Св. Духа, возвѣщаемаго черезъ пророковъ; что, потомъ, всѣ остальные люди, именующіеся христіанами, основывающіе все на мертвыхъ книгахъ, преданіи и обрядности, вовсе не христіане; а ихъ духовенство, сдѣлавшее изъ своего сана лишь прибыльное ремесло, есть ни что иное, какъ книжники и фарисеи.

Въ мартѣ 1804 года, Еляпскій, черезъ Новосильцева, представилъ свой проектъ и „извѣстіе“ на усмотрѣніе Государя, а въ августѣ того же года внезапно и навсегда исчезъ изъ Александроневской лавры. По высочайшему повелѣнію, онъ былъ отправленъ на жительство въ суздальскій Спасо-Евоміевскій монастырь, куда изстари ссылались всѣ наиболѣе опасные преступники противъ вѣры. Здѣсь, подъ именемъ поляка Алексѣя Михайлова, прожилъ онъ до самой смерти, въ мартѣ 1813 года. Но и здѣсь онъ не переставалъ энергически ратовать на пользу бѣлыхъ

голубей и успѣлъ положить начало не одному скопческому кораблю среди окрестнаго населенія.

Само собою понятно, что ссылка Еляпскаго не могла помѣшать дальнѣйшимъ успѣхамъ скопчества. Скорѣе наоборотъ: эта ссылка создала мученика, память о которомъ сдѣлалась священною для каждаго послѣдователя изувѣрскаго ученія; съ другой стороны, она еще болѣе заставила общество интересоваться этимъ таинственнымъ ученіемъ. Особенный интересъ въ обществѣ возбуждала къ себѣ личность главнаго столпа скопчества, ихъ христа и живого бога, Кондратія Селиванова, который, окруживъ себя таинственностью, проживалъ въ домѣ богатыхъ петербургскихъ купцовъ Ненастьевыхъ.

Многія высокопоставленныя лица явно покровительствовали живому богу; особенно много сдѣлали для него: завѣдывавшій въ то время духовными дѣлами оберъ-прокуроръ св. синода, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, извѣстный поклонникъ Бёма, Эккартгаузена, Сведенборга и другихъ мистиковъ, а также тогдашній петербургскій военный генералъ-губернаторъ, графъ П. А. Толстой. Съ ихъ легкой руки, живымъ богомъ начала интересоваться петербургская знать. Великосвѣтскія барыни стали искать случая видѣть этого таинственнаго затворника. Случай представился самъ собой. Семейство Ненастьевыхъ, у которыхъ жилъ скопческій христосъ, имѣло большія знакомства и связи въ богатомъ кругу петербургскаго

общества, и не въ его разсчетахъ было отказывать знати въ удовлетвореніи ея любопытства.

И вотъ, у дома Ненастьевыхъ стали останавливаться ряды каретъ съ гербами. Свѣтскія барыни уѣзжали отъ этого царя и бога вполнѣ восхищенныя: имъ удалось, наконецъ, увидѣть настоящаго праведника, блаженнаго, святого мужа, послушать его наставленій, получить предсказаніе будущаго и какую-нибудь вещицу на память, въ родѣ образка, крестика, просфоры и т. п. Барыни ввели Селиванова въ моду и между своими мужьями. Живого бога стали навѣщать генералъ-губернаторъ, министры, оберъ-полицеймейстеръ и проч., и проч.

По этому поводу одинъ изъ оффиціальныхъ изслѣдователей скопчества, между прочимъ, писалъ:

„Ряды каретъ у скопческой моленной и видъ выходящихъ изъ нихъ высокихъ сановниковъ производили на простой народъ одуряющее впечатлѣніе. Поневолѣ могла родиться въ головѣ солдата, чернорабочаго или мѣщанина мысль, что, вѣроятно, все, творящееся въ этомъ домѣ, хорошо, если такія высокопоставленныя лица, ближайшіе совѣтники государя, навѣщаютъ этотъ домъ". (Реутскій).

Послѣдователи же Селиванова всѣмъ скопцамъ и хлыстамъ указывали на эти ряды каретъ и визиты, какъ на должную дань, отдаваемую „императору Петру Феодоровичу". Вотъ, между прочимъ, какими

путями крѣпла и разросталась эта дикая, противоестественная секта!

Потомъ вдругъ налетѣлъ шквалъ, и бѣлые голуби подверглись страшному разгрому. Начались аресты, обыски, ссылки, заточенія. Нужно ли говорить, что подобныя мѣры могли только способствовать еще большему усиленію нелѣпой секты. При видѣ этихъ гоненій, въ сознаніи большинства нелѣпость ученія отступала на задній планъ, стушевывалась, а на мѣсто ея выступало невольное сочувствіе къ гонимымъ, сочувствіе къ страдальцамъ за вѣру и убѣжденіе, сочувствіе къ людямъ, которые гдѣ-то тамъ, вдали отъ родины и родныхъ, одиноко томились за рѣшетками мрачныхъ монастырскихъ казематовъ...

II.

Союзъ братства.

Въ 1817 году до свѣдѣнія правительства дошло, что живущая въ Михайловскомъ (нынѣ Нижеперномъ) замкѣ, при матери своей, полковницѣ Букгевденъ, „подполковница“ Екатерина Татаринова основала какую-то особую секту, которую ревностно распространяетъ среди своихъ знакомыхъ. Немедленно, конечно, назначено было слѣдствіе, которое обнаружило, что число послѣдователей этой новой секты доходило до сорока человѣкъ и что въ этомъ числѣ

было немало представителей высшаго петербургскаго общества того времени.

Члены секты собирались каждое воскресенье по утрамъ, съ шести часовъ, въ квартиру Татариновой. Постоянными посѣтителями этихъ собраній, кромѣ самой Татариновой, были: жена маіора Францъ, лейбъ-гвардіи семеновскаго полка подпоручикъ А. Милорадовичъ, офицеры того же полка, три брата Рачинскіе, капитанъ Букгевденъ, лейбъ-гвардіи преображенскаго полка капитанъ Бригенъ, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка поручикъ Миклашевскій, дѣвица Н. Н. Шперъ и другіе.

Полиціей были перехвачены, между прочимъ, письма Татариновой къ женѣ маіора польской службы, Аннѣ Францъ. Въ письмахъ этихъ Татаринова, называя Францъ „дражайшею во Христѣ сестрицею“, проситъ никому не открывать ихъ тайны. Вообще, ученіе секты хранилось въ самомъ строгомъ секретѣ и слѣдствію не удалось выяснить даже главныхъ положеній этого ученія. Члены секты называли другъ друга братьями и сестрами, а самая секта называлась „союзомъ братства“ или „тайнымъ обществомъ адамистовъ“.

При вступленіи въ эту секту, Францъ была приведена въ безчувственное состояніе; когда же она оправилась, то увидѣла пророка, который сказалъ ей, что вскорѣ явятся ангелы и возьмутъ ее отъ этой жизни, а потому совѣтовалъ ей, въ видахъ спасенія

души, быть благотворительною. Нѣчто подобное случилось также съ солдатскою женою Варварою Осиповою, которая находилась въ услуженіи у Татариновой и, въ то же время, состояла членомъ „союза“. Она разсказывала, что, при пріемѣ ея въ секту, она была положена въ постель и потомъ „не знаетъ, отчего пришла въ безпамятство“; когда же она очувствовалась, то увидѣла явившагося къ ней пророка, который предсказалъ, что къ ней придетъ корабль съ деньгами и что тогда она сама будетъ раздавать деньги бѣднымъ.

Въ комнатѣ, гдѣ собирались члены секты, висѣлъ на стѣнѣ большой образъ тайной вечери. На собраніяхъ читались молитвы и Евангеліе, говорились проповѣди и распѣвались стихи. Особенно часто распѣвался слѣдующій стихъ:

Дай намъ, Господи,
Къ намъ Іисуса Христа.
Дай намъ сына Твоего!
Господи, помилуй грѣшныхъ насъ!
Изъ Твоея полноты
Дай, Создатель, теплоты:
Наряди изъ насъ пророка,
Чтобы силы подкрѣпить:
Засуди судомъ небеснымъ
И не дай врагу мѣшать,
Ниспосли живое слово
Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцамъ.
Ты Христосъ, ты нашъ Спаситель!

Иного Бога нѣтъ у насъ;
Твоею силой укрѣпимся,
За Тобой во слѣдъ идемъ.
Прими слезы Твоей твари
И поставь всѣхъ на пути!

Достаточно пробѣжать этотъ стихъ, чтобъ убѣдиться, что „союзъ братства“ былъ ни что иное, какъ отпрыскъ все той же хлыстовщины. Эти призывы Христа, эти просьбы о ниспосланіи „живого слова“ и „пророка“ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ хлыстовскомъ происхожденіи этой пѣсни.

Наконецъ, тѣ немногіе обряды секты, которые были открыты слѣдствіемъ, также носятъ на себѣ несомнѣнный хлыстовскій характеръ. Во время моленія членовъ союза, одинъ изъ молящихся становился обыкновенно посрединѣ комнаты и начиналъ вертѣться кругомъ на востокъ; по окончаніи же молитвы подходилъ къ каждому и пророчилъ, большею частью, лестными предсказаніями, парасиѣвъ, скороговоркою, безъ всякой связи и порядка въ рѣчахъ. Пророчествовали болѣе женщины, между прочимъ, и сама Татаринова. Всѣ они вѣрили, что на этихъ пророковъ и пророчицъ, дѣйствительно, бываетъ сошествіе Св. Духа, который и говоритъ ихъ устами. Сами же пророки и пророчицы увѣряли, что когда они пророчествуютъ, то не помнятъ, не сознаютъ себя и говорятъ не по собственной волѣ, но по волѣ Св. Духа, а потому они сами не знаютъ, что кому

предсказываютъ. Все свое ученіе члены братскаго союза основывали, главнымъ образомъ, на первыхъ четырехъ стихахъ XIV-й главы I-го посланія къ коринѳянамъ, гдѣ, между прочимъ, говорится: „ревнуйте о дарахъ духовныхъ, особенно же о томъ, чтобъ пророчествовать... кто пророчествуетъ, тотъ говоритъ людямъ въ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе... кто пророчествуетъ, тотъ назидаетъ церковь“ и т. д.

Императоръ Александръ Павловичъ, разсмотрѣвъ записку о собраніяхъ въ Михайловскомъ замкѣ, не придалъ имъ никакого значенія. На докладѣ по поводу этихъ собраній онъ положилъ такого рода резолюцію: „оставить оныя (собранія) безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности“. Тѣмъ дѣло было и кончилось.

Но вотъ, въ 1837 году, находившійся въ услуженіи у тайнаго совѣтника Попова крѣпостной человѣкъ, Петръ Александровъ, сдѣлалъ доносъ, что близъ Московской заставы, среди лицъ, живущихъ на дачахъ, существуетъ какая-то секта, въ которой, между прочимъ, принимаетъ участіе статская совѣтница Татаринова. Началось слѣдствіе, въ которомъ дѣятельное участіе принялъ составившій себѣ столь печальную извѣстность начальникъ штаба корпуса жандармовъ, генералъ Дубельтъ.

Прежде всего, слѣдствіемъ было обращено вниманіе на то, чтобъ узнать личный составъ членовъ и

приверженцевъ новой секты. Оказалось, что въ числѣ послѣдователей этой секты были слѣдующія лица: жена генералъ-лейтенанта Головина, ея дочь и два сына, тайный совѣтникъ Поповъ и его три дочери, Татаринова, статскій совѣтникъ Пилецкій, инженеръ-капитанъ Буксгевденъ, князь Энгалычевъ съ женою и дочерью, служащій въ канцеляріи государыни колежскій ассесоръ Родіоновъ и другіе. Притомъ слѣдствіемъ было констатировано, что наемная прислуга замѣшанныхъ въ сектѣ лицъ никакого участія въ этихъ собраніяхъ не принимала. Судя по тому, что въ числѣ членовъ этой секты снова оказались Татаринова и Буксгевденъ, слѣдуетъ заключить, что открытая вновь секта шла, въ сущности, прямымъ продолженіемъ существовавшаго ранѣе „союза братства“.

На членовъ секты глухою ночью была предпринята облава, которою руководилъ опытный въ подобнаго рода дѣлахъ генералъ Дубельтъ. Всѣ сектанты были застигнуты врасплохъ и арестованы въ своихъ квартирахъ. Въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ послѣдователями секты, были найдены особо устроенныя моленныя, внутренность которыхъ имѣла видъ церкви, съ образами и огромными церковными подсвѣчниками. Въ домѣ одного изъ членовъ секты, Попова, найдены были двѣ моленныя, изъ которыхъ одна была украшена, какъ самая лучшая церковь; тутъ были образа въ дорогихъ ризахъ, паникадила, ла-

ница, хоругви—все это было сдѣлано съ большимъ вкусомъ и какъ нельзя болѣе изящно. Около моленной былъ расположенъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ комнатъ, также украшенныхъ различными священными предметами и роскошно отдѣланныхъ.

На собраніяхъ послѣдователи союза обыкновенно одѣвались въ бѣлую одежду: женщины — въ платья обыкновеннаго покроя, мужчины—въ бѣлые халаты. Затѣмъ, слѣдовало пѣніе разныхъ духовныхъ пѣсенъ: при этомъ одинъ или одна изъ принадлежавшихъ къ сектѣ начиналъ вертѣться и продолжалъ это до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ въ себѣ вдохновеніе къ пророчеству или сошествіе Св. Духа. Иногда такого рода круженіе исполнялось всѣми присутствовавшими вдругъ. Такимъ образомъ, на этотъ разъ мы встрѣчаемъ уже въ союзѣ братства радѣнія чисто хлыстовскаго характера.

При этомъ слѣдствіе обнаружило слѣдующій возмутительный фактъ, показывающій, до какихъ безобразій можетъ довести религіозный фанатизмъ даже сравнительно развитыхъ людей. Средняя изъ дочерей тайнаго совѣтника Попова, Любовь, не скрывала своего отвращенія къ обрядамъ братскаго союза и тѣмъ навлекла на себя гнѣвъ своего отца и особенно Татариновой, которая, выдавая себя вдохновенною, приказывала Попову подвергать дочь тѣлесному наказанію. Поповъ, въ теченіи года, билъ ее палками по два, иногда по три раза въ недѣлю, иногда до

крови, не позволялъ ей имѣть сообщенія съ сестрами, держалъ ее въ строгомъ уединеніи, на ночь запиралъ въ чуланъ и бралъ къ себѣ ключъ. При обыскѣ, она дѣйствительно была найдена запертою въ чуланѣ, неимѣющемъ окопъ. Сестры ея утверждали, что она всегда пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ и только со времени этихъ истязаній начала чахнуть; въ актѣ, составленномъ по этому поводу, сказано, что на ней „осталась, такъ сказать, одна кожа и кости, такъ что видъ сей дѣвицы внушаетъ невольное состраданіе“.

Осмотръ дома, занимаемаго Татариновою, обнаружилъ, что у нея всѣ пріемныя комнаты украшены были образами огромной величины съ такими же подсвѣчниками передъ каждымъ. Въ спальнѣ ея, на маленькомъ столикѣ, найдена была дарохранительница, въ которой оказался кусокъ бѣлаго сдобнаго хлѣба. Все это доказывало, что у братскаго союза выработался уже цѣлый религіозный культъ съ разнаго рода таинствами, обрядами и т. п.; видно было, что внѣшняя, чисто обрядовая сторона получила особенный перевѣсъ, особенно сильное развитіе среди этой секты.

На этотъ разъ, правительство уже совершенно иначе отнеслось къ сектантамъ, чѣмъ въ 1817 году: почти всѣ они подверглись весьма строгимъ наказаніямъ. Большая часть изъ нихъ, по обычаю того времени, была разослана по монастырямъ. Такъ, тайный совѣтникъ Поповъ сосланъ въ казанскій Зилантовъ мо-

настырь, гдѣ и умеръ; Татаринова, вмѣстѣ со своею воспитанницею, А. Васильевою, отправлена была въ женскій Кашинскій монастырь, Тверской губерніи, гдѣ она пробыла около десяти лѣтъ, послѣ чего ей было разрѣшено поселиться въ Москвѣ; статскій совѣтникъ Пилецкій былъ сосланъ въ Суздальскій Спасо-Евоимієвскій монастырь, титулярный совѣтникъ Федоровъ въ Юрьевскій монастырь, а жена его въ Святодуховъ, новгородской епархіи; родной братъ Татариновой, капитанъ Буксгевденъ, высланъ былъ въ Бѣлозерскъ, подъ строгій надзоръ полиціи. Всѣ остальные члены братства также подверглись болѣе или менѣе строгимъ взысканіямъ.

Но не прошло и десяти лѣтъ послѣ этого погрома, какъ тайная полиція снова начала получать доносы о сектантскомъ броженіи, снова возникшемъ среди высшаго петербургскаго общества. На этотъ разъ центромъ движенія была Сергіевская улица. Для наблюденія за этимъ движеніемъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Перовскій, назначилъ опытныхъ, испытанныхъ сыщиковъ, на обязанность которыхъ было возложено выслѣдить главныхъ вожаковъ секты и узнать сущность ихъ ученія.

Вскорѣ полиціи сдѣлалось извѣстнымъ, что члены секты имѣютъ постоянныя собранія въ домѣ князя Энгалычева, на Сергіевской улицѣ, и въ квартирѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Хапыкова, жив-

шаго также на Сергіевской улицѣ. У этихъ лицъ были устроены для собраній особыя моленныя. На собраніяхъ сектантовъ, кромѣ семейства Энгалычева и Хапыкова, постоянное участіе принимали, между прочимъ, слѣдующія лица: отставной полковникъ гвардіи князь Н. С. Краноткинъ, князь С. А. Краноткинъ съ дочерью, дѣйствительный статскій совѣтникъ Родіоновъ, генералъ Головинъ, помѣщикъ Нелидовъ, Лермонтова, предсѣдатель адреснаго стола Богатскій, пріѣзжавшая изъ Москвы генеральша Бутурлина, многіе гвардейскіе офицеры и проч. Почти всѣ эти лица жили въ районѣ Литейной части, группируясь около Сергіевской улицы.

Общій характеръ этого движенія, насколько онъ могъ выясниться изъ переписки, возбужденной по этому поводу, тотъ же самый мистико-хлыстовскій, которымъ отличались и прежнія, только что указанныя нами секты „братскаго союза“.

Почти въ это же самое время, т. е. въ 1850—1852 году въ Петербургѣ была обнаружена новая секта, во главѣ которой стоялъ полковникъ Дубовицкій. Дубовицкій былъ помѣщикъ Орловской губерніи, въ которой, какъ извѣстно, особенно сильно были распространены хлыстовская и скопческая секты. Въ имѣніи Дубовицкаго были устроены особыя моленныя, которыя прилежно посѣщались послѣдователями его секты, большинство которыхъ состояло изъ крестьянъ. Самъ Дубовицкій значительную часть года проводилъ

въ Петербургѣ, гдѣ усиленно пропагандировалъ свое ученіе; здѣсь, въ числѣ членовъ его секты, находилось, между прочимъ, нѣсколько лютеранъ. Ученіе Дубовицкаго носило на себѣ несомнѣнный хлыстовскій характеръ.

Сыщики лѣзли изъ кожи, желая выполнить возложенное на нихъ порученіе; они выслѣживали, шпіонили, подслушивали, подкупали прислугу заподозрѣнныхъ лицъ и т. д. Надъ князьями и генералами, очевидно, собиралась гроза. Но въ это самое время графъ Перовскій оставляетъ министерство, а преемникъ его Бибиковъ, съ перваго же дня началъ отмѣнять все, предпринятое его предшественникомъ. Такимъ образомъ, выслѣживанія были прекращены и дѣло оставлено безъ послѣдствій; разумѣется, это было сдѣлано не изъ чувства гуманности, въ которомъ едва ли кто нибудь заподозритъ г. Бибикова. Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ полиція уже не тревожилась болѣе и не поднимала бури, когда до ея свѣдѣнія доходили слухи о религіозныхъ собраніяхъ обитателей аристократическихъ улицъ.

О существующихъ теперь, въ наше время, разныхъ религіозныхъ кружкахъ, ученіяхъ и общинахъ среди петербургскаго общества—до слѣдующей статьи. Разсказъ свой мы начнемъ съ такъ называемыхъ „апостольскихъ общинъ“, которыя, въ послѣднее время,

появились не только въ Петербургѣ, но и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Россіи и ученіе которыхъ, безъ сомнѣнія, должно быть признано однимъ изъ характерныхъ признаковъ переживаемаго нами труднаго времени.

АПОСТОЛЬСКІЯ ОБЩИНЫ.

I.

На проповѣди.

Туманный, мглистый петербургскій зимній вечеръ ловисъ надъ столицею. У воротъ дома графа Шувалова, что на Сергіевской, какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ впадаетъ въ нее Моховая, остановилось щегольское ландо. Рослый лакей, въ длинной ливреѣ, съ широкимъ скунсовымъ воротникомъ, ловко спрыгнувъ съ козелъ, проворно отворилъ дверцы и помогъ дамамъ выйти изъ экипажа. Въ пріѣхавшихъ нетрудно было угадать мать съ двумя дочерьми—красивыми, стройными дѣвушками, и ихъ гувернантку.

— Est-ce là? спросила полная пожилая дама, выходя изъ экипажа и озираясь вокругъ.

— Oui, oui, madame, c'est justement la maison 10

log. № 8, отвѣчала гувернантка и, пригласивъ слѣдовать за собою, вошла во дворъ. За нею, предшествуемая дочерьми, медленно направилась полная дама, брезгливо оглядываясь по сторонамъ.

— Подождать здѣсь! кинула она въ сторону лакея, который въ нерѣшительности слѣдовалъ по пятамъ господъ.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

Въ то же время у воротъ графскаго дома остановились двое мущинъ.

— Прощайте! Мнѣ—сюда, сказалъ одинъ изъ нихъ, высокій, немного неуклюжій, бородатый джентльменъ, обращаясь къ своему спутнику, плотному господину въ прекрасной ильковой шубѣ, съ буржуазно-сытымъ лицомъ.

— А что здѣсь такое?

— Здѣсь помѣщается церковь нашей общины; тутъ происходитъ богослуженіе, читаются проповѣди... Не хотите ли зайти?

— Но что я буду у васъ дѣлать.

— Сегодня—среда, а по средамъ у насъ всегда проповѣдь на русскомъ языкѣ.

— Воображаю, какъ это весело! Кто же проповѣдываетъ?

— Кто?.. вамъ сейчасъ же нужно назвать фамилію, кличку, какъ будто человѣческое имя что-нибудь можетъ значить! Впрочемъ, что же? это—не-

секретъ: проповѣди у насъ обыкновенно говоритъ г. Дитманъ, Викторъ Александровичъ Дитманъ.

— Но кто же онъ такой.

— Кто онъ такой? О, если я вамъ скажу, какое положеніе занимаетъ онъ у насъ въ общинѣ, вы навѣрно разсмѣетесь, потому что въ васъ нѣтъ вѣры.

— Ну, однако, что же онъ такое? Монахъ, чиновникъ, схимникъ, гвардейскій офицеръ или, можетъ быть, самъ архіерей?

— Оставьте шутки. Онъ... онъ... ангелъ Сына Человѣческаго или вѣстникъ христовъ... Это, собственно, все равно... Ну, вотъ видите, вы уже улыбаетесь.

— О, нѣтъ! помилуйте, съ живостью возразилъ буржуазный господинъ. — Это претинтересно: послушать ангела! Это не каждому удается. Я иду съ удовольствіемъ.

И они направились въ глубь двора, причемъ высокій господинъ, не переставая, толковалъ о томъ, что не праздное любопытство должно побуждать насъ къ изслѣдованію религіи, а искреннее стремленіе найти спасительный выходъ изъ гнетущаго хаоса современной жизни, полной грѣха, безвѣрія и преступленій.

Они прошли первый дворъ и потомъ, вступивъ во второй, повернули вправо и начали подниматься по лѣстницѣ, которую отнюдь нельзя было назвать парадною. У дверей квартиры № 8-й они позвонили. Имъ отворила молодая, некрасивая дѣвушка, въ тем-

номъ платьѣ, съ бѣлымъ передникомъ, какія обыкновенно носятъ въ институтахъ. Изъ прихожей, гдѣ они оставили шубы, одна дверь вела въ комнату для священнодѣйствующихъ, другая—въ залу, служащую церковью. Привратница общины, пожилая, скромно одѣтая женщина, отворила дверь, ведущую въ залу, и любезно указала имъ мѣста на передней скамьѣ.

Помѣщеніе, въ которомъ происходитъ апостольское богослуженіе и читаются проповѣди, очень окромное. Оно состоитъ изъ прихожей, комнаты для священнодѣйствующихъ и довольно обширной залы, замѣняющей церковь. Во всю ширину этой залы, въ нѣсколько рядовъ, поставлены скамьи съ пюпитрами и подушками въ ногахъ; подушки устроены такъ, чтобъ на нихъ было удобно становиться на колѣни; справа отъ входа, въ углу, стоитъ небольшой органъ. Глубина залы отгорожена перилами и устлана бархатными коврами—здѣсь происходитъ богослуженіе. Въ правомъ углу стоитъ каѳедра, окрашенная въ бѣлый цвѣтъ, съ золотыми украшеніями. Противъ входныхъ дверей помѣщается такой же алтарь съ хранилищемъ для даровъ; налѣво стоитъ красивое кресло, въ видѣ трона для настоятеля общины. По сторонамъ, около стѣнъ стоятъ особыя скамьи, на которыя садятся во время богослуженія діаконы и другіе чины іерархіи.

На этотъ разъ, какъ и всегда, публики было весьма немного. На переднихъ скамьяхъ возсѣдали постоянные посѣтители апостольскихъ проповѣдей: графъ

Сиверсъ и княгиня Дондукова-Корсакова, тутъ же помѣщалась знакомая намъ полная дама съ красавицами-дочерьми и гувернанткой, а также два господина, вошедшіе слѣдомъ за ними. Что касается остальной публики, то, судя по костюмамъ, лицамъ и манерамъ, можно было безошибочно заключить, что она не имѣла ничего общаго со знатью первыхъ рядовъ и принадлежала къ сѣрой, разношерстной толпѣ столичнаго населенія.

Всѣ входившіе въ залу, прежде чѣмъ сѣсть на скамью, опускались на колѣни и, закрывъ лицо руками, шептали молитву.

Ровно въ семь часовъ, дверь, ведущая въ комнату для священнодѣйствующихъ, отворилась, и оттуда показался „вѣстникъ христовъ“. Всѣ тотчасъ же поднялись со своихъ мѣстъ и продолжали стоять до тѣхъ поръ, пока „ангелъ“ не занялъ мѣста на каѳедрѣ. Съ перваго взгляда, костюмъ „вѣстника“ поразилъ меня своею фантастичностью; но, всмотрѣвшись внимательнѣе, я увидѣлъ, что этотъ костюмъ имѣлъ большое сходство съ одѣяніемъ, употребляемымъ католическими ксёндзами во время богослуженія.

Увѣренною, легкою походкой свѣтскаго человѣка взошелъ „вѣстникъ“ на каѳедру. Это былъ человѣкъ средняго роста, хорошо сложенный, лѣтъ 38-ми, брюнетъ, съ бакенбардами, въ видѣ котлетъ, на полномъ бритомъ лицѣ, съ черными, красиво подстриженными

и необыкновенно тщательно расчесанными волосами. Темные, юркіе, проницательные глаза зорко обѣгали присутствующихъ, пытливо всматриваясь въ ихъ лица.

— Сначала, проговорилъ „вѣстникъ“:—пропоемъ, для одобренія, стихъ № 20-й: „Что имѣете, держите, пока прійду“. (Откр. 20, 15).

Всѣ развернули лежавшія на пюпитрахъ книжки съ извѣстными „любимыми стихами“ и подъ аккомпаниментъ органа запѣли хоромъ:

О, товарищи, смотрите,
Съ неба данъ сигналъ;
Новые полки, глядите,
Намъ Господь послалъ.
„Крѣпость Мою не сдавайте:
Скоро Я прійду!
Вы на небо отвѣчайте:
„Не сдадимъ врагу!“.

Вотъ идутъ полки чужіе—
Сатана ведетъ;
Братья падаютъ родные,
Страхъ ужъ всѣхъ беретъ.
„Крѣпость мою не сдавайте...
и т. д.

Знамя выше подымите.
Слушайте трубу:
Смѣло, дружно всѣ бѣгите
Въ божію войну!
„Крѣпость Мою... и т. д.

Длится бой, полки рѣдѣютъ,
Помощь ужъ близка:

Не сдаются, не робѣютъ
Воины Христа.
„Крѣпость Мою... и т. д.

Вотъ идетъ Господь нашъ съ неба,
Легіоны съ Нимъ!
Съ Нимъ и радость и побѣда.
Славу воздадимъ!

„Крѣпость Мою не сдавайте,
Вотъ ужъ Я иду!
Вы на небо отвѣчайте:
„Не сдали врагу!“

Пѣніе отличалось большимъ воодушевленіемъ, энтузіазмомъ. Съ особеннымъ увлеченіемъ пѣли дамы изъ числа постоянныхъ посѣтительницъ апостольскихъ проповѣдей. Гувернантка полной дамы старательно выводила верхнія ноты; но ея патронесса молча хранила недовольный видъ; ее видимо шокировало близкое сосѣдство одной плотной особы, нѣсколько вульгарнаго вида, которая, фальшивя и сбиваясь ежеминутно съ тона, тѣмъ не менѣе, громко съ необыкновеннымъ одушевленіемъ вторила вѣстнику. Лица молоденькихъ красавицъ не выражали ничего, кромѣ яваго любопытства и нѣкотораго недоумѣнія. Господинъ съ буржуазнымъ лицомъ кусалъ губы, стараясь скрыть улыбку.

— Пощадите, ради Создателя, шепталъ онъ своему пріятелю: — вѣдь это, наконецъ, невозможно... Что за галиматью распѣваете вы?

Вмѣсто отвѣта, пріятель хмурилъ брови и начиналъ еще съ большимъ усердіемъ подтягивать хору.

Пѣніе окончилось. Проповѣдникъ снова пытливымъ, пристальнымъ взглядомъ окинулъ ряды присутствующихъ; затѣмъ, повернувшись по направленію къ востоку и промолвивъ „помолимся!“ онъ опустился на колѣни и закрылъ лицо руками.

Всѣ послѣдовали его примѣру.

— Всемогущій, вѣчный Боже! началъ вѣстникъ.— Ты—Богъ истины, утѣшенія и щедрота. Ты—нашъ Отецъ, пребудь съ нами въ теченіи этого часа. Молимъ Тебя, Боже, ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святаго; отверзи сердца наши, дабы мы восприняли и усвоили Твое святое слово. Услыши насъ, ради Сына Твоего возлюбленнаго, Господа нашего Іисуса Христа, который вѣчно живетъ и царствуетъ съ Тобою въ единомъ божествѣ. Аминь.

Наконецъ, началась проповѣдь. Постараюсь воспроизвести ее здѣсь, по возможности, въ томъ самомъ видѣ, какъ она произносилась.

„Если мы бросимъ взглядъ, началъ вѣстникъ: — на великія міровыя событія, на ходъ всемірной исторіи и на то, что совершается теперь, въ наши дни, то мы найдемъ, что пророчества священнаго писанія проливаютъ на все это удивительный свѣтъ. Прежде всего мы видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ земля, никогда еще не было такого невѣрія,

какъ въ наше время. Никогда!.. Быть можетъ, вы укажете мнѣ на французскую революцію, бывшую въ концѣ прошлаго столѣтія? Правда, тогда невѣріе было ужасно и дошло, наконецъ, до того, что революціонное правительство Франціи провозгласило закономъ, что нѣтъ Бога! Нѣтъ болѣе Бога! и подъ страхомъ смертной казни запретило молиться... Но вѣдь такое безбожіе выразилось тогда лишь въ одной странѣ; вся остальная Европа, весь свѣтъ возсталъ тогда противъ революціи, противъ ея невѣрія и ея ужасовъ... Но что мы видимъ теперь?

„Увы! теперь мы видимъ, что тѣ же самыя мысли полнаго невѣрія, матерьялизма, атеизма и нигилизма проповѣдываются повсюду открыто, публично, даже съ большею энергіей и съ большею послѣдовательностью, чѣмъ прежде. Въ каждой странѣ, среди каждой націи, вы найдете множество людей, раздѣляющихъ подобныя воззрѣнія, сочувствующихъ имъ. Отрицатели Бога, разные атеисты и нигилисты дошли нынѣ до того, что, унижая человѣка до животнаго, о себѣ самихъ говорятъ, что они происходятъ отъ неразумныхъ тварей, отъ животныхъ, отъ обезьянъ! И это проповѣдываютъ не невѣжественные и не неученые люди, но считающіеся передовыми, философами и мыслителями. И ихъ слушаютъ, имъ вторятъ цѣлыя тысячи людей! Не печально ли это?.. Вотъ, до какого униженія дошелъ человѣкъ, отриная своего Творца! Такъ глу-

боко могутъ пасть только христіане, отпавшіе отъ Евангелія. Только отпаденіе дѣлаетъ людей способными на такое страшное униженіе. Язычники не могутъ пасть такъ низко, такъ глубоко; они съ презрѣніемъ отвернулись бы отъ подобной мысли, отъ подобнаго позора!

„Въ то же время, нашъ вѣкъ гордится своею высокою цивилизаціей, блестящею культурой. Дѣйствительно, во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія и искусства наше время поразительно преуспѣло. Но, вспомните: вѣдь, всѣ почти народы, пришедшіе теперь въ полный упадокъ, находились нѣкогда на высокой степени культуры. Не удивляемся ли мы теперь откапываемымъ остаткамъ древней цивилизаціи? То же самое ожидаетъ и насъ, и нашу культуру.

„На ряду съ этимъ, мы видимъ, что страшное растлѣніе нашихъ нравовъ пятнаетъ наше время. Гдѣ теперь любовь къ правдѣ и справедливости? Куда дѣвалась чистота нравовъ нашихъ предковъ, которые были въ язычествѣ и которые прелюбодѣяніе наказывали смертью? Въ плачевное, мрачное состояніе погрузилось наше общество...

„Все это явно доказываетъ, что мы — наканунѣ суда Божія.

„Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ грѣховъ нашего времени — непослушаніе, неповиновеніе. Оно не считается даже грѣхомъ. Между тѣмъ, это — одинъ изъ самыхъ важныхъ, самыхъ тяжкихъ и страш-

ныхъ грѣховъ. Непослушаніемъ нашихъ прародителей потерянъ рай, и чрезъ него въ міръ вошла смерть, вошло зло. Нынѣшніе соціалисты, нигилисты и революціонеры — воплощеніе зла и смерти, воплощеніе духа антихриста!.. И посмотрите вокругъ, какую адскую, какую чудовищную силу имѣютъ теперь эти слуги антихриста, эти исчадія сатаны, эти посланники ада!!“

Здѣсь проповѣдникъ пріостановился съ яснымъ желаніемъ усилить эфектъ своей филиппики. Вообще, невольно бросалось въ глаза стремленіе вѣстника во что бы ни стало поразить своихъ слушателей; для этого онъ пускалъ въ ходъ всевозможные ораторскіе пріемы, въ родѣ неожиданныхъ остановокъ повышеній голоса, доходившихъ просто до крика, грозныхъ, строгихъ, почти свирѣпыхъ взглядовъ, какіе онъ металъ на присутствовавшихъ, и т. д.; я уже не говорю о страшныхъ словахъ и всевозможныхъ „жупелахъ“, которыми проповѣдникъ щедро уснащалъ свою рѣчь. Дикція его была вполнѣ выработанная и могла производить впечатлѣніе.

„Да, мрачные дни переживаемъ мы, продолжалъ проповѣдникъ:—поистинѣ, мрачные!.. Наступили въ христіанскомъ мірѣ тѣ дни, въ которые, по пророческому слову Господа: „люди будутъ издыхать отъ страха и ожиданія бѣдствій, грядущихъ на вселенную“ (Лук. 21, 26). Эти дни наступили — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія!

„Чтобы понять роковое значеніе нашего времени и событій, совершающихся теперь въ христіанскомъ мірѣ, необходимо прибѣгнуть къ свѣтильнику слова Божія. „Мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово, и вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ“ (2, Петр. 1, 19).

„Настаетъ конецъ вѣка! Все, что нынѣ совершается и что теперь предстоитъ всему христіанскому міру— все это оказывается подробно предвѣщаннымъ концомъ теперешняго вѣка... Приближается второе пришествіе Господа съ небесъ во славѣ! Приближается!.. Слушайте же и примите къ сердцу слова наши.

„Приблизилась пора явнаго *личнаго* возвращенія Господа нашего Іисуса Христа съ небесъ... Вотъ Онъ идетъ! Вотъ Онъ уже при дверяхъ!.. Онъ возвращается, чтобъ судить „живыхъ и мертвыхъ“ (2 Тимоо. 4, 1).

„Онъ идетъ для того, чтобъ истребить и уничтожить беззаконниковъ на землѣ и чтобъ взять и восхитить къ Себѣ на небо всѣхъ тѣхъ, которые до сихъ поръ остались вѣрными Ему. Онъ возьметъ насъ живыми на небо, если мы останемся вѣрными Ему. Мы будемъ вѣчно съ Нимъ и съ Нимъ сойдемъ на землю, чтобъ принять участіе въ Его судѣ надъ міромъ беззаконниковъ (Іуда, 14; Откр. 19, 11)“...

И вотъ, все въ такомъ родѣ, „вѣстникъ“ говорилъ цѣлый часъ. Нельзя сказать, чтобы присутствовавшая

на проповѣди публика особенно внимательно слѣдила за рѣчью оратора. Дѣло въ томъ, что каждую среду обыкновенно говорится одно и то же, лишь съ небольшими варьяціями.

Вѣстникъ кончилъ, произнесъ благодарственную молитву и, объявивъ, что въ слѣдующую среду онъ будетъ толковать первую главу Апокалипсиса, оставилъ собраніе.

Публика поднялась со своихъ мѣстъ и направилась въ прихожую. Полная дама поспѣшила первою выйти изъ церкви; по ея лицу, по тѣмъ взглядамъ, какіе кидала она на плебейскую публику заднихъ рядовъ и на скудную обстановку „общины“, было ясно видно, что ея нога не будетъ болѣе здѣсь. Буржуазный господинъ, посмѣиваясь въ нафабренные усы, что-то шепталъ своему спутнику, который съ недовольнымъ видомъ пожималъ плечами и укоризненно качалъ головою.

Молодая дѣвушка съ необыкновенно длинною шеею и узкими плечами, сходя съ лѣстницы, признавалась своей подругѣ:

— Я—грѣшница: мнѣ такъ спать хотѣлось, когда онъ говорилъ, такъ хотѣлось, какъ никогда въ жизни!

Однимъ изъ послѣднихъ вышелъ графъ: въ лицѣ его свѣтилась тихая, умная улыбка; большіе, выразительные глаза разсѣянно смотрѣли куда-то вдаль.

— Онъ скоро получитъ запечатлѣніе; шепотомъ произнесла та самая плотная особа, которая своимъ

видомъ и нѣніемъ такъ сильно шокировала полную даму...

— Вамъ нужно послушать наше богослуженіе, говорилъ бородатый джентльменъ.—Ахъ, какое у насъ богослуженіе! Точь-въ-точь. какое было въ первыя времена апостоловъ...

II.

Богослуженіе и пророчества.

Каждый день, въ извѣстные часы, въ церкви апостольской общины происходитъ богослуженіе. Особенною торжественностью отличается богослуженіе, совершаемое въ воскресные и праздничные дни, по утрамъ, отъ 10-ти до 12-ти часовъ. Всѣ эти богослуженія происходятъ на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ большинство членовъ петербургской апостольской общины состоитъ изъ нѣмцевъ.

Въ извѣстный часъ, звонъ серебрянаго колокольчика возвѣщаетъ о началѣ богослуженія. Всѣ присутствующіе встаютъ со своихъ мѣстъ; боковая дверь залы отворяется и оттуда появляется духовенство общины. Обыкновенно, шествіе открываютъ два маленькіе мальчика, одѣтые въ бѣлые кафтаны съ черными пелеринками, какіе употребляются у католиковъ. За мальчиками слѣдуютъ дьяконы, тоже въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ темно-красными пелеринками,

которыя иногда замѣняются красными лентами черезъ плечо. За дьякопами идутъ священники или „пастыри“, опять-таки въ бѣлыхъ одѣяніяхъ; иногда они бываютъ переподсаны шнурами съ кистями или же украшены синими лентами черезъ плечо. Позади всѣхъ, съ библіей въ рукахъ, идетъ обыкновенно настоятель общины или же лицо, занимающее его мѣсто. Въ торжественные дни онъ бываетъ одѣтъ въ роскошную, пурпуровую мантію съ золотою звѣздой на груди.

Настоятель останавливается передъ алтаремъ, священники и епископы размѣщаются по обѣ стороны отъ него, а дьяконы становятся у рѣшетки, какъ бы охраняя входъ въ алтарь. Начинается богослуженіе.

Всѣ эти, облеченные въ фантастическіе костюмы, чины апостольской іерархіи—люди, пользующіеся извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ. Въ одномъ изъ дьяконовъ, напримѣръ, вы можете узнать занимающаго административный постъ доктора медицины, отличившагося въ послѣднюю войну съ Турціей; одинъ изъ священниковъ—извѣстный докторъ гомеопатіи г. Адамсъ, другой—педагогъ, воспитатель казеннаго учебнаго заведенія; наконецъ, настоятель общины—инженеръ-генералъ-маіоръ г. Эрберъ.

Богослуженіе апостольской общины, состоящее изъ цѣлаго ряда всевозможныхъ обрядовъ, таинствъ, чтеній Евангелія, молитвословій и т. п., болѣе всего приближается къ католическому. Каждое воскресенье

священнослужители общины совершаютъ евхаристію, причемъ всѣ члены общины, присутствующіе въ церкви, пріобщаются св. таинъ, кромѣ оглашенныхъ, т. е. временно отлученныхъ отъ церкви за тотъ или другой проступокъ. Сначала пріобщается настоятель общины, потомъ епископы (ангелы), евангелисты, священники или пастыри, дьяконы и т. д. Вслѣдъ за причтомъ пріобщаются прихожане; первыми встаютъ и выходятъ за рѣшетку, гдѣ происходитъ причащеніе, всѣ сидящіе въ первомъ ряду; войдя за рѣшетку, всѣ они выстраиваются въ рядъ и опускаются на колѣни. Настоятель подходитъ къ каждому изъ нихъ, поочереди, и даетъ причастіе въ видѣ бѣленькихъ облатокъ; за нимъ идетъ священникъ съ чашею въ рукѣ; онъ также подходитъ къ каждому изъ причащающихся и даетъ отпить вина изъ чаши. Причастившись, всѣ встаютъ и возвращаются на прежнія мѣста; тогда поднимается второй рядъ, затѣмъ третій и т. д.

Молитвы поются подъ акомпанементъ органа, за которымъ сидитъ молодая дама, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Въ пѣніи участвуютъ всѣ прихожане; каждый держитъ въ рукахъ молитвенникъ, по которому слѣдитъ за богослуженіемъ. Если вы пришли въ церковь безъ молитвенника, вамъ сейчасъ же предложитъ его вашъ сосѣдъ или сосѣдка; мало того: вамъ будутъ любезно указывать и подыскивать страницы каждый разъ, какъ только вы по-

теряете нить. Кончится моленіе, вы спѣшите разсыпаться въ благодарностяхъ предъ любезною сосѣдкой—красивою, серьезною дѣвушкой, что такъ внимательно заботилась о вашей душѣ; но она, смиренно потупивъ глаза, молча дѣлаетъ чопорный книксенъ и походкой монахини направляется къ выходу.

Больше всего меня интересовали чины іерархіи — всѣ эти епископы, ангелы, евангелисты, пастыри и т. п. Насколько искренни всѣ эти лица — вотъ вопросъ, который прежде всего требовалъ отвѣта. И я внимательно всматриваюсь въ ихъ лица, стараясь угадать тѣ мотивы, которые привели ихъ сюда.

Одинъ изъ пресвитеровъ представляетъ собою типичную фигуру петербургскаго бюрократа, дѣльца: плотный, коренастый, лѣтъ подъ шестьдесятъ господинъ, съ тщательно выбритымъ подбородкомъ и старательно выхоленными бакенбардами, въ золотыхъ очкахъ, съ степенными, плавными движеніями. Въ манерѣ служенія онъ видимо старается подражать протестантскимъ пасторамъ, но часто не выдерживаетъ роли и тогда въ тонѣ, которымъ онъ читаетъ Евангеліе и произноситъ молитвы, слышатся ноты, невольно напоминающія чиновника, дѣлающаго докладъ. Отъ этого пастыря такъ и вѣетъ сухою, казенною атмосферой министерской канцеляріи.

Изъ числа евангелистовъ и дьяконовъ выдается молодой человѣкъ, лѣтъ 27-ми, съ пріемами и манерами свѣтскаго денди: достаточно взглянуть только

какъ онъ вскидываетъ и играетъ своимъ золотымъ пенснэ, на ту небрежно-развязную хлыщеватую манеру, съ которою онъ прислуживаетъ при богослуженіи, чтобъ рѣшить, что его мѣсто не въ церкви, а въ гостиной. Въ немъ слишкомъ много кавалерскаго, свѣтскаго лоска и очень мало той христіанской простоты, которую мы привыкли требовать отъ пастырей духовныхъ. Странное впечатлѣніе производитъ фигура этого фата съ библіей въ рукахъ. Что привело его сюда? Что заставило его промѣнять салонъ на алтарь? Что заставило его надѣть этотъ бѣлый хитонъ, вмѣсто моднаго жакета?

Самое существенное отличіе апостольскихъ богослуженій отъ католическихъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій заключается въ пророчествахъ, которыя нерѣдко изрекаются какъ чинами іерархіи, такъ и обыкновенными прихожанами. Пророчества эти, по убѣжденію послѣдователей апостольскаго ученія — ни что оное, какъ прямой результатъ сошествія Св. Духа.

— Еслибъ Господь, говорилъ мнѣ одинъ изъ членовъ общины: — далъ вамъ благодать услышать пророчества, услышать голосъ самого Духа Святаго, который раздается иногда въ нашихъ общинахъ... о! тогда навѣрно вы вполнѣ увѣровали бы въ наше дѣло! Эти пророчества бываютъ такъ поразительны, что у насъ нерѣдко женщины падаютъ отъ нихъ въ обморокъ.

Пишущему эти строки удалось однажды присутствовать при подобнаго рода пророчествахъ. Духъ Святый сошелъ на одного изъ дьяконовъ, здороваго, мускулистаго господина, лѣтъ подъ сорокъ, съ темнымъ, малоинтеллигентнымъ лицомъ и огромными усами. Сидя на скамьѣ, назначенной для чиновъ іерархіи, онъ вдругъ началъ покачиваться и подергиваться. Глаза, блуждая по сторонамъ, засверкали дикимъ огнемъ; исказившееся лицо, казалось, потемнѣло еще болѣе; нервныя судороги пробѣгали по немъ. Онъ что-то крикнулъ. Пѣніе нѣсколько смолкло, но богослуженіе продолжалось, хотя, очевидно, всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдили за словами, вылетавшими изъ вдохновенныхъ устъ пророка; при этомъ съ нимъ творилось нѣчто необычайное; точно приподнимаемый какою-то сверхъестественною силой, онъ привскакивалъ съ мѣста, но затѣмъ, тотчасъ же, какъ бы въ изнеможеніи, снова опускался на скамью, раскачивался по сторонамъ и дико, безумно озирался вокругъ.

Собственно говоря, онъ не сказалъ ничего новаго; онъ повторялъ давно уже извѣстныя общинѣ избитыя фразы о необходимости немедленнаго покаянія, о близости второго пришествія Господа и т. п. Мнѣ показалось, что пророчества выходили черезчуръ закругленными, гладкими періодами и фразами; въ нихъ слышалось много искусственности, много предварительной подготовки. Представленіе о страстномъ

вдохновеніи какъ-то плохо вяжется съ этою строгою правильностью, съ этою рутинностью формы.

Смотря на все это, невольно думалось: что это? комедія или искренній энтузіазмъ? Кто этотъ пророкъ? Вѣрующій ли, всецѣло увлеченный христіанинъ или же шарлатанъ, морочащій публику?

III.

„Апостолы послѣднихъ дней".

Желая уяснить себѣ сущность ученія апостольскихъ общинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ознакомиться съ ихъ организаціей, я обратился къ одному изъ наиболѣе выдающихся „епископовъ" общины („ангелъ" тожъ) съ просьбою сообщить мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія. „Епископъ", привыкши постоянно встрѣчать меня на проповѣдяхъ и собраніяхъ общины и, быть можетъ, предполагая пріобрѣсти въ моемъ лицѣ новаго послѣдователя апостольскаго ученія, весьма внимательно и любезно отнесся къ моей просьбѣ.

— Прежде всего, многозначительно сказалъ онъ:— вы должны знать, что наше дѣло не получило своего начала отъ какого нибудь человѣка или отъ какой нибудь партіи. Оно нисколько не зависѣло отъ воли того или другаго лица, отъ ученія той или другой церкви. Этимъ именно мы и отличаемся отъ послѣ-

дователей *всѣхъ* существующихъ вѣроисповѣданій, церквей, сектъ и партій въ христіанствѣ.

— Но, въ такомъ случаѣ, какимъ же путемъ могло возникнуть ваше ученье?

— Наше дѣло обязано своимъ происхожденіемъ прямому вмѣшательству живого Бога, съ разстановкою произнесъ епископъ.—Да! Самъ Богъ далъ намъ возможность услышать его голосъ. Вѣрите вы этому?

Я не спѣшилъ отвѣчать на вопросъ. Помолчавъ минуту, епископъ продолжалъ:

— Мы видимъ, къ сожалѣнію, что люди не вѣрятъ этому, смѣются надъ подобнымъ вѣрованіемъ. Но— подумайте! — что доказываетъ этотъ смѣхъ, это невѣріе? Это доказываетъ, что люди почему-то считаютъ невозможнымъ, чтобъ въ наши дни Богъ могъ проявляться въ христіанствѣ, какъ живой Богъ. Вотъ что означаетъ это невѣріе! Вы понимаете меня? Всѣ христіане признаютъ тѣ чудеса, которыя были во времена первыхъ апостоловъ. Но почему же, спрашиваю я васъ, почему теперь не можетъ быть такихъ или подобныхъ чудесъ? Развѣ дѣйствіе живого Бога прекратилось? Вы помните, что сказалъ Господь по этому поводу? Онъ говоритъ: „Увѣровавшихъ же (въ Меня) будутъ сопровождать сіи знаменія: именемъ моимъ будутъ изгонять бѣсовъ, будутъ говорить новыми языками; будутъ брать змѣй, и если что смертоносное выпьютъ, не повредитъ имъ; возложатъ руки на больныхъ, и они будутъ здоровы"

(Маркъ, 16-я гл., ст. 17-й и 18-й). Или еще: „истинно, истинно говорю вамъ: вѣруюшій въ Меня дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ, и больше сихъ сотворитъ...“ Чего же вамъ еще нужно? Между тѣмъ, мы видимъ, что теперь въ христіанствѣ совсѣмъ исчезла вѣра въ то, что Духъ Святой *лично* присутствуетъ въ насъ, т. е. въ христіанахъ, которые составляютъ тѣло Господа Іисуса Христа. А въ чемъ, главнымъ образомъ, выражается присутствіе Св. Духа? Безъ сомнѣнія — въ дарѣ пророчества и въ „дарѣ языковъ“. Между тѣмъ, большинство не вѣритъ теперь ни въ то, ни въ другое.

Здѣсь епископъ началъ цитовать первые пять стиховъ 14-й главы I-го посланія къ коринѳянамъ, т. е. тѣ самые стихи, которые, какъ мы видѣли, составляли нѣкогда главную основу въ ученіи „братскаго союза“.

— Прежде, во времена первыхъ апостоловъ, люди нерѣдко слышали голосъ Духа Святого. Помните, какъ однажды Духъ Святой сказалъ апостоламъ: „отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому я призвалъ ихъ“. Такимъ образомъ, прежде Духъ Святой прямо указывалъ на тѣхъ людей, которые должны были обречь себя на служеніе. Впослѣдствіи даръ пророчества исчезъ изъ среды церкви. Отъ этого произошло страшное зло! Избраніе и назначеніе служителей церкви, отъ высшихъ до низшихъ, стало производиться самими людьми, а не по указанію Св. Духа.

Тайны Священнаго Писанія, которыя прежде были открываемы Св. Духомъ, впослѣдствіи начали объясняться человѣческимъ знаніемъ и мудростью. Это сдѣлалось причиною всѣхъ нашихъ несчастій. Правда, Св. Духъ не окончательно еще оставилъ христіанскую церковь; онъ до сихъ поръ еще пребываетъ въ христіанствѣ; но весь вопросъ въ томъ: *какъ* онъ пребываетъ? Находитъ ли онъ теперь христіанство въ томъ порядкѣ, при которомъ онъ могъ говорить во всеуслышаніе и дѣлать все, что долженъ и хотѣлъ? Какъ былъ принятъ Св. Духъ на землѣ? Встрѣтилъ ли онъ болѣе сочувствія въ людяхъ, чѣмъ Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій? Нѣтъ! Онъ точно также былъ не узнанъ и отвергнутъ людьми. Еще первые апостолы должны были твердить людямъ: „Духа не угашайте, пророчества не уничижайте!“ Впослѣдствіи же люди совсѣмъ забыли о Духѣ Святомъ, забыли о чудномъ дарѣ пророчества. Чтожъ изъ этого произошло? Надежда на скорое возвращеніе Господа, свѣтлая надежда, которая была такъ жива въ первыя времена церкви, теперь совершенно угасла въ христіанствѣ. Люди перестали понимать признаки и знаменія времени, люди утратили способность предвидѣть тѣ судьбы, которыя предстоятъ христіанству. И вотъ сердца вѣрующихъ объяты страхомъ, отчаяніемъ и безпомощностью, потому что голосъ пророчества, голосъ Св. Духа не свидѣтельствуетъ болѣе, не указываетъ болѣе надежды на избавленіе отъ

угрожающихъ со всѣхъ сторонъ бѣдъ и опасностей. А вѣдь только одинъ Духъ Святой знаетъ будущее, одинъ онъ, и никто больше!..

— Мнѣ очень хотѣлось бы знать, сказалъ я епископу:—къ какому времени относится возникновеніе вашихъ общинъ и при какихъ именно условіяхъ онѣ образовались?

— Французская революція, началъ епископъ: — которую люди называютъ *великою* и которая, дѣйствительно, страшно велика по своему беззаконію, имѣла огромное, отрезвляющее значеніе. Она пробудила общество, пробудила людей отъ нравственной апатіи. Но, въ то же время, эта революція была лишь увертюрою того ужаснаго, моральнаго разложенія, которое всюду происходитъ теперь на нашихъ глазахъ. Эта революція была первымъ признакомъ пришествія въ міръ антихриста. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, что произошло въ этотъ роковой, кровавый 1789 годъ? Цѣлый народъ возсталъ противъ Господа и хотѣлъ искоренить самое имя Его съ земли. Началась открытая, бѣшеная пропаганда идей беззаконія и невѣрія по всей Европѣ, по всему міру. Но, видно, дѣйствительно, нѣтъ худа безъ добра: подъ впечатлѣніемъ этихъ ужасовъ, вѣрующіе христіане различныхъ вѣроисповѣданій пробудились отъ долгаго сна и оцѣпенѣнія. И вотъ, въ разныхъ странахъ, особенно въ протестантскихъ, начали возникать религіозныя общины, началось прилежное изученіе Св. Пи-

санія, начались молитвенныя собранія. Молились, читали библію, пѣли псалмы и священные гимны и снова молились. Такъ шло до 1830 года. Въ этотъ годъ свершилось дивное, необыкновенное дѣло. Свершилось чудо...

— Что же именно случилось въ этотъ годъ?

— Случилось то, что Духъ Святой нарушилъ свое 1,800-лѣтнее молчаніе, торжественно проговорилъ епископъ.—Въ этотъ годъ онъ снова заговорилъ! Да, снова заговорилъ Онъ, Который со времени Пятидесятницы хранилъ строгое молчаніе. Въ этотъ годъ Духъ Святой снова сошелъ на вѣрующихъ.

— Какъ же произошло это сошествіе Св. Духа.

— Это произошло на одномъ изъ молитвенныхъ собраній вѣрующихъ. Духъ Святой сошелъ на молодую дѣвицу Мэри Кемпель, принадлежавшую къ Шотландской церкви. Это была набожная и вполнѣ просвѣщенная христіанка. Какъ только Духъ Святой осѣнилъ ее, она вдругъ, побуждаемая сверхъестественною силой, начала говорить на незнакомомъ языкѣ и пророчествовать.

— О чемъ же она пророчествовала?

— Она воскликнула... въ порывѣ страстнаго религіознаго энтузіазма она воскликнула: „Се женихъ идетъ въ полунощи! Выходите на встрѣчу!“ Только она и сказала. Но этого было вполнѣ достаточно: всѣ сразу вдругъ поняли, что ея устами говоритъ самъ

Духъ Святой. И, въ то же время, всѣ поняли, что пришествіе Христово приближается.

— Гдѣ же именно это случилось?

— Въ Шотландіи, въ западной части Шотландіи. Вскорѣ та же самая сила снизошла на двухъ братьевъ Магдональдъ и на сестру ихъ, Маргариту. Мэри Кемпель и Маргарита Магдональдъ были больны, такъ что врачи отъ нихъ отказались, но онѣ были внезапно исцѣлены силою Духа Святаго. Не подумайте, что это ложь, шарлатанство или мистификація. О, нѣтъ, тысяча разъ нѣтъ! Набожность этихъ лицъ, ихъ здравомысліе и добросовѣстность никѣмъ не могли быть заподозрѣны. Эти сверхъестественныя явленія обратили на себя всеобщее вниманіе. Со всѣхъ сторонъ начали съѣзжаться благочестивые и разсудительные люди, чтобы тщательно изслѣдовать на мѣстѣ эти событія. И здѣсь они убѣждались, что это дѣйствительно есть дѣло Духа Святаго. Но большинство людей и особенно духовенство отвергли и не признали этихъ явленій. Тѣ же, которые увѣровали, стали молиться еще усерднѣе о болѣе полномъ откровеніи Св. Духа. Просили Господа указать имъ: какъ надо встрѣчать Христа и что именно слѣдуетъ сдѣлать для встрѣчи его. И дѣйствительно, вскорѣ весьма многіе изъ вѣрующихъ получили даръ пророчества. Эти новыя пророчества, между прочимъ, указали, что Христосъ скорбитъ о томъ, что церковь, составляющая его тѣло и организмъ, разбита на

части, скорбитъ о раздѣленіи церкви. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли это дробленіе церкви на лютеранство, католичество, православіе и проч. и проч.? Что это такое? Развѣ это не тѣ же секты, не тѣ же ереси, которыя постоянно возникаютъ въ разныхъ концахъ и мѣстахъ? Скажите чѣмъ эти „церкви“ отличаются отъ любой секты? Единственно только своими размѣрами, числомъ своихъ послѣдователей. Въ сущности же, это большія ереси и больше ничего! Во всѣхъ ихъ господствуетъ та же замкнутость, та же вражда ко всѣмъ другимъ церквамъ, та же нетерпимость, которыми отличаются обыкновенно разные секты и толки. Всѣ пророчества ясно указывали, что необходимо единеніе, необходимо слiяніе всѣхъ церквей воедино.

— Все, что вы сказали сейчасъ, все это какъ нельзя болѣе напоминаетъ извѣстное ученіе настоятеля шотландской церкви въ Лондонѣ, Эдуарда Ирвинга. Вѣроятно, поэтому васъ и называютъ многіе ирвингіянами?

— Такое названіе невѣрно и непримѣнимо къ намъ!—съ живостью возразилъ епископъ.—Непримѣнимо по многимъ причинамъ! *Не* отъ Ирвинга вышелъ впервые призывъ къ молитвѣ о ниспосланіи Духа Святаго на общину. Призывъ этотъ былъ сдѣланъ англійскимъ пасторомъ, покойнымъ Джемсомъ Гольденъ Стюартомъ. Дары Св. Духа — даръ исцѣленія, даръ языковъ и пророчества — появились впер-

вые *не* въ общинѣ Ирвинга. Я уже говорилъ вамъ, что эти дары впервые обнаружились въ Западной Шотландіи, община же Ирвинга находилась въ Лондонѣ. Вспомните затѣмъ, что Ирвингъ умеръ еще въ 1834 году, то есть, въ то время, когда наше ученіе только что начинало складываться. Наконецъ, онъ *не былъ* даже въ числѣ лицъ, призванныхъ къ апостольскому служенію, онъ не былъ въ числѣ тѣхъ двѣнадцати апостоловъ, которые были избраны Богомъ и которые окончательно утвердили наше дѣло.

— Однако, Ирвингъ имѣлъ какое нибудь отношеніе къ вашему ученію?

— Ирвингъ былъ первымъ изъ среды духовенства, который открыто и смѣло высказалъ, что пророчества, о которыхъ я вамъ только что говорилъ, суть дѣйствительно дары Духа Святаго. Онъ объявилъ публично, что ученіе шотландской церкви непротивно такимъ проявленіямъ живаго Бога въ церкви. Онъ первый дозволилъ пророчествовать въ своемъ приходѣ. Къ нему начали обращаться всѣ тѣ лица, которыя были одарены даромъ пророчества. За это, какъ извѣстно, Ирвингъ былъ отлученъ отъ шотландской церкви. Въ послѣдніе годы своей жизни, Ирвингъ исполнялъ обязанности епископа (ангела) въ одной изъ апостольскихъ общинъ въ Лондонѣ. Но этимъ и ограничивается вся его роль въ нашемъ дѣлѣ, которое — какъ я уже сказалъ вамъ — все-

цѣло обязано своимъ происхожденіемъ одному живому Богу, и никому больше.

— Скажите, пожалуйста, какъ образовалась ваша іерархія и вообще какимъ путемъ создался весь вашъ религіозный культъ?

— О, все это выработано на основаніи пророчествъ и согласно Священному Писанію. Въ этихъ пророчествахъ точно указывалось, какъ именно должна быть устроена истинная церковь, чтобъ быть тѣломъ Господнимъ. Эти пророчества разъяснили всѣ символы ветхозавѣтнаго закона, особенно всѣ составныя части скиніи. Далѣе было указано, что служеніе апостоловъ, пророковъ, евангелистовъ и пастырей, служеніе, которое дано было церкви въ началѣ, должно быть возстановлено. Наконецъ, Господь, въ пророческомъ словѣ своемъ, указалъ на нѣкоторыхъ мужей, которыхъ онъ отдѣлилъ отъ прочихъ христіанъ и послалъ, какъ апостоловъ, въ міръ, чтобъ они устроили истинную церковь Господню. Такимъ образомъ, было установлено апостольское служеніе, а вслѣдъ затѣмъ, и три остальныя первоначальныя служенія: повозавѣтныхъ пророковъ, евангелистовъ и пастырей.

— Кто же были эти апостолы, указанные Св. Духомъ? Сколько ихъ было и къ какой націи принадлежали они?

— „Апостоловъ послѣдняго времени“ было двѣнадцать человѣкъ, то есть то же самое число, которое было во времена Христа. По происхожденію сво-

ему, они принадлежали къ самымъ разнообразнымъ слоямъ общества: тутъ были и члены парламента, были и простые ремесленники. Но замѣчательно, что всѣ они были изъ Великобританіи. Многимъ это обстоятельство кажется удивительнымъ, страннымъ и даже невѣроятнымъ. Говорятъ: почему именно всѣ апостолы вышли изъ Великобританіи? Отчего ни Франція, ни Германія, ни Россія не дали ни одного апостола? Но, въ сущности, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго или невѣроятнаго, потому что, припомните, и всѣ первые апостолы Христа были также изъ одной мѣстности—изъ Галилеи.

— Когда именно состоялось избраніе „апостоловъ послѣдняго времени“?

— Оно состоялось въ промежутокъ отъ 1832 до 1835 года. Тогда же было рѣшено приступить къ исполненію одного изъ желаній Христа, выраженнаго въ пророчествахъ—къ объединенію всѣхъ церквей. Но какъ это сдѣлать? Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшено было, прежде всего, ознакомиться какъ можно ближе со всѣми вѣроученіями и потомъ взять изъ каждаго вѣроученія лишь то, что вполнѣ согласно съ буквальнымъ смысломъ Священнаго Писанія, остальное же все отвергнуть. Для этого всѣ двѣнадцать апостоловъ отправились въ разныя страны изучать вѣроисповѣданія различныхъ народовъ. Такъ, одинъ отправился къ католикамъ, другой—къ лютеранамъ,

третій—къ православнымъ и т. д. Это было въ 1836 году.

— Былъ ли кто-нибудь изъ апостоловъ въ Россіи?

— Какъ же—Вильгельмъ Ду. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1836 году и жилъ здѣсь долгое время, знакомясь съ ученіемъ вашей церкви. Я знаю даже домъ и семейство, гдѣ онъ жилъ. Затѣмъ, онъ предпринималъ путешествіе по Россіи, былъ въ Москвѣ, въ Кіевѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

— Что же было затѣмъ?

— Изученіе различныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій продолжалось три года, съ 1836 по 1839. Въ 1839 году всѣ апостолы снова съѣхались и, разработавъ весь собранный матерьялъ, установили ученіе нашихъ каѳолическо-апостольскихъ общинъ. Многія духовныя лица и христіане всѣхъ званій и состояній въ различныхъ странахъ міра увѣровали въ дѣло Божіе и выступили на путь духовной жизни, подъ руководствомъ апостоловъ. Теперь число нашихъ общинъ съ каждымъ годомъ возростаетъ все болѣе и болѣе.

— Такимъ образомъ, вмѣсто предполагаемаго объединенія всѣхъ вѣръ, вы создали еще одну новую вѣру?

Епископъ укоризненно покачалъ головой.

— О, нѣтъ! воскликнулъ онъ.—Господь не для того избралъ новыхъ апостоловъ, чтобъ они стали во главѣ какой нибудь новой секты. Церковь должна

быть едина. Это главнѣйшее убѣжденіе наше. И мы слѣдуемъ этому правилу: мы принимаемъ въ свои общины всѣхъ христіанъ; будь они католики, лютеране, православные, реформаты и т. д.—для насъ безразлично.

— Однако, чего же вы требуете отъ вступающихъ въ ваши общины?

— Мы требуемъ только трехъ вещей. Вопервыхъ, каждый поступающій къ намъ долженъ вѣрить въ Бога и Духа Святого; ни атеистъ, ни матерьялистъ, ни деистъ не могутъ быть членами нашихъ общинъ. Вовторыхъ, поступающій къ намъ долженъ вѣрить въ божественность Христа, всего священнаго писанія и въ пророчества; и, наконецъ, онъ долженъ вѣрить въ близкое пришествіе Іисуса Христа; онъ долженъ вѣрить, что мы живемъ теперь наканунѣ этого пришествія и потому должны быть готовы *каждую минуту* встрѣтить Христа, который можетъ явиться нетолько завтра, но и сегодня, сейчасъ. Вотъ чего мы требуемъ отъ поступающихъ къ намъ! А затѣмъ, вы можете оставаться католикомъ или православнымъ—это, повторяю, для насъ безразлично.

— А какія обязанности налагаетъ уставъ вашихъ общинъ на членовъ?

— Вступившіе въ наши общины обязаны отдѣлять для Бога десятину, т. е. десятую часть своихъ доходовъ.

— Какимъ же порядкомъ происходитъ это „отдѣленіе“?

— Въ церкви у насъ обыкновенно стоитъ особый ящикъ, въ который каждую субботу члены общины опускаютъ десятую часть своихъ доходовъ или заработковъ. Каждый кладетъ сколько можетъ; никакого контроля за этимъ, конечно, нѣтъ.

— Куда же именно расходуются эти деньги?

— На нихъ нанимается помѣщеніе для церкви, на нихъ содержатся ея служители и, наконецъ, весь остатокъ этихъ денегъ отсылается въ Лондонъ, гдѣ живетъ нашъ главный апостолъ.

IV.

„Апостолы“ и русское общество.

Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего разговора съ епископомъ, мнѣ снова пришлось встрѣтиться съ нимъ въ одномъ обществѣ. На этотъ разъ епископъ самъ уже началъ разговоръ объ апостольскомъ вѣроученіи. Онъ, кажется, желалъ убѣдить меня въ божественномъ происхожденіи „апостоловъ послѣднихъ дней“.

— Да, мы должны благодарить Бога — сказалъ епископъ—что онъ снова даровалъ намъ апостоловъ. Господь послалъ ихъ, чтобъ они приготовили народъ ко второму пришествію Христа.

— Но что ручается, что эти апостолы не самозванцы? Чѣмъ отличаются они отъ обыкновеннаго пастора или ксендза?

— О, я могу сообщить вамъ вѣрный признакъ, по которому каждый можетъ отличить апостола отъ обыкновеннаго служителя божія. Дѣло въ томъ, что всѣ служители церкви имѣютъ это званіе отъ Бога, но *черезъ людей*. Апостолы же получаютъ свое назначеніе не черезъ людей, а прямо и непосредственно отъ самого Бога. Всѣ другіе служители посвящаются людьми; апостоловъ же посылаетъ самъ Богъ. Поэтому-то они и называются апостолами, т. е. посланниками. Неужели вы еще можете сомнѣваться въ этомъ?

— Извините; но почему я могу быть увѣренъ, что апостоловъ послалъ именно самъ Богъ, а не кто-нибудь другой?

— Потому что апостоловъ назначалъ самъ Духъ Святой на глазахъ у всѣхъ вѣрующихъ. Послѣ того какъ общины, путемъ опыта, научились распознавать голосъ Духа Святого и имѣли достаточно случаевъ испытать честность пророковъ, чрезъ которыхъ говорилъ Богъ, случилось чудо, подобное тому, какое было нѣкогда въ Антіохіи, именно: Духъ Святой указалъ на одного изъ присутствующихъ, какъ на апостола. Это было въ Лондонѣ. Чрезъ одного изъ пророковъ, Духъ Святой сказалъ мужу, который до сихъ поръ еще находится въ живыхъ: „Не апостолъ ли ты? Твори апостольское дѣло!“ Община также простосердечно повѣрила этому указанію Духа Святаго, какъ и первые христіане въ Антіохіи.

— Но откуда явилась вѣра въ то, что именно Духъ Святой говоритъ въ вашихъ общинахъ?

— Я понимаю, что вы хотите сказать. Вы намекаете на возможность принять злого духа, духа дьявола, за голосъ Духа Святого. Нашъ вѣкъ дѣйствительно ознаменовался появленіемъ злыхъ, сверхъестественныхъ силъ. Кто имѣлъ случай познакомиться съ темною областью такъ-называемаго магнитизма, спиритизма и т. п., тотъ, конечно, согласится съ вами. Но дѣло въ томъ, что голосъ, который раздавался и раздается въ нашихъ общинахъ, не имѣетъ, разумѣется, ничего общаго съ этими духами. Въ этомъ всего болѣе убѣждаютъ насъ тѣ чудеса, которыя творились среди вѣрующихъ членовъ общины. Сестра братьевъ Макдональдъ, о которой я вамъ уже упоминалъ, была долгое время больна. Она была такъ слаба, болѣзнь такъ страшно измучила ее, что родные потеряли всякую надежду на ея выздоровленіе и всѣ ожидали ея смерти. Но вотъ братъ ея Джемсъ, исполнясь Духа Святого, вдругъ подошелъ къ ея постели и сказалъ: „встань во имя Господне!“ Онъ далъ ей руку и поднялъ ее. И что же? На глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ больная встала и мгновенно выздоровѣла.

Епископъ испытующимъ взоромъ посмотрѣлъ прямо мнѣ въ глаза, какъ бы желая угадать мои мысли.

— Замѣтьте, продолжалъ онъ:—это не единственный случай чуда, совершеннаго членами нашихъ об-

щинъ. Въ сосѣдствѣ Макдональдъ жила благочестивая дѣвушка Мэри Кемиль; она также была больна при смерти чахоткой. Врачи отказались отъ нея. Джемсъ Макдональдъ почувствовалъ въ себѣ побужденіе сдѣлать съ нею то же, что онъ сдѣлалъ по внушенію Святого Духа съ сестрою своей. Явившись къ Мэри Кемиль, Джемсъ разсказалъ ей, что сдѣлалъ Господь съ сестрой его; онъ увѣщевалъ ее вѣрить и во имя Іисуса встать и быть здоровой. И дѣйствительно, она поднялась съ постели совсѣмъ здоровой; всякая слабость моментально исчезла, злой чахотки не было и въ поминѣ. Впослѣдствіи она разсказывала, какую необыкновенную силу и благодать почувствовала она въ эту минуту своего возрожденія. Наконецъ, когда Духъ Святой избралъ двѣнадцать апостоловъ изъ среды нашихъ общинъ, то Господь повелѣлъ удалиться имъ въ уединеніе. Имъ назначена была, недалеко отъ Лондона, лежащая въ горахъ деревня, гдѣ случились уже многія благодатныя посѣщенія. Цѣлый годъ ежедневно читали они тамъ св. писаніе, сопровождая это чтеніе молитвой; съ ними были семь пророковъ, посредствомъ которыхъ Духъ Святой открывалъ тайны библіи. Когда апостолы были достаточно подготовлены къ ихъ великой миссіи, тогда Духъ Святой повелѣлъ имъ обратиться къ высшимъ представителямъ церковной и государственной власти въ христіанскомъ мірѣ и объявить о своемъ призваніи.

— Каковъ же былъ результатъ этого обращенія?

— Вначалѣ нѣкоторые изъ представителей власти признали-было апостоловъ, но потомъ, къ сожалѣнію, всѣ очень скоро отвергли ихъ! съ грустью отвѣчалъ епископъ.

Изъ того, что писалъ я о богослуженіи апостоловъ, каждый, конечно, могъ убѣдиться, какое огромное значеніе придаютъ „апостолы“ внѣшней, чисто обрядовой сторонѣ религіи.

— Мы признаемъ, говорятъ они:—что церковные порядки, усвоенные нами, болѣе всего приближаютъ насъ къ Господу. Наша іерархія установлена согласно точнымъ указаніямъ св. писанія. Въ посланіи къ ефесянамъ апостолъ упоминаетъ о четырехъ служеніяхъ. „И онъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ—пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями“ (Ефес. 4. 11). Какъ же послѣ этого можно говорить, что намъ не нужны ни апостолы, ни пророки, ни евангелисты?

— Наше ученіе, говорятъ апостолы:—распространилось теперь повсемѣстно. Всюду, гдѣ только находятся вѣрующіе, немедленно же основывается община, во главѣ которой обыкновенно становится ангелъ или епископъ вкупѣ съ четырьмя священниками. Каждый изъ этихъ священниковъ имѣетъ свои спеціальныя обязанности; „пастырь“ обязанъ заботиться объ исцѣленіи и чистотѣ душъ своихъ прихожанъ; „евангелистъ“ обязанъ заботиться объ увеличеніи

числа вѣрующихъ; „старѣйшина“ долженъ охранять всю общину, весь причтъ. Каждый вновь увѣровавшій и поступающій въ общину получаетъ рукоположеніе апостола и запечатлѣніе. Для этой цѣли апостолъ, отъ времени до времени, объѣзжаетъ общины. Если что-нибудь мѣшаетъ ему лично сдѣлать это, то онъ посылаетъ своего помощника (коадьютора).

Я освѣдомился: живы ли въ настоящее время тѣ двѣнадцать апостоловъ послѣднихъ дней, которые были указаны Духомъ Святымъ?

Увы! оказалось, что теперь въ живыхъ остается всего лишь одинъ апостолъ, который и живетъ въ Лондонѣ; всѣ остальные умерли въ разное время. Они почили въ мирѣ послѣ тяжелыхъ трудовъ своихъ и ожидаютъ теперь перваго воскресенія. Пришествіе Христа должно случиться непремѣнно при жизни оставшагося въ живыхъ апостола, а такъ какъ онъ становится уже весьма дряхлымъ старцемъ, то отсюда совершенно ясно, говорятъ апостолы, что Христосъ долженъ придти не сегодня-завтра.

— И вы твердо вѣрите въ это? спрашивалъ я однажды госпожу Х., состоящую членомъ петербургской апостольской общины.

— О, конечно! возможно ли сомнѣваться въ этомъ? Развѣ не самъ Духъ Святой открылъ намъ это? Христосъ — у дверей! Онъ каждую минуту можетъ войти къ намъ. Онъ придетъ, чтобъ наказать невѣрующихъ, которые разумъ человѣческій ставятъ

выше Бога. Онъ придетъ, чтобъ взять съ собой на небо всѣхъ, ожидающихъ его прихода. Да, Онъ придетъ и *возьметъ насъ на небо живыми*. О, какое блаженство!..

— А что вы скажете, если вашъ послѣдній апостолъ умретъ, не дождавшись пришествія Христа?

Моя собесѣдница съ изумленіемъ посмотрѣла на меня; очевидно, подобная простая мысль ни разу не приходила ей въ голову.

— Что я скажу? въ раздумьи проговорила она, но потомъ, тотчасъ же оправившись, рѣшительно произнесла:—нѣтъ! этого не можетъ быть! Апостолъ будетъ жить, пока не придетъ Христосъ.

— Бываетъ ли лондонскій апостолъ въ Петербургѣ?

— О, да; дѣло въ томъ, что, въ отсутствіи апостола или его помощника, никто не можетъ быть помазанъ св. мѵромъ, никто не можетъ быть принятъ въ число членовъ общины; безъ нихъ не можетъ также состояться посвященіе въ дьяконы или священники. Прежде апостолъ пріѣзжалъ въ Петербургъ почти ежегодно, но теперь, вслѣдствіе старости, онъ посѣщаетъ Россію гораздо рѣже; вмѣсто него пріѣзжаетъ сюда „коадьюторъ“ (помощникъ). Пріѣздъ самого апостола составляетъ весьма крупное событіе; еще задолго до его пріѣзда дѣлаются различныя приготовленія, снимается особое помѣщеніе и т. д. Для встрѣчи апостола въ вокзалѣ соби-

рается все духовенство петербургской общины. Обыкновенно, онъ пріѣзжаетъ къ празднику пасхи.

Нѣкоторые изъ членовъ общины разсказываютъ, что власть апостола на кружокъ такъ велика, что община не въ правѣ распорядиться ни одною копейкою изъ „десятины“, которую вносятъ члены. По ихъ словамъ, вся сумма, весьма почтенная, цѣликомъ отсылается въ Англію, въ распоряженіе апостола, который выдаетъ, по мѣрѣ надобности, деньги на расходы. Относительно личности апостола опредѣленнаго извѣстно весьма мало. Извѣстно только, что онъ руководитъ дѣлами всѣхъ общинъ, которыхъ насчитывается, будто бы, цѣлыми тысячами, и что въ настоящее время апостолъ располагаетъ огромными средствами. Послѣдователи апостольскаго вѣроученія любятъ вообще преувеличивать размѣры и численность своихъ общинъ. По ихъ увѣреніямъ, апостольское ученіе въ первое же время своего возникновенія весьма быстро распространилось: во многихъ большихъ городахъ и мѣстечкахъ Англіи начали основываться общины, а въ Лондонѣ въ самое короткое время возникло цѣлыхъ семь общинъ, по 1,000 человѣкъ въ каждой. Въ Берлинѣ пророки начали издавать свой ежемѣсячный журналъ. Потомъ ученіе апостоловъ перешло въ Кёнигсбергъ, а оттуда, въ 1858 году, въ Россію— въ Ревель, Ригу, Митаву и Либаву. Въ концѣ ше-

стидесятыхъ годовъ апостольская община образовалась въ Петербургѣ.

Апостолы, стараясь о распространеніи своего ученія, спѣшили послать агентовъ или евангелистовъ во всѣ главные пункты Европы. Есть указанія, что подобныя апостольскія общины существуютъ и въ Америкѣ.

Но особенныя надежды возлагали апостолы на Россію. Наслушавшись всевозможныхъ разсказовъ о наклонности русскаго народа къ сектантству, они не на шутку воображали, что стоитъ лишь имъ появиться въ Россіи съ проповѣдью своего ученія, какъ тотчасъ же у нихъ явятся цѣлыя массы поклонниковъ. Разсказываютъ, что однажды лондонскій апостолъ, указывая на востокъ, воскликнулъ: „Тамъ будутъ милліоны нашихъ послѣдователей, Россія дастъ намъ легіонъ новыхъ членовъ!“ [1]) И вотъ, рѣшено было командировать въ Россію нѣсколько человѣкъ изъ числа наиболѣе талантливыхъ епископовъ или агентовъ; въ числѣ избранныхъ, находился между прочимъ, и г. Дитманъ. Прибывъ въ Россію, импровизованные евангелисты вскорѣ должны были убѣдиться, что надежды ихъ относительно легіоновъ новыхъ послѣдователей были, по меньшей мѣрѣ, преувеличены. Въ большинствѣ случаевъ, русское общество отнеслось къ пророкамъ весьма холодно и

[1]) „Новости“ 1881 г., № 164.

сдержанно. Зато они встрѣтили какъ нельзя болѣе сочувственный пріемъ среди русскихъ нѣмцевъ. Благодаря этому, вскорѣ возникли апостольскія общины въ Ригѣ, Ревелѣ, Либавѣ и, наконецъ, въ Петербургѣ.

Лица, ставшія во главѣ петербургской общины, прежде всего старались направить свою пропаганду въ великосвѣтскую среду. Съ этою цѣлью г. Дитманъ началъ читать особыя проповѣди, предназначенныя для высшаго круга. Благодаря, съ одной стороны, новинкѣ, а съ другой—стараніямъ княгини Д. К—ой, зала нѣкоторое время наполнялась представителями высшаго общества. Гвардейскіе и свитскіе мундиры и разныя регаліи такъ и пестрѣли; тутъ собиралось высшее аристократическое общество; тутъ толпились камергеры, графы, фрейлины, князья, флигель-адъютанты; у воротъ всегда стояли длинныя вереницы элегантныхъ, модныхъ экипажей. Но все это было весьма непродолжительно. Мода на „апостоловъ“ прошла такъ же быстро, какъ и возникла.

Если теперь „свѣтъ“ и удостоиваетъ иногда своимъ вниманіемъ „апостоловъ“, то это дѣлается лишь въ періодъ полнаго сезоннаго затишья. Только-что минувшій зимній сезонъ, богатый самыми разнообразными развлеченіями, былъ особенно несчастливъ для апостольской общины. Сара Бернаръ, Сальвини, Германъ, Казеневъ, цѣлый рядъ музыкальныхъ знаменитостей, посѣтившихъ Петербургъ — все это за-

ставило великосвѣтскій людъ совсѣмъ забыть объ „евангелистахъ послѣднихъ дней“ и о ихъ скучныхъ, однообразныхъ проповѣдяхъ. Цѣлую зиму церковная зала общины оставалась наполовину пустою; ни богослуженіе, ни проповѣди, ни пророчества не привлекали публики.

Этого мало. Соблазны, въ родѣ Сары Бернаръ, имѣли весьма гибельныя вліянія даже на самихъ членовъ общины: дѣло въ томъ, что многіе изъ нихъ не могли устоять противъ соблазна повидать знаменитую чародѣйку и, позабывъ о томъ, что каждую минуту можетъ явиться Христосъ, отправлялись въ театръ. Конечно, всѣ они поплатились за это болѣе или менѣе строгими эпитеміями и отлученіями отъ церкви.

Итакъ, пропаганда апостоловъ среди высшаго петербургскаго общества не удалась; къ нимъ примкнуло не болѣе трехъ-четырехъ лицъ изъ аристократическаго круга. При видѣ такого неуспѣха, евангелисты попытались-было перенести свою дѣятельность въ среду простого народа. Для этого они наняли близъ Сѣнной площади залу и, въ разсчетѣ на скученность въ этой мѣстности простаго рабочаго люда, начали читать проповѣди на русскомъ языкѣ. Заранѣе можно было предсказать полное фіаско этой затѣѣ. Къ сожалѣнію, попыткѣ не дали умереть естественною смертью: вмѣшалась полиція и проповѣди были прекращены.

Однако, дѣятели общины не отчаявались этими неудачами и, рѣшившись во что бы ни стало распространить свое ученіе среди русскаго общества, настойчиво шли къ своей цѣли. Они усердно распространяли свои изданія и рукописи! Особенно усердно раздавались слѣдующія брошюры: „Путь мира и спасенія, открытый въ наше время для всѣхъ христіанъ“, „О бракѣ агнца“, „Сходство послѣдняго времени христіанскаго домостроительства со днями Ноя и Лота“, „О таинствахъ церкви Христовой“, „La restauration et le perfectionnement de l'église aux derniers jours“, „Vêrités pour nos temps“, „La bonne nouvelle de l'amour de Dieu envers tous les hommes“ и т. п. Одинъ изъ проповѣдниковъ открылъ учебные классы при общинѣ. Желавшихъ обучаться, впрочемъ, нашлось всего четверо, да и тѣ вскорѣ перестали посѣщать классы. Тогда рѣшено было попытать счастья въ Москвѣ, и туда командировали все того же г. Дитмана. Онъ пробылъ въ Бѣлокаменной нѣсколько недѣль, сказалъ нѣсколько проповѣдей, но никакого успѣха не имѣлъ и долженъ былъ снова вернуться въ Петербургъ.

V.

Христосъ у дверей.

Вѣра въ близкое пришествіе Христа, въ то, что Онъ долженъ явиться не сегодня-завтра, составляетъ главное основное положеніе ученія, созданнаго новыми апостолами.

— Скоро, скоро придетъ Христосъ! ежеминутно твердятъ послѣдователи этого ученія.—День и часъ сокрыты, но время близко. „Онъ придетъ на облакахъ съ силою и славою великою“ (Лук. 21, 27). Онъ сойдетъ съ неба при гласѣ архангела и трубъ божьихъ. Итакъ, радуйтесь, что второе пришествіе Христа приближается! Выходите на встрѣчу жениху!

На мои разспросы относительно условія и обстоятельствъ, которыми будетъ сопровождаться второе пришествіе Христа, апостолы обыкновенно отвѣчали такъ:

— Апокалипсисъ, глава 20-я, учитъ насъ, что Господь придетъ, какъ ангелъ съ неба, чтобъ связать сатану и заключить его въ бездну на 1,000 лѣтъ. Въ теченіи этого времени Христосъ будетъ царствовать со своими, т. е. съ тѣми, которые остались вѣрны Ему, будетъ царствовать на землѣ и лишь по окончаніи тысячи лѣтъ настанетъ страшный судъ. Изъ этого вполнѣ ясно, что Господь придетъ за тысячу лѣтъ до страшнаго суда и въ тече-

ніи этого времени будетъ царствовать здѣсь на землѣ со своими, т. е. съ тѣми, которые примутъ участіе въ *первомъ* воскресеніи.

— Какъ въ *первомъ* воскресеніи? Развѣ будетъ не одно воскресеніе?

— О, разумѣется! Всѣ люди воскреснутъ, но не всѣ въ одно и то же время. Существуетъ особый порядокъ воскресенія, имѣющій три ступени. Сначала воскреснетъ Христосъ, потомъ, по пришествіи Его воскреснутъ тѣ, которые увѣровали въ Него, но отнюдь не всѣ люди. И уже послѣ того, наступитъ конецъ—всеобщее воскресеніе и страшный судъ!

— Все это вы говорите о мертвыхъ, а что же будетъ съ живыми?

— Какъ только раздастся гласъ архангела и звукъ трубы божіей — „мертвые во Христѣ“ воскреснутъ первые; затѣмъ, мы, оставшіеся въ живыхъ, вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ — на воздухъ, на встрѣчу Господу. И съ этихъ поръ мы вѣчно будемъ съ нимъ. Мы соберемся къ нему, когда Онъ будетъ еще за облаками, прежде чѣмъ міръ увидитъ Его. На землѣ въ это время окончательно воцарится антихристъ и наступитъ великая скорбь, а дѣти божіи будутъ у Господа въ полной безопасности и славѣ. Помните, что говорилъ Господь: „бодрствуйте и молитесь, да сподобитесь избѣжать всѣхъ будущихъ бѣдствій и предстать предъ Сына Человѣческаго“ (Лук. 21—36).

— Мнѣ кажется, что вы черезчуръ буквально понимаете слова Священнаго Писанія.

— А какъ же иначе? Конечно, буквально. Мы безусловно, слѣпо вѣримъ каждому слову, каждой буквѣ Св. Писанія. Намъ говорятъ: развѣ естественныя науки не доказываютъ, что написанное въ Св. писаніи невозможно? На это мы отвѣчаемъ: нѣтъ, естественныя науки ничего противнаго Богу и слову Его не доказываютъ. Эти науки разъясняютъ намъ законы, которымъ подчинены твари, но не кладутъ и не могутъ положить преградъ волѣ Самого Творца, который всемогущъ. Онъ создалъ природу, которую мы, люди, изучаемъ, но Онъ не сложилъ съ Себя всемогущества Своего. Онъ далъ законы природѣ, но Самъ *не подчинился этимъ законамъ.*

На необходимости понимать Священное Писаніе буквально настаиваютъ всѣ проповѣдники апостольскихъ общинъ въ разныхъ странахъ міра. Такъ, одинъ изъ нихъ, нѣкто Нохкамеръ, пишетъ: „Мнѣ говорятъ: неужели ты такъ глупъ, что вѣришь, будто ослица пророка Валаама въ самомъ дѣлѣ проговорила, или что солнце, по слову Іисуса Навина, дѣйствительно остановилось на небѣ? Неужели ты не знаешь, что это физически невозможно?“ На это я отвѣчаю: „Да, я вѣрую отъ всего сердца тому и другому. Я очень хорошо знаю, что самъ собою оселъ говорить не можетъ; но я вѣрую, что всемогущій Богъ не только можетъ заставить говорить

осла, но можетъ сдѣлать такъ, что даже камни возопіютъ. Я очень хорошо знаю, что солнце должно неизмѣнно слѣдовать законамъ Создателя своего и что земля движется, обращаясь вокругъ своей оси, какъ предписано ей Творцомъ, что всѣ другія планеты также движутся по указаннымъ имъ законамъ; я знаю, что все неминуемо превратилось бы въ хаосъ, еслибъ хотя малѣйшая частица этого чуднаго цѣлаго уклонилась съ пути своего. Все это я прекрасно знаю, но я знаю также и то, что Богъ всемогущъ, что Онъ живетъ и творитъ, что захочетъ, и что для Него нѣтъ ничего невозможнаго. Словомъ, какъ написано, такъ я и вѣрую, ибо писаніе нарушиться не можетъ“ (Іоан. 10, 35).

Вообще, въ дѣлѣ своей религіи апостолы не допускаютъ ни малѣйшихъ проявленій критики или скептицизма. Они требуютъ безусловной слѣпой вѣры.

— Возможно-ли, говорятъ они, каменный домъ построить изъ дерева? Разумѣется, нельзя. Точно также невозможно доказывать истину божію человѣческими идеями и умозаключеніями. Нельзя *доказывать* божественную истину; ее можно лишь получить отъ Бога, и когда она получена, то можно возвѣщать ее.

Проповѣдники ихъ стараются всегда дѣйствовать на чувство. Чтобъ поразить слушателей, они прибѣгаютъ къ разнаго рода ораторскимъ эфектамъ, въ

родѣ громкихъ воззваній, угрозъ, энергическихъ заклинаній и т. п.

— Братья! Заклинаемъ васъ, ради пролитой за васъ крови, вѣруйте свидѣтельству нашему! Мы возвращаемъ вамъ спасеніе и миръ! Богъ умилосердился надъ вами и снова даровалъ вамъ апостоловъ и пророковъ. Слушайте же ихъ! Съ ихъ помощью мы избѣжимъ великой страшной скорби, которая готова разразиться надъ нашими головами. Если же вы отвернетесь отъ нихъ, то гнѣвъ божій, какъ проказа, поразитъ васъ всѣхъ и т. д.

Нерѣдко проповѣдники, въ погонѣ за картинными, образными сравненіями, чтобъ расшевелить и поддержать вниманіе слушателей, прибѣгаютъ къ весьма страннымъ уподобленіямъ. Напримѣръ, одинъ изъ проповѣдниковъ такъ вопрошалъ своихъ слушателей:

— Можетъ ли Богъ ничего не дѣлать? Неужели въ наше, такое дѣятельное время, одинъ Онъ будетъ бездѣйствовать?

Или въ такомъ родѣ:

— Вы всѣ—собственность Господа! возвѣщаетъ проповѣдникъ слушателямъ. — Онъ купилъ всѣхъ насъ въ собственность себѣ. Онъ кровью заплатилъ за грѣхи наши. Вы — Его. Вы не можете убѣжать отъ Него и т. д.

Но о чемъ бы ни говорилъ проповѣдникъ, онъ кончитъ свою проповѣдь непремѣнно указаніемъ на близкое пришествіе Христа.

— Господь у дверей! Онъ придетъ неожиданно для всѣхъ. Сказываю вамъ: въ ту ночь будетъ двое на одной постели; одинъ возьмется, другой останется. Двое будетъ на полѣ: одинъ возьмется, другой останется. Двѣ будутъ молиться вмѣстѣ, одна возьмется, другая останется (Лук. 17, 34, 36).

— Что же должно произойти вслѣдъ за пришествіемъ Христа?

— Тогда снова будетъ возстановленъ Израиль: спасеніе распространится до концовъ земли, между людьми водворится вѣчный миръ и даже услышано будетъ стенаніе неразумной твари. Но прежде придетъ антихристъ и наступитъ великая скорбь. Эта скорбь будетъ такъ ужасна, что еслибъ не сократились дни ея, то [illegible]сталась бы никакая плоть (Матв. 24, 22). Теперь мы вступили въ эту годину скорби.

Ожидая ежеминутно пришествія Христа и готовясь къ этому, апостолы, казалось, должны бы отрицать все то, что мѣшаетъ сосредоточиться мыслью на этой надеждѣ. Однако, нельзя сказать, чтобъ они въ этомъ случаѣ отличались особенною послѣдовательностью: многіе изъ нихъ, ожидая ежеминутно Христа, продолжаютъ преспокойно служить, торговать, покупать и т. д. Но зато всякаго рода увеселенія, развлеченія и удовольствія довольно строго преслѣдуются въ средѣ послѣдователей пророковъ. Театры, концерты, балы и т. п.—все это строго воспрещается членамъ

апостольскихъ общинъ. Разумѣется, далеко не всѣ способны „вмѣстить въ себѣ такую чистоту“.

Въ числѣ членовъ петербургской апостольской общины находится, между прочими, нѣкая г-жа X., особа, нужно признаться, довольно легкомысленнаго свойства. Прошлою зимой она была подвергнута эпитеміи, въ видѣ временного отлученія отъ общины, за то, что, соблазнившись Сарой Бернаръ, побывала въ театрѣ. Во все продолженіе эпитеміи, надъ ней былъ учрежденъ особый надзоръ, который былъ порученъ „дьякониссѣ“, сначала женѣ генерала Э—ръ, а потомъ княгинѣ К.

Прекурьезныя сцены происходили подчасъ между благочестивою княгиней и легкомысленною послѣдовательницей апостольскаго ученія.

— Завтра маскарадъ въ купеческомъ клубѣ, вкрадчиво начинаетъ легкомысленная дама, поглядывая на свою дьяконису.

— Чтожъ изъ этого, дитя мое? съ совершеннымъ недоумѣніемъ спрашиваетъ благочестивая княгиня.— Намъ не слѣдуетъ думать о развлеченіяхъ грѣховнаго міра.

— Да, конечно... но... иногда... изрѣдка...

— Я не понимаю васъ... что вы хотите сказать? съ тревогой спрашиваетъ княгиня.

— Я вамъ признаюсь! О, я не скроюсь отъ васъ! Слушайте же: мнѣ страстно, страстно хочется поѣхать завтра въ маскарадъ!

Дьякониса въ ужасѣ.

— Какъ?! Ѣхать въ маскарадъ! Несчастная, что вы говорите? Опомнитесь! Накануѣ пришествія Христа одѣвать на себя какія-то бѣсовскія одѣянія и костюмы! Въ умѣ ли вы?

— О, повѣрьте—на мнѣ будетъ совершенно скромный, приличный костюмъ. Я одѣнусь „ночью“ или даже, если хотите, просто въ домино, темное домино и больше ничего—ни бантовъ, ни лентъ.

— Положимъ, пусть такъ—вы поѣдете безъ бантовъ, безъ лентъ; ну, а вдругъ придетъ Христосъ? Въ ту самую минуту, какъ вы разгуливаете по клубнымъ залamъ—явится Христосъ... Что вы тогда сдѣлаете? Какъ вы предстанете предъ Нимъ въ своемъ домино? Безъ бантовъ? а?.. Вы подумайте только объ этомъ. Что Онъ вамъ скажетъ, увидѣвши васъ въ такомъ одѣяніи?

„Дьякониссы“, наблюдающія за тою или другою изъ сестеръ, отлученныхъ отъ общины, обязываются, по возможности, чаще навѣщать ихъ квартиры и вообще слѣдить за ихъ образомъ жизни и поведеніемъ. По истеченіи срока эпитеміи, наложенной на ту или другую изъ сестеръ, дьякониса даетъ отчетъ общинѣ о результатѣ своихъ наблюденій; при этомъ рѣшается вопросъ: принять ли отлученную снова въ свою среду или же продолжить эпитемію.

Вотъ „картинка съ натуры“, рисующая отношеніе „отлученныхъ“ къ своимъ дьякониссамъ. Я сижу у

одной изъ „сестеръ“, подвергшейся отлученію отъ общины. Вечеръ; разговоръ вертится на гипнотизмѣ, на театрѣ, на послѣдней выставкѣ картинъ, на лекціяхъ Вагнера и т. п. Вдругъ изъ передней доносится тихій, едва слышный звонокъ.

Хозяйка, блѣдная, вскакиваетъ съ мѣста и съ испугомъ говоритъ:

— Боже мой! это навѣрно она!

— Кто *она?*

— Дьякониса!

— Ну, такъ чтожъ?

— Ахъ, не говорите! Развѣ вы не видите, что у меня за безпорядокъ! суетится хозяйка.

Я внимательно оглядываю гостиную, стараясь подмѣтить какіе нибудь слѣды „безпорядка“, и пожимаю плечами: мнѣ кажется, что эта гостиная съ чинно разставленною модною мягкою мебелью, затянутою въ красивый атласъ стальнаго цвѣта, скорѣе страдаетъ черезчуръ строгимъ, почти педантическимъ порядкомъ.

— Смотрите, смотрите — карты-то, карты! испуганно говоритъ хозяйка, подбѣгая къ столу, на которомъ лежалъ разложенный и забытый пасьянсъ. — Развѣ можно заниматься пасьянсомъ, когда каждую минуту... Христосъ...

И она, сбивши въ кучу карты, старается спрятать ихъ подъ цѣлою грудой альбомовъ. Въ сосѣдней комнатѣ слышатся чьи-то медленные шаги.

— Она! шепотомъ замѣчаетъ хозяйка и еще разъ оглядываетъ гостиную:—кажется, теперь все въ порядкѣ!

Ея взоръ скользнулъ въ уголъ, гдѣ на мраморномъ столикѣ покойно лежалъ только-что полученный изъ Парижа послѣдній романъ Зола.

— „Pot bouille!“ въ ужасѣ шепчетъ она.—Я совсѣмъ и забыла о немъ. Зола! Да вѣдь это самъ антихристъ!

И несчастный „Pot bouille“ летитъ подъ диванъ.

Изъ-за портьеры показывается высокая, нескладная фигура пожилой дамы, съ невѣрною, разбитою походкой, одѣтая въ темносѣрое платье съ траурными кружевами и съ чернымъ длиннымъ вуалемъ, спускавшимся съ головы на спину. Это платье напоминало скорѣе рясу монахини, чѣмъ костюмъ свѣтской дамы.

Хозяйка, съ видомъ институтки, ежеминутно ожидающей услышать внушеніе и выговоръ, почтительно и подобострастно привѣтствуетъ гостью, которая испытующимъ взоромъ долго смотритъ ей прямо въ глаза.

VI.

„Апостолы“ и политика.

Заручившись, благодаря сочувствію русскихъ нѣмцевъ, болѣе или менѣе солидными средствами, петербургская апостольская община, нѣсколько лѣтъ на-

задъ, обратилась въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о разрѣшеніи ей открыто совершать свои богослуженія и даже построить церковь.

При разсмотрѣніи этого ходатайства, между прочимъ, возникъ вопросъ о самомъ характерѣ „секты“. Сначала полагали отнести ее къ разряду протестантскихъ: но это оказалось невозможнымъ, такъ какъ она не беретъ свое начало изъ лютеранскаго ученія, такъ же какъ нельзя ее считать выродившеюся изъ православія. Въ числѣ ея членовъ находятся и лютеране, и православные, и католики, и реформаты. Проповѣди въ ней говорятся и на нѣмецкомъ языкѣ, и на русскомъ. Она почти ничего не имѣетъ общаго съ ученіемъ „шаковцевъ“, точно также ее нельзя сравнивать съ „баптистами“, перекрещенцами и иными нѣмецкими сектами. Не разрѣшая этихъ вопросовъ по существу, министерство внутреннихъ дѣлъ, признавая общину безвредною, разрѣшило ей временно отправлять богослуженія и читать проповѣди, пока ходатайство ея не будетъ разрѣшено окончательно.

Получивъ такой отвѣтъ, члены общины стали смѣлѣе и повели свою пропаганду болѣе открыто. Вскорѣ въ петербургскихъ нѣмецкихъ газетахъ появилось, въ отдѣлѣ объявленій, приглашеніе всѣхъ желающихъ пожаловать на нѣмецкую проповѣдь въ церковь общины по Сергіевской улицѣ. По этому объявленію, въ церковь общины собралось не мало нѣмцевъ, но тутъ произошло нѣчто неожиданное.

Евангелическо-лютеранская духовная консисторія, препроводивъ къ градоначальнику это объявленіе, протестовала противъ такого соблазна для своихъ „сыновъ“ и указывала, что разрѣшеніе на частное, семейное богослуженіе не давало права на открытое и публичное чтеніе проповѣдей. Результатомъ этого протеста было то, что къ назначенному часу явился частный приставъ и опечаталъ церковную залу общины. Хотя, спустя нѣкоторое время, богослуженіе было снова разрѣшено, но объявленій о немъ въ газетахъ болѣе уже не появлялось [1]).

Чтобъ дать понятіе о томъ, насколько невинно, въ политическомъ отношеніи, ученіе апостоловъ, приведу нѣсколько извлеченій изъ ихъ проповѣдей, въ которыхъ они касались вопроса о властяхъ, о современныхъ государственныхъ и соціальныхъ порядкахъ и т. п.

„Послушаніе тому, кому дана всякая власть на небѣ и на землѣ, есть необходимое условіе нашего спасенія. Божественный авторитетъ этотъ передается самимъ Богомъ и на избранныхъ имъ людей. Самъ Богъ возводитъ людей въ санъ, ради котораго мы, по волѣ божьей, должны слушаться этихъ людей. Священное Писаніе говоритъ, что „начальникъ—божій слуга“ (Рим. 13, 15). Мы должны помнить, что эти слова относятся ко *всякой власти*. Ради Бога, мы должны быть послушны всѣмъ государственнымъ,

[1]) „Новости“ 1881 г. № 164.

гражданскимъ властямъ; точно также мы должны быть послушны служителямъ церкви Божіей. Домъ, въ которомъ не почитаются родители, семейство, въ которомъ дѣти не слушаются отца — должны пасть. Точно также должно пасть государство, въ которомъ правительство не вмѣняется ни во что".

— А какъ быть тамъ, спрашивалъ я, гдѣ родители, начальство и духовенство сами виноваты въ томъ, что имъ не повинуются?

— Тамъ зло больше и труднѣе поправимо. Въ подобныхъ случаяхъ мы должны брать примѣръ съ Іисуса Христа. Онъ, въ теченіи всей своей жизни, не занимался ниспроверженіемъ порядковъ, установленныхъ людьми, несмотря на то, что порядки эти были весьма несовершенны. Напротивъ, Онъ былъ всегда покоренъ всякому человѣческому начальству. Поэтому, и мы должны быть послушны царю и всѣмъ правителямъ. Св. Петръ увѣщевалъ: „Бога бойтесь, царя чтите; слуги, со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ, нетолько добрымъ и кроткимъ, но и суровымъ. Богу угодно, если кто, помышляя о Господѣ, переноситъ скорби и обиды, страдая несправедливо, безъ всякой вины съ своей стороны; ибо, что за похвала, если вы терпите, когда васъ бьютъ за преступленіе? Мы должны безропотно сносить всякаго рода гоненія, должны терпѣть, терпѣть, страдая".

— Подчиненные, говорилъ одинъ изъ евангелистовъ послѣднихъ дней, отнюдь не должны судить и

критиковать своихъ господъ, но повиноваться имъ ради Господа и все дѣлать такъ же, какъ бы они дѣлали для Господа. Кто пришелъ ко Христу, тотъ долженъ сдѣлаться *камнемъ*, т. е. непоколебимо твердымъ въ вѣрѣ, неизмѣннымъ въ убѣжденіяхъ своихъ и, въ то же время, нечувствительнымъ ни къ какимъ лишеніямъ или оскорбленіямъ.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ проповѣдниковъ апостольскаго ученія, Эрнестъ Ростеймеръ, пишетъ: „Почитайте царя и всякую власть, потому что существующія власти отъ Бога установлены. Не думайте, что гражданская свобода состоитъ въ томъ, чтобъ безбоязненно судить и поносить лицъ, имѣющихъ власть, и презирать распоряженія ихъ. У нихъ есть высшіе начальники, которые одни имѣютъ право судить ихъ, а высочайшія лица (монархи и государи) стоятъ подъ судомъ одного лишь Бога, у котораго нѣтъ лицепріятія. Ужаснѣйшій судъ разразится надъ тѣми, которые получили отъ Бога власть и злоупотребили ею. Только не требуй никто изъ подчиненныхъ отъ начальниковъ своихъ совершенства, такъ какъ самъ несовершенъ во всѣхъ отношеніяхъ!“

Проповѣдники, касаясь французской революціи, всегда очень много распространяются и скорбятъ о томъ, что, во времена этихъ народныхъ движеній, „королевство и дворянство“ и вообще „все высокое и славное въ странѣ“ было или совсѣмъ уничтожено или же унижено и загнано. Эти проповѣдники не

скрываютъ своихъ антипатій, своей вражды къ демократическимъ принципамъ, которые „всюду пріобрѣтаютъ себѣ права гражданства, все болѣе и болѣе вытѣсняя идею о необходимости безусловнаго, слѣпого подчиненія власти монарха, установленной Самимъ Богомъ". Во время своихъ богослуженій, апостолы каждый разъ молятся за Государя, Государыню и за весь царствующій родъ. Къ этому они нерѣдко прибавляютъ особую молитву о ниспосланіи правительству побѣды надъ крамолою и соціализмомъ, въ которыхъ они видятъ духъ антихриста.

Не признавая за людьми права критическаго отношенія къ общественнымъ порядкамъ и лицамъ, заправляющимъ этими порядками, апостолы, въ то же время, въ своихъ проповѣдяхъ, нерѣдко сами, совершенно невольно, конечно, нарушаютъ эти правила, указывая на разныя аномаліи современной общественной жизни. Чтобъ рельефнѣе выяснить отношенія апостольскихъ общинъ къ современнымъ условіямъ общественной жизни, приведу почти цѣликомъ проповѣдь на эту тему одного изъ евангелистовъ:

„Все болѣе и болѣе разслабляются узы семейной и гражданской жизни. Во всѣхъ сословіяхъ и отношеніяхъ беретъ перевѣсъ своеволіе, гордость, неповиновеніе. Великіе міра сего и богатые безпрепятственно и безпощадно притѣсняютъ малыхъ и бѣдныхъ, давятъ ихъ. Простые люди преисполнены жалобами и ненавистью къ знатнымъ и сильнымъ: они ожидаютъ

своего спасенія не отъ Бога и не отъ Духа Святого, но отъ соединенія другъ съ другомъ, отъ кроваваго возстанія и революцій. Жажда быть богатымъ или хоть казаться таковымъ увлекаетъ всѣхъ людей. Добросовѣстность и вѣрность изгнаны изъ дѣловыхъ отношеній, какъ старомодная ограниченность. Никогда литература не была такъ поверхностна по своему научному и нравственному содержанію, какъ нынѣ; всѣ свои усилія она направляетъ лишь на то, чтобъ въ конецъ уничтожить вѣру. Городскія массы особенно заражены невѣріемъ; они отрицаютъ Бога и Христа, осмѣиваютъ святыхъ, ненавидятъ все, что только напоминаетъ церковь и богослуженіе. Роскошь и нищета проѣли человѣчество до мозга костей. Дерзкій, гнусный развратъ оскверняетъ сердца и разстроиваетъ семейства. День Господень нарушается безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Мало этого: людей принуждаютъ нарушить воскресный день, какъ, напримѣръ, на фабрикахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Существуютъ уже многочисленные классы людей, занятія которыхъ отрѣзываютъ ихъ отъ всякаго христіанскаго порядка жизни и богослуженія. Неутомимо и безостановочно мчится великая рабочая машина этого міра, затирая людей и отвлекая ихъ отъ Бога и Духа Святого. Безнравственность и испорченность проникаютъ даже до юношескаго возраста. Неслыханно блестящія увеселительныя заведенія и просторные смирительные дома возрастаютъ и напол-

ются въ одинаковомъ размѣрѣ. Въ то же время, храмы Божіи остаются пустыми и громадное большинство христіанъ не чувствуетъ болѣе никакой потребности въ молитвѣ. „Нѣтъ мира нечестивымъ!“ сказано въ Св. Писаніи. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ нѣдрахъ народовъ всюду бродитъ глухое чувство недовольства и раздраженія противъ всѣхъ существующихъ порядковъ. Съ другой стороны, никто не придаетъ ни малѣйшаго значенія постояннымъ увѣреніямъ кабинетовъ и дипломатовъ о мирѣ; каждый народъ спѣшитъ вооружиться, спѣшитъ приготовиться къ войнѣ и, кажется, съ радостью ждетъ, когда наступитъ желанный день этой общей бойни. И въ то же самое время, клика безбожниковъ старается увѣрить всѣхъ, что, несмотря на все это, рано или поздно, на землѣ непремѣнно водворится всеобщее царство мира, съ полною свободой и счастіемъ для всѣхъ и каждаго, *только безъ Бога* и безъ храма!“

Рисуя мрачныя картины общественнаго разложенія, апостолы и ихъ послѣдователи совсѣмъ не задумываются надъ причинами, вызывающими тѣ или другія печальныя явленія. Все зло они приписываютъ, съ одной стороны, „невѣрію“, съ другой — „современному образованію“ и „высокомѣрію“ людей. Современное образованіе вызываетъ постыдное обоготвореніе природы; оно же создало ученіе о происхожденіи рода человѣческаго отъ обезьяны; нако-

нецъ, оно же отвергаетъ въ человѣкѣ существованіе всякаго духа, за исключеніемъ развѣ шаловливыхъ духовъ спиритизма. Высокомѣріе заставляетъ людей преслѣдовать цѣль, на которую нѣкогда указалъ змѣй праотцу Адаму: „и вы будете яко боги!“

Но несмотря на эту поразительную узкость и безсиліе мысли, несмотря на полное неумѣнье разобраться въ сложныхъ и подавляющихъ явленіяхъ печальной современной дѣйствительности, апостолы совершенно инстинктивно, разумѣется, чувствуютъ и сознаютъ весь трагизмъ переживаемой нами эпохи. Въ доказательство, приведу съ буквальною точностью заключительныя слова одной изъ проповѣдей:

„При видѣ всего того, это творится теперь вокругъ насъ, невольно хочется воскликнуть вмѣстѣ съ пророкомъ Іереміей: „изумительное и ужасное дѣло совершается на землѣ!

„Поистинѣ— ночь грѣха и тьмы повисла надъ міромъ!

„Всѣ чувствуютъ, что почва подъ ногами народовъ колеблется; всѣ сознаютъ, что мы на краю пропасти, въ которую должны низвергнуться. Въ минуты страха всякій спрашиваетъ: что-то будетъ изъ этого, наконецъ? Такъ продолжаться долго не можетъ!..“

ГЕНЕРАЛЪ ПАШКОВЪ И ЕГО ПРОПОВѢДИ.

Это было въ прошлое воскресенье, вечеромъ, часу въ восьмомъ.

Я подъѣхалъ къ квартирѣ своего знакомаго, живущаго на Гагаринской набережной. Но знакомаго не оказалось дома, и такъ какъ извощикъ уже былъ отпущенъ, то я и направился пѣшкомъ, намѣреваясь выйдти на Литейную.

У ярко освѣщеннаго подъѣзда какого-то богатаго дома дремлетъ дворникъ. Къ нему точно подкрадывается человѣческая фигура, одѣтая въ какую-то неопредѣленную хламиду, сооруженную, по всѣмъ признакамъ, изъ старой солдатской шинели, — одна изъ тѣхъ фигуръ, которыя обыкновенно называются „темными личностями“.

— Чей это домъ будетъ? спрашиваетъ темная фигура у дворника.

— Енерала Пашкова... А тебѣ чего нужно?

— Его самого и нужно... Чтенія, говорятъ, тутъ... Будутъ, что ли?...

— Будутъ безпремѣнно.

— Можно, значитъ?...

— Иди, иди... не сумлевайся.

Откуда-то вдругъ вынырнула старушка, принадлежащая, по всѣмъ видимостямъ, къ типу, извѣстному подъ именемъ салопницъ.

— Что, голубчикъ, чтенія сегодня будутъ?

— Будутъ, будутъ, говоритъ дворникъ.

Темная фигура и салопница входятъ въ освѣщенный подъѣздъ. Рослый, откормленный и выхоленный швейцаръ широко открываетъ имъ дверь.

— Что это за чтенія? спрашиваю дворника.

— Обыкновенныя... чтенія.

— О чемъ же читаютъ?

— Да-а... о божественномъ.

— Кто же читаетъ?

— Енералъ Пашковъ... сами читаютъ... Да вы зайдите, такъ увидите какія чтенія...

Это интересно. Вхожу въ домъ. Прекрасное антре; обстановка барская, на широкую ногу. Яркое освѣщеніе, многочисленная ливрейная прислуга. По широкой лѣстницѣ тянутся дорогія, красивыя дорожки; роскошныя громадныя вазы, тяжелыя драпировки на дверяхъ и окнахъ.

По лѣстницѣ поднимается темная фигура въ хламидѣ, оставляя слѣды мокрыми валенными сапогами: лакей въ чулкахъ и позументахъ указываетъ ему до-

рогу. Другой почтительно стаскиваетъ салопъ со старушки, только что вошедшей въ домъ.

Справляюсь о чтеніяхъ.

— Какъ же-съ, будутъ... Пожалуйте-съ.

Направо отъ входа широкая, вся залитая свѣтомъ лѣстница ведетъ въ бель-этажъ; мы повертываемъ влѣво и чрезъ два-три маленькихъ корридорчика входимъ въ комнату, посрединѣ которой устроена гимнастика, а всю переднюю стѣну занимаетъ огромная картина. На ней изображена южная растительность, какія-то обнаженныя дѣвы, какія-то животныя... Не то рай, не то — Богъ знаетъ что, не разберешь.

— Что изображаетъ эта картина?

— Не могу-съ доложить, говоритъ мой чичероне, повидимому барскій камердинеръ, во фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бакенбардахъ; извѣстно только, что изъ Рима-съ... въ Римѣ куплена-съ...

Изъ этой комнаты мы входимъ въ залъ, весь уставленный рядами стульевъ съ проходомъ посрединѣ, точно въ театрѣ. Огромныя окна залы плотно закрыты темно-красною драпировкою; направо и налѣво двери, тщательно прикрытыя; въ простѣнкахъ зеркала, на стѣнахъ картины въ золотыхъ рамкахъ — красивые ландшафты и два-три какихъ-то, можетъ быть, фамильныхъ портрета. Въ углу, около двери справа, головка хорошенькой молоденькой дѣвушки съ открытыми плечиками и ручками. Тутъ же на особой высокой подставкѣ,—что то въ родѣ пюпитра.—

стоитъ лампа съ синимъ абажуромъ; рядомъ съ пюпитромъ—стулъ.

— Вотъ съ этого стула они будутъ говорить проповѣдь, слышится шепотъ.

— А что же здѣсь иконъ-то нѣтъ... ни единой? наклонившись на ухо спрашиваетъ какая-то чиновница свою сосѣдку.

Съ любопытствомъ оглядывалъ я публику, что размѣстилась на стульяхъ, креслахъ и диванахъ, стоящихъ вдоль стѣнъ. И было что посмотрѣть. Такого разнообразія едва ли гдѣ можно встрѣтить. Тутъ и мастеровые, и лакеи, и кухарки, и чиновницы, и офицеры, и денщики, и гимназисты и юнкера; тутъ же и важныя барыни, и студентки, и чиновники, и чернорабочіе, и купцы... Вотъ какой-то шикарный мундиръ съ эксельбантами, а рядомъ почталіонъ съ бляхою, еще дальше—грязные, лоснящіеся полушубки рабочаго люда, чуйки и поддевки...

Публика постоянно прибываетъ. Вотъ входитъ цѣлая вереница молодыхъ дѣвушекъ въ одинаковыхъ сѣрыхъ платьяхъ, черныхъ платочкахъ и бѣлыхъ фартукахъ—это изъ какого-то пріюта. Ихъ сопровождаетъ дама, одѣтая вся въ черномъ—должно быть пріютская надзирательница. Размѣстивъ своихъ воспитанницъ, дама опускается на колѣни и, склонивъ голову на руки, шепчетъ какую-то молитву.

Занявъ мѣсто на диванѣ, вблизи отъ пюпитра, я очутился въ сосѣдствѣ съ офицеромъ, который что-

то оживленно нашептывалъ сидящему рядомъ съ нимъ штатскому, человѣку среднихъ лѣтъ съ серьезнымъ, интеллигентнымъ лицомъ. Тутъ же сидѣли два нѣмца, которыхъ по ихъ широкимъ и грубымъ рукамъ можно было принять за мастеровыхъ; они молча перелистывали свои евангелія.

Вскорѣ всѣ мѣста въ залѣ были заняты. Тогда отворились двери съ правой и съ лѣвой стороны залы. Тамъ оказались комнаты, точно также установленныя рядами стульевъ и креселъ. Въ комнату справа ведетъ особый ходъ; въ этой комнатѣ публика состояла преимущественно изъ дамъ; между ними виднѣлось нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ. По временамъ оттуда слышался сдержанный разговоръ на французскомъ языкѣ. Вскорѣ и эти комнаты наполнились публикою.

Мои сосѣди оказались людьми весьма сообщительными. Не прошло и пяти минутъ, какъ мы вели уже общую бесѣду.

— Скажите пожалуйста, кто это такой генералъ Пашковъ? спрашивалъ я.

— Прежде всего онъ не генералъ, а отставной полковникъ гвардіи... Это очень богатый человѣкъ и большой филантропъ. Онъ ежегодно расходуетъ огромныя деньги на разныя благотворительныя предпріятія... По дѣламъ нѣкоторыхъ бѣдняковъ мнѣ приходилось самому обращаться къ нему и онъ всегда помогалъ и никогда не отказывалъ въ помощи...

— Но цѣль этихъ чтеній или проповѣдей?

— О, это прекрасная, если хотите, высокая цѣль... Г. Пашковъ и его друзья задались цѣлью разъяснять истинный, настоящій смыслъ Священнаго Писанія и преимущественно Евангелія... Вы понимаете?.. Ихъ толкованія, разумѣется, совершенно свободны отъ всѣхъ тѣхъ суевѣрій, которыя такъ обычны въ средѣ, напримѣръ, нашихъ сельскихъ поповъ... Чтенія эти устраиваются г. Пашковымъ каждое воскресенье, и какъ видите—за публикою дѣло не станетъ. Хотя я самъ въ первый разъ на этихъ чтеніяхъ, но очень много слышалъ о нихъ... Кромѣ этихъ чтеній есть еще особыя собранія, на которыя допускается только избранная публика и притомъ не иначе какъ по билетамъ... Но вотъ онъ самъ, прервалъ разскащикъ, указывая головою на господина, показавшагося въ эту минуту въ комнатѣ справа.

Всѣ поднялись съ мѣстъ.

Господинъ, вошедшій въ залъ и остановившійся у двери около пюпитра, былъ болѣе чѣмъ средняго роста, хорошо сложенъ, съ длинными почти сѣдыми бакенбардами, съ коротко подстриженными волосами, причесанными по военному, на косой проборъ, со здоровымъ цвѣтомъ лица и подвижными, немного влажными сѣрыми глазами. Одѣтъ очень скромно... Въ рукахъ онъ держитъ маленькое Евангеліе... Такія же точно Евангелія были у многихъ изъ присутствующихъ.

Склонивши голову на Евангеліе, онъ произноситъ: „Господь Богъ да благословитъ наше чтеніе“ и опускается на стулъ. Всѣ садятся.

— „Евангеліе апостола Іоанна“,— начинаетъ онъ— „глава—тринадцатая“...

Всѣ развернули евангеліе, а онъ началъ читать—съ чувствомъ, отчетливо, внятно... За чтеніемъ слѣдовало объясненіе прочитаннаго; собственно говоря объяснялъ онъ немного. Вся его рѣчь или вѣрнѣе проповѣдь состояла главнымъ образомъ въ развитіи той мысли, что для спасенія души необходимо исполненіе всѣхъ заповѣдей, всего закона Божія, что тотъ, кто не исполнилъ хотя одну заповѣдь— проклятъ. Это проклятіе можетъ быть снято только вѣрою и покаяніемъ. Вѣра важнѣе всего; мало быть добродѣтельнымъ, безупречной нравственности человѣкомъ, необходимо быть вѣрующимъ. Невѣрующихъ и преступающихъ законъ ждутъ мученія ада. Хотя теперь многіе и отрицаютъ это, но сомнѣваться въ этомъ невозможно, такъ какъ объ этомъ прямо сказано въ книгахъ, написанныхъ по вдохновенію Бога. Такъ какъ мы всѣ и постоянно прегрѣшаемъ, то поэтому намъ необходимо покаяться, „нужно стучаться въ сердце Господне и Онъ раскроетъ намъ его“.

Вообще нужно сказать, что проповѣдь отличалась черезчуръ отвлеченнымъ, мѣстами даже туманнымъ характеромъ. Но произносилась она съ жаромъ, съ одушевленіемъ, нерѣдко переходившимъ въ пафосъ

Это въ значительной степени способствовало впечатлѣнію... Глубокое, сосредоточенное вниманіе выражалось на лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ. По временамъ изъ заднихъ рядовъ, со стороны овчинныхъ полушубковъ вырывались восклицанія: „Правда!“ „Истинно“ и проч.

Онъ кончилъ и поднялся со стула. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встали со своихъ мѣстъ.

— Чтеніе кончено, кто желаетъ можетъ остаться помолиться Богу,—произнесъ онъ и вышелъ въ сосѣдній залъ направо.

Никто не тронулся съ мѣста; всѣ ждали. Минутъ десять спустя г. Пашковъ снова возвращается въ залъ и, сказавъ: „помолимся Господу Богу“—опускается на колѣни.

Всѣ молча слѣдуютъ его примѣру.

— „Поблагодаримъ Господа Бога,—прочувствованнымъ голосомъ начинаетъ г. Пашковъ,—за его священное слово, которое мы сейчасъ слышали... Пусть это слово Онъ вложитъ въ наши сердца... Пусть это слово западетъ глубоко въ нашу душу и да поможетъ оно намъ избѣжать грѣха, соблазна, злыхъ дѣлъ, неправды“...

Склонивъ головы на руки, всѣ стоятъ на колѣняхъ, слушая молитву... Слышатся тяжелые, удрученные вздохи, тѣ вздохи, что выдавливаются изъ груди тяжкимъ горемъ и нуждою: по временамъ слышатся женскія всхлипыванія.

— Аминь!—вставая заканчиваетъ г. Пашковъ.

— Аминь,—повторяетъ публика, вставая слѣдомъ за нимъ.

Начали было расходиться. Но въ сосѣдней комнатѣ снова столпились и, обступивши кругомъ г. Пашкова, просятъ его разъясненій. Какой-то старикъ рабочій въ овчинномъ полушубкѣ говоритъ: „стало быть, по-вашему, мы таперича всѣ погибши, потому у кажинаго какой ли грѣхъ на душѣ да есть... Стало быть выходитъ, што всѣ прокляты?“.

Г. Пашковъ старается разъяснить высказанную имъ мысль и разъяснить это недоразумѣніе... Вотъ чрезъ толпу протискивается какая-то синяя чуйка и спрашиваетъ: „Что значитъ стучаться въ сердце Божіе, то есть, примѣрно, какимъ манеромъ? И захочетъ ли Богъ отворить свое сердце намъ грѣшникамъ“? и т. д.

Снова слѣдуютъ объясненія и снова возникаютъ новые вопросы, новыя недоразумѣнія и диспуты. Къ этому въ значительной степени подавали поводъ самыя объясненія г. Пашкова: они страдали тою же отвлеченностью, какою отличалась и его проповѣдь. Намъ показалось даже, что онъ намѣренно избѣгаетъ ясныхъ, категорично-выраженныхъ положеній и отвѣтовъ: это тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что сомнѣнія и вопросы, которые предъявлялись ему—обыкновенно формулировались вполнѣ опредѣленно и ставились, что называется, ребромъ... Мы видѣли, какъ

нѣкоторые, проспоривъ долгое время, уходили съ тѣмъ же вопрошающимъ недоумѣніемъ на лицѣ и очевидно съ тѣми же самыми сомнѣніями, которыя быть можетъ привели ихъ сюда.

Во время объясненій г. Пашковъ раздавалъ въ большомъ количествѣ Евангелія и разныя брошюрки религіознаго содержанія всѣмъ, кто только заявлялъ желаніе имѣть ихъ. Тутъ же я узналъ, что подобныя собранія происходятъ ежедневно, въ различныхъ частяхъ города. На всѣхъ этихъ собраніяхъ чтецомъ и проповѣдникомъ является г. Пашковъ. По понедѣльникамъ чтенія происходятъ на Петербургской сторонѣ, въ квартирѣ какого-то офицера, по субботамъ—на Конногвардейской улицѣ, около Смольнаго монастыря, домъ № 2, квартира переплетчика.

Затѣмъ намъ передавали, что подобныя же чтенія происходятъ у княгини Волконской на Фурштадтской улицѣ.

Мы вышли. Въ передней, въ ожиданіи своихъ господъ полукругомъ стояли ливрейные лакеи въ шляпахъ, съ скунсовыми воротниками, пристегнутыми къ ливреямъ, и держали на рукахъ шубы и шубки. У подъѣзда стоялъ цѣлый рядъ каретъ.

— Признаюсь—сказалъ мой бывшій сосѣдъ офицеръ, выходя вмѣстѣ со мною изъ дому—я ожидалъ большаго отъ этого чтенія. Ясно, что проповѣдь его осталась непонятою большинствомъ той публики, которая была на лицо. Да въ сущности вѣдь это та

же самая сухая риторика, которая такъ опротивѣла всѣмъ намъ... Ничего свѣжаго, живого; ничего даже оригинальнаго или талантливаго... Такую проповѣдь можно и отъ любого попа услышать... Словомъ—я совершенно разочарованъ... Просто-на-просто это какая-то барская затѣя, отъ скуки разумѣется... Великосвѣтская игра въ проповѣдники... Вѣроятно слава лорда Редстока вскружила имъ головы и вотъ они копируютъ его въ своихъ салонахъ...

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ молча.

— Такъ вы полагаете — отъ скуки? вдругъ заговорилъ другой, бывшій мой сосѣдъ штатскій. — Но неужели вы думаете, что человѣкъ на мѣстѣ Пашкова не могъ бы найдти чего нибудь веселѣе, чѣмъ толковать съ мужиками о Евангеліи? Вы говорите: пустая барская забава, но вѣдь эта забава продолжается не недѣлю, не мѣсяцъ, а, говорятъ, уже долгіе годы, эта забава отнимаетъ у него не часъ и не два въ день... Нѣтъ, очевидно тутъ что-то другое... Конечно проповѣдь вышла черезчуръ шаблонна, она и мнѣ не понравилась, но... мнѣ кажется, что мысль устроить такія чтенія, такія бесѣды и диспуты— весьма удачная мысль и заслуживаетъ сочувствія... Вы видѣли, сколько народу набирается на эти чтенія и толкованія, какъ они всѣ внимательно, вдумчиво, серьезно относятся ко всему, что читается и говорится вокругъ. Значитъ существуетъ потребность... Да и можно ли въ этомъ сомнѣваться? Стоитъ

заглянуть въ провинцію, въ уѣздное захолустье, въ село, въ деревню... Народъ нашъ явно томится, явно жаждетъ духовныхъ, нравственныхъ, человѣческихъ впечатлѣній, которыхъ онъ совсѣмъ лишенъ и которыхъ ему не могутъ или не хотятъ дать ни попы, ни школы, ни миссіонеры, ни учителя... Вѣдь если мы съ вами эмансипировались отъ разнаго рода религіозныхъ сомнѣній и легко и свободно обходимся безъ того или другого религіознаго культа, то народъ... повѣрьте, народъ еще долгое, долгое время будетъ мучиться въ поискахъ „правой вѣры“, въ исканіяхъ истины въ религіи... Его мысль и чувство бродятъ и не находятъ выхода; онъ явно не удовлетворяется тѣмъ, что ему даютъ его пастыри, его духовные опекуны; въ немъ все сильнѣе и рѣзче обозначается разрывъ съ ними, и вотъ, отставши отъ одного берега и не имѣя возможности пристать къ другому, онъ колотится, какъ рыба объ ледъ, кидается то въ изувѣрство, то въ самый крайній раціонализмъ... Онъ создаетъ дикія, нелѣпыя, страшныя секты, идетъ къ скопцамъ, бѣжитъ въ лѣса вслѣдъ за „странниками“, уходитъ въ мрачную „нѣтовщину“, отрицающую правду, истину, самую жизнь... О, надъ этимъ пора задуматься серьезнѣе и глубже!.. Пора хоть что нибудь сдѣлать для народа!.. Нужно наконецъ начать такъ или иначе...

С.-Петербургъ.
10-го января 1880 года.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

Въ народѣ.

Современныя движенія въ сектантствѣ.

гл.		стр.
I.	Расколъ и „наболѣвшіе“ вопросы	3
II.	Критическая мысль въ расколѣ	19

Алчущіе и жаждущіе правды.

(Очерки современнаго сектантства).

(Посвящается графу Льву Николаевичу Толстому).

I.	Газетныя извѣстія	35
II.	На пути къ сектантамъ	39
III.	О чемъ говорятъ въ деревнѣ	58
IV.	У батюшки	70
V.	Первыя знакомства	86
VI.	Сютаевское евангеліе	100
VII.	Проповѣдники любви, мира и братства.	127
VIII.	Шевелино	141
XI.	Въ семьѣ Сютаева.	145
X.	Теорія о добрыхъ и злыхъ властяхъ	159

гл. стр.
XI. Исканіе „правильной вѣры“ 169
XII. „Пропаганта“ 187

Апостолъ Зосима.

(Изъ того, что я видѣлъ и слышалъ).

I. Разсказъ слѣдователя. 201
II. „Законъ Христовъ“. 209
III. Что его ждетъ?. 219

Еретики.

(Изъ лѣтнихъ экскурсій).

I. Въ монастырѣ 230
II. Соловецкая тюрьма 243
III. Человѣкъ не отъ міра сего 254

Еще о соловецкихъ узникахъ.

(Къ вопросу о монастырскихъ заточеніяхъ).

I. 273
II. 286

Шлиссельбургская крѣпость.

(Посвящ. памяти брата Алексѣя).

Изъ лѣтнихъ экскурсій 297

ЧАСТЬ II.

Въ привиллегированной средѣ.

Привиллегированное сектантство.

Религіозные кружки въ Петербургѣ. 331
I. Сѣрые и бѣлые голуби 332
II. Союзъ братства. 343

Апостольскія общины.

гл.		стр.
I.	На проповѣди	354
II.	Богослуженіе и пророчества	368
III.	„Апостолы послѣднихъ дней“.	374
IV.	„Апостолы“ и русское общество.	387
V.	Христосъ у дверей	399
VI.	„Апостолы“ и политика.	408
	Генералъ Пашковъ и его проповѣди	417